

Сибирский филиал Российского научно-исследовательского
института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева
Институт истории Сибирского отделения РАН
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

**ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ
(1917–1922)**

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ
И ПРОБЛЕМЫ МЕМОРИАЛИЗАЦИИ
«КРАСНОГО» И «БЕЛОГО» ДВИЖЕНИЯ

Омск
2016

УДК 930.85
ББК 63.3(2)612
Г75

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук Д.А. Алисов (гл. ред.),
канд. филос. наук Ю.А. Закунов (гл. ред.)
канд. ист. наук О.В. Гефнер (отв. ред.),
канд. ист. наук И.А. Селезнева (отв. ред.),
К.Ю. Гизиева (секретарь)

Г75 **Гражданская война в России (1917–1922): историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 16–17 июня 2016 г.) / гл. ред. Д.А. Алисов, Ю.А. Закунов; отв. ред. О.В. Гефнер, И.А. Селезнева. – Москва: Институт Наследия, 2016. – 364 с. ISBN 978-5-86443-205-1**

В сборнике представлены материалы Всероссийской научно-практической конференции «Гражданская война в России (1917–1922 гг.): историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения», прошедшей в 16–17 июня 2016 года в г. Омске, организованной Российским научно-исследовательским институтом культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (Москва).

В статьях отражено обсуждение широкого круга проблем, связанных с мемориализацией Гражданской войны, её рефлексией в общественном сознании и современных социокультурных практиках, изучением закономерностей формирования исторической памяти народа, столь значимой для национально-культурной идентичности. В большинстве статей вопросы рассматриваются на примере г. Омска как столицы «белой» России, судеб вождей и героев, участников «белого» и «красного» движения, исторических памятников, достопримечательных мест, нематериального культурного наследия, воинских захоронений и мемориалов, связанных с Гражданской войной.

Издание адресовано специалистам в сфере государственной культурной политики, историкам, культурологам, обществоведам, работникам музеев, архивов, библиотек, педагогам, всем кого волнуют вопросы сохранения историко-культурного наследия и исторической памяти.

УДК 930.85
ББК 63.3(2)612

ISBN 978-5-86443-205-1

© Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, 2016

Содержание

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И КОММЕРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ

<i>Шепелева В.Б.</i> Гражданская война как второе издание политического этапа Октябрьской революции	13
<i>Алисов Д.А.</i> Проблемы мемориализации Гражданской войны в России. Теория и практика	21
<i>Красильникова Е.И.</i> Память сибиряков о Гражданской войне: коммеморации 1920-х – 1930-х гг.	29
<i>Поршнева О.С., Фельдман М.А.</i> Уральская историография Гражданской войны между прошлым и будущим: некоторые итоги постсоветского периода	35
<i>Прищеп А.И.</i> О необходимости корректировать историческую память о Гражданской войне в России (1917–1920 гг.)	42
<i>Шишкин В.И.</i> Социальная мобильность в России во время революций 1917 г. и Гражданской войны	47
<i>Михайлов Д.А., Саляева В.А.</i> «Кто-то должен сказать правду об этом человеке»: риторические стратегии полемики вокруг переименования станции «Войковская» в Москве	54
<i>Кургузов В.Л.</i> Гражданская война в России 1917–1922 гг. (К проблеме памяти и забвения)	60
<i>Тихонов С.С.</i> EST QUOD POSSIT FACERE? (Разве можно так делать?)	65

<i>Вагнер К.В.</i>	
Была ли альтернатива Гражданской войне в России?	69
<i>Балабушевич В.Ю., Кокоулин В.Г.</i>	
Формирование представлений о Гражданской войне у курсантов военного ВУЗа	74

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

<i>Шиловский М.В.</i>	
Сквер героев или жертв революции в Новосибирске?	78
<i>Клюева И.В.</i>	
Как рождался «Освобожденный человек» С.Д. Эрзи (Забывтое свидетельство о создании революционного монумента в Екатеринбурге)	84
<i>Елтышева Л.Ю.</i>	
Кунгур 1918–1919 г. «Красная» и «белая» страница истории ...	89
<i>Жидченко А.В.</i>	
Памятники истории Гражданской войны в пространстве новых городов в СССР в 1950–1960-е гг. (На примере городов Салавата и Волжского)	94
<i>Хилько Н.Ф.</i>	
Судьба памятника-obeliska расстрелянным в Старозагородной роще и историческая память народа ...	99

МЕМОРИЛИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: ФОРМЫ, СПОСОБЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ

<i>Акелькина Е.А.</i>	
Революция и Гражданская война в «Стоглаве» Л.Н. Мартынова	104
<i>Волошина В.Ю.</i>	
Тема революции на страницах журнала «Современные записки»	111
<i>Ляпина А.В.</i>	
Герои революции и Гражданской войны на страницах пионерского журнала «Костер» за 1941–1945 гг.	121

<i>Саврушева М.И.</i>	
Книги времен Гражданской войны в экспозиции Музея Книги и фонде редких книг Омской государственной областной научной библиотеки имени А.С. Пушкина	127
<i>Каюмова М.Р.</i>	
Репрезентация Гражданской войны в экспозициях Карельского государственного краеведческого музея в 1950–1980-е гг.	133
<i>Золотова Т.Н.</i>	
Мемориализация событий Гражданской войны в Вагайском районе Тюменской области	139
<i>Бондарь В.В.</i>	
Место гибели генерала Корнилова. опыт атрибуции и установления предмета охраны объекта культурного наследия	145
<i>Демьянов К.В.</i>	
Мемориализация имен героев и событий Гражданской войны в топонимии Омска	151
<i>Беляева Н.Ж.</i>	
Образ героини Гражданской войны Домны Каликовой коми изобразительном искусстве	156
<i>Девятьярова И.Г.</i>	
Искусствовед Николай Тарабукин: неизвестные публикации. По материалам белогвардейских газет 1919 г.	162
<i>Малясова Г.В.</i>	
Гражданская война и становление региональных художественных школ в России. 1918–1921 гг.	166

**ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА:
БЕЛЫЕ И КРАСНЫЕ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДА**

<i>Аубакирова А.Ж.</i>	
Восточный Казахстан как арена «красного» и «белого» движения (На основе архивных материалов по Зайсанскому району) ..	174
<i>Ищенко О.В.</i>	
Участие сибирских студентов в Гражданской войне: разработка вопроса в документах советского периода	178

<hr/>	
<i>Подолько В.В.</i>	
Участие казаков станицы Котуркульской в Гражданской войне. Люди и судьбы	183
<i>Васильев М.В.</i>	
Атаман С.Н. Булак-Балахович в исторической памяти народа	188
<i>Шулдяков В.А.</i>	
Дмитрий Яковлевич Шишкин: офицер, поэт, эмигрант	194
<i>Бахарева О.Я., Садовников С.Д.</i>	
На восток – по следам Тургайского губернатора	199
<i>Наумов Е.О.</i>	
Особенности поведения солдат 1-й армии Восточного фронта в захваченных городах во второй половине 1918 г.	205
<i>Бычков С.П., Гефнер О.В.</i>	
Образы белогвардейцев в отечественном художественном кинематографе	210
<i>Мищенко О.А.</i>	
Красногвардеец Калистрат Михайлович Лагодич. Год 1918-й	217
<i>Бадиков Р.А.</i>	
Штрихи к научной биографии Генриха Христофоровича Эйхе	222
<i>Щербин Н.М.</i>	
Создание политических органов и их взаимоотношение с местными партийными комитетами в годы Гражданской войны	228
<i>Левинтов А.Е.</i>	
Роль американских ВМФ в победе большевиков в годы Гражданской войны	233
<i>Волков Е.В., Назыров П.Ф.</i>	
Образы чехословацких легионеров в российской культурной памяти	237
<i>Гайкин В.А.</i>	
Гражданская война на Дальнем Востоке России 1918–1922 гг. и корейские инсургенты в Маньчжурии	243
<i>Харчук А.А.</i>	
Роль иностранного фактора в Гражданской войне в России	249

<i>Озерова О.А.</i>	
Гражданская война в Сибири 1918–1922 г. в судьбе поляков	254
<i>Кобзов В.С.</i>	
Подполье, которого не было	259
<i>Шекшеев А.П.</i>	
Обреченные. О судьбе участников Гражданской войны на Енисее	264
<i>Голодяев К.А.</i>	
Герои и жертвы	270
<i>Дворецкая А.П.</i>	
Православие в годы Гражданской войны. Между властью и народом (На примере Енисейского региона)	275
<i>Конкин А.А.</i>	
Этические и религиозные мотивы в белогвардейской пропаганде (На материалах северо-запада РСФСР)	280
<i>Кузнецова Н. Ю.</i>	
Взгляд народника А.С. Пругавина на революцию 1917 г. Практика приспособления к новым условиям	285
<i>Разиньков М.Е.</i>	
«...Они прекрасно понимали друг друга»: любовь на Гражданской войне	289
<i>Соколов А.С.</i>	
Ментальные параметры социальной справедливости и свободы в годы Гражданской войны (По материалам Рязанской губернии)	294
<i>Шереметьева Д.Л.</i>	
Причины абсентеизма на городских выборах в Сибири летом 1918 – осенью 1919 г. в оценках современников	299
ОМСК – СТОЛИЦА БЕЛОЙ СИБИРИ: ПАМЯТЬ, ОБРАЗЫ, ПАМЯТНИКИ	
<i>Рыженко В.Г.</i>	
Образы «Белой столицы»: мифы и реалии	304

<i>Наумов С.С.</i>	
Гражданская война в памятниках и памятных знаках. Мемориализация коллективных представлений о прошлом в пространстве Омска	309
<i>Еремеева А.Н.</i>	
«...Но неожиданно стал он столицей»: культурные трансформации в центрах «белого» движения	317
<i>Сизов С.Г.</i>	
Досуг жителей Омска – «белой столицы» России (июнь 1918 – ноябрь 1919 г.)	322
<i>Слабодцкий В.В.</i>	
Профессорско-преподавательский состав Омского сельскохозяйственного института в период Гражданской войны	327
<i>Горелова Ю.Р.</i>	
Образ Омска в годы Гражданской войны	334
<i>Петин Д. И., Стельмак М.М.</i>	
Сибирь, союзники и Колчак. Восприятие военно-революционного периода 1917–1922 гг. современным обществом (В рамках работы Центра изучения истории Гражданской войны)	340
<i>Чуйко Л.В.</i>	
Послереволюционные новации в бытовой культуре Омска. Советские мотивы в западносибирской домой резьбе. 1920–1950-е гг.	346
<i>Томилов Н.А.</i>	
Историко-культурное наследие и историческая память. Общественные инициативы омичей	353
Сведения об авторах	358

Предисловие

По инициативе Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (Москва) 16–17 июня 2016 года в Омске состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Гражданская война в России (1917–1922 гг.): историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения».

Организаторами конференции выступили: Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (Омск), Институт истории Сибирского отделения РАН (Новосибирск), Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского. Соорганизаторами: Исторический архив Омской области, Центр изучения гражданской войны, Омская государственная областная научная библиотека им. А.С. Пушкина, Омский филиал Российского фонда культуры.

В преддверии 100-летнего юбилея революции и Гражданской войны конференция открыла цикл мероприятий научного характера, посвященных судьбоносным в истории страны событиям. Целью конференции стало всестороннее обсуждение круга проблем, связанных с мемориализацией Гражданской войны, её отражением в общественном сознании и современных социокультурных практиках, изучением закономерностей формирования и сохранения исторической памяти народа, столь значимой для его национально-культурной идентичности.

На конференции работали круглые столы: «Историческая память и исторические памятники», «Мемориализация Гражданской войны», «Гражданская война: белые и красные», «Омск – столица Белой Сибири». Участники ознакомились с выставкой книг по истории Гражданской войны в Центре краеведческой информации ОГОНБ им. А.С. Пушкина и экспозицией Центра изучения истории Гражданской войны, расположенного в доме купца Батюшкина, где в годы войны находилась личная резиденция Верховного правителя России А.В. Колчака.

В конференции приняло участие более 60 человек из научных центров, учебных заведений, музеев, архивов, библиотек и общественных организаций Москвы, Новосибирска, Омска, Кунгура,

Сургута, Краснодара, Челябинска и др. городов России. Было заслушано 36 докладов, в дискуссиях прозвучало более 60 выступлений.

Конференция прошла в атмосфере плодотворной научной дискуссии. С одной стороны, участники стремились к непредвзятому, всестороннему, научно-обоснованному освещению различных аспектов истории Гражданской войны и ее мемориализации. С другой стороны, было понимание того, что «история – это всегда настоящее, опрокинутое в прошлое», сопряженная с интерпретацией фактов и генерацией смыслов, побуждающее к ценностному историософскому осмыслению. Как писал Ключевский В.О., «предмет истории – то в прошедшем, что не проходит как наследство, урок, неоконченный процесс как вечный закон».

В результате работы конференции, не смотря на подчас несовместимые точки зрения и идейно-политический накал, были высказаны следующие общие идеи и предложения.

Необходим приоритет духовно-нравственного измерения в понимании проблем мемориализации и исторической памяти, выявление мировоззренческих предпосылок гражданской войны, аксиологических корней произошедшего раскола и всплеска классовой ненависти. Осознание гражданской войны как всеобщей национальной трагедии и закрепление этой идеи в общегражданских мемориалах должно быть напоминанием о великом нравственном общенациональном уроке, что не позволит страшным событиям повториться вновь. Важно, чтобы органы государственной власти и общественные организации услышали призыв отказаться от продвижения «своих проектов» мемориализации по идейно-политическим соображениям без достаточных ценностно-цивилизационных и исторических обоснований. Подобные действия приводят не к объединению российского общества, а возникновению новых точек социального протеста. Таким образом, необходима разработка общероссийской концепции мемориализации истории Гражданской войны в России на основе ценностно ориентированной модели государственной культурной политики и укрепления мировоззренческих цивилизационных основ, скрепляющей тканью которой являются историческая память и традиции русской культуры, духовно-нравственные ценностные приоритеты.

Необходимо обратить внимание на активизацию научно-теоретических и прикладных исследований по истории револю-

ции и Гражданской войны в России. В последние годы дискуссии по данной теме недостаточно подкреплены научными разработками, что ведет к поверхностному рассмотрению многих важных вопросов, историческим фальсификациям и необоснованным решениям региональных властей в сфере культурной политики. Процесс мемориализации событий Гражданской войны, «красного» и «белого» движения в настоящее время концептуально не обоснован, что приводит к установке «спорных» памятников или неоправданному разрушению старых. Для предотвращения подобных явлений нужна более глубокая, обязательно научная и общественная экспертиза проектов мемориализации, свободная от идеологических пристрастий, в которой приняли бы участие представители науки и образования (педагоги, историки, философы, культурологи, этнологи, обществоведы), деятели культуры и искусства, лидеры общественно-политических и религиозных организаций.

По вопросу установки памятника А.В. Колчаку в г. Омске было выражено мнение, что во дворе Дома Батюшкина (Центр изучения Гражданской войны) следует установить памятник, проект которого был разработан скульптором С. Голованцевым и архитектором М. Хахаевым в 1992 г. Само здание Центра изучения истории Гражданской войны является также своеобразным памятником А.В. Колчаку. Что касается памятника А.В. Колчаку скульптора М. Ногина (находится в Подмосковье на складе Литейного завода), на изготовление которого были затрачены большие средства, то он должен быть однозначно установлен и целесообразнее это сделать в г. Севастополе, отразив роль А.В. Колчака как крупнейшего полярного исследователя и командующего Черноморским флотом.

Для восстановления нарушенной в результате политических трансформаций исторической справедливости и восполнения пробелов в историческом сознании следует издать в виде книги «Помянник» (с Ф.И.О. и краткой биографией «белых» и «красных», упокоенных на Омских кладбищах) и приступить к созданию «Хрестоматии Белой столицы».

Государственным структурам в центре и на местах важно интенсифицировать сотрудничество с учеными для экспертной и консультативной помощи при разработке концепций, программ и планов мемориализации. Нужна планомерная работа всех органов власти, научных учреждений и общественных организа-

ций по созданию базы данных мемориальных мест Гражданской войны, братских могил и погребений, установки памятных знаков на местах массовых захоронений, а также в решении вопросов о спорных названиях достопримечательных мест, улиц и площадей. На ближайшие несколько лет необходимо регулярное обсуждение мемориализации истории гражданской войны, различные научно-организационные мероприятия (конференции, семинары, круглые столы, открытые дискуссии и т. п.).

НИИ Наследия выражает благодарность за помощь в проведении конференции и подготовке материалов сборника Сибирскому филиалу Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, Институту истории Сибирского отделения РАН, Омскому государственному университету им. Ф.М. Достоевского, а также – соорганизаторам конференции: Историческому архиву Омской области, Центру изучения истории Гражданской войны, Омской государственной областной научной библиотеке им. А.С. Пушкина, Омскому филиалу Российского фонда культуры.

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ
О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В РОССИИ:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И КОММЕРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ**

УДК 94(47)

В.Б. Шепелева
*Омск, государственный
университет им. Ф.М. Достоевского*

**ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
КАК ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭТАПА
ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

Рассматривается гражданская война как повторное издание политического этапа Октябрьской революции 1917 г. – исторического ответа России на двойной вызов времени.

Ключевые слова: большевики, умеренные социалисты, мирная революция, либералы, исторические альтернативы, вызов времени, контрреволюция, «белое дело», интервенция.

V.B. Shepeleva
Omsk, Dostoevsky State University

**CIVIL WAR AS A SECOND EDITION
OF THE POLITICAL STAGE
OF THE OCTOBER REVOLUTION**

We consider a Civil war as the reedition of the political stage of the October revolution of 1917 – the historic Russian response to the double challenge of time.

Key words: The Bolsheviks, moderate socialists, peaceful revolution, the liberals, the historical alternative, call time, the counter-revolution, «the white matter», intervention.

«СП»: *После тысяч погибших с обеих сторон в Донбассе... можно ли представить, что русские и украинцы ... снова согласятся жить в едином государстве?*

– В этом можно не сомневаться... если будет одержана победа над врагами русского народа. Если они будут разгромлены, то повторится та же ситуация, что и в итоге Гражданской войны 1917–1922 годов [1].

Это ответ историка и спецслужбиста Иг. Стрелкова, настойчиво проводимого в информационных сетях как монархиста-антисоветчика. Но тем более знаков такой ответ в контексте предмета данной статьи.

Конец перестройки, 90-е годы, – лавина ранее мало и недооцененной информации, вал разоблачений и дискредитации советского, рухнувшие теоретико-методологические опоры и массовое явление «Павлов, обернувшихся Савлами», а ещё более – растерянность. Всё это понятно на первых порах: советская катастрофа – явление слишком неординарное. Но далее, казалось, время глубокого научного и нравственного (а в русской традиции они едины) осмысления и переосмысления советской эпохи, её истоков. Без этого нам не одолеть кризиса самоидентификации, не обрести, не «прийти в себя», но без последнего России под шквалом глобализации просто не быть.

Несомненно, гражданская война – эта страшная трагедия, ужасающе надорвавшая силы страны, народа, породившая колоссальные трудности для государства. Но достаточно элементарной академической точности, чтобы признать: для Ленина, затем большинства членов ЦК РСДРП(б) с весны по октябрь 1917-го г. наиболее ценной представлялась «мирная революция» – объединение тех, кто по программам, целям, именам своим – одно в партийно-политическом спектре страны. Тех, чья социальная опора или взаимно предельно комплиментарна, или совпадает. И случайно ли свидетельствовал по ходу событий кадет А.С. Изгоев, что «большевики лишь последовательно осуществили всё то... к чему толкали другие... лишь поставили точки над *i*, раскрыли скобки...» (ср. И.Л. Солоневича: «Смертный приговор царской семье был вынесен в “августейших салонах”, большевики только привели его в исполнение»), что отличия остальных русских социалистов – «это не принципиальные возражения, а оговорки трусливого оппортунизма» [2, с. 152; 3, с. 28]. Большевики лишь решились *действовать*, тогда как, по признанию В.М. Чернова, умеренных социалистов обуяла убийственная для революционеров в условиях революции эпидемия «властобоязни». Итог: на протяжении всего первого двоевластия, затем – второго (по 20-е

числа сентября), следом – в условиях кризиса третьей коалиции, точно – после фактического ультиматума Предпарламента Керенскому; наконец, на II Всероссийском съезде Советов умеренные проваливают реальность мирного развития революционного процесса. Проваливают, когда низовой большевизм становится всё более очевидным как раз благодаря действиям и бездействию всех остальных партий, социалистических особенно. Проваливают, хотя сами умеренные социалисты и по ходу «корниловщины», и по ходу Демократического совещания признавали: кадеты – корниловцы, коалиция с ними исключена, признавали, что напрашивается, видимо, единственный выход из кризиса – организация власти последовательными критиками коалиции, т. е. большевиками (и пусть они теперь не отнекиваются, платят по своим векселям!), причем остальная часть революционной демократии должна будет поддержать такую власть (см. выводы «Дела народа» – официального органа ПСР) [4, с. 296–299].

Более того, испытанное на практике полустихийное единство действий всей революционной демократии в конце августа 17-го года продемонстрировало (убедительней некуда!): никакая, даже от уровня Верховного главнокомандующего, от Ставки зачинаемая гражданская война невозможна, обращается в прах, если революционно-демократический блок – реальность на деле и если будет реализована, наконец, революционно-демократическая, представляющая неодолимое большинство народа власть.

Несомненно, урезанный вариант революционно-демократической диктатуры как результат Октября 1917-го урезал и подобную гарантию, только вина здесь целиком на «властобоязненных» социалистических оппонентах большевиков и линейных «западниках» из РСДРП, предающих революцию масс (которую сами готовили), срывающих вслед за либералами, за российской буржуазией ответ России на острейший двойной вызов времени. Но, как отмечал Арн. Тойби, неспособность ответа на вызовы времени – это крест на дальнейших перспективах страны, растворение во тьме в итоге. И по системологическим представлениям/постнеклассика/, системы-элементы должны уметь отвечать на требования мегасистемы, чтобы *быть*. Большевистско-левоэсеровский Октябрь в данной связи – это спасение, это решимость взять на себя организацию, подготовку ответа на жесточайший исторический вызов. Обратим внимание: в западной советологии было распространено признание, что при всех приводящих большевики –

это действительно модернизаторы России; опыт Второй мировой войны, затем факт, что СССР – это вторая сверхдержава, обнаруживали эту истину со всей очевидностью [4, с. 293–325].

Чем объективно в контексте исторической России была Гражданская война? Без сомнения, попыткой отыграть назад со стороны широкого спектра политических противников большевизма, где вчерашние антикорниловцы оказались по одну сторону баррикад с корниловцами – реакцией – контрреволюцией, по ещё недавним определениям самых умеренных социалистов. А в итоге Гражданская война – это второе издание политического этапа Октябрьской революции, радикально осложненное вмешательством внешних сил, «интервенцией по приглашению» со стороны российской контрреволюции и некоторыми просчётами большевиков по крестьянству. При этом повторим: Октябрь – это одновременно пролетарская и общекрестьянская революция; революция масс, на которую работали от начала эсеры, а в определённом смысле и меньшевики, оказавшиеся затем в рядах контрреволюции. Алогизм ситуации для социалистов, революционеров поразителен. Но вместе с тем отступничество, сдача позиций в пороговой точке – и здесь уже качественное перерождение; видимо, это закономерно (судьба В.М. Чернова в данном случае убийственно показательна) [5, гл. IV–V].

Если говорить о либерально-буржуазной альтернативе, то ведь и большевики не исключали (сразу по нескольким сценариям) такого исхода событий в 1917 г. Поясним: в условиях неприятия крестьянской Россией Столыпинских реформ, ещё более под воздействием тягот Первой мировой войны в стране приближалась проверка жизнеспособности либерально-буржуазных сил, способности их обеспечить стране радикальную капиталистическую модернизацию. В условиях господства в мире монополистического капитала это был *вопрос суверенного статуса, не говоря уже о статусе великой державы для России*. Для предотвращения катастрофы страны вопрос стоял предельно жёстко: спасение возможно настолько, насколько правящие круги сумеют вывести страну из губительной войны, реализовать систему ГМК, разрешить незамедлительно аграрно-крестьянский вопрос.

После Февраля это проблема жизни и смерти Временного правительства, буржуазно-либеральной альтернативы развития страны. Теоретически такой вариант не был закрыт для российской буржуазии, либералов. Они могли его реализовать, правда,

очень многим поступившись в своих экономических интересах. В 1917 г. свои судьбы, судьбы России отечественная буржуазия, российские либералы держали в собственных руках. Но практика весны – осени проявила нарастание социальной революции, обнаруживая неадекватность политики Временного правительства во всех ее вариантах. Эта упорная неадекватность объективно исключала буржуазию, либералов и присоединившихся умеренных социалистов из числа *действительных* субъектов исторических судеб России. И практика Гражданской войны следом обнаруживала бесконечное «наступление на грабли 1917 года» со стороны антибольшевистских сил, подчёркивая их «несубъектность» [6, гл. 3].

Главное: объективно (т. е. вне частных каких угодно высоких устремлений) противники Советов пытались сорвать требуемый ответ России на острейший вызов времени, без чего будущее её было более чем сомнительно. И случайно ли уже в первой половине 1920 г. кадеты (тот же П.Н. Милоков) признают, что провал «белого дела» в роковых политических ошибках, а реально в нерешении аграрного и национального вопросов, преобладании реакционных элементов, военных и частных (а не общенациональных! – *В. III.*) интересов, в «классовой подоплёке белых армий» = объективно признаётся фактически, что именно большевики действовали по важнейшим направлениям гораздо адекватней [7, с. 6, 7]? В апреле 1920 г. парижская группа кадетов принимает вывод Милокова о том, что «партия должна для сохранения своей демократической репутации изменить свою тактику по отношению к генералам». Один за другим политические лидеры Белого движения, только что не мыслившие себя без союзников, начинают признавать, что, оказывается, «союзникам не нужна великая Россия... с которой придётся считаться как с фактом мировой политики», что им «выгоднее Россия раздробленная и ослабленная», их план – «разбить Россию на куски», план «египтизации России», о которой они говорят, «как иноземец, решающий судьбу низшей расы». П.Н. Милоков резюмировал (и фактически вторил ему позднее великий князь Александр Михайлович): «Теперь выдвигается в более грубой и откровенной форме идея эксплуатации России как колонии», иначе (великий князь): обнаружилось «дерзкое намерение нанести России смертельный удар, путем раздачи самых цветущих русских областей союзникам и их вассалам... они надеялись одним ударом убить

и большевиков, и возможность возрождения сильной России» [8, с. 177, 178, 182; 9, с. 255–256]. И это при том, что «авторитет контрреволюционных вождей» покоился как раз на «чувстве общенности с внешним миром», по убедительному свидетельству У. Черчилля [10, с. 37]. Впрочем, ещё весной 1919 г. он же успокаивал Ллойд-Джорджа относительно «реальной надежды», что Колчак «будет таскать каштаны из огня» для англичан [8, с. 123]. Но так или иначе, а в 1920 г. в кругу однопартийцев Милюков признал, что у него «нет теперь никаких сомнений во вреде интервенции и *Белого движения*», что следовало бы это понять «ещё в 1918 г., в Ростове», когда на все призывы в Добровольческую армию откликнулась «всего несколько десятков подростков», т. е. «народ сознательно отверг интервенцию и белых». И добавлял позднее, что «всегда и всюду иностранцы оказывались врагами не только большевизма, но и всего русского» и что Россия, как обнаружилось, «не может быть освобождена вопреки воле народа» [8, с. 182, 183, 187]. Представляется, что вполне логично в конце жизни (как ни поражался тому соратник П.Н. Милюкова эсер М. Вишняк) Павел Николаевич, отрицавший «всякого рода примиренчество... в предсмертной своей статье во время войны пришёл к компрометирующему всё его антибольшевистское прошлое выводу относительно Советского Союза, большевиков: “Когда видишь достигнутую цель, лучше понимаешь и значение средств, которые привели к ней”». И в том же ряду из только «наиболее известных и лично безупречных имён... Кускова, Пешехонов... Маклаков, Бердяев, Питирим Сорокин», которые нашли «каждый на свой лад основания к отказу от былой непримиримости к большевизму». В потрясении пишет Вишняк, как «ослеплённый... советскими победами, В.А. Маклаков на какой-то момент признал “октябрьские приёмы” более действительными, чем “свободы февральской эпопеи” и не только для создания полицейско-государственного аппарата, но и “для социальной справедливости”» и т. д. [11, с. 407, 408]. Уточним, что дело не в моменте. По словам Василия Алексеевича, даже если «большевики [и] переборщили», то они, тем не менее, «взяли дорожку всё-таки довольно правильную» [12, с. 28–30].

А вместе с тем непримиримые до конца имперцы-националисты, такие как П.Б. Струве, Г. Мейер, завершают отказом «эмпирическому русскому народу» в праве на Россию. Более последовательная современная разновидность такого подхода (Р. Пайпс, группа А.С. Ахизера) просто отказывает в праве на

историческую оправданность русскому суперэтносу, культурному коду России [6, гл. 3; 13, с. 35, 48, 56, 63, 102, 136, 196, 211, 212, 254].

И наконец, напомним: И.Л. Солоневич – «певец монархии» – сокрушался: «Было Временное правительство. Была белая армия Деникина. Была белая армия Колчака. Была белая армия Миллера, Юденича, Унгерн-Штернберга, Булак-Балаховича... Где же во всем этом калейдоскопе хоть один государственный талант, которого Николай II не догадался поставить у власти? ... В государственном и организационном отношении это была одна сплошная, жуткая, **стопроцентная бездарь**» [3, с. 28, 32, 35], тогда как, по признанию великого князя Александра Михайловича, «на страже русских национальных интересов стоял не кто иной, как интернационалист Ленин, который... не щадил сил, чтобы протестовать против раздела бывшей Российской империи, апеллируя к трудящимся всего мира» [9, с. 257]. Монархист великий князь и, возможно, монархист И. Стрелков сошлись на спасительности для России большевистского исхода Гражданской войны.

Литература

1. Игорь Стрелков: «Вялотекущая война – это отложенная война» [Электронный ресурс] // «Свободная Пресса» – ежедневное интернет-издание [сайт]. URL: <http://svpressa.ru/war21/article/146890/?rss=1/> (дата обращения 20.04.2016).
2. *Изгоев А.С.* Социализм, культура и большевизм // Из глубины: сб. статей о русской революции. – М., 1990. – С. 151–174.
3. *Солоневич И.Л.* Наша страна. XX век. – М.: Изд-во журн. «Москва», 2001. – 446 с.
4. *Шепелева В.Б.* Революционно-демократическая альтернатива на переломе от России царской до России сталинской (теоретико-методологический и историографический аспекты) // Диалог со временем: альманах. Вып. 15. – М., 2005. – С. 293–325
5. *Коновалова О.В.* В.М. Чернов о путях развития России. – М.: РОССПЭН, 2009. – 383 с.
6. *Шепелева В.Б.* Россия 1917–1920 гг. Проблема революционно-демократической альтернативы (вопросы теории, методологии, историографии). Монография. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. – 704 с.

7. *Милюков П.Н.* Россия на переломѣ: в 2 т. Т. 2: Антибольшевистское движение – Париж, 1927. – 281 с.
8. *Думова Н.Г., Трухановский В.Г.* Черчилль и Милюков против Советской России. – М.: Наука, 1989. – 205 с.
9. Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. – М.: Современник, 1991. – 271 с.
10. Гражданская война в России. Перекресток мнений. Отв. ред. Ю.А. Поляков, Ю.И. Игрицкий. – М.: Наука, 1994. – 376 с.
11. *Вишняк М.* Дань прошлому. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954.
12. *Щетинов Ю.А.* Угасание кадетского либерализма (деятельность кадетов в белой эмиграции) // Вестник Московского университета. – Сер. 8. История. – 1988. – № 4.
13. *Мейер Г.* У истоков революции. – Frankfurt/Main: Possev-Verlag, 1971. – 256 с.

УДК 94(47)

Д.А. Алисов
Омск, Сибирский филиал
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева

ПРОБЛЕМЫ МЕМОРИАЛИЗАЦИИ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ.
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Статья посвящена анализу исторической памяти о Гражданской войне в России (1917–1922) и проблемам мемориализации Красных и Белых вождей, героев, жертв в современной России.

Ключевые слова: историческая память; гражданская война; красные и белые; памятники.

D.A. Alisov
Omsk, Siberian Branch the D.C. Likhachev
Russian Research Institute
of Cultural and Natural Heritage

THE MEMORY PROBLEM
OF RUSSIAN CIVIL WAR.
THEORY AND PRACTICA

The article focuses on the analysis of historical memory of The Civil war in Russia (1917–1922) and memorialisation of Reds and Whites leaders, «herous», victims in modern time.

Key words: Historical memory, Civil war, Reds and Whites, Memories.

Проблемы мемориализации связаны непосредственно с проблемами исторической памяти. Нельзя говорить о мемориализации не говоря об исторической памяти, т.к. мемориализация это есть способ формирования и закрепления исторической памяти в обществе, общественном сознании различных групп населения. И здесь, казалось бы, нельзя обойтись без науки История, без историка. Однако современная социальная практика упорно демонстрирует иное – попытки формирования историческое

сознание и проведение мемориализации без участия историка и исторической науки. Игнорирование Истории в процессе мемориализации становится навязчивой общей идеей определенных политических сил, которые взяли на себя право и обязанность манипулировать «историческим материалом» с целью достижения определенных политических целей. Это наглядно и ежедневно происходит в Польше, на Украине, странах Прибалтики, где в угоду политической конъюнктуре переписывается историческая память, переписывается история (не только своя, но и чужая), переименовываются города и улицы, разрушаются памятники, формируется пантеон новых героев средствами мемориализации.

К сожалению, подобное имеет место и в России. Так, на днях был обезглавлен и разрушен памятник В.И. Ленину (вспомните еще недавний «ленинопад» на Украине, где уничтожены сотни памятников не только Ленину, но и других связанных с советским прошлым героев, например Ватутину). Переименована в Уфе улица Фрунзе в улицу Валиде (сотрудничавшего с фашистами и СС). Историческое варварство, как правило, оправдывается желанием построить «истинно» демократическое и правовое общество и государство. Вновь «цель оправдывает средства». Идея которую еще недавно, казалось бы отвергли всем обществом.

В чем причины подобной «социальной деятельности»? Изменить Историю (как состоявшуюся реальность) невозможно, но возможно изменить представления о ней. Используя различные формы и способы мемориализации исторической памяти представляется возможным несколько «скорректировать» линию исторического развития и, изменив настоящее, построить «иное» Будущее. Вспомните социологический прогноз ученого Айзека Азимова (цикл научно-фантастических повестей «Основание») о месте и роли историка и Истории в далеком будущем Мира. Вот это сейчас происходит повсеместно, на Востоке и Западе. Именно в этих целях активно «в качестве лома» используется мемориализация «новых» старых героев.

Прежде чем заниматься проблемами мемориализации «красных» и «белых» нам с вами необходимо определится что такое «гражданская война» вообще и какую роль в ней играли те или иные герои в кавычках и без. И здесь мы столкнемся с тем, что в научном плане у нас нет единого представления о сущности этого явления. Отметим только два основных способа определить это явление. Первый, определяет гражданскую войну «как период

острых классовых столкновений». В этом контексте и революция 1917 г. рассматривается как акт гражданской войны, и крестьянские восстания, «война с белыми и красными батьки Махно, Григорьева и Гютюнника, крестьянский бандитизм. Поэтому многие авторы ведут отсчет гражданской войны в России с октября 1917 г., а некоторые даже ранее. Например А.С. Барсенков и А.И. Вдовин ссылаясь на мнение Ленина, который рассматривал революцию «как разрыв гражданского мира» определяют ее начало февралем 1917 г. [1, с. 21]

Другой подход это определение гражданской войны «как спора разрешения противоречий между сторонами с помощью вооруженных сил». В этом более узком и более точном в современном понимании она означает противостояние воюющих армий, движений, фронтов, что подразумевает институциональное оформление и войну не банд и восставших групп населения, а действие вооруженных сил созданных на регулярной основе. С этой точки зрения начало необходимо датировать концом весны 1918 г. Разное понимание сущности конфликта в свою очередь приведет и к различному определению его героев.

Современная мемориализация Гражданской войны в России носит отчасти стихийный характер (ввиду плохого понимания и недостаточной научной изученности, а порой элементарного невежества и преклонения перед новыми мифами) и чрезвычайно сильно политизирована. Без определения концептуальных задач и общественно значимых целей проведение мемориализации будет наталкиваться на сопротивление масс и служить не гражданскому миру, а расколу российского общества. Подобным примером является попытка переименовать станцию метро «Войковская».

Министр культуры РФ господин В. Мединский, например, считает, что памятник Колчаку в Омске нужен в то время как значительная часть омичей против этого. Министр культуры РФ и глава оргкомитета по празднованию 300-летия города Омска В. Мединский высказался по поводу вызывающего споры объекта сегодня в ходе правительственного часа. Вопрос этот ему задала сенатор Е. Мизулина, которая ранее уже неоднократно публично поддерживала идею такого строительства. «Министр поддержал предложение по установке памятника. Сказал, что обсуждали этот вопрос на военно-историческом обществе», – сообщила в «Твиттере» сенатор. По ее данным, помимо памятника Верховному правителю России в Омске также появится

монумент красноармейцам, пострадавшим от террора. «Министр согласен, что в Гражданской войне нет победителей и побежденных. Дело дошло до того, что кто-то из Института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, который призван бороться за сохранение историческое наследия предложил исключить из реестра памятников истории и культуры коммунистические объекты, не представляющие художественной ценности, в том числе «рядовые» памятники посвященные истории Гражданской войны в России. По мнению директора института А. Миронова «Многие герои революции были бандитами и палачами, но <...> памятные места, связанные с этими лицами, находятся под охраной» [2]. Как-то очень это напоминает законы о декommунизации принятые в последние годы на Украине и борьбу с памятниками, которую в РФ осудили на государственном уровне.

В дано случае было забыто то, что памятники Гражданской войны попадают под закон об увековечении воинских захоронений. Первые, и порой очень незатейливые памятники гражданской войны, как правило, ставились на местах массовых захоронений. Всего несколько примеров. В 1920 г. в Томск был поставлен обелиск на братской могиле борцов за советскую власть. В 1921 г. в Тобольске поставлен памятник на братской могиле жертв Гражданской войны. В Новосибирске в 1922 г. был установлен памятник на братской могиле 104 борцов за советскую власть (скульптор В. Сибиряков, инженер А. Кудрявцев). В настоящее время этот памятник вошел в состав мемориала «Сквер им. Героев революции» в котором позднее были установлены бюсты видным борцам за советскую власть в Сибири П.Е. Щетинкину, В.Р. Романову, А.И. Петухову, Ф.П., а несколько позже – панно памяти борцов за советскую власть (художник А. Чернобровцев, 1960). В 1923 г. в Омске был установлен памятник у братской могилы борцов революции (скульптор Н. Виноградов). В 1925 г. в Омске установлен памятник на братской могиле участников восстания 22 декабря 1918 против колчаковцев. Этот список можно продолжать долго.

В послевоенные годы эта работа был продолжена. Памятники были устновлены на братской могиле 48 партизан, погибших у Белоцарска (Кызыл) в 1919 (ск. И. Шейдаван, 1954), в бывшем Нагорном парке в Барнауле на месте расстрела в 1918 борцов за советскую власть на Алтае (автор Д. Баженов, при участии П. Миронова, В. Добровольского, 1957), в Бийске на месте расстрела в 1919 руководителей подпольной большевистской орга-

низации (автор А. Марков, 1959), в Слободе III Интернационала (Красноярск) на братской могиле членов подпольной организации (автор А. Абдрахимов, 1960), на братской могиле омских рабочих-красноармейцев на станции Марьяновка (ск. Ф. Бугаенко, архитектор К. Словаков, 1960). На многих памятниках не сохранилось имен погибших. Поэтому представляется, что эти предложения Института наследия были не продуманы и не соответствуют действующему российскому законодательству.

Опыт многих других стран (например, Испании, Финляндии и др.), а не только России показывает, что основные объекты мемориализации определяет победившая сторона. Кому и какие памятники возводить, как называть города, улицы и площади. В России победили «красные». Они сформулировали основные постулаты мемориализации. В России, было воздвигнуто немало памятников «красного пантеона». В большинстве городов и поселков в топонимические системы были внесены имена красных героев Фрунзе, Чапаева, Буденного, Ворошилова и др. (В Омске – Блюхера, Гашека, Звездова, Избышева, Рабиновича), обозначены наиболее значимые события войны (в Омске, ул. 22 декабря, 5-й Армии). Отказ от исторической памяти и мемориалов красным – неизбежно ведет к отказу от последующей советской истории, в том числе Победы в Великой Отечественной войне, которой мы гордимся всем народом. Да, история не терпит сослагательного наклонения. Но, не победы красных белых, то не был бы и этой Победы, и весь мир был бы иной.

Проигравшая сторона, в данном случае «белые», имели возможность осуществлять мемориализацию только вне России. Известны многочисленные памятники подобного рода. Приведем один характерный пример – Памятник Борцам погибшим в борьбе против Коминтерна возведенный в Харбине – одном из центров русской иммиграции. Таким образом гражданская война развела мемориализацию красных и белых по разные стороны и в географическом плане.

Распад СССР и образование суверенной Российской Федерации проходили во многом в условиях отказа от советского прошлого. Это привело с одной стороны к многочисленным попыткам декоммунизации исторического прошлого» путем «снятия» с пьедесталов целого ряда памятников советским деятелям, в том числе и отличившимся в годы Гражданской войны (Держинский – в Москве, Карой Легити – в Омске и т.п.). С другой, к попыткам

провести массовую мемориализацию Белых. Так, были поставлены памятники, Маркову (первый в России памятник белому офицеру, архитектор – Алексей Бегунов, скульпторы – Владимир и Данила Суровцевы.) в Сальске (Ростовская обл., 2003), Колчаку в Иркутске, Корнилову в Краснодаре (2013).

12 апреля 2013 г. в Новороссийске состоялось открытие монумента «Исход» в память о погибших в Гражданской войне 1920 года – исходу войск белой армии и казачества из красной России, сообщили в администрации города-героя. По словам мэра Новороссийска Владимира Синяговского «этот памятник – напоминание нынешним поколениям, и, по-моему, очень своевременное, что Родину нельзя рвать на части – линии разлома проходят по человеческим сердцам и судьбам». «В жизни каждого народа, каждого государства, конечно, важна деятельность монархов, глав государств, военных, общественных деятелей, но в конечном итоге последнее слово за народом», – говорит автор скульптуры Александр Суворов. Композиция состоит из фигуры белого офицера со своим боевым конем. Прообразом послужил известный персонаж Владимира Высоцкого из фильма «Служили два товарища». Автор скульптуры – новороссийский художник Александр Суворов – напомнил эпизод из картины: конь бросается в воду за уходящим судном. Белый офицер вынужден пристрелить своего боевого друга. Монумент, высота которого вместе с постаментом составляет 7 м, установлен на набережной города, где почти 100 лет назад случились эти события. Новороссийская ячейка «Сути Времени» обратила внимание прессы и властей города на вопиющий факт – на монументе, воздвигнутом в Новороссийске в память погибших в годы Гражданской войны 1920 года, красуется цитата нацистского генерала Туркула. В свое время А.В. Туркул заявлял на страницах газеты следующее: «В основу нашего политического мышления мы взяли фашизм и национал-социализм» [3]. Таким образом, безоглядная мемориализация белого движения прокладывает нередко дорожку к нацистским «героям». И это мало кого смущает. Необходимо это остановить.

В связи с этим считаю необходимым обратить внимание ученых на необходимость активизации научно-теоретических и прикладных исследований по истории революции и гражданской войны в России (1917 – 1922 гг.). В последние годы

в российском обществе происходящие дискуссии по данной теме недостаточно подкреплены научными разработками, что приводит к поверхностному рассмотрению многих важных вопросов истории, вбросу различных фальсификаций, к необоснованным политическим выводам. Считаю, что процесс мемориализации красного и белого движений в стране, событий гражданской войны концептуально плохо обоснован. Это приводит с одной стороны к установке «спорных» памятников (например, памятных досок генералам К.Г. Маннергейму – непосредственному участнику блокады Ленинграда в 1941–1944 гг., М.В. Дроздовскому – известному своей неоправданной жестокостью, даже по свидетельствам сторонников белого движения, по отношению к мирному населению), которые вызывают активное противодействие со стороны определенной части населения. С другой это приводит к разрушению и не ухоженности многих памятников красным. Для предотвращения подобных явлений нужна более глубокая и обязательная научная и общественная (а не политическая) экспертиза проектов мемориализации.

В связи с этим научной общественности необходимо призвать органы государственной власти и общественные организации к отказу от одностороннего продавливания «своих проектов» мемориализации по политическим причинам без достаточных исторических обоснований. Подобные действия приводят не к единению российского общества, а к возникновению новых точек социального протеста. Необходима разработка общероссийской концепции мемориализации истории гражданской войны в России.

Нам кажется, что Министерству культуры РФ необходимо разработать целостную концепцию мемориализации истории гражданской войны. Органам государственной власти в центре и на местах необходимо интенсифицировать процесс сотрудничества с учеными в плане осуществления экспертной и консультативной деятельности при разработке концепций, программ и планов мемориализации исторических событий, признать необходимой планомерную работу органов власти, научных учреждений и общественных организаций по созданию базы данных мемориальных мест гражданской войны, братских могил и погребений, а так же установку памятных знаков на местах массовых захоронений.

Литература

1. Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России. 1917–2009. – 3-е изд., расш. и перераб. – М.: Аспект Пресс, 2010.
2. Мединский считает, что памятник Колчаку в Омске нужен [Электронный ресурс] // БК 55.RU [сайт]. URL: <http://bk55.ru/news/article/74633/> (дата обращения 13.10.2016).
3. Аветисян О. Отголоски «Новороссийской катастрофы»: примирение «красных» и «белых» – через памятник с цитатой нацистского генерала? [Электронный ресурс] // Виртуальный клуб «Суть времени» [сайт]. URL: <http://eot.su/node/16332> (дата обращения 13.10.2016).

УДК 94(57)+314.46

Е.И. Красильникова

*Новосибирск,
государственный технический университет,
государственный аграрный университет*

ПАМЯТЬ СИБИРЯКОВ
О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ.
КОММЕМОРАЦИИ 1920–1930-х гг.

Статья посвящена характеристике коллективной памяти поколения 1920–1930-х гг. о Гражданской войне в Западной Сибири. Рассматривается отражение памяти о войне в массовых траурных и праздничных коммеморативных практиках, а также материальные репрезентации (мемориалы).

Ключевые слова: коллективная память; Гражданская война в Сибири; коммеморация; забвение; мемориал.

E.I. Krasilnikova

*Novosibirsk, State Technical university,
State Agrarian university*

THE MEMORY OF THE SIBERIANS
ABOUT THE CIVIL WAR:
COMMEMORATIONS OF THE 1920–1930s

The article is devoted to the collective memory of generation of 1920s–1930s about the Civil war in Western Siberia. Considered a reflection of the memory about the war in celebratory and mourning commemorative practices and its physical representations (memorials).

Key words: collective memory; Civil war in Siberia; commemoration; oblivion; memorial.

В 1920–1930-х гг. революция и Гражданская война воспринимались обществом как целостный этап смены исторических эпох. Более того, к концу 1930-х гг. официальная пропаганда утверждала представление о том, что Октябрьская революция открыла новую эру в истории человечества. Провозглашалось,

что, выстояв в тяжелейшей войне, большевики доказали верность революционным идеалам и советскому пути к светлому будущему. Цель данной статьи – характеристика основных, доступных массам городского населения Западной Сибири 1920–1930-х гг. XX в., коммемораций, которые посвящались событиям и героям Гражданской войны в нашем регионе.

Остановимся на некоторых общих, теоретических характеристиках коллективной памяти, которая заметно влияет на настоящее и будущее общества [1, с. 22]. Выделяют разные виды коллективной памяти. Социальная память, бытующая 80–100 лет, отражается преимущественно в устном нарративе и имеет межпоколенческий характер коммуникации. На ее основе посредством направленных усилий политиков и иных акторов формируется определенная и более стабильная политическая (национальная) память, выражающаяся в устойчивых политических мифах. Наконец, культурная память, способная на гораздо более длительное существование, фиксирующаяся на материальных носителях, имеет транспоколенческий характер коммуникации. Она воплощается на уровне как функциональной памяти, обеспечивающей ее повторяемость (символические практики), так и накопительной памяти, обеспечивающей ее долговременность (материальные репрезентации) [1, с. 29–62].

Память о Гражданской войне еще до ее окончания осознавалась большевиками как материал, ценный в перспективе пропаганды, направленной на самолегитимацию партии, отвоевавшей власть. Неоднозначность и изменчивость социальной памяти, ее априорная неполнота и противоречивость преодолевались посредством советской политики памяти (способы и сами процессы идеологизации прошлого), направленной на унификацию коллективных представлений о недавнем военно-революционном прошлом. Все рассматриваемые нами коммеморации (сознательные социальные акты, направленные на увековечивание и актуализацию памяти о событиях и лицах) создавались и осуществлялись в рамках советской политики памяти, были инициированы либо санкционированы советской властью. В коллективной памяти населения закреплялся образ Сибири как одного из важнейших эпицентров Гражданской войны. В 1918–1919 гг. в Сибири происходили сложные политические процессы, которые пропаганда сознательно упрощала, сводя войну к противостоянию большевиков колчаковщине. Это понятие неизменно сопровождалось

веером крайне негативных коннотаций: «зверства», «террор», «мучители», «каратели» и т. п. Живая социальная память сибиряков о Гражданской войне базировалась преимущественно не на рассказах извне, как память об Октябрьской революции (рассказы очевидцев из Петрограда, Москвы), а на реальном жизненном опыте миллионов людей. Вариативная память разных социальных групп существенно усложняла работу местным структурам власти, занимавшимся пропагандой. Однако упорная работа над концептуализацией и теоретизацией памяти масс о Гражданской войне помогла большевикам добиваться поддержки населения, а в дальнейшем ставить и обосновывать новые боевые задачи, решать задачи социальной мобилизации.

Сразу после освобождения городов Западной Сибири от колчаковщины началась активная мемориализация и героизация жертв Колчака. Повсеместно хоронили и перезахоранивали в братских могилах на главных городских площадях людей, погибших в результате неудачных антиколчаковских восстаний (Томск) либо расстрелянных колчаковцами при отступлении (узники тюрем в Омске и Новониколаевске). Политические похороны имели характер массовой кампании. Их организаторами выступили губревкомы, при которых создавались соответствующие комиссии, разрабатывавшие похоронные церемониалы в опоре на столичные образцы. Эти похороны использовались для создания видимости финальной победы над противниками, для укрепления и расширения поддержки большевиков населением, для дискредитации памяти о колчаковщине с ее зверствами. Эти коммеморации формировали в коллективной памяти устойчивые мифы о героях и врагах, служивших основой для конструирования политической памяти сибиряков. В последующие годы использование памяти о павших героях имело прежде всего мобилизационное значение [2, с. 187–218].

Сразу после похорон стал актуальным вопрос о создании мемориальных знаков на братских могилах. Основным фактором принятия соответствующих решений стала советская монументальная политика, ярко отраженная в ленинском плане монументальной пропаганды и в декрете СНК «О памятниках Республики». При этом заметно стремление авторов монументов уйти от традиционной кладбищенской эстетики и символов скорби. В поисках художественных средств выражения политических идей деятели искусства в начале 1920-х гг. обращались к образам,

характерным прежде всего для традиций классицизма и романтизма. Советская политика памяти, отразившаяся на создании военно-революционных памятников в городах Западной Сибири, выразилась в стремлении к унификации образов, которые, как правило, не были напрямую связаны с местными событиями, не напоминали конкретные жертвы и конкретных героев. Памятники утверждали начало новой эпохи, служили ее первыми и главными символами, которые доминировали в мемориальной среде городов и в последующие годы [2, 218–236]. Эти процессы отражают стремление носителей власти и революционно настроенной интеллигенции в короткие сроки сформировать пласт культурной памяти о Гражданской войне в Сибири, выражающейся в строго определенных символах и репрезентациях.

Гражданская война унесла миллионы жизней. Большинство жертв этого периода не были героическими. Так, не только военные, но и гражданское население массово гибло от террора и эпидемических заболеваний. В Новониколаевске от тифа скончались десятки тысяч человек. Однако их похороны не сопровождалось коммеморативными ритуалами, места погребений в братских могилах быстро забылись. В дальнейшем также не последовало никакой мемориализации. Массовые негероические жертвы были подвергнуты забвению, деперсонифицированы и в этом смысле практически вычеркнуты из политической и культурной памяти послевоенных поколений. Образы этих жертв не находили отражения ни в материальных репрезентациях, ни в символических коммеморативных практиках.

В 1920 г. общим праздником для всех губернских городов Западной Сибири были объявлены торжества, посвященные освобождению от колчаковщины, которые изначально объединяли с празднованием годовщин Октябрьской революции. В дальнейшем локальный праздник на несколько лет обрел в каждом городе региона собственную дату. Существовавшее в обществе начала 1920-х гг. недовольство советской властью вызывало необходимость доказывать правоту большевиков, используя негативные образы колчаковщины. С годами, по мере подавления «контрреволюционных» настроений миф о колчаковских зверствах прочно закрепился в политической памяти сибиряков.

В начале 1920-х гг. эти торжества выступали средством настоящей информационной войны. Насаждение мнения о един-

стве Красной Армии, самоотверженно бившейся за идеалы пролетарской революции, происходило в реальных условиях широко распространенных демобилизационных настроений среди солдат. В дальнейшем пропаганда изображала идеальный образ Красной Армии периода Гражданской войны, служивший воспитательным средством для солдат и средством смягчения этих настроений. Во второй половине 1930-х гг. государство в лице местных органов власти стремилось к унификации коллективной памяти о Гражданской войне и целенаправленно вытесняло из местных коммеморативных практик и коллективной памяти социальных групп сюжеты, связанные с локальными военно-революционными событиями.

В Омске в изучаемый период отдельно отмечали годовщины крупнейших сражений и восстаний времен Гражданской войны. Эти даты напоминали о больших поражениях и многочисленных жертвах. Для Омска знаковыми в этом смысле были дни памяти битвы под Марьяновкой (6 июня) и неудачного восстания против колчаковского режима (Омск, 22 декабря). Эти события долгое время являлись важными звеньями социальной памяти сибиряков о войне. Мероприятия в память жертв Марьяновки устраивали в 1933 (пятнадцатилетие) и 1938 (двадцатилетие) годах. Значительную роль в организации соответствующих торжеств и увековечивании памяти о павших бойцах играли участники этих событий, эмоционально скорбевшие по жертвам. Однако с годами внимание властей к этим коммеморациям снижалось, памятные даты перестали отмечать [2, с. 357–368].

В ходе изучения коммемораций, репрезентировавших Гражданскую войну в Сибири, замечено, что содержание советской политики памяти, которая была в целом направлена против альтернативных версий новейшей истории, все-таки постепенно менялось. На первом этапе (начало 1920-х гг.) акцентировалась проработка прошлого на уровне локальных событий и процессов. В начале 1920-х гг. в городах Западной Сибири активно формировался героический некрополь борцов с колчаковщиной. Это время характеризуется обилием мемориальных инициатив, которые, однако, имели общие идеологические основания. На втором этапе (с середины 1920-х гг.) мрачные образы колчаковщины активно использовали пропагандой с целью оттенить всесторонний прогресс в послереволюционном развитии страны, представление о котором навязывалось обществу. Но уже с

конца 1920-х гг. местным памятным датам и героям Гражданской войны в Сибири придавалось все меньше значения со стороны властей. На третьем этапе (с начала 1930-х гг. до Великой Отечественной войны) из коллективной памяти сибиряков тенденциозно вытеснялись образы локальной истории Гражданской войны образами, связанными с общесоветским историческим нарративом.

Литература

1. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. – М., 2014. – 324 с.
2. *Красильникова Е.И.* Помнить нельзя забыть? Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.). Монография. – Новосибирск, 2015. – 572 с.

УДК 9 (С)2

О.С. Поршнева, М.А. Фельдман
*Екатеринбург, Уральский Федеральный университет,
Уральский Институт – филиал Российской Академии
Народного хозяйства и государственной службы*

УРАЛЬСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ.
НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ
ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА*

Анализируются историографические и исторические исследования 1990–2010-х гг., посвященные Гражданской войне на Урале. Авторы показывают смещение исследовательского фокуса и начало разработки новой проблематики в 1990-е гг. при недостаточности ее концептуального осмысления и глубины в проработке ряда вопросов. Дается оценка основным тенденциям новейшей историографии, отмеченной вниманием не только к сюжетам военной, политической и социально-экономической, но и социокультурной истории Гражданской войны. Показаны достижения и лакуны в изучении отдельных вопросов, перспективы исследования.

Ключевые слова: Урал; Гражданская война; историография; история; большевики; белые; рабочие.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

O.S. Porshneva, M.A. Feldman
*Ekaterinburg, Ural Federal University,
Ural Institute – branch of Academia
of National Economy and State Service*

URAL HISTORIOGRAPHY OF RUSSIAN CIVIL WAR: BETWEEN PAST AND FUTURE: SOME RESULTS OF POST-SOVIET PERIOD

The article focuses on the analysis of historiography and historical works of 1990s–2010s devoted to the Civil War in the Urals. The authors show that in 1990s research focus was shifted and new topics within this theme appeared in spite of methodological weakness of the most part of the works. The article deals with the main tendencies of contemporary historiography of the topic. They are marked by the great historians' interest not only in military, political, socio-economical processes, but also in sociocultural history of the Civil war. The authors show advances and shortcomings of these works and emphasize the perspectives of further research.

Key words: the Urals; Civil war; historiography; history; bolsheviks; whites; workers.

Историографические обзоры, выполненные в советское и постсоветское время, избавляют от необходимости воспроизводить целостную картину исследований, посвященных истории Гражданской войны [1; 2; 3]. Вместе с тем историографическая ситуация требует переосмысления развития исторического знания о столь драматическом периоде российской истории.

Книга А.С. Верещагина «Отечественная историография Гражданской войны на Урале. 1917–1921 гг.» (2001 г.) должна была выполнить такую задачу [2], фактически подводя итоги первого постсоветского десятилетия истории. Рассуждая о благоприятных сторонах этого периода для исторической науки, А.С. Верещагин отметил не только приход идеологического (теоретического, если мы говорим о науке) плюрализма, но и *доминирование в начале этого периода политизированных, зачастую субъективистских оценок*, базирующихся на концепции тоталитаризма. Именно с этим автор связывал как незначительное число подлинно новаторских работ уральских историков по указанной проблеме, так и то, что произошло переключение внимания исследователей на углубление и детализацию известных и ранее

не разрабатывающихся аспектов истории [2, с. 47]. С этим мнением можно согласиться, однако автор сам не избежал описательности в характеристике историографии и некоторых упущений. Так, 1990-е гг. ознаменовались созданием уральскими историками работ, имеющих не только региональное значение. К ним можно отнести новаторские исследования О.Ю. Никоновой по социальной и экономической политике Белого движения на Урале [4]; работы Н.И. Дмитриева, давшего оценку состояния промышленности края в 1918–1919 гг. и причин неудач денационализации предприятий в конце 1918 г. – первых месяцах 1919 г. [5, с. 65–100]; А.Л. Филоненко, изучившего создание первых советских органов управления экономикой в России и на Урале [6]; С.И. Константинова, проследившего создание и функционирование военных формирований белой армии на Востоке России [7]; С.А. Бехтерева, воссоздавшего историю эсеро-максималистского движения в Удмуртии [8].

В 2007 г. вышла историографическая статья В.М. Рынкova, содержащая глубокий анализ проблем изучения Гражданской войны на востоке России [3, с. 35–44], в которой автор сделал обоснованный вывод о том, что ключевые историографические задачи темы остаются нерешенными [3, с. 43].

В XXI век уральская историческая наука входила без ответов на важные вопросы, представляющие особую ценность для интересующей нас тематики. Что из себя в реальности, а не по марксистским лекалам, представлял социум уральских рабочих? Каковы были подлинные политические настроения и линия поведения в годы Гражданской войны социальных групп работников, занятых в уральской промышленности? Существовала ли и в чем заключалась специфика причин начала Гражданской войны на Урале? Кто был инициатором национализации промышленных предприятий? Какова была подлинная роль рабочих в процессах национализации, создании органов управления в экономике (совнархозах) и в Советах? Насколько масштабным было участие рабочих в Красной и белой армиях? В чем заключались причины победы Красных на Урале? Какова была реальная степень ущерба для экономики Урала от последствий Гражданской войны? Стали ли годы войны катастрофой для населения Урала?

Утвердительный ответ на последний вопрос был дан И.В. Нарским. выход в Москве в 2001 г. в издательстве РОССПЭН книги «Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–

1922 г.» [9]. Анализ процессов в регионе в годы Гражданской войны осуществлялся в сравнении с общероссийской действительностью, но главное – в силу новаторского характера исследования.

При наличии к началу XXI в. уже немалого числа монографий и статей, выполненных в рамках *истории повседневности* [9, с. 16–17], книга И.В. Нарского воспроизводила невиданную по своей широте картину человеческого бытия во всех сферах социальной жизни в один из самых тяжелых периодов российской истории. Масштаб деградации и примитивизации жизни представителей всех слоев российского общества в период Гражданской войны, яркость изложения позволяют присоединиться к историкам, положительно оценившим труд И.В. Нарского.

Проблематика Гражданской войны, рассматриваемая с позиций социокультурной истории и военно-исторической антропологии, приобретает в последнее десятилетие все большую популярность в трудах уральских исследователей. Она воплощается в изучении индивидуального и общественного сознания, поведенческих практик уральцев в чрезвычайных условиях военного времени, образа врага, восприятия гражданской войны ее участниками и современниками, проблем формирования исторической памяти о войне [10, 11]. Данное направление исследований, остающееся недостаточно разработанным в уральской историографии, является в то же время высоко востребуемым в современной эпистемологической ситуации, для которой характерно пристальное внимание ко всем проявлениям человеческой субъективности в истории. Об этом свидетельствует и выход книги И.В. Скипиной «Человек в условиях Гражданской войны на Урале. Историография проблемы» [12] которая, однако, не носила аналитического характера.

В первом десятилетии XXI в. вышли в свет исторические труды, продвинувшие понимание сущности и характерных черт советского режима на территории Урала. Значительным событием стала публикация в 2008 г. монографии А.П. Абрамовского и А.В. Буданова «Горные округа Южного Урала в 1917–1918 гг.», раскрывшей картину создания централизованной и жестко иерархизированной системы управления [13]. К сожалению, за исключением названных выше трудов, современный анализ деятельности советских органов власти на Урале в 1918–1920 гг. в публикациях нулевых годов либо отсутствует, либо присутствует фрагментарно.

но [14], фиксируя какой-либо отдельный аспект управленческой деятельности [15].

В 2000-х гг. шло накопление исторического знания по такой сложной проблеме, как антибольшевистский протест рабочих Урала. Эпицентром изучения стало восстание ижевско-воткинских рабочих как наиболее массовое и социально обоснованное явление [16, с. 389–396, 17, с. 258–350]. Только в последние годы появились работы, обобщающие антибольшевистские восстания на бывших казенных заводах Урала и анализирующие протестное движение разных категорий уральских рабочих в годы Гражданской войны [18, с. 12–20; 19, с. 28–38].

Сюжеты, посвященные различным сторонам взаимоотношения власти и промышленных рабочих Урала в годы Гражданской войны, содержались в монографии О.С. Поршневой и М.А. Фельдмана [20], получившей оценку на страницах журнала «Вопросы истории» [21, с. 167–169].

Подводя итог, следует сказать, что актуальной остается необходимость дальнейшего поиска ответов по истории Гражданской войны в России и Уральском регионе. Как представляется, на первый план выступают такие вопросы, как изменения социокультурного облика региональных элит; последствия наложения большевистского утопизма на традиционные жизненные практики населения, порождающие в зависимости от ситуации как рациональные, так и иррациональные, окрашенные различными оттенками мифологии, настроения и действия. Дальнейшего осмысления требуют проблемы соотношения индивидуально и коллективного военного опыта, национально-религиозные аспекты противостояния, вопросы символики и меморизации Гражданской войны. В целом приближающееся столетие с начала Гражданской войны позволяет сделать вывод о только кажущейся изученности трагических событий российской истории. Относительная изученность социально-экономических и военно-политических процессов в значительной степени оторвана от понимания их социально-психологического измерения.

Литература

1. Васьковский О.А. Историография и социально-политические проблемы истории Гражданской войны на Урале. – Свердловск, 1981. – 76 с.
2. Верещагин А.С. Отечественная историография гражданской войны на Урале. 1917–1921 гг. – Уфа: УГНТУ, 2001. – 330 с.
3. Рышков В.М. Мутное зеркало истории. Современные историографические исследования Гражданской войны на Востоке России // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы. Сб. материалов молодежной научной конференции. – Новосибирск, 2007. – С. 35–44.
4. Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика правительств «демократической контрреволюции» и диктатуры Колчака на Урале (1918–1919). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Челябинск, 1996. – 22 с.
5. Дмитриев Н.И. Чрезвычайное экономическое совещание. Как это было // Белая армия. Белое дело. – 1996. – № 1. – С. 93–95.
6. Филоненко А.Л. Зарождение советской системы управления промышленности. – Магнитогорск: Из-во Магнитог. гос. ун-т. [б. и.], 2000. – 143 с.
7. Константинов С.И. Вооруженные формирования противобольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы Гражданской войны. – Екатеринбург: ИРА УТК, 1997. – 314 с.
8. Бехтерев С.Л. Эсеро-максималистское движение в Удмуртии. – Ижевск, 1997. – 192 с.
9. Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 г. – М.: РОССПЭН, 2001. – 632 с.
10. Волков Е.В. «Гидра контрреволюции». Белое движение в культурной памяти советского общества. – Челябинск: Челябинский Дом печати, 2008. – 392 с.
11. Поршнева О.С. Образ Гражданской войны в сознании ее участников и современников (по материалам стихотворных публикаций периодической печати Урала 1917–1919 гг.) // Известия УРФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2012. – № 3 (104). – С. 269–277.
12. Скитина И.В. Человек в условиях Гражданской войны на Урале. Историография проблемы. – Тюмень: Из-во ТюмГУ, 2003. – 211 с.
13. Абрамовский А.П., Буданов А.В. Горные округа Южного Урала в 1917–1918 гг. – Челябинск: ЧИ УрАГС, 2008. – 373 с.

14. *Яркова Е.И.* Екатеринбургская губерния. 1919–1923 гг. Экономическое, политическое, социальное развитие: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Челябинск, 2008. – 26 с.
15. *Цысь В.В.* Трудовые армии в условиях Гражданской войны и перехода к новой экономической политике: автореф. дис. ... доктора ист. наук. – М., 2009. – 41 с.
16. *Верещагин А.С.* Парадоксы историографии ижевско–вогкинского восстания // Академик П.В. Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. – М., 2000. – С. 389–396.
17. *Чураков Д.О.* Революция, государство, рабочий протест. Формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917–1918 годы. – М.: РОССПЭН, 2004. – 371 с.
18. *Фельдман М.А.* Ижевско-вогкинский рабочий восстание сквозь призму социальной истории России // Российская история. – 2012. – № 3. – С. 12–20.
19. *Вебер М.И.* Этнические конфликты как фактор антибольшевистских восстаний уральских рабочих в 1918 г. // Уральский исторический вестник. – 2013. – № 4 (41). – С. 28–38.
20. *Поршнева О.С., Фельдман М.А.* Власть и рабочие России и Урала в условиях Гражданской войны: проблемы взаимоотношений. Очерки истории и историографии. – Екатеринбург: УрИ РАНХиГС, 2013. – 356 с.
21. *Антошин А.В., Поршнева О.С., Фельдман М.А.* Власть и рабочие России и Урала в условиях Гражданской войны: проблемы взаимоотношений // Вопросы истории. – 2014. – № 11. – С. 167–169.

УДК 94(571.122 Сургут)+908(571.122 Сургут+72031571

А.И. Прищепа

Сургут, государственный университет

О НЕОБХОДИМОСТИ КОРРЕКТИРОВАТЬ ИСТОРИЧЕСКУЮ ПАМЯТЬ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Анализируется историография красного и белого террора в годы Гражданской войны в России. Подчеркивается взаимная ответственность противоборствующих сторон за массовые репрессии и многочисленные жертвы участников боевых действий и мирного населения страны. Отмечается необходимость сегодня не допускать односторонних подходов в мемориализации жертв отечественной исторической трагедии.

Ключевые слова: красный террор; белый террор; массовый расстрел; насилие; жертва террора; каратели; закон; милосердие; справедливость; ответственность.

A.I. Prishchepa

Surgut, state university

THE NEED TO ADJUST THE HISTORIC MEMORY OF THE CIVIL WAR

The article analyzes the historiography of the red and white terror during the Civil war in Russia. Emphasizes the mutual responsibility of the warring parties for mass repression and many deaths of combatants and the civilian population of the country. Today notes the need to avoid unilateral approaches in the memorialisation of victims of domestic historical tragedy.

Key words: the red terror; black terror; mass shooting; violence; terror; punitive; the law; mercy; justice; responsibility.

Универсальным средством установления власти как красных, так и белых в годы Гражданской войны являлся террор. В зависимости от духовных ценностных ориентаций авторов в историографии сложилось два основных непримиримых мнения в оценке белого и красного террора, на которые справедливо указывает историк А.Б. Суслов. Руководители белых никогда не

призывали к массовому террору, к огульным расстрелам по социальному признаку, к взятию и расстрелу заложников. Белые не видели в массовом терроре идеологической и практической необходимости. Террор белых никогда не поощрялся их генералами. Они относились к нему как к вынужденному злу.

Согласно этой оценке принципиально иной характер носила террористическая политика большевиков. Советская власть воевала не за интересы народа, а против народа. Насильнический курс проводился в отношении почти всего крестьянства. Красный террор был воспет в большевистской печати и идеологизирован, он поощрялся вождями, массам внушалась мысль о необходимости, естественности и неизбежности террора. Деятельность «чрезвычайки», в отличие от карательных органов белых характеризовалась полнейшим произволом. Комиссары ввели крайне жестокие карательные меры, не применявшиеся ни царским режимом, ни «белыми» правительствами [1, с. 21]. Обнародованная недавно «Программа деятельности Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, состоящей при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России», казалось бы, неопровержимо доказывает правоту этих утверждений [2].

Согласно мнению Генриха Иоффе, на освобожденных от красных территориях шел настоящий реваншистский шабаш. Возвращались старые хозяева, царил произвол, грабежи, страшные еврейские погромы... [3, с. 61]. Павел Голуб подчеркивает, что количество убитых и замученных в колчаковских застенках не поддавалось учету. Только в Екатеринбургской губернии было расстреляно 25 тыс. человек [4].

Надежным средством борьбы противоборствующих сторон террор являлся и на территории Сургутского района во время Ишимского восстания 1921 г. Из документов и свидетельств современников известно о кровавых расправах, допускавшихся представителями обеих противостоящих сторон. Так, начальник военного штаба партизан Н.А. Преображенский сообщал командиру одного из повстанческих отрядов: «В Сургуте мною уже расстреляно по приговору военно-полевого суда три коммуниста. Только что приговорены к смерти еще четверо. Приговор будет приведен в исполнение сегодня в 10 часов». При этом важно отметить, как в ходе объяснения своих действий Н.А. Преображенский в начале этого документа оценивает моральный облик своего противника. «Прилагаю при сем копию только что полученной телеграммы из

Березова. Из нее Вы увидите, как ведут себя коммунисты с беззащитным населением. Надо покончить с этими извергами, потеврявшими всякое человеческое достоинство» [5, с. 152].

Одной из самых трагических страниц Ишимского восстания в Сургуте стала кровавая расправа над первыми сургутскими комсомольцами. Сегодня трудно назвать все фамилии. По разным источникам, их было более двадцати. Усилиями местного краеведа Ф.Я. Показаньева достоверно восстановлены фамилии комсомольцев Таисии Зориной, Германа Казарцева, Иосифа Казарцева, Николая Казарцева, Алексея Кайдалова, Ивана Кайдалова, Анны Каюриной, Александра Коновалова, Николая Макушина, Александра Новосельцева, Алексея Тетюцкого, Татьяны Устиновой, Якова Хворова, Михаила Щепеткина, Василия Яркова, Таисии Ярковой.

5 октября 1969 г. на улице Мелик-Карамова в Сургуте был установлен Памятник первым комсомольцам Сургута, а 7 октября состоялось его торжественное открытие. Он создан по эскизам Ивана Олейникова и Юрия Сергеева студентов Львовского политехнического института, которые в составе студенческого строительного отряда «Верховина» трудились на строительстве промышленных и гражданских объектов. Памятник представляет собой высокий двойной обелиск и стелу, выполненную в виде стены, на которой нанесена надпись: «Первым комсомольцам от молодежи 60-х гг., а также четверостишие журналиста, почетного жителя Сургута Н.И. Ездакова. Здесь находится графическое изображение красногвардейца в шапке-буденовке, отодвигающего одной рукой тьму невежества, другой рукой держащего винтовку [6].

Очевиден идеологический смысл этого монумента, который в обстановке 1960-х гг. не мог полностью отразить всю глубину и масштаб народной трагедии, которой стала для России Гражданская война. Сегодня историки, стремясь в полной мере осознать это, обращаются в первую очередь к ее истокам. Причины Гражданской войны усматриваются ими в чрезвычайных обстоятельствах экономической, политической, социальной и духовной жизни России, рожденными Первой мировой войной и революцией 1917 г.

Так, известный отечественный историк Ю.А. Поляков полагает, что красный и белый террор был порожден чрезвычайными объективными обстоятельствами. «Революция защищается, –

пишет он, – но ее меч в пылу борьбы карает и невинных». Свиристствовали не только красные, но и белогвардейцы. Они наводили порядок огнем и мечом [7, с. 21].

Ссылаясь на П.И. Гришанина, укажем на рассуждения С.П. Карпенко о бесчеловечных реалиях гражданской войны, которые обостряли ожесточение и мстительность, замутняли нравственные истоки героизма и стойкости, вносили в моральный облик и поведение участников войны то, что Деникин называл «грязью» [8, с. 167]. Своеобразное видение истоков террора предлагает историк Д.В. Митюрин. С помощью сравнительных жизнеописаний двадцати трех пар военачальников противоборствующих сторон он, по аналогии с Французской революцией, называет своих героев «несостоявшимися бонапартами», делая упор на то, что все они в той или иной мере были романтиками-идеалистами. Поэтому Д.В. Митюрин не дает однозначного ответа на вопрос: «На чьей стороне – красной или белой была правда в гражданской войне?» [9, с. 168].

Возвращаясь к памятнику первым комсомольцам Сургута, следует сказать, что в нем запечатлена настоящая правда об истории Гражданской войны. Но только одна ее часть. Общепризнанная память о ней должна быть дополнена установлением монумента жертвам красного террора в Сургуте.

Литература

1. Сулов А.Б. История Советской России (1917–1991). – Пермь, 1995. – 140 с.
2. Красный террор в годы Гражданской войны / под ред. Ю.Г. Фельштинского, Г.И. Чернявского [Электронный ресурс] // Lib.Ru: Библиотека Максима Мошкова [сайт]. URL: <http://lib.ru/HISTORY/FELSHTINSKY/krasnyjterror1.txt> (дата обращения 25.04.2016).
3. Иоффе Г. Генерал Деникин (...народ снизу доверху пал так низко...) // Наука и жизнь. – 2004. – №12. – С. 60–63.
4. Белый террор в Гражданской войне [Электронный ресурс] // «Блог кричащих статей и правдивых историй» [сайт]. URL: voprosik.net/belyj-terror-v-grazhdanskuyu-voynu (дата обращения 25.04.2016).
5. Цысь В.В. Сургут под властью участников Западно-сибирского крестьянского восстания 1921 года // Вестник НВГУ. – 2014. – №2. – С. 149–153.

6. Первые комсомольцы Сургута [Электронный ресурс] // SurWiki [сайт]. URL: surwiki.admsurgut.ru/wiki/index/php (дата обращения 25.04.2016).
7. Цит. по: Суслов А.Б. История Советской России (1917–1991). – Пермь, 1995. – 140 с.
8. Цит. по: Гришанин П.И. Современные подходы к изучению Гражданской войны и Белого движения // Вопросы истории. – 2009. – № 6. – С. 160–169.
9. Там же.

УДК 930+94(47)+314(571) “1917/1922”

В.И. Шишкин

*Новосибирск, Институт истории
Сибирского отделения РАН*

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В РОССИИ
ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИЙ 1917 Г.
И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В статье ставится задача проанализировать состояние в России каналов и лифтов социальной мобильности во время революций 1917 г. и Гражданской войны. Автор делает вывод, что под воздействием происходивших в стране военно-политических событий темпы и масштабы социальных перемещений по сравнению с предшествующим мирным временем многократно возросли, а набор и субординация каналов и лифтов, через которые они осуществлялись, принципиально изменились. К концу Гражданской войны оба главных индикатора социальной циркуляции явно сигнализировали о возникновении в советском обществе критической ситуации.

Ключевые слова: Россия; общество; мировая война; революция; Гражданская война; социальная мобильность; каналы; лифты; структура.

V.I. Shishkin

*Novosibirsk, Institute of history
of the Siberian branch of the RAS*

SOCIAL MOBILITY IN RUSSIA DURING
THE REVOLUTIONS
OF 1917 AND THE CIVIL WAR

The article focuses on the analysis of condition of channels and elevators of social mobility in Russia during the revolutions of 1917 and the Civil war. The author comes to the conclusion that under the influence of military and political events in the country, pace and scale of social movements, as compared to the time of peace, have drastically increased, and the set and

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01725).

subordination of channels and elevators of such movements have changed significantly. By the end of the Civil war both principal indicators of social circulation have clearly showed the emergency situation in the soviet society.

Key words: Russia; society; world war; revolution; Civil war; social mobility; channel; elevators; structure.

Социальная мобильность, структура и стратификация относятся к важнейшим характеристикам состояния любого общества. Советское общество в этом отношении не составляло исключение. Однако полноценное изучение его социальных проблем отечественными исследователями большую часть времени коммунистического правления было табуировано, а для зарубежных ученых – затруднено из-за недостатка объективной информации.

Закрытость советского общества не стала непреодолимой преградой для его исследования и не привела к утрате научного интереса к социальной проблематике этого феномена. Неслучайно изучение советского сфинкса, которое началось еще в 1920-е г., продолжается вплоть до настоящего времени. Наибольшее внимание советские, современные российские и зарубежные исследователи уделили анализу зрелого и «застойного» этапов советского общества, датируемых концом 1930-х – концом 1980-х г. Для его понимания они предложили различные оригинальные подходы и сформулировали интересные объясняющие концепции.

Вместе с тем историографическим парадоксом нужно признать недостаточное внимание к периоду генезиса советского общества, который пришелся на время революций 1917 г. и Гражданской войны. В отечественной историографии имеются статьи и монографии о его социальной структуре только конца Гражданской войны, выполненные в марксистской парадигме, с опорой на которую объясняется формат произошедших изменений. Но в этих публикациях не раскрываются социальные перемещения как таковые, их направленность, интенсивность и степень охвата, институты и механизмы (каналы и лифты), с помощью которых такие результаты были достигнуты. Поэтому в настоящей статье ставится задача восполнить выявленный пробел, ограничившись только выяснением наличия и характеристикой функционирования основных каналов и лифтов горизонтальных и вертикальных перемещений в России во время революций 1917 г. и Гражданской войны.

Как известно, социальная циркуляция детерминирована совокупностью объективных и субъективных факторов, имеющих разный потенциал и продолжительность воздействия на социально-демографическую структуру общества. С середины 1914 г. главными из них стали мировая война, Февральская и Октябрьская революции. Именно их воздействие привело к многократному возрастанию по сравнению с предшествующим мирным временем темпов и масштабов социальной мобильности, обусловило трансформацию одних ее каналов и лифтов, возникновение других, утрату или ликвидацию третьих.

С началом мировой войны важнейшими каналами мобильности в России стали мобилизация мужского населения в армию и на тыловые работы, эвакуация и бегство гражданского населения из прифронтовой полосы. Названные виды перемещений охватили около двух десятков миллионов населения. Они отрицательно повлияли на функционирование такого традиционного канала мобильности, как брачность, частично деформировали существовавшую семейную структуру, имели своим следствием понижение социального статуса многих сотен тысяч вынужденных мигрантов. Как следствие названных процессов, российское общество сильно маргинализировалось. Но поскольку указанные каналы горизонтальной мобильности довольно жестко контролировались органами государственной власти, ее повышенная активность и объем не имели для социально-демографической структуры разрушительного характера.

Мировая война, во время которой в России возникли новые организации и структуры, оказала ощутимое влияние на вертикальную мобильность. Учрежденные во время войны Всероссийский земский союз и Всероссийский союз городов, Центральный и местные военно-промышленные комитеты (ВПК) по своей роли в экономике России почти не уступали государству. Благодаря находившимся в их собственности и / или в управлении материальным и финансовым ресурсам названные союзы и ВПК превратились в мощные лифты социальной мобильности, альтернативные органам государственной власти. В них нашли себе место и за кратчайший срок проделали стремительную карьеру тысячи общественных деятелей, которые составили своеобразное ядро всероссийской и местной контрэлиты, после Февральской революции заместившей собой царскую администрацию.

С весны 1917 г. на прямо противоположный по сравнению с предыдущим периодом войны изменился вектор горизонтальной мобильности. Постепенно главными каналами перемещений стали дезертирство и стихийная демобилизация армии. Поскольку они осуществлялись незаконно, то превратились в опаснейший фактор, разрушавший не только армию и фронт, но и тыл. Особенно сильно пострадала от этого неуклонно нараставшего потока агрессивно настроенных людей в солдатских шинелях работа железнодорожного транспорта, который и без того плохо справлялся с перевозками. К тому же дезертиры стали социальным ферментом, который активизировал аграрные беспорядки в районах помещичьего землевладения.

Однако еще более серьезные изменения, имевшие для России долгосрочные последствия, произошли в сфере и с механизмом вертикальных перемещений. Свержение самодержавия привело к тому, что были ликвидированы целые сегменты аппарата государственной власти, что обусловило нисходящую мобильность больших групп бывших служащих, особенно жандармерии, полиции, тюремного ведомства. В то же время население перестало соблюдать законы, которые раньше выполняли роль запретительных барьеров, ограничивавших самовольное учреждение разного рода общественных организаций. В результате в стране возникли тысячи разного рода и уровня обществ, объединений, союзов, комитетов, советов и т. п. Они создавались по идейным, теоретическим, экономическим, культурным, классовым, сословным, национальным, конфессиональным, профессиональным, территориальным, возрастным, гендерным основаниям – и были призваны артикулировать и защищать интересы своих членов. В результате впервые в российской истории общество предстало перед всем миром и для самого себя едва ли не во всем своем многообразии, сложности и противоречивости.

Все эти общественные организации в той или иной степени выполняли роль социальных лифтов, отличавшихся друг от друга внутренним устройством, «грузоподъемностью» и «этажностью». Их наличие и функционирование привели к тому, что интенсивность и объем социальных перемещений в России весной – осенью 1917 г. достигли невиданных раньше показателей. Но из-за слабости Временного правительства, изначально не располагавшего полнотой власти, происходило неуклонное уменьшение привлекательности и реального значения в качестве лифтов социальной

мобильности органов государственной власти, земско-городского самоуправления и армии, которые раньше в этом отношении занимали приоритетные позиции. Сказалось также то обстоятельство, что при Временном правительстве в аппарате государственной власти и в армии основным критерием индивидуальной мобильности чиновников и офицерского корпуса стал не столько высокий профессионализм и достижения по службе, сколько политические взгляды и настроения.

С весны 1917 г. в России наблюдалась устойчивая тенденция, свидетельствующая об усилении позиции в качестве социального лифта Советов депутатов, кооперации, профессиональных союзов и политических партий социалистической ориентации. Закреплению Советов в качестве основного лифта, обеспечивавшего восходящую вертикальную мобильность, во многом способствовало формирование системы Советов депутатов во главе с Всероссийским центральным исполнительным комитетом, а затем повторное выдвижение большевиками в сентябре 1917 г. лозунга «*Вся власть Советам!*». Формирование и функционирование многообразных лифтов привело к возникновению в после февральской России новых страт, к частичному изменению позиций и статусов ранее имевшихся групп. Но конфигурация общества в основном осталась дореволюционной.

Взятие большевиками государственной власти и повсеместное утверждение диктатуры пролетариата в России сопровождалось разнонаправленными социальными перемещениями по горизонтали и вертикали. Демобилизация старой армии, возвращение на родину военнопленных из Германии и Австро-Венгрии, бегство интеллигенции, служащих и предпринимателей из городов Европейской России на юг и на восток от голода и от большевистского террора, мешочничество – вот доминировавшие с конца 1917 до лета 1918 г. каналы горизонтальной мобильности. Если первые два из них «работали» на нормализацию социально-демографической структуры населения, то остальные способствовали ее деформации.

Но еще большее деформирующее воздействие оказала политика большевиков в первые 7 месяцев их правления на состояние и результаты функционирования лифтов социальной мобильности. Достигался такой эффект двумя взаимосвязанными способами. С одной стороны, по мере установления власти Советов происходила ликвидация и / или ограничение деятельности многих

органов, организаций и институтов, которые раньше выполняли роль лифтов для помещиков, буржуазии, большинства интеллигенции и служащих. Были упразднены управленческие структуры свергнутого Временного правительства, земского и городского самоуправления, запрещена партия кадетов, разогнано Учредительное собрание, преследовались партии меньшевиков и правых эсеров, руководимые умеренными социалистами Совдепы, профсоюзы и кооперация.

С другой стороны, эти и некоторые другие категории населения были лишены по закону права избирать и быть избранными в органы государственной власти, тогда как пролетарии в этом отношении получили привилегии. Как следствие такой политики большевиков, миллионы наиболее грамотных и предприимчивых граждан России утратили прежний социальный статус, а многие оказались на положении маргиналов. Социальные же низы, особенно городские пролетарии, напротив, совершили восхождение. Такого радикального изменения социальной конфигурации и стратификации Россия в своей истории не знала.

В конце весны – начале лета 1918 г. постепенно набравшая обороты гражданская война приобрела в России широкомасштабный характер. За два с половиной года, что она длилась, главными каналами горизонтальной мобильности служили мобилизации в Вооруженные силы противоборствовавших сторон, которым сопутствовало дезертирство, и миграции из города в деревню, из центральных районов Европейской России на юг и на восток, обусловленные военно-политическими событиями и голодом. Но если военные мобилизации и дезертирство продолжали наращивать маргинальные слои общества главным образом за счет крестьянства, то миграции имели своим следствием нисходящую мобильность таких групп городского населения, как предприниматели, интеллигенция и служащие.

За время Гражданской войны созданная большевиками система диктатуры пролетариата приобрела заверченный вид и эталонный характер. Несущими элементами этой конструкции и главными лифтами мобильности являлись партия большевиков, Совдепы, Красная армия, профессиональные союзы и Коммунистический союз молодежи. В совокупности их численность едва ли превышала 10 мм в человек, каждый из которых потенциально имел возможности для карьерного роста. Остальные же граждане РСФСР, составлявшие ее гигантское большинство,

такой перспективы не имели. Как следствие, социальная структура советского общества стала более примитивной и жесткой.

Все это свидетельствует о том, что изначально советское общество отличалось высокими показателями горизонтальной мобильности, чаще всего имевшей принудительный или вынужденный характер, что вело к дальнейшему разрушению и без того уже ослабленного мировой войной общественного организма. Ликвидация в ходе Октябрьской революции лифтов, обеспечивавших восходящую мобильность для богатых и образованных слоев населения, обусловила их стремительное падение. Доступ же к лифтам, созданным большевиками для продвижения наверх, получили главным образом рабочие и трудящиеся крестьяне, большая часть которых, однако, из-за элементарной неграмотности реально воспользоваться предоставленной им возможностью не могла. В конце Гражданской войны оба главных индикатора социальной циркуляции явно сигнализировали о возникновении в советском обществе критической ситуации.

УДК 32.019.51

Д.А. Михайлов, В.А. Саляева
*Новосибирск, Сибирский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы*

«КТО-ТО ДОЛЖЕН СКАЗАТЬ ПРАВДУ
ОБ ЭТОМ ЧЕЛОВЕКЕ».
РИТОРИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ПОЛЕМИКИ
ВОКРУГ ПЕРЕИМЕНОВАНИЯ
СТАНЦИИ «ВОЙКОВСКАЯ» В МОСКВЕ

Разрушение идеологической монополии в 90-х привело к формированию новой историографии, в рамках которой убийство императора Николая II стало одним из центральных мест памяти российского общества. В результате осенью 2015 г. в центре внимания общественности оказалась фигура П.Л. Войкова, чей образ героя-дипломата вступил в конфронтацию с образом террориста-цареубийцы. Таким образом, эта одна из немногих публичных дискуссий стала показательной не столько в отношении поляризации и радикализации российского общества, сколько в очевидном конфликте «старого» и «нового» прошлого, что проявляется в полемиках относительно конкретных мест социальной памяти.

Ключевые слова: места социальной памяти; П.Л. Войков; интернет-референдум.

D.A. Mikhailov, V.A. Salyaeva
*Novosibirsk, Siberian Institute of Management –
branch of Russian Academy of National Economy
and Public Administration*

“SOMEONE NEEDS TO TELL
THE TRUTH ABOUT THIS MAN”.
THE RHETORICAL STRATEGIES OF POLEMICS
AROUND THE RENAME
OF “VOYKOVSKAYA” STATION IN MOSCOW

The destruction of the ideological monopoly in early 90s led to the formation of a new historiography, in which the murder of Emperor Nicholas II became the one of the central places of the Russian society's memory.

As a result, in the autumn of 2015 the figure of P.L. Voykov was in the center of public attention. His image as a hero came into confrontation with the image of the regicide. Thus, this public discussion was indicative not only in terms of Russian society's polarization and radicalization, but also in an apparent conflict of the «old» and «new» past that manifests itself in controversies about specific places of social memory.

Key words: places of social memory; P.L. Voykov; Internet-referendum.

Исторический нарратив является одним из ключевых элементов политической идеологии, который позволяет акцентированно формулировать ценностные ориентиры политического сообщества, рутинизировать его моральные и этические установки. Обострение социального противостояния приводит к столкновению конкурирующих исторических дискурсов, что проявляется в полемиках относительно конкретных мест социальной памяти.

Осенью 2015 г. в центре внимания общественности оказалась фигура советского государственного деятеля – П.Л. Войкова, мобилизующий политический потенциал которого во многом определил драматические обстоятельства его гибели. В советской историографии Войкову посвящено несколько написанных в апологетическом стиле монографий, делающих акцент на его дипломатическую деятельность. Однако в 1930-е гг. в эмигрантской среде на основе мемуаров эмигранта-невозвращенца Г.З. Беседовского был сформирован крайне негативный образ Войкова, центральным событием жизни которого рассматривалось его непосредственное участие в расстреле царской семьи.

Разрушение идеологической монополии в конце 1980 – начале 1990-х гг. привело к формированию новой историографии, во многом формировавшейся в качестве контрнарратива. Приобретшая в начале 1990-х гг. характер государственной политики концепция возрождения превратила в одно из центральных мест памяти российского общества убийство императора Николая II. Образ Войкова как героя-дипломата вступил в конфронтацию с образом террориста-цареубийцы, палача.

Инициаторами дискуссии выступили монархисты и Русская православная церковь. В январе 1999 г. монархическое движение «За веру и Отечество» обратилось к мэру Москвы Ю. Лужкову с предложением провести деполитизацию столичной топонимики, «чтобы названия улиц не вызывали разделения в народе» [1]. Весной 2007 г. отец Никон выступил с призывом переименовать

станцию метро «Войковская» разбередив «старую рану» [2].

Современный виток полемики характеризуется принципиальной публичностью и участием в споре политических сил широкого спектра. К РПЦ вскоре присоединились фонд «Возвращение», «Справедливая Россия», «Яблоко», инициативная группа жителей и совет депутатов Войковского района, Московская хельсинкская группа, президентский совет по правам человека и общественный проект «За переименование "Войсковой"» [3].

Аргументы сторонников удаления имени Войкова из социальной памяти формулируются в трех контекстах.

Во-первых, в контексте государственной безопасности. Любопытно, что наиболее активную позицию в этом отношении заняла РПЦ. Церковные иерархи подчеркивают террористический, антигосударственный характер деятельности Войкова. Упоминаются и другие его государственные преступления, в частности «распродажа за бесценок сокровищ Алмазного фонда и Эрмитажа» [4]. «Перед нами настоящий террорист и разрушитель государственности. Сначала он занимался обычным террором, потом осуществлял террор от лица захвативших власть, но это его не оправдывает, к тому же убийство царской семьи было осуждено решением суда уже в современной России», – заявил отец Всеволод [5].

Во-вторых, в национальном контексте. Наиболее последовательно эту линию проводят русские националисты. В их кампании в первую очередь выделяется этнический аспект проблемы: уничтожение русского самодержавия «кровавыми русофобами». В этой же связи стоит отметить подчеркивание патриотическими интернет-изданиями якобы настоящего имени Петра Войкова – Пинхус Вайнер. «Зачем из него сделали иудея?» – задается вопросом историк А. Гаспарян. – «Тут два варианта: либо они просто не знают о таких фактах, либо они “заряжены” конкретно против Войкова и всё их движение – откровенное кликушество» [6].

Третий контекст, в котором формулируется аргументация сторонников переименования станции «Войковская» – этический. Лидер Национально-демократической партии К. Крылов выделяет то, что центральной темой дискуссии является детоубийство. Именно моральный фактор послужил основанием участия в кампании российских либералов – представителей «Яблока», Московской Хельсинкской группы и «Мемориала» [7]. Наиболее эмоционально эту позицию отстаивал главный редактор «Эха Москвы» Алексей Венедиктов, который опирается на историю,

изложенную в трудах Беседовского [8, 7].

С ответной стратегией выступили КПРФ и Союз коммунистической молодежи, подчеркивающие фальсифицированный характер претензий к Войкову и вскрывающие «истинную подоплеку» действий властей – стремление этой полемикой подменить актуальную социально-экономическую повестку.

По мнению лидера КПРФ Г. Зюганова, передает «Интерфакс», думское большинство в лице «Единой России» подбросило «дохлую кошку, чтобы отвлечь внимание людей от ключевых проблем и ввергнуть их в бесконечный спор о переименованиях» [9]. «Сейчас нам пытаются представить Войкова как головореза. Из памяти пытаются выкорчевать Войкова-дипломата, установившего мир с Польшей и убитого за это белогвардейским террористом», «Нет – переименованию "Войковской" и войне с собственной историей. Да – решению коммунальных проблем района и страны!» – пишет *Д. Зоммер, секретарь МГК СКМ РФ* [10]. Близкие по смыслу выводы в 2011 г. были сделаны старшим следователем-криминалистом В. Соловьевым, который вынес постановление о непричастности Войкова к убийству царской семьи: «Это часть старого замысла – выкинуть Ленина из мавзолея. Сначала создаём истерику вокруг видных большевиков, потом переходим к главному символу на Красной площади. Так что мы только в начале этой хорошо организованной кампании» [6].

Характерно, что дискуссия, которая носит преимущественно этический характер, практически не затрагивает главный исторический вопрос – аутентичность воспоминаний Беседовского. Аргументы, приводимые профессиональными историками, не принимаются во внимание. Налицо конфликт исторического сознания и социальной памяти. Для сторонников и противников переименования «Войковской» этот вопрос самоочевиден, поскольку является вторичным по отношению к идеологическим установкам. Научная респектабельность доводов сторонников переименования базируется на справке, составленной сотрудниками Института российской истории РАН И.А. Курляндским и В.В. Лобановым, которые также взяли за основу мемуары Беседовского. При этом игнорируются публикации архивных документов, в том числе сборник «Исповедь цареубийц», который вышел в 2008 г., где чётко указывается, кто убивал семью Николая II [6].

В связи с нарастанием полемики власти Москвы оказались в двойственной ситуации. С одной стороны, для власти характерны

поддержка инициатив РПЦ и антиреволюционный дискурс; с другой – в последнее время наметился тренд на стабильность, а также очевидное нежелание власти солидаризироваться с представителями несистемной оппозиции. В результате, чтобы не ухудшать ситуацию в октябре 2015 г., С. Собянин сообщил о проведении интернет-референдума в системе «Активный гражданин» [11]. По завершению голосования 23 ноября против переименования высказались 53 % участников [12].

Комментарии к итогам голосования различны. Многие считают, что результаты соответствуют реальности и отражают «выбор москвичей» [13, 14]. Однако президент фонда «Возвращение» Ю. Бондаренко заявил, что результаты опроса сфальсифицированы [15].

Таким образом, одна из немногих публичных дискуссий в условиях сжимающегося политического пространства стала показательной не столько в отношении поляризации и радикализации российского общества, сколько в очевидном конфликте «старого» и «нового» прошлого, что проявляется в полемиках относительно конкретных мест социальной памяти. Сам же спор вокруг переименования станции «Войковская» не закончен. Возможно в скором времени вновь послышатся голоса, агитирующие за стирание имени Войкова с карты Москвы.

Литература

1. Духовник монархического движения призывает убрать имя Войкова с карты Москвы без промедлений [Электронный ресурс] // Интерфакс: религия [сайт]. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=37711> (дата обращения 21.05.2016).
2. Иеромонах предложил переименовать «Войковскую» [Электронный ресурс] // Новости: общество – Mail.ru [сайт]. URL: <https://news.mail.ru/society/1301817/> (дата обращения 21.05.2016).
3. Глава СПЧ – за переименование станции метро «Войковская» [Электронный ресурс] // Интерфакс: религия [сайт]. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=59873> (дата обращения 21.05.2016).
4. Первоиерарх РПЦ просит Собянина убрать имя Войкова с карты Москвы [Электронный ресурс] // Интерфакс: религия [сайт]. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=59723> (дата обращения 21.05.2016).

5. Войкову не место в топонимике Москвы, считают в Церкви [Электронный ресурс] // Интерфакс: религия [сайт]. URL: <http://www.interfax-religion.ru/print.php?act=news&id=59517> (дата обращения 21.05.2016).
6. СТАНЦИЯ ПРЕТКНОВЕНИЯ: Войков не убивал царя и его семью [Электронный ресурс] // СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО [сайт]. URL: <http://www.sovsekretno.ru/articles/id/5204/> (дата обращения 21.05.2016).
7. «Яблоко» изгоняет революцию из метро [Электронный ресурс] // Коммерсант.ru [сайт]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2778172> (дата обращения 21.05.2016).
8. Без московской подземки [Электронный ресурс] // Фонд «ВОЗРАЩЕНИЕ» [сайт]. URL: <http://www.vozvr.ru/tabid/248/ArticleId/2743/bes-moskovskoy-podzemki.aspx> (дата обращения 21.05.2016).
9. Станцию метро «Войковская» предложили переименовать в «Волковскую» [Электронный ресурс] // МОСКВЕ. – Newsmask.ru [сайт]. URL: <http://www.newsmask.com/article/25Oct2010/volkovskaya.html> (дата обращения 21.05.2016).
10. Московский горком комсомола начал сбор подписей против переименования «Войковской» [Электронный ресурс] // СОЮЗ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ [сайт]. URL: <http://skm-rf.ru/news/3029-Московский-горком-комсомола-начал-сбор-подписей-против-переименования-Войковской.html> (дата обращения 21.05.2016).
11. Вопрос о переименовании станции «Войковская» москвичи решат на электронном референдуме [Электронный ресурс] // ТАСС. 1999–2015 [сайт]. URL: <http://tass.ru/obschestvo/2387989> (дата обращения 21.05.2016).
12. Переименование станции метро «Войковская» [Электронный ресурс] // Википедия: свободная энциклопедия [сайт]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Переименование_станции_метро_\"Войковская\"](https://ru.wikipedia.org/wiki/Переименование_станции_метро_\) (дата обращения 21.05.2016).
13. «Активный гражданин» прошел проверку на прозрачность [Электронный ресурс] // Российская газета: RG.RU. 1998–2015. [сайт]. URL: <http://www.rg.ru/2015/11/26/servis-site.html> (дата обращения 21.05.2016).
14. Нервоз постоянства [Электронный ресурс] // Российская газета: 1998–2015 [сайт]. URL: <http://www.rg.ru/2015/11/23/voikov.html> (дата обращения 21.05.2016).
15. Москвичи проголосовали против переименования «Войковская» [Электронный ресурс] // Lenta.ru. 1999–2015 [сайт]. URL: <http://lenta.ru/news/2015/11/23/voikovskaya/> (дата обращения 21.05.2016).

УДК 930.1

В.Л. Кургузов

*Улан-Удэ, Восточно-Сибирский государственный
университет Технологий и управления*

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ 1917–1922 гг.
(к проблеме памяти и забвения)

В статье анализируются проблемы сохранения исторической памяти о событиях гражданской войны 1917–1822 гг. в России, сделаны выводы о негативных тенденциях проявления этой памяти в социокультурном пространстве современной России.

Ключевые слова: Россия; история; Гражданская война; интервенция; память; забвение.

V.L. Kyrguzov

*Ulan-Ude, East Siberia state university
of technology and management*

THE CIVIL WAR IN RUSSIA 1917–1922
(To the problem of memory and forgetting)

The article analyzes the problems of historical memory and forgetting about the events the Civil war 1917–1922 in Russia, the conclusions of the negative trends in the manifestations of this memory in the sociocultural space Russia.

Key words: Russia; history; Civil war; intervention; memory; forgetfulness.

При анализе проблем мемориализации красного и белого движений в ходе гражданской войны в России (1917–1922 гг.) вряд ли следует забывать о том, что все они «...концентрируются не только в пространстве исторической памяти, но и исторического забвения, ибо память, это всегда вторая сторона забвения, которое, к счастью, никогда не бывает полным» [1. с.78]. Многие события Гражданской войны и интервенции уже основательно забыты в своей конкретике и нередко предстают сегодня перед нами в виде своеобразного белого пятна истории. При этом прошлое чаще всего предстает в настоящем, как правило, в идеализированном виде. Для каждого поколения русских людей всегда

будет не только свой Колчак, но и свой Сергей Лазо, свой атаман Семенов, но и свой будущий первый в СССР маршал Блюхер, свой атаман Калмыков, но и свой командующий 5-й армии ДВР Уборевич, вышвырнувший в начале ноября 1922 г. последних интервентов и белогвардейцев из Владивостока, поставив тем самым точку в Гражданской войне словами вечно живой в памяти народа песни «И на Тихом океане своей окончили поход...».

Сегодняшнее обращение к памяти о Гражданской войне в России объясняется тем, что во времена кризиса, наличие которого в сегодняшней России вряд ли кто-либо будет отрицать, начинается отрицание деяний поколений отцов и обращения к опыту и достижениям дедов. Именно возврат к истокам становится прокладкой путей в будущее, а воссоздание старого в новых условиях не может быть ничем иным, как творением нового, являя собой один из вариантов проявления гегелевской «хитрости разума», ведущего людей отчужденными путями истории. [2]. Подобная постановка вопроса означает, что центральным понятием, наряду с исторической истиной, выступает понятие историческая справедливости. Однако, как мне представляется, достижение исторической справедливости и умиротворенной памяти возможно только на путях социальной справедливости вообще. Но поскольку до торжества социальной справедливости в современной России еще далеко, то наивно было бы полагать, что до установления исторической истины рукой подать. Однако это совсем не значит, что нам надо отказаться от исторической памяти и перестать ворошить в нашей памяти и сердцах то, что стало забвением.

Диалектика памяти и забвения убедительно отражена в отечественной историографии Гражданской войны и интервенции. Историография уже сама по себе и память и памятник. Однако этот памятник время от времени менял свой облик. В историографии можно выделить четыре периода: с 1917 г. – до середины 1930-х гг.; с середины 1930-х – до середины 1950-х гг., с середины 1950-х гг. до 1990-х гг., с начала 1990-х гг. – по настоящее время. При этом работы, например, 1920–1930-х гг. создавались без заданных концепций по сравнению с последующими периодами давления идеологии над фактами. В то же время классовый подход уже на первом этапе сказался на негативном освещении Белого движения. Иначе и быть не могло. В памяти людей свеж драматизм переживаемого момента истории. И в абсолютном своем большинстве люди к зверствам, творимым белогвардейцами,

относились враждебно. О сегодняшних призывах некоторых историков к братанью с ними не могло быть и речи.

Сегодня идеология тоже давит над фактами. Поэтому автор статьи поддерживает вывод иркутского историка С. Волкова, который в книге «Призрак золотого эшелона Колчака» пишет о том, что современные историки даже в фундаментальном труде «Историческая энциклопедия Сибири» (Новосибирск, 2009) «крайне скупы..., всего несколькими строками» упоминают «об иностранной интервенции стран Антанты против большевистской России (1919–1920 гг.)» [3, с. 192]. Случайно ли это? Конечно нет, вполне осознанно.

Не думаю, что авторам этого фундаментального труда неизвестно высказывания бывшего Госсекретаря США Мадлен Олбрайт: «Где же здесь справедливость, если такой землей, как Сибирь, владеет только одна страна?». Еще более откровенно заявляла другой бывший Госсекретарь США, Кондолина Райс: «Сибирь слишком большая, чтобы принадлежат одному государству». Группа американских авторов в книге «Проклятие Сибири» заключает: «В Сибири сосредоточены ресурсы, принадлежащие вовсе не русским, а всему человечеству». Еще более цинично выражала свои мысли бывший премьер-министр Англии Маргарет Тетчер: «Россиян следует сократить до 15 миллионов человек, обслуживающих скважины и рудники» [4, с.196].

Как известно, Берлинская стена давно рухнула. Запад отметил «миротворца» Горбачева Нобелевской премией мира, но вдруг, как на дрожжах, по инициативе тоже «миротворца» и лауреата Нобелевской премии мира, президента США Барака Обамы возникла другая – стена американских военных баз практически на границах с Россией, некоторые из которых оснащены ядерным оружием. Выходит, что возможность новой интервенции против России вовсе не сброшена со счетов. Но история учит, что любая интервенция не может обойтись без опоры на местных «контрас». Этого и доказывать никому не надо. Надо лишь этих «контрас» воспитать, а затем организовать.

Воспитание людей, вскормленных идеями и финансами «из-за бугра» идет весьма успешно особенно после перестроечных гримас Горбачева и преступных реформ Ельцина. Параллельно с преклонением перед англоязычной культурой в России с начала 1990-х гг. синхронно идет процесс тотального уничтожения памяти о достижениях советского периода истории, развал советской

системы образования. Идет не бездумный, а планируемый процесс ее реформирования на западный лад без учета национальных традиций и особенностей исторических судеб России. Начиная с 1990-х гг. школьные учебники по истории у нас менялись практически каждый год, взвешенного учебника по истории России нет до сих пор. А посему, как шутил Пушкин: «У нас есть три истории России: одна для гостинной, другая для гостиницы, третья для гостинного двора». Между тем у государства одна история, и учебник должен быть один. Не будет единого учебника – не будет единого народа. В конце прошлого века историю России вывернули наизнанку, как «тришкин кафтан», когда стало черным, а черное белым.

Сегодня мы видим, например, как на волне псевдодемократии некоторые потомки белогвардейцев из новорусского казачества Забайкалья дошли до того, что собирают средства на памятник пособнику японских интервентов, кровавому палачу рабочих и крестьян атаману Семенову, повешенному решением трибунала в 1945 г. в Чите. Речь идет об атамане, которого даже командир американского корпуса интервентов генерал Грэвс в известной книге «Американская авантюра в Сибири» назвал отпетым негодяем, бандитом и убийцей [4, с.185]. Не прочь поставить памятник последователи атамана уссурийских казаков Калмыкова, о котором все тот же Грэвс отзывался так: «Здесь, в Хабаровске, я впервые встретил этого знаменитого убийцу, разбойника и головореза Калмыкова, который был самым отъявленным негодяем, которого я когда-либо встречал, и я серьезно думаю, что если внимательно перелистать энциклопедический словарь и посмотреть все слова, определяющие различного рода преступления, то вряд ли можно будет найти такое преступление, которого бы Калмыков не совершал» [5, с. 16].

Из адмирала Колчака у нас сегодня сотворили икону великомученика, эдакого ученого гидролога-романтика. Из него делают героя многосерийных теле- и кинофильмов. При этом почему-то забывается тот факт, что «верховный правитель Сибири» Колчак и его правительство в Омске начиная с 1918 г. существовали исключительно на деньги стран Антанты. Его советники были из Англии (полковник Вечвуд), Франции (генерал Жанен) и США (генерал Грэвс), которые, как известно, денег на ветер не бросают. За их советы надо было расплачиваться богатейшими природными богатствами Сибири, которые щедро обещало им правительство Колчака.

О настырности необелогвардейцев в отмывании «честного имени Колчака» свидетельствуют неоднократные попытки его реабилитации. Еще 26 января 1999 г. военный суд Забайкальского военного округа признал Колчака не подлежащим реабилитации. «Колчак не остановил террора в отношении гражданского населения и, как человек, совершивший преступления против мира и человечности, не подлежит реабилитации». На этом, кажется, можно было бы поставить точку. Ан, нет! В январе 2001 г. этот вердикт пришлось подтвердить уже на Военной коллегии Верховного суда РФ, а 4 мая 2005 г., Главная военная прокуратура РФ, вернувшись в пятый раз к вопросу о реабилитации Колчака, вновь отказала со следующей формулировкой: «Бывший верховный правитель Сибири повинен в массовом терроре против сторонников советской власти и не подлежит реабилитации, заслуги адмирала в дореволюционный период не могут служить основанием для реабилитации». Но и это еще не все... Последний раз в реабилитации Колчака отказала уже прокуратура Омской области в январе 2007 г. Но несмотря ни на что памятник Колчаку возведен на берегу Ангары в самом центре Иркутска.

Сегодня нам, как воздух, нужны знания и другой стороны медали героической советской истории прошлого своего края. Именно эта – другая – история, на мой взгляд, и есть самый мощный потенциал воспитания гражданина и патриота страны. Забвение этой истины дорого нам обходится.

Литература

1. Кургузов В.Л. Историческая память и забвение в культурном пространстве как репрезентация прошлого в настоящем // «Белые пятна» российской и мировой истории. Научный журнал. «Аналитик Родис». – М., 2011. – № 1. – С. 76–90.
2. Гегель Г.В-Ф. Феноменология духа. – М., 1955.
3. Волков С. Призрак золотого эшелона Колчака. Кругобайкальская железная дорога. – Иркутск, 2013.
4. Там же.
5. Грэвс. Американская авантюра в Сибири. – М.: Государственное военное издательство. – 1932.

С.С. Тихонов

*Омск, филиал Института археологии
и этнографии СО РАН*

EST QUOD POSSIT FACERE?
(Разве можно так делать?)

Автор дискутирует о возможности и необходимости формирования исторической памяти, а также способах осуществления этого процесса – мемориализации и забвения. Историческая память народа должна формироваться естественным путем, без вмешательства административных органов, без директив, указывающих направления этого формирования. Совершенно недопустимо забвение каких-то событий или персон. Что касается вопросов создания новых мемориальных комплексов, то здесь необходим разумный подход. В первую очередь нужно узнать мнения простых людей, поскольку мемориал будет построен именно для них. Нелишне узнать и состояния бюджета города, а уже потом решать вопрос о строительстве.

Ключевые слова: историческая память; Гражданская война; мемориальные комплексы.

S.S. Tikhonov

*Omsk, Branch of the Institute of Archeology
and Ethnography of the SB RAS*

EST QUOD POSSIT FACERE?
(Is it possible to do so?)

The author discusses the possibility and necessity of formation of historical memory, as well as how to implement this process of memorialization and oblivion. The historical memory of the people should be formed in a natural way, without the intervention of administrative bodies, no directives indicating the direction of the formation. It is totally unacceptable oblivion some events or persons. With regard to the creation of new memorials, here need a reasonable approach. First of all you need to know the views of ordinary people as a memorial to be built for them. It is useful to know the city and the state budget, and only then to decide on the construction.

Key words: historical memory; Civil war; memorial complexes.

Данная статья посвящена не столько Гражданской войне, сколько вопросу о возможности формирования исторической памяти об этом событии. Авторитетные организации – Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, Институт истории СО РАН, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, в которых работают специалисты высокого класса, известные исследователи в области истории и культуры, – предлагают коллегам высказаться по проблеме «МеморIALIZация и забвение как способы формирования исторической памяти народа о революции и гражданской войне». Судя по порядку расположения организаторов, месту работы секретаря и телефону для справок лидер здесь Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института в нем скорее всего были определены основные направления работы конференции. Остальные организации были, как иногда сейчас делается, включены в состав организаторов для антуража; их сотрудники, возможно, и не вполне представляют, что будет предметом обсуждения.

Итак, на обсуждение вынесена проблема **формирование исторической памяти народа о революции и Гражданской войне**, которую планируется сформировать двумя способами – меморIALIZацией и забвением.

Выскажу сначала свое мнение об исторической памяти. Это набор (совокупность, комплекс и т. д.) представлений (неважно, объективных или субъективных, ложных или верных, героизированных и т. п.) о прошлом народа, страны, которые передаются многими способами. Естественный процесс формирования памяти идет постоянно и передается от старших поколений младшим.

Я не понимаю, действительно ли нужно манипулировать формированием памяти. Если да, то кто этим может и должен заниматься. По какой программе? И наконец, зачем же это нужно? Сформировать правильный взгляд? Кто и как его будет определять? Но в любом случае процесс формирования исторической памяти длится не одно десятилетие; необходимо хотя бы три поколения, чтобы ее закрепить. Поэтому для меня открыт вопрос: стоит ли начинать эту работу? Или пусть память формируется естественным путем? Тем более что острота восприятия событий уменьшается с течением времени, и то, что актуально в наши дни, может совсем не интересовать потомков.

Интересен такой способ формирования памяти, как мемориализация, т. е. увековечивание событий и личностей в архитектурных формах, памятниках, памятных досках и т. д. И организаторы конференции предложили широко обсудить этот способ почти во всех направлениях работ. По моему мнению, устройство мемориалов – это дело не столько ученых (поскольку у них нет денег), сколько администраторов от ученых, готовящих мероприятие (открытие памятника, доски, сквера) к какой-то дате. Это позволяет привлечь внимание, хорошо отчитаться, освоить какую-то сумму. В создании мемориалов могут быть заинтересованы скульпторы, архитекторы, строители, так как это дает им работу. Но спросил ли кто жителей нужен им мемориал? или детская площадка? или парковочные места?

Сейчас в Омске мемориализируют Гражданскую войну и связанные с ней и после нее события следующие объекты:

- мемориальный сквер Борцов революции на ул. Ленина;
- памятник жертвам восстания 22 декабря 1918 г. на площади Восстания в Старом Кировске;
- памятник жертвам политических репрессий в сквере им. П. Морозова;
- памятник жертвам сталинских репрессий на ул. Тарской у серого дома;
- Центр изучения истории Гражданской войны около речного вокзала.

Исчерпаны возможности этих объектов в проведении мемориальных мероприятий или людям уже некуда ступить, чтобы отдать дань памяти героев? Практически там ничего не происходит. Так нужен ли еще один мемориал? Напомню, что в Омске когда-то было не меньше 8 памятников В.И. Ленину, были памятники И.В. Сталину. Сейчас большинства из них нет. Произошло ли что-то страшное? Думаю, нет. А что, если вместо героев Гражданской войны сделать хороший памятник основателю Омска – полковнику И.Д. Бухольцу, офицерам, солдатам, драгунам и казакам его отряда? Памятники основателям есть в Москве, Томске, Иркутске. Не надо укреплять шар «Держава», который сносит ветром, а сделать крепкий красивый памятник.

Интересна идея сформировать топонимическую систему как мемориал героям Гражданской войны. Сразу спрошу: герои – это только красные или белые, или все вместе? Как быть с чехами? Они тоже участвовали в этих событиях. Старики помнят песню:

«Отец мой был природный пахарь» со словами «На нас напали злые чехи...». Надеюсь, что авторы программы не планируют переименовывать речки, озера, поля и т. д. Наверное, не стоит и переименовывать улицы. В нашей стране был опыт переименования городов (Ленинград, Брежнев, Устинов, Андропов, Черненко, Сталинск). Все вернулось на круги своя. Может, отказаться от этой системы?

Второй способ формирования памяти – забвение. Как странно! Чтобы сформировать, надо забыть. У меня не укладывается это в голове. Моего прадеда за то, что он не хотел везти войско в Новониколаевск, белые выпороли шомполами. Когда он вернулся в деревню, его выпороли красные, правда, уже нагайками. Что же мне забыть? Что ездил, что пороли? или что пороли шомполами? Что же нам всем надо забыть? Какие события и людей необходимо вырвать из памяти? Опять-таки это не определено! Как и кто может это сделать? да и зачем?

История знает попытки намеренного забвения. Это Герострат, сжегший храм Артемиды, Цуда Сандзо, напавший на принца Николая Александровича в Оцу, книга «Mein Kampf». И никогда ничего забыть не получилось! Люди обо всем помнят!

Может быть, для нас, русских, правильными будут слова Ольги Берггольц «Никто не забыт, ничто не забыто» или «Реквием» Роберта Рождественского: «Вспомним всех поименно, горем вспомним своим... Это нужно – не мертвым! Это надо – живым!», и еще: «Помните! Через века, через года – помните!» Наконец, пословица «Кто старое помянет, тому глаз вон! А кто забудет, тому оба вон!»

Что же выходит? Народ и поэты призывают помнить, а ученые против этого? Неладно что-то в Датском государстве!

Я не ретроград, не историк Гражданской войны. Я археолог. Но полагаю, что историческую память надо сохранять, а не формировать, что забывать ничего не надо, что тема Гражданской войны красных, белых, зеленых очень важна! Однако тематика, на мой взгляд, сформирована под сильным влиянием научного чиновничества. Но ведь известно, что вмешательство чиновников в науку ни к чему хорошему не ведет.

Et omnia! Qui recogitet corde?

УДК 93/94

К.В. Вагнер

*Омск, государственный университет
им. Ф. М. Достоевского*

БЫЛА ЛИ АЛЬТЕРНАТИВА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В РОССИИ?

Рассматривается проблема альтернативности исторического процесса, в частности судьба революционно-демократической альтернативы в России в начале XX в.

Ключевые слова: революционно-демократическая альтернатива; Гражданская война.

C.V. Wagner

Omsk, Dostoevsky state university

WAS THERE AN ALTERNATIVE TO THE CIVIL WAR IN RUSSIA?

The author tackles the problem of the alternative nature of the historical process, in particular, the destiny of the revolutionary-democratic alternative in the history of Russia of the XX century.

Key words: revolutionary-democratic alternative; Civil war.

Была ли реальная возможность учредить демократическую социалистическую политическую систему в 1917 г. в России и тем самым посредством мирной альтернативы избежать длительной, беспощадной, невообразимо опустошительной Гражданской войны? Вопрос не праздный. И речь не об абстрактном сослагательном наклонении, не признаваемом исторической наукой, а об упущенных возможностях «вариативной истории», являвших собой адекватный ответ вызову объективной реальности.

Прежде всего необходимо отметить, что в ленинских набросках помимо особо ценной революционной демократической альтернативы версии 1905 и 1917 гг. и реализовавшейся в итоге большевистской, «учитываются возможности: 1) сначала успешной реализации столыпинских преобразований на пути капитали-

стического прогресса; 2) затем (в 1917 г.) буржуазно-либеральной альтернативы в случае того или иного соглашения между Временным правительством и крестьянством» [1, с. 123].

На протяжении всего 1917 г. большевики выступали за переход политической власти от «буржуазного» Временного правительства к демократически избранным многопартийным Советам, что и выражалось в лозунге «Вся власть Советам!» [2, с. 192]. Также меньшевики-интернационалисты, меньшевистская группа «Новая жизнь» и левые эсеры выступили против коалиции с либералами, предлагая идею однородного социалистического правительства, инициатива образования которого, как предлагал еще в мае 1917 г. меньшевик-«новожизненец» Н.Н. Суханов, должна была исходить от Советов после их завоевания «пролетарскими и примкнувшими к ним последовательно демократическими элементами» и изоляции «соглашателей», «бежавших от власти, как черт от ладана» [3, с. 246, 247]. В такое правительство, считал Н.Н. Суханов, должны войти представители всех основных социалистических группировок, поскольку ни одна из них в отдельности не сможет организовать нормальное управление страной и проводить реформы, не учитывая позиции других. «Не подлежало сомнению... – рассуждал он по этому поводу, – что против коалиции демократия и Совет должны были выступить только единым фронтом» [3, с. 246]. Данная линия (в том числе высказывания Ю.О. Мартова о том, что эту революцию может возглавить революционная демократия в лице крестьянства (мелкой буржуазии) или, более того, возглавит РСДРП) не могла не свидетельствовать в пользу революционной демократической альтернативы.

«Корниловский период»: Ленин в этих условиях пишет серию обращений в ЦК большевиков о том, что ситуация фактически вернулась к двоевластию, а значит, возможно, мирное развитие революции. Большевики предлагают ЦК меньшевиков и эсеров создать правительство, не претендуя на то, чтобы в него входить. Требуют только свободы агитации и выборов.

Объединились тогда в разных точках страны все революционно-демократические силы, причем стихийно. И в таких условиях Гражданская война стала невозможна. Это ответ революционной демократической альтернативы на корниловщину. Если бы такая многопартийность была доведена до логического завершения все было бы прекрасно. Это и есть социалистическое правительство. Ленин говорил, что если меньшевики-эсеры не пойдут

на это без либералов и буржуазии, то насильственный путь будет неизбежен. 9 сентября он пишет: «... исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал бы гражданскую войну в России невозможной... Этакая «война» не дошла бы даже ни до одного сражения» [4, с. 222].

Уже в ночь с 1 на 2 сентября умеренные социалисты дают добро на создание Керенским директории, хотя сам А.Ф. Керенский говорил, что его программа – это программа Л.Г. Корнилова, а социалисты были категорически против последнего. Фактически корниловцам дают добро на формирование власти.

Обратимся к периоду демократического совещания. Эсеровское «Дело народа» пишет: «... Если буржуазия не захочет работать вместе с демократией до Учредительного собрания на почве утвержденной Совещанием платформы, тогда коалиция должна возникнуть в недрах состава Совещания. Это – тяжкая жертва с стороны защитников коалиции... Но мы опасаемся, что здесь соглашение может и не состояться. И тогда... последняя комбинация... Большевики будут обязаны формировать Кабинет... [так как] они обязаны расплачиваться по выдаваемым направо и налево векселям... В то же время сторонники коалиции должны гарантировать им полную поддержку» [4, с. 292]. После создания 24 сентября третьего коалиционного правительства лидер-теоретик эсеров В.М. Чернов дал в «Листках из политического дневника» резкую критику демократии, обвиняя ее во «властебоязни», в уступках кадетам, которые диктуют свои условия, а блок с ними назвал «коалицией без коалиции», признал ошибкой отказ демократии от власти, отметил, что «Совет идёт совершенно определённой дорогой: со ступеньки на ступеньку, от капитуляции к капитуляции. Это не поражение демократии: ибо не было поражающего. Это не отступление... ибо натиска не было. Это просто – самочинный массовый отход в тыл. Это принципиальная боязнь наступления» [5, с. 86–91]. А в итоге он участвует в обеспечении похода А.Ф. Керенского – П.Н. Краснова на Петроград и восстания юнкеров 29 октября. Возникает позиция – «для низложения большевиков все средства хороши». Отсюда и существенный исток гражданской войны в узком смысле слова.

Даже когда ставка на силу уже была сделана, у умеренных социалистов были шансы, так как они оказались в центре событий. В обстоятельствах кризиса третьей коалиции была возмож-

ность выдвинуть ультиматум ей. 24 октября Предпарламент разразился тем, что левые эсеры заявили о необходимости выразить недоверие правительству А.Ф. Керенского. Нужно потребовать, чтобы правительство объявило начало переговоров о мире, чтобы немедленно был решен земельный вопрос, отменили военно-полевые суды. Мартов в более мягкой форме сформулировал данные требования.

Милюков позднее писал, что это был вотум недоверия правительству. В нормальных условиях третья коалиция должна была уйти в отставку. А возникнуть могло только однородное социалистическое правительство. Вот еще одна возможность мирного решения вопроса о власти – мирной революции.

К Керенскому направили посланников. Итог: А.Ф. Керенский возмутился и прогнал их, те ступшевались, заверили его в преданности и ушли.

24 октября солдаты и матросы, рабочие-красногвардейцы начали занимать ключевые места в городе (мосты, вокзалы, телеграф и электростанцию). К вечеру 24 октября правительство было блокировано в Зимнем дворце. А.Ф. Керенский отправился за подкреплением на Северный фронт. Утром 25 октября было опубликовано воззвание «К гражданам России». В нем объявлялось о низложении Временного правительства и переходе власти к Петроградскому ВРК. В ночь с 25 на 26 октября был взят Зимний дворец и арестованы старые министры.

Бесспорно, что если бы большевики промедлили с взятием власти и не упредили правые силы, слабое правительство А.Ф. Керенского сменила бы военная диктатура. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов еще одну грозную альтернативу – возможность анархистского бунта «бессмысленного и беспощадного», говоря словами А.С. Пушкина. О нарастании анархистского движения в стране писали левые и правые газеты. Стихийный бунт был чреват гибелью культуры и также обернулся бы иностранным вмешательством и торжеством военной диктатуры. Поэтому Ленин спешил, по дням, по часам планируя и подготавливая восстание. Существовала ли у правительства возможность выйти из кризиса, избежать восстания? Да, теоретически это было возможно. Вечером 24 октября эсеры и меньшевики в Предпарламенте приняли решение, в котором, помимо осуждения восстания, был призыв к Временному правительству издать декрет о земле и начать с союзниками мирные переговоры. Реальна ли эта

альтернатива? Необходимо учитывать, что в Питере уже шли с утра вооруженные столкновения. Керенский отверг требования Предпарламента. Тем самым шанс на спасение буржуазной власти был утрачен, а «властебоязнь» эсеров и шанс мирной революции. Реальной военной силы, способной противостоять восставшим, в столице не было. Восстание прошло на редкость бескровно.

В конце 1917 г. левые эсеры после долгих метаний вошли в правительственную коалицию, но продержались только до Брестского мира. Но и это был урезанный вариант революционно-демократической альтернативы. До обострения отношений с крестьянством, до продовольственной диктатуры все попытки развязать войну со стороны антибольшевистских сил были провальными.

Знаковым звучит признание старого эсера, члена боевой организации Б.В. Савинкова: «... а если бы белые победили, разве бы не было диктатуры? Я предпочитаю диктатуру рабочего класса диктатуре ничему не научившихся генералов. Рабочий класс кровно связан с крестьянством. А генералы?» [6, с. 104]. «Минует год или два, или десять лет, и те, кто сохранит «душу живую», все равно пойдут по намеченному пути. Пойдут и доверятся русскому трудовому народу. И скажут: Мы любим Россию и потому признаем советскую власть» [6, с. 106].

Литература

1. *Шепелева В.Б.* Исторические альтернативы и этническая ментальность на переломе от России царской к России нэповской // Вестник Тюменского государственного университета. – 2005. – № 2. – С. 122–129.
2. *Рабинович А.* Попытки формирования многопартийного демократического социалистического правительства в 1917 году в России // История СССР. – 1990. – № 6. – С. 191–207.
3. *Суханов Н.Н.* Записки о революции: в 2 т. – М.: Политиздат, 1991. – Т. II. – Кн. 3–4. – 398 с.
4. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. – М., 1969. – Т. 34.
5. *Чернов В.М.* Листки из политического дневника // Гусев К. В. В. М. Чернов. Штрихи к политическому портрету (Победы и поражения Виктора Чернова). – М., 1999.

6. Борис Савинков на Лубянке. Документы. – М., 2001. – 576 с.
УДК 947.084.5(571)

В.Ю. Балабушевич, В.Г. Кокоулин
Новосибирск, высшее военное командное училище

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ У КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ВУЗА

Статья посвящена анализу содержания и логики изложения истории Гражданской войны в учебниках истории, предназначенных для вузов и военных училищ. Данные учебники широко применяются в учебном процессе в военных училищах, поэтому оказывают серьёзное влияние на формирование исторического сознания курсантов. Логика учебников подчинена уравниванию ответственности за развязывание Гражданской войны большевиков и их противников, идеализации белого движения. Авторы подтверждают вывод, что в сознание подрастающего поколения внедряются либерально-западные ценности.

Ключевые слова: Гражданская война; историческое сознание; учебник истории; либерально-западные ценности.

V.Yu. Balabushevich, V.G. Kokoulin
Novosibirsk, Higher military command school

FORMATION OF IDEAS ON THE CIVIL WAR AT CADETS OF MILITARY SCHOOL

This article is devoted to analyze of the content and logic of presentation of the history of the Civil War in the history textbooks intended for universities and military schools. These text books have been widely used and applied in the educational process in military schools, and there for e have a major impact on the formation of the historical consciousness of cadets. The article notes that the logic of text books is to equalizers possibility for the outbreak of the Civil War on the Bolsheviks and their opponents, the idealization of the white movement. The authors support the conclusion that in the minds of the younger generation are being introduced Western liberalvalues.

Key words: Civil war; historical consciousness; history textbooks; west-

ern liberal values.

Революция 1917 г. и последовавшая за ней Гражданская война в постсоветской России стали наиболее дискуссионными темами. Оценки событий этого периода истории России зависели от убеждений авторов научных, околонучных и публицистических работ, политической конъюнктуры и т. д. Вся разногласица мнений и представлений нашла отражение в учебной литературе. Естественно, что не одни учебные тексты формируют представления о тех или иных периодах нашей истории. Есть ещё кинофильмы, публицистика, преподаватели истории. Однако именно к учебникам приходится обращаться курсантам военных вузов для подготовки к семинарам по соответствующим темам и для сдачи экзаменов по истории Отечества. А поскольку преподаватели также вынуждены пользоваться этими же учебниками при подготовке к занятиям, то, очевидно, их роль в складывании исторического сознания не так уж мала. Однако при всём разнообразии и «плюрализме» сменяющих друг друга вузовских учебников им присущи общие тенденции, которые мы попробуем выделить, взяв в качестве образцов для анализа наиболее массовые и популярные учебники по истории, вышедшие в 1990-е гг., начале 2000-х гг. и в последние годы.

Перед нами учебник для вузов под редакцией докторов исторических наук А.Ф. Киселёва и Э.М. Щагина [3]. Гражданской войне посвящена гл. 7, однако сюжеты, связанные с иностранной интервенцией, вынесены в гл. 9 «Советская внешняя политика (октябрь 1917–1937 гг.)», куда также помещены Декрет о мире и Брестский мир. Таким образом, получается следующая логика изложения событий: взятие власти большевиками в октябре 1917 г. – начало Гражданской войны. Конечно, «позже» не означает «из-за». Далее авторы учебника разъясняют: «На первом этапе гражданской войны хлебная монополия, реквизиции, бесчинства продотрядов и комбедов оттолкнули массы крестьян от большевиков и усилили позиции эсеров» [3, с. 308]. По тексту щедро разбросаны сюжеты о зверствах красных: тут и расстрел 27 красноармейцев Петроградского полка за бегство с поля боя, и растерзанный матросами генерал Духонин, и надругательство большевиков над трупом генерала Корнилова, и изрубленный шашками царский генерал П. Ранненкамф. Характерно, что о белом терроре авторы не упоминают. Белые же генералы в их изображении – это исключительно патриоты, верные воинской чести, отправились в эми-

грацию они «с образом Родины в сердце» и т. п.; Колчак обладал «личной мужественностью, бескорыстностью, честностью». Признавая победу большевиков в Гражданской войне, авторы ненавязчиво сводят её к тому, что они создали работоспособный государственный аппарат, чего не смогли сделать белые признаётся и то, что большевики сумели овладеть умами масс и не прибегали к услугам иностранной интервенции. Причудливо перемешаны идеологические штампы советской и антисоветской историографии начала 1990-х гг., реальные факты выхватываются случайно, они не образуют связанной картины. В итоге читатели учебника так и остаются в неведении относительно причин и логики развития Гражданской войны в России.

Есть и масса фактических ошибок. Так, термин «демократическая контрреволюция» авторы приписывают советской историографии, хотя он был введён меньшевиком И.М. Майским. На этом не стоило бы останавливаться, но один из авторов учебника является автором работ по истории Гражданской войны и не знает данные факты просто не может. Логичного объяснения этому феномену пока дать невозможно.

В популярном в конце 1990 – начале 2000-х гг. учебнике коллектива авторов под руководством А.С. Орлова [3] Гражданской войне посвящён отдельный параграф в главе «Советская Россия в 1917–1920 гг.». Авторы не стремятся проявить своей позиции, ссылаясь то на разные мнения в историографии, то под флагом объективности приводят противоположные мнения, никак их не комментируя. На читателя буквально вываливается поток разнообразных фактов, опять же без каких-либо оценочных суждений. Однако эта объективность обманчива. Авторы ненавязчиво стараются провести мысль о равной ответственности красных и белых за развязывание Гражданской войны.

В учебнике для военных вузов «История Отечества» (под ред. О.Ю. Ефремова) [2] сюжеты, посвящённые войне, выделены в самостоятельный параграф в гл. 7 «Советское государство в годы Гражданской войны и межвоенный период». Автор параграфа – доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии связи им. С.М. Будённого, кандидат исторических наук В.П. Изотин. Параграф под названием «Гражданская война и интервенция в России» начинается с сюжетов, посвящённых установлению советской власти, формированию политической системы советского общества, первым преобразо-

ваниям в экономической сфере и Брестскому миру. В итоге вновь выстраивается следующий логический ряд: установление советской власти – Гражданская война. Авторы учебника сами датируют Гражданскую войну 1917–1922/23 гг., в числе её причин называют экономическую политику советской власти в деревне, а её первым этапом считают локальные вооружённые столкновения в октябре 1917 – марте 1918 г. Рассказывая о Чехословацком корпусе, авторы добавляют: «Одновременно во многих центральных губерниях России крестьяне, недовольные продовольственной политикой большевиков, подняли бунт» [2, с. 325]. Но одновременно авторы признают и то, что сопротивление свергнутых классов было одной из причин Гражданской войны. Также прослеживается идеализация Белого движения. Так, авторы пишут, что оно началось «как движение за спасение России, её государственности, её православных ценностей» [2, с. 328]. Признавая, что террор осуществлялся с обеих сторон, авторы уравнивают их ответственность: «В основе тех актов массового террора и жестокости, которые имели место в годы Гражданской войны, лежали просчёты, ошибки и преступления обеих противоборствующих сторон» [2, с. 332].

Однако в целом глава достаточно эклектична, хотя включены сюжеты, посвящённые боевым действиям в ходе Гражданской войны. Авторы ограничиваются перечислением некоторых военных сражений в самом общем виде без оценок и комментариев.

В учебниках истории советская идеология заменяется либерально-западными ценностями, которые усиленно внедряются в наше сознание [1, с. 43].

Таким образом, Гражданская война по-прежнему остаётся полем битвы, но теперь за умы подрастающего поколения, в частности курсантов военных вузов – будущих офицеров.

Литература

1. Балабушевич В.Ю., Гурский А.И., Кокоулин В.Г. Великая Отечественная война в массовом сознании в постсоветской России // Гуманитарные проблемы военного дела. – 2015. – № 4(5). – С. 40–43.
2. История России: Учебник для военных вузов / под ред. О.Ю. Ефремова. – СПб., 2014. – 528 с.
3. Новейшая история Отечества. XX век: Учебник для студентов вузов: в 2 т. / под ред. А.Ф. Киселёва, Э.М. Щагина, – М., 1998. – Т. 1. – 496 с.
4. Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России

с древнейших времён до наших дней: Учебник. – М., 2001. – 520 с.

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ
И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ**

УДК 069 (091)

М.В. ШИЛОВСКИЙ

*Новосибирск, государственный университет,
Институт истории СО РАН*

**СКВЕР ГЕРОЕВ ИЛИ ЖЕРТВ РЕВОЛЮЦИИ
В НОВОСИБИРСКЕ?**

Анализируется процесс формирования и переименования мемориального комплекса участникам социального катаклизма 1917–1919 гг. в Новониколаевске-Новосибирске в 1920–1970-е гг.

Ключевые слова: братская могила; мемориал; Новониколаевск-Новосибирск; сквер Жертв Революции; сквер Героев Революции.

M.V. Shilovsky

*Novosibirsk, State University
Institute of History SB RAS*

**SQUARE OF HEROES OF VICTIMS
OF THE REVOLUTION IN NOVOSIBIRSK?**

The paper analyzes the process of establishing and renaming a memorial complex dedicated to the participants of a social cataclysm of 1917–1919 in Novonikolaevsk-Novosibirsk during the 1920–1970s.

Keywords: mass grave, memorial, Novonikolaevsk-Novosibirsk, square of Victims of the Revolution, square of Heroes of the Revolution.

Обязательными элементами суверенного государства являются помимо территории, границ, органов власти и т. д. система символов и ритуалов – герб, гимн, наградная система, государственные праздники и традиции, мемориалы. С приходом к власти в 1917 г. большевиков началось формирование советской мемориальной среды, опирающейся на элементы православной

похоронной обрядности и на атеистические подходы к увековечению памяти борцов, павших за идеалы революции и построение нового строя. Первой по времени появлению стала братская могила участников Февральской революции 1917 г. на Марсовом поле в Петрограде, к которой подхоранивали погибших героев Гражданской войны 1918–1919 гг. Главное отличие от предшествующих массовых захоронений заключалось в отсутствии часовни или церкви, православного поминального креста над могилой. Пожалуй, самым известным и почитаемым в советскую эпоху стал некрополь на Красной площади в Москве.

Сибирь не осталась в стороне от процесса советской мемориализации, и каждый город, переживший социальный катаклизм 1917–1919 гг., обзавелся собственным Марсовым полем. В Омске таковым стал «сквер Борцов Революции». [1, с. 49–55]. Наиболее грандиозным мемориалом подобного рода, на мой взгляд, следует считать сквер Героев Революции в Новосибирске. Основу его составило «захоронение 104 борцов за советскую власть, погибших от рук колчаковцев» [2, с. 25]. Среди них значительную часть составили военнослужащие 1-й Сибирской стрелковой дивизии из армии генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева, отведенной в октябре 1919 г. с фронта на переформирование. В ночь на 7 декабря того же года под руководством временно исполняющего обязанности комдива молодого (24–26 летнего по разным источникам) полковника А.И. Ивакина они начали восстание с целью отстранения от власти верховного правителя адмирала А.В. Колчака и передаче ее городским и земским самоуправлениям во главе с Земским собором.

Военные Барабинского, Новониколаевского стрелковых полков, школы топографов, инструкторской школы и других частей соединения захватили тюрьму, почту, телеграф, комендатуру, телефонную станцию, вокзал. На железнодорожной станции они арестовали штаб 2-й колчаковской армии во главе с командующим генералом С.Н. Войцеховским, руководившим обороной Новониколаевска от красных. Однако восставшие допустили роковую ошибку, не отключив телефоны и телеграф штаба. Командарм обратился за помощью в расположенный в городе штаб 5-й Сибирской дивизии польских стрелков. Под руководством ее начдива полковника Казимира Румши легионеры к утру 7 декабря подавили выступление. Часть восставших погибли в уличных столкновениях, часть были расстреляны на месте, часть

арестованы. Не ясна участь Ивакина. По одной версии, он был расстрелян, по другой – убит «при попытке к бегству», по третьей – застрелился [3, с. 175–176].

Почти одновременно в ночь на 9 декабря в Новониколаевске осуществляется «разгрузка» городской тюрьмы (ныне ул. Мичурина, 4, рядом с оперным театром) и арестантского дома (ныне ул. Щетинкина, 62). Группы частично выбрасываются в пойму р. Каменки и отходящих от нее оврагов, а большей частью остаются на месте расправы. Освидетельствование их, осуществленное после освобождения города от колчаковцев, установило, «что ни одного трупна нет без признаков ужасных, мучительных истязаний. Следы сабельных и штыковых ударов, ударов нагаек, содранная кожа, сплюсненные черепа, продавленные груди, отрезанные уши и носы, отрубленные конечности, кандалы и веревочные петли имеются на каждом из осмотренных трупов» [4, л. 4]. Так, на теле бывшего председателя новониколаевского Совдепа В.Р. Романова обнаружили 14 штыковых и несколько огнестрельных ран [5, л. 30].

Из 104 свезенных в похоронное бюро трупов опознали 37 чел., в том числе большевиков Л.Н. Тонконогих, В.Р. Романова, А.К. Лозовского, бывшего секретаря Канского Совдепа А.Н. Бидмана, члена Новониколаевского союза грузчиков А.И. Бушуева, арестованных по подозрению причастности к большевистскому подполью и за агитацию среди военных М.Г. Злобищева, Г.М. Варламова, И. Овчинникова, партизана В.А. Зайцева, семейных военнослужащих Барабинского полка, в том числе прапорщиков Рутковского, Тюстина, Удриса, подпоручика Капустина, штабс-капитана Рушковского. Среди остальных – крестьяне П.И. Гольдобин из Коуракской волости, А.А. Бивизоров из Славгородского уезда, служащий Новониколаевской городской управы В.К. Кузнецов, пимокат из Барнаула М.К. Пасынков, черноработчий А.Я. Кандеев, дезертир из колчаковской армии из села Криводановка Прокудской волости И.И. Кораблин и другие

На неопознанных давались краткие установочные данные. Например, «блондин, лет 35», «шатен, лет 30», «брюнет, короткие волосы, стриженные усы и борода, теплая коричневая тужурка, черные брюки, солдатская папаха. Разут». Практически все покойники не имели верхней одежды и большей частью были в нижнем белье. Их возраст колебался в пределах 25–45 лет, примерно у трети в одежде имелись элементы военного обмундирова-

ния (гимнастерки, ботинки, папахи, кители и др.). Учитывая это обстоятельство, можно предположить, что среди погибших преобладали военнослужащие, участники восстания и содержащиеся в тюрьме и арестном доме задержанные местной милицией [4, л. 4–12]. Отдельно в этой группе следует рассматривать профессионального революционера В.Р. Романова, в административном порядке в 1913 г. высланного в Сибирь, работавшего в Новониколаевске экспедитором на складе сельскохозяйственных машин и заведовавшего хлебным ссыпным пунктом. В 1917 г. его избирают председателем общества потребителей «Экономия», а в феврале 1918 г. руководителем Новониколаевского уездного Совета депутатов. В конце мая того же года при возвращении с совещания в Иркутске его арестовали в Канске и отправили в Новониколаевск для придания суду как агента советской власти после победы над большевиками. В упомянутом выше «Списке товарищей, замученных Колчаком», Романов под № 16 обозначен как председатель общества «Экономия» в Новониколаевске.

22 января 1920 г. жертвы расправы после траурного митинга были погребены в братской могиле в центре города на Базарной площади напротив торгового корпуса (ныне областной краеведческий музей). Местные партийно-советские органы принимают решение об установлении памятника. Осуществление замысла возлагается на Новониколаевский губотдел коммунального хозяйства. В его делопроизводственных материалах 1922 г. содержится два варианта названия монумента: «памятник в память павших борцов за свободу» и «памятник на братской могиле памяти жертвам Революции в Новониколаевске» [6, л. 16; 7, л.1]. Объявили конкурс, на который представили более десятка проектов. Победил проект художника В.Н. Сибирикова и инженера А.И. Кудрявцева. Уполномоченным от заказчика при сооружении памятника назначили губернского архитектора инженера Ф.Ф. Раммана.

Эскиз проекта предполагал сооружение колоссального светильника из цветного стекла, напоминающего ракету. «Внутри пламя будет освещено электричеством в 2000 свечей [ватт. – М. Ш.] и должно дать иллюзию настоящего пламени, почему стекло должно быть разных оттенков», – сообщалось в техническом обосновании [6, л. 16]. В связи с разрухой реализовать замысел не удалось. Могильный памятник выполнили в виде бетонной руки, держащей факел, на долгие годы ставший символом Новосибирска. Экономический кризис оказал существенное воздействие не

только на замысел монументального сооружения, но и на его реализацию. Смета, утвержденная 22 сентября 1922 г., составила 575 327 руб. 54 коп. Она пополнялась за счет пожертвований различных организаций: губздрав выделил 3 ведра спирта; губсобес – 10 тыс. руб., 25 пудов муки и 5 пудов пшеницы; губсоюз – 67 пудов 9 фунтов железа, 10 пудов гвоздей; губоно – 5 пудов муки и 5 фунтов сливочного масла; губернское земельное управление – поручичья билет на строевой лес; линейный отдел железной дороги – 29 пудов железа разных размеров, 43 пуда гвоздей, 26 пудов старых рельс кусками; акционерное общество «Лензото» – 5 тыс. руб.; электростанция – кабель для освещения [7, л. 184, 186].

В пятую годовщину Октябрьской революции (7 ноября 1922 г.) состоялось торжественное открытие надгробного памятника. Перед захоронением в 1924–1925 гг. на народные пожертвования построили Дом собраний им. Ленина и оформили сквер «Жертв Революции». 11 октября 1927 г. возле братской могилы состоялись похороны одного из руководителей партизанского движения в Сибири, погибшего в Монголии при невыясненных обстоятельствах, П.Е. Щетинкина. Здесь же в 1946 г. перезахоронили «как живую реликвию мировой революции» ветерана Парижской коммуны Андриена Лежена, умершего в эвакуации в Новосибирске в январе 1942 г. В 1958 г. на его могиле сооружают надгробие (автор М.И. Меньшиков), но в мае 1971 г. останки Лежена кремируют в Москве, а урну с прахом перевозят в Париж на кладбище Пер-Лашез. На месте захоронения в сквере остался надгробный памятник (кенотаф).

Решением Новосибирского горсовета от 21 сентября 1957 г., в преддверии 40-летия Октября, скверу присваивается название «Героев Революции». В октябре 1957 г. в восточной его части перевозятся с закрытого старого городского кладбища (ныне территория стадиона «Спартак» и ЦПКО) и захораниваются останки расстрелянных 4 июня 1918 г. А.И. Петухова, Ф.П. Серебренникова, Ф.И. Горбаня, Д.М. Полковникова и Ф.С. Шмурыгина. Вдоль аллеи, идущей к братской могиле, в 1958 г. устанавливаются мраморные бюсты В.Р. Романова, А.И. Петухова, Ф.П. Серебренникова, П. Е. Щетинкина. 2 ноября 1960 г. в сквере торжественно открывается монументальное панно, посвященное памяти борцов за советскую власть в Сибири (автор – художник А. С. Чернобровцев). 22 октября 1977 г. здесь состоялось открытие мраморных бюстов: Е.Б. Ковальчук, Ф.И. Горбаня, Ф.С. Шмурыги-

наи Д.М. Полковникова. Причем останки подпольщицы, матери четырех детей Евдокии Борисовны Ковальчук (в девичестве Репиной), расстрелянной польской контрразведкой, не были найдены. В 1924 г. улица Покровская переименовывается в ул. Дуси Ковальчук, ставшую своеобразным брендом Новосибирска.

Постановлением Совмина РСФСР от 4 декабря 1974 г. сквер Героев революции взят по государственную охрану как исторический памятник республиканского значения. Он пережил передряги очередного «смутного времени». Для дальнейшего благополучного пребывания в центре Новосибирска закопченные смогом скульптуры из белого мрамора необходимо отмыть и возратить скверу-некрополю первоначальное наименование, более правильно отображающую судьбу похороненных там.

Литература

1. *Вибе П.П.* Мемориальный сквер «Памяти Борцов Революции» // *Вибе П.П.* Музееведение, региональная история и краеведение в современных исследованиях и практиках. – Омск, 2015.
2. *Усольцева Л.С.* Мемориальный сквер Героев Революции // Памятники Новосибирска. – Новосибирск, 1982.
3. *Шиловский М.В.* Восстание Барабинского полка 6–7 декабря 1919 г. в Новониколаевске // История белой Сибири. материалы 5-й Международ. конф. – Новосибирск, 2003.
4. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П. 5а. Оп. 1. Д. 108.
5. ГАО. Ф. 5. Оп. 6. Д. 359.
6. ГАО. Ф. 1124. Оп. 4. Д. 29.
7. ГАО. Ф. 1124. Оп. 3. Д. 126.

УДК 130.2:725.94(47+57)''19''

И.В. Ключева
*Саранск, Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарёва*

КАК РОЖДАЛСЯ
«ОСВОБОЖДЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК» С.Д. ЭРЬЗИ
(Забывтое свидетельство о создании
революционного монумента в Екатеринбурге)

В статье анализируется публикация Л.В. Саянского «Наш город» (журнал «Наши достижения», 1934), представляющая собой воспоминания автора о Екатеринбурге времен Гражданской войны и о создании скульптором С.Д. Эрзей монумента «Освобожденный человек» (1920).

Ключевые слова: С.Д. Эрзя; Л.В. Саянский (Попов); Гражданская война на Урале; монументальная пропаганда.

I.V. Klyueva
Saransk, Ogarev Mordovia state university

**HOW «THE LIBERATED MAN»
BY S.D. ERZIA WAS BORN
(Forgotten memories about the creation
of the revolutionary monument in Yekaterinburg)**

The article analyzes the publication «Our City» by LV. Sayansky (magazine «Our achievements», 1934), representing the author's memories about Yekaterinburg during the Civil war and about the creation of the monument «The Liberated man» by S.D. Erzia (1920).

Key words: S.D. Erzia; L.V. Sayansky (Popov); the Civil war in the Urals; monumental propaganda.

1 мая 1920 г. в разгар Гражданской войны в Екатеринбурге, менее года назад занятом Красной армией, торжественно открывают несколько революционных памятников, созданных скульптором Степаном Дмитриевичем Эрзеем (1876–1959). Это были временные памятники из цемента парижским коммунарам, уральским коммунарам, убитым казаками атамана Дутова

(земной шар, увенчанный лежащей обнаженной женской фигурой со знаменем в руках), памятник труду («Великому Кузнецу мира») и мраморный монумент «Освобожденный человек». Несколько ранее был установлен мраморный бюст Карла Маркса. Мраморные памятники были созданы самим Эрззей, временные – по его модели, барельефы к памятнику уральским коммунарам (копии деталей работ А. Бартоломе, К. Менье и Ю. Свирской) – под его руководством. Кроме того, Эрззя был одержим мечтой создать памятник революции непосредственно в Уральских горах. Именно с этой целью скульптор и отправился в Екатеринбург летом 1918 г. [1].

«Освобожденный человек», стоявший на главной площади Екатеринбурга до 1926 г. и затем исчезнувший, стал своего рода городским мифом. Существуют различные версии истории его создания. Согласно Сутееву Эрззя начал работу по сооружению грандиозного памятника «Свобода» из 21 фигуры, но успел выполнить только центральную фигуру, когда инициатор этой работы председатель губернского ревкома Л.С. Сосновский покинул город, «а Наробраз не пожелал дожидаться окончания работ и решил поставить памятник в незаконченном виде» [2, с. 58]. Подробности создания памятника освещает неизвестная исследователям статья мемуарного характера «Наш город», опубликованная в журнале «Наши достижения» (выходившем под редакцией А.М. Горького) в ноябре 1934 г. Ее автором является журналист, писатель, художник-график Леонид Саянский (Леонид Викторович Попов, 1889–1945), прибывший в Екатеринбург в составе 3-й армии Восточного фронта (3-й армии), которая в январе 1920 г. была преобразована в 1-ю армию труда (Уральскую трудармию).

Статья представляет интерес во многих отношениях. Во-первых, в ней показано (возможно, помимо воли автора) отношение (явно негативное) екатеринбургских обывателей к Красной Армии: «Город... встречал нас пустынною длинных улиц... Город сжался, вобрал голову в плечи и притих, выжидающе глядя из щелок», «Шушукались меж собою обиженные ассессоры и акцизники, матерые лавочники и замшелые протопопы, надеясь еще на «белый возврат»» [3, с. 52, 56].

Во-вторых, она сообщает, чем занимались работники политуправления 3-й Красной (Трудовой) армии. «...Мы стали всем: техниками, и плотниками, скульпторами и чернорабочими, бойцами и агитаторами...» [3, с. 54].

В-третьих, в ней называются исторические персонажи, занимавшиеся этой работой (о чем неизвестно исследователям Гражданской войны на Урале, их имена отсутствуют в «Уральской энциклопедии»). Главным «мотором» работы был Ефим Лаврентьевич Афонин (1871–1922) – профессиональный революционер, после революции заведовавший казначейством Бюро Совета районных дум, член исполкома Моссовета, в годы Гражданской войны – военный комиссар инженерного управления 3-й армии. (В конце 1919 г. Афонин вернулся в Москву, стал ответственным редактором изданий Московского земельного отдела, затем назначен управляющим делами Временного Донского исполнительного комитета. Возвращаясь, заболел тифом и умер; его прах находится в Кремлевской стене). «...Он выглядел почтенным провинциальным дедушкой, – пишет Саянский. – Но все мы уже читали его властные и короткие приказы, где каждое слово как будто лязгало железом: «Город взят,... да, взят, взят, взят! Перед нами теперь боевая задача привести этот город в порядок, в порядок!.. Восстановить. Пустить заводы... Отложим винтовки пока. Возьмем топоры, лопаты!..» [3, с. 53, 54].

Саянский называет и других работников политотдела армии (многих только по фамилии): Барский, Бремер, Лихачевский, политком Логинов, Никуличев, Б. Сачков, Н. Сергиевский, Трофимов. После отъезда Афонина в Екатеринбург прибывают новые лица, образуется уральская комиссия (уральский комитет) по проведению субботников – Уралкомсуббот, центром которого является *штаб* тройки, расположившийся в помещении бывшего кафе «Лоранж»: «В обширном круглом зале совсем недавно колыхались перья на вычурных шляпах купчих и актрис, пестрели цветные фуражки семиреченцев и анненковцев, звенели разбитые рюмки и подвывал шантанный квинтет. На балкон, окружавший зал, выходили двери кабинетов, где праздновали мимолетные победы и разбойные сделки деляги-атаманы... Не узнать было круглый зал сейчас. Груды досок, кипы фанеры, картона, бумаги, круги проволоки, какие-то щиты, стойки и ящики громоздились вдоль стен... На столах лежали пачки книг, газет, образцы материалов, рулоны чертежей и сотрудники, накрытые тулупами и шинелями» [3, с. 57]. Среди сотрудников Уралкомсуббота – Сачков и Сергиевский, член тройки Бобров. Руководит штабом прибывший из Москвы Дмитрий Иванович Бразуль (Бразуль-Брушковский, 1882–1924) – революционер и журналист, основа-

тель стенных газет, ответственный секретарь РОСТА (Российского телеграфного агентства).

В-четвертых, автор статьи свидетельствует о том, чем занимался Уралкомсуббот – «боевой отряд партии, продолжавшей Великий почин». Он стал «эпицентром всевозможных заданий»: «строил бани, бараки, сносил старые церкви, восстанавливал разбитые окраины..., выпускал листовки, плакаты, агитброшюры, высылал летучки для митингов и субботников..., обновлял лицо города, украшая его... Кто был главной рабочей силой? Трудармейцы и весь трудовой город с пением, музыкой, с веселым напором сотен людей, выходявших на регулярные субботники» [3, с. 58]. По утверждению Саянского, именно Бразуль стал инициатором переименования Вознесенской площади в площадь Народной мести [3, с. 61].

В-пятых, в статье Саянского изложена история создания Эрззей «Освобожденного человека». Эрззя – «закинутый маршем войны на Урал, чудесный скульптор и тишайший человек» [3, с. 59] – получил задание от штаба тройки, а именно от Бразуля (тесно связанного с Сосновским. – *И. К.*) задание – создать памятник к февралю 1920 г. Поначалу предполагалось, что мраморное изваяние будет называться «Памятник труду» и представлять фигуру рабочего с молотом. Саянский передает растерянность скульптора, перед которым поставлена трудная задача: «Д... Дмитрий Иванович... к... как-же я успею эту хх... холеру к... первому мая с... сделать?» И он тыкал худенькой рукой на двор, где на огромных двойных санях лежала “холера” – шестипудовая глыба белого мрамора, привезенная издалека в город. Холодная громадина через два месяца должна была превратиться в могучую фигуру с молотом – в памятник труду и стать на высоком цоколе... “Она и в м... мастерскую-то не войдет!”, – тихим голосом убеждал Эрззя и теребил соломенную бородку. Скуластое худое лицо испуганно выглядывало из-под широкой шляпы грибом» [3, с. 59]. Для штаба тройки эту проблема оказывается легко решаемой. «Ерунда! Жильцов мы завтра утром перебросим, а к обеду и потолок до чердака раскроем, вот вам и мастерская!.. А борца с молотом сделать надо... Тройка дала большевистское слово рабочим поставить в их честь эту статую... Мы вам перфоратор достанем! Замечательно будете с ним орудовать!» [3, с. 59].

По свидетельству Саянского, Эрззя в течение двух месяцев «выстоял на ногах подле огромной глыбы с невиданным «стиком»

в руках. Он стискивал зубы; перфоратор трещал, завывал и трясся, вырываясь из рук скульптора; белая сверкающая пыль летела кругом; чердачные голуби сквозь проломанный потолок слетались на воображаемые крошки и разочарованно пачкали сверху согбенную спину художника и уже выраставшую из глыбы фигуру...» [3, с. 60].

Созданный в результате этой работы памятник представлял собой гигантскую (более 5 м) обнаженную мужскую фигуру. «Неисчерпаемой энергией и несокрушимой мощью веет от нее. Она должна символизировать освободившегося человека», – говорилось в специальной листовке «Степан Дмитриевич Эрьзя и памятники Екатеринбурга», выпущенной 1 мая 1920 г. Уралком-субботом и штабом тройки Екатеринбурга.

Литература

1. *Клюева И.В.* Художественно-педагогическая деятельность Степана Эрьзи // Интеграция образования. – 2005. – № 3. – С. 144–151.
2. *Сутеев Г.* Скульптор Эрьзя. Биографические заметки и воспоминания – Саранск, 1968. – 176 с.
3. *Саянский Л.* Наш город // Наши достижения. – 1934. – № 11 (нояб.). – С. 53–62.

Л.Ю. Елтышева

*Кунгур, историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник*

КУНГУР 1918–1919 гг.
КРАСНАЯ И БЕЛАЯ СТРАНИЦА ИСТОРИИ

В статье рассматриваются события гражданской войны в Кунгуре Пермской губернии в период красного и белого террора в 1918–1919 гг. Используются архивные материалы и воспоминания очевидцев тех событий с разных сторон, в том числе иностранцев.

Ключевые слова: Гражданская война; красные; белые; террор; события; очевидцы.

L.Yu. Elytysheva

*Kungur, Historical
and architectural Museum-reservation*

KUNGUR IN 1918–1919 YEARS.
RED AND WHITE PAGE OF HISTORY

The article examines the events of the Civil War in Kungur in the period of the Red and White terror in 1918–1919 years. Archival materials and memoirs of witnesses of those events from both sides including foreigners were used in this article.

Keywords: Civil war; the Red the white; terror; events; witnesses.

25 июня 1918 г. создается Кунгурская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией, саботажем. Председателем ЧК стал В.И. Исупов [1, с. 4]. Одним из первых актов уничтожения большевиками своих политических противников в Прикамье стало убийство в Кунгуре в ночь на 6 февраля 1918 г. видного местного и городского деятеля, председателя Кунгурского комитета кадетской партии А.Г. Агеева и его жены Т.В. Агеевой. Супругам предъявили обвинение: «участие в заговоре против Советской власти». Убийство было тайным, тела утопили в проруби. Руководство расстрелом осуществлял пермский чекист А. Борчанинов [2, с. 4].

В феврале 1918 г. в Кунгуре начинают формироваться отряды Красной армии. Начальником уездного штаба был назначен Н.А. Филимонов. Добровольцами Красной армии в кунгуре на 30 апреля 1918 г. числилось 273 человека. Отмечалось массовое вступление военнопленных в ряды Красной армии. В мае 1918 г. из 53 человек в Кунгурской социалистической роте 29 военнослужащих были из военнопленных [3, л. 73]. В июне 1918 г. отступившие от станции Кузино отряды Красной армии вместе с частями кунгурского гарнизона были двинуты на фронт. Из этих частей начала складываться 3-я стрелковая дивизия. Однако организовать в полной мере сопротивление Красная армия не смогла, так как большое количество частей все время было занято подавлением антисоветских восстаний в тылу. В сентябре 1918 г. в Кунгуре, преодолев 1500 километровый рейд, соединился с частями Красной Армии Южно-Уральский отряд партизан под командованием В.К. Блюхера и братьев Кашириных. 11 ноября 1918 г. решением Реввоенсовета Восточного фронта в Кунгуре на базе этих соединений произошло формирование 4-й Уральской дивизии.

С приходом в Кунгур частей 3-й Уральской дивизии Красной армии красный террор усилился. В сентябре 1918 г. проходят массовые расстрелы контрреволюционных элементов. В газете «Часовой революции» (издание 3-й дивизии) публикуются списки расстрелянных за подписью товарища председателя следственной комиссии штаба 3-й дивизии Ефремова. Воспитанник Грибушинского приюта писал в своих воспоминаниях об этих днях: «Купечество Кунгура было расстреляно в сосновом бору, начиная от логга Семковской дачи и вплоть до Кротовского озера. А одного даже в самом Кротовском озере. Расстрелом руководил и расстреливал Александр Голованов и его брат, а также Алексей Осипов и Жариков. Последний не успел отступить с красными, был пойман в своей деревне Кадочниково, привязан за ноги к конскому хвосту, и так его тащили до Пиликинских домов, где он скончался... Летом 1918 г. после падения Екатеринбурга к нам стали прибывать останки убитых на фронте красноармейцев, которых хоронили на Красной площади. Хоронили их в боевой одежде и даже при оружии, со всеми почестями, с духовым оркестром и оружейным залпом. После того как белыми был захвачен Кунгур, на другой день в новом соборе, в присутствии Колчака и капелевских офицеров был благодарственный молебен. (Прим. Автора: по поводу присутствия на молебне Колчака: факт неподтвержденный). С первых

дней присутствия в Кунгуре колчаковцев стали производить раскопки ям, где были расстреляно купечество и свозить в бывший чаевой магазин Грибушина. Там были оборудованы нары в 2 яруса с обеих сторон, где трупы опознавали родственники и сортировали на две группы. Одну из групп похоронили у Успенской церкви, а вторую похоронили в ограде соборов. В то же время похороненные красноармейцы и командиры на Красной площади и у памятника Пугачеву были вырыты и вывезены на свалку за Вознесенское кладбище. 1 июля 1919 г. Кунгур был освобожден Красной армией. А 2 июля 1919 г. все трупы бойцов и командиров Красной армии, которые были свалены на свалке, извлекли, обмыли и похоронили в братской могиле недалеко от Вознесенской церкви. Был воздвигнут памятник на их могиле, куда каждый год в день освобождения Кунгура от колчаковцев ходят кунгуряки...» [4, л. 3].

Видимо, размах содеянного насторожил военное руководство 3-й дивизии. Поэтому 2 ноября 1918 г. была создана Ревизионная комиссия от штаба 3-й дивизии для «обревизирования деятельности Кунгурской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности». Она обнаружила, что никаких материалов о массовых расстрелах в сентябре 1918 г. в ЧК не имелось. Отсутствие материалов восполнялось личными опросами председателя ЧК и заведующего отделом по борьбе с контрреволюцией. Они подтвердили, что расстрелы проводились смешанной комиссией в составе: «от ЧК т. Раевский, комендант города т. Вавилов, от штаба 3-й бригады военный руководитель т. Ефремов». В кратком докладе о расстрелянных А. Раевский неоднократно подчеркивал, что он был не согласен с тем, как проводили расстрелы: «Я боялся таких расстрелов, они неправильно производились. Рубили направо и налево». По словам А. Раевского, многих расстреляли неизвестно за что. «Приезжал т. Ефремов в городскую тюрьму вместе со мной и с охраной, и к нему начинали приводить арестованных по составленному списку. Он спрашивал: «Кто это?» Из толпы отвечали: «Буржуй, буржуй». После этого т. Ефремов приказывал отвести его, и над фамилией означенного лица ставился крестик, что означало расстрел». На вопрос, кто указывал фамилии в списке, А. Раевский сказал, что списки составлялись в Исполнительном комитете инспектором фронта т. Васько-Богданом в присутствии начальника бригады т. Филимонова. Указывали на фамилии арестованных члены боевых дружин. Расстрелами занимались кунгурские

коммунисты и железный батальон. После расстрелов задним числом составлялись протоколы Кунгурской ЧК совместно со Следственной комиссией штаба 3-й дивизии [5, с. 167]. Было расстреляно более 100 человек, хотя в списке значилось 47. Количество жертв красного террора, к сожалению, неизвестно.

19 декабря началось сражение за Кунгур, которое закончилось 21 декабря отступлением красных частей. Кунгур был захвачен екатеринбургской группой войск сибирской армии под командованием генерал-майора Рудольфа Гайды. Из воспоминаний чехословацкого legionера Йозефа Клемпа: «20 декабря. В 5 часов утра мы прибыли в город Кунгур. Местные граждане нас очень боялись, так как большевики рассказывали о нас разные плохие вещи. Но мы хорошо относились к гражданам города, и это их успокоило. Страшно было слышать, как с ними обходились большевики. Более 200 трупов было зарыто в снег за городом в лесах. Это были жертвы большевистского звериного фанатизма. Несколько трупов находилось здесь более месяца. Трупы возили на санках, как дерево, и хоронили их не только по одному, но и по несколько человек в одной могиле. Некоторые были так обезображены, что было страшно на них смотреть. Это показывало, что большевики были хуже гиен. Второй день улицы были полны офицеров. Золото имели на погонах. Зверство большевиков все вокруг ругали, но на фронт идти никто не хотел. Ждали, что большевиков уничтожат чехословацкие legionеры. В городе мы стояли только два часа, когда этой же дорогой пришла большевистская артиллерия. Они были очень удивлены, когда узнали, что мы уже в городе. Поэтому артиллерия обошла город вокруг, ведь они не хотели с нами сражаться. В городе был монастырь, в котором жили монахини. Большевики зашли в монастырь. Сестры, которые не успели убежать, были изнасилованы. Главная монахиня монастыря от имени всех сестер встречала нас, как спасителей. Так же вели себя дворяне, которые вышли к нам с флагами. Во всех церквях звонили колокола. Когда в городе были большевики, колокольный звон был запрещен. Мы стояли в городе один день и ночь. На следующий день, пока еще было темно, мы выехали по дороге за большевиками... Перед городом большевики уничтожили большой железнодорожный мост через р. Ирень, чтобы мы не могли их догнать. Они слили в снег несколько тысяч гектолитров керосина, перед тем как уйти из города. Граждане собирали снег с керосином и носили его домой в ведрах. Шаг за шагом мы крались за большевиками...» [6, с. 112].

23 декабря 1918 г. комендантом города был назначен чешский офицер Смрачко, который издал приказ о создании следственной комиссии, которую возглавлял поручик Сукало. За первую неделю было вынесено 768 приговоров. Объявляется комендантский час после 11 часов вечера. По данным большевиков, в Кунгурском уезде и г. Кунгуре было замучено и убито свыше 6 тыс. кунгуряков. 27 декабря 1918 г. чехословацкие формирования покинули Кунгур. В городе остались части 3-го Степного сибирского корпуса белой армии под командованием генерал-майора Вержбицкого, начальником кунгурского гарнизона был полковник Галилеев. Информация о событиях, происходивших в то время в стране, печаталась в ежедневной газете «Кунгурский вестник», выпуск которой начался с приходом белой армии. В первой половине 1919 г. в Кунгуре работали общественные организации: Комитет помощи народной армии, Кунгурский дамский кружок, общество художников, кунгурское учительское общество, кунгурское отделение Российского общества Красного Креста. Все они осуществляли сбор пожертвований на содержание народной армии. Газета постоянно сообщала отчеты о поступлении денежных средств и вещей [7, с. 1]. В то же время группа коммунистов и сочувствующих советской власти организовали группу сочувствующих РКП(б). Группа издавала рукописную газету «Луч социализма», первый номер которой вышел 23 марта 1919 г. Всего было выпущено 25 номеров. 1 июля 1919 г. в г. Кунгур вошли части Красной армии.

Литература

1. *Раевских А.А.* Воспоминания. Кунгурский краеведческий музей. Научный архив. № 586.
2. Кунгурский листок. – 1918. – 7 фев.
3. Кунгурский государственный архив. Ф. 62. Оп. 3. Д. 1.
4. *Бушув К.Г.* Воспоминания воспитанника грибушинского приюта. Кунгурский краеведческий музей. НВ №3029/13.
5. *Бурмасов С.С.* Красный террор на Востоке России. 1918–1922. – М., 2006.
6. *Iozef Klempa: Moje skúsenosti za svetovej vojny. Denník československého legionára z rokov 1914–1920.* Vydavateľstvo SLOVART. – Bratislava, 2014.
7. Кунгурский вестник. – 1919. – 19 марта.

А.В. Жидченко

*Москва, Останкинский институт
телевидения и радиовещания*

ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ПРОСТРАНСТВЕ
НОВЫХ ГОРОДОВ В СССР В 1950–60-е гг.
(На примере городов Салавата и Волжского)

Статья рассказывает об особенностях сохранения культурно-исторической памяти о Гражданской войне в пространстве городов, строительство основного ядра которых выпало на 1950–1960-е гг. В качестве примеров были выбраны город нефтяников в Башкирской АССР Салават и город гидроэнергетиков, строившийся в Волгоградской области Волжский. Показано, что память о Гражданской войне спустя полвека после ее окончания оказалась довольно избирательной. Элементы ее присутствуют в памятниках историческим деятелям или в привязке к памятникам, посвященным другим событиям – Октябрьской революции или Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: Гражданская война; историко-культурное наследие; историческая память; город; памятники; революция.

A.V. Zhidchenko

*The Ostankino Television
and Radio Broadcasting Institute, Moscow*

THE MONUMENTS OF HISTORY
OF CIVIL WAR IN THE SPACE NEW CITIES
IN USSR OF 1950–60-ies
(Based on the materials of Salavat and Volzhskiy)

The article tells about the features of preserving the cultural and historical memory of the civil war in the space of the city, the construction of the main core of which fell on the 1950–60-ies. Examples were selected two cities, which were created in the mid-twentieth century – oil town in the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic and the city of Salavat hydropower, which was built in Volgograd Oblast – Volzhsky. Their example

has been shown that the memory of the civil war half a century after its completion was rather selective – elements of the memory present in the monument so historical figures, or in relation to these events – the October Revolution or the Great Patriotic War.

Key words: Civil war; historical and cultural heritage; historical memory; city; monuments; revolution.

В настоящее время актуальны исследования, связанные с изучением городского пространства и его элементов. Причина важности изучения современного и исторического облика города состоит, как в формировании комфортных условий проживания, так и в необходимости сохранения и популяризации культурно-исторической памяти. В свою очередь важность передачи будущим поколениям памяти о решающих событиях в истории страны не подлежит сомнению. Одним из таких периодов является Гражданская война в России начала XX в.

Взаимосвязь памятников и историко-культурного наследия, а вместе с тем его сохранения и популяризации является, пожалуй, одной из самых тесных взаимосвязей в этой сфере. Исследователь Л.А. Гриффен справедливо отмечает, что «своим становлением как особой науки памятниковедение обязано росту в настоящее время общественного интереса к охране и сохранению историко-культурного наследия» [1, с. 5].

В предлагаемой работе рассмотрена специфика сохранения памяти в городах, строительство которых было начато в СССР в период 1950–1960-х гг., т. е. в городах, история которых не охватывала сам период революции и Гражданской войны в России.

Подобное рассмотрение делает возможным опора на междисциплинарный подход – теорию культурно-цивилизационного ландшафта (В.Г. Рыженко [2]), теорию культурной памяти (Я. Ассма [3] и Л.П. Репина [4]) и теорию городской культуры [5, с. 24]. В качестве примеров были рассмотрены строившиеся в 1950–1960-е гг. города Салават и Волжский.

Салават строился в Башкирской АССР с конца 1940-х гг. Однако, несмотря на молодость города, период Гражданской войны не мог не отразиться на его городском историко-культурном пространстве, поскольку город проектировался как образцовый социалистический.

Бюст Ф.Э. Дзержинского был открыт в сентябре 1970 г. и установлен на Вокзальной улице по проекту ленинградского

скульптора А.А. Айриева. В этом же году улица была переименована в улицу Дзержинского в честь первого председателя Всероссийской чрезвычайной комиссии.

Памятник представляет собой бронзовый бюст и гранитный постамент. Постамент был выполнен из железобетона, облицован гранитными плитами. Ступени вокруг памятника выложены гранитными плитами серого цвета. Общая высота памятника составляет 4,2 м.

В городе на сегодняшний день есть обелиск, посвященный 50-летию Октябрьской революции, который находится на площади Космонавтов, его можно считать одним из памятников, связанных с историей революции и гражданской войны. Возвышается обелиск, известный официально как обелиск боевой и трудовой славы, на высоту 33 м. Он находится на пьедестале из гранита, облицованного нержавеющей сталью. На вершине обелиска – серп и молот. Золотом горят на гранях обелиска звезды Героев Социалистического Труда и Советского Союза. Надписи «50 лет», «Слава героям труда» и «Слава защитникам Родины» раскрывают главное содержание памятника. Памятник был спроектирован инженерами Мороном Н.А., Хайруллиным З.А., Сирбаевым У.Н., художниками Каминым А.С., Орловым Г.Ф., Кузнецовым А.Г. Открыт 5 ноября 1967 г.

Город Волжский чуть старше Салавата, строительство его основного культурно-исторического ядра пришлось также на период 1950–1960-х гг.

С именем Я.М. Свердлова связаны первые годы советской власти, а значит, что в массовом сознании имя этого исторического деятеля связано с периодом революции и Гражданской войны. Памятник Я.М. Свердлову, соратнику Ленина и революционеру, располагается в городе Волжском у кинотеатра «Спутник». Его установили в 1970 г. Открытие приурочили к 85-летию со дня рождения Якова Михайловича Свердлова.

Памятник В.И. Ленину находится на одноименной площади. Торжественное открытие его состоялось в 1984 г. Авторами скульптуры являются Кутырев Е.И. и А.А. Тюренков. Работа над семиметровой бронзовой статуей вождя шла 7 лет. Взмахом руки Ленина архитекторы хотели показать масштаб и простор города.

Памятник павшим солдатам в Гражданской и Великой Отечественной войнах напрямую связан с последней из отмеченных

войн (стоит на месте братского захоронения) и носит название «Памятник безымянным жертвам войны». Годы на постаменте – 1918, 1943 – говорят о кровопролитных сражениях, с которыми была связана эта территория Поволжья. На памятнике изображены красноармеец и солдат с винтовкой.

Стоит отметить, что уже в постсоветском пространстве города Волжского появился монумент «Жертвам XX века». Прямой связи с Гражданской войной этот памятник не имеет, однако в общеисторическом контексте создание аппарата политических репрессий в нашей стране связывается с периодом Гражданской войны, когда были созданы соответствующие органы и комиссии репрессивного аппарата. Этот памятник был установлен в 2000 г. и в честь жертв политрепрессий XX столетия. Расположен за гостиницей «Ахтуба» в зоне парка имени 60-летия Октября. Скульптурная композиция включает три человеческие фигуры, с запрокинутыми головами. Это поистине олицетворение мук и боли репрессированных. В композиции присутствуют фрагменты мозаики и алые тона. Проект монумента создан заслуженным скульптором и художником С. Щербаковым.

С 1997 г., ежегодно возле этого монумента проводятся акции и мероприятия, которые посвящаются памяти безвинно погибших узников лагерей, и тех, кто был несправедливо осуждён в годы репрессий. В таких акциях принимает участие большое количество волжан. Они возлагают цветы и венки к подножью монумента, зажигают поминальную свечу. За порядком и чистотой возле памятника следит Общество реабилитированных жертв незаконных политических репрессий, которое создано в 1992 г.

Таким образом, в городах, строившихся в СССР в 1950–1960-е гг., на разных этапах развития нашел свое отражение период Гражданской войны.

Литература

1. *Гриффен Л.А.* Теоретические основы памятниковедения / Центр памятниковедения НАН Украины и УООПИК. – Киев, 2012. – 84 с.
2. *Рыженко В.Г.* Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах: региональный аспект. – Омск, 2010. – 340 с.

3. *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. – М., 2004. – 368 с.
4. *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М., 2011. – С. 30–34.
5. *Рыженко В.Г., Назимова В.Ш., Алисов Д.А.* Пространство советского города (1920 – 1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материалах Западной Сибири) / Отв. Ред. В.Г. Рыженко. – Омск, 2004. – 240 с.

УДК 947.085(57)

Н.Ф. Хилько

*Омск, Сибирский филиал Российского научно-исследовательского
института культурного и природного наследия
им. Д.С. Лихачева, государственный университет
им. Ф.М. Достоевского*

СУДЬБА ПАМЯТНИКА-ОБЕЛИСКА РАССТРЕЛЯННЫМ В СТАРОЗАГОРОДНОЙ РОЩЕ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ НАРОДА

Статья рассказывает о значении уникального историко-культурного памятника Омска – обелиска в Старозагородной роще, который послужил основой мемориального комплекса, имевшему непростую историю и претерпевшему различные модификации со временем. При этом менялось отношение к истории.

Ключевые слова: историческая память; памятное место; мемориальный комплекс; культура памяти.

N.F. Hilko

*Omsk, Siberian Branch of the Likhachev
Russian Research Institute for Cultural
and Natural Heritage Dostoevsky State University*

DESTINY OF A MEMORIAL OBELISK SHOT IN THE OLD COUNTRY GROVE AND HISTORICAL MEMORY OF THE PEOPLE

Article tells about value of a unique historical and cultural monument of Omsk – an obelisk in the Starozagorodny grove which has formed a basis of a memorial complex, having not simple story and undergone various modifications over time. At the same time the relation to history changed.

Key words: historical memory; memorable place; memorial complex; culture of memory.

Сначала несколько строк из известной омичам книги о памятных местах города, автором которой является А.Ф. Палашенков. «Колчаковские войска отводили заключенных в загородную рощу и там, у оврага, расстреливали из винтовок, наганов, рубили шаш-

ками, прикалывали штыками. Дно оврага заполнилось 120 человеческими трупами. На месте расстрела, у оврага, сооружен памятник – высокий каменный постамент с конусообразной кирпичной верхней частью, увенчанной звездой. На грани постамента доска с надписью: «Здесь в ноябре 1919 года белогвардейскими бандами Колчака зверски замучена большая группа борцов за дело социалистической революции» [1, с. 234].

Об этом также писал краевед Иван Петров. До того как покинуть Омск колчаковцы расправились с политическими заключенными омской тюрьмы. Они были расстреляны на берегу оврага. 30 ноября 120 человек были похоронены в старозагородной роще по звуку оркестра. 14 ноября Красная армия вступила в Омск. Останки казненных перенесли в центр города и захоронили в братской могиле; там, где сегодня Вечный огонь. Однако расстрелы в загородной роще проводились на протяжении всего периода колчаковщины. Только по суду было казнено несколько тысяч политзаключенных. А сколько расстреляно без суда, узнать сегодня невозможно. Так, известно, что именно здесь, в овраге, добивали последних защитников Омска при захвате города белогвардейцами» [2, с. 258].

Историческая память и культура памяти тесно взаимосвязаны. Нужно сказать, что течением времени многие понятия и представления, связанные с патриотизмом, меняются. Меняются представления о белом и красном патриотизме, о терроре и насилии, начинает вызревать парадигма примирения Белого и красного движения, примирения хотя бы в истории. Все эти катаклизмы не могли не отразиться на судьбе данного монумента. Надо понимать, что в этом – долг потомков и осуществление исторической справедливости по отношению к павшим. В 70–80-е гг. велась большая работа по патриотическому воспитанию и на всех городских экскурсиях экскурсантов водили к оврагу и показывали место расстрела.

Считается, что культурный ландшафт – это комплекс изменений, внесенных в природный ландшафт человеком [3, с. 126]. Однако не всегда понятно, насколько продуманны, органичны и гуманны изменения, которые вносятся в ландшафт человеком. Так, в конце 80-х гг. данное памятное место было реконструировано. Зона прудов оказалась значительно расширена, и в результате землеустроительных работ появился второй пруд. В центре нового памятного места появился куб, символизирующий борьбу

противостоящих стихий и сил революции. Однако под этим объемных сооружением в стиле модерн – никаких надписей и пояснений.

Автору этих строк в период работы со школьниками в 1980-е гг. в Доме пионеров Советского района доводилось проводить экскурсии на это место, на которых мы пытались делать небольшие самостоятельные раскопки. Однажды мы обнаружили кость предплечья, которую отнесли в краеведческий музей. Ребята увидели явные следы захоронений.

В начале XXI в. (2008 г.) со студентами ОмГУ им. Ф.М. Достоевского мы проводили выездную фотосъемку в этих местах. Мы не поверили своим глазам: рельеф местности был до неузнаваемости изменен, оврага как такового уже не существовало, но по ходу его бывшего местонахождения впереди нас возле стоящегося коттеджного поселка мы обнаружили тот самый обелиск, который был окружен заграждением. Было сделано памятное фото. Остается загадкой, стоял он на прежнем месте в измененном рельефе данного культурно-исторического ландшафта или был перенесен.

В 2016 г. довелось проводить поисковую работу вновь на этом месте. На территории бывшего оврага и впереди него на обозримой территории обелиска не было. Возникают вопросы: где он и что с ним? Как нужно преподносить сегодня уроки истории, когда утрачивается даже понимание назначения памятного места, где свалка мусора, катание на роликах и велосипедах, прогулки и никакой вахты памяти для молодежи, и никакой ясности, что же собой символизирует данный куб?

Памятник борцам революции, расстрелянным в ноябре 1919 г., (скульптор В.А. Погодин, архитектор А.В. Сухоруков) был открыт в 1987 г., но не завершён. По замыслу авторов, самой выразительной его частью должна была стать стела, символизирующая горящую свечу, полыхающий огонь которой напоминал бы собой знамя [4].

При советской власти этот трагический эпизод истории нашел отражение в документах и в памятниках. Однако, что печально, память человеческая постепенно начала истираться. И еще цитата: «Перед бегством из Омска колчаковцы расстреляли в загородной роще 120 политзаключённых. На месте расстрела впоследствии поставлен памятник в виде высокого постамента с конусообразной верхней частью, увенчанной звездой. На грани постамента надпись: **«Здесь в ноябре 1919 года белогвардейски-**

ми бандами Колчака зверски замучена большая группа борцов за дело социалистической революции». (Колесников А.Д. Памятники и памятные места Омска и области). В 1980 г. монумент был взят под охрану областным отделом культуры. Что важно, до сегодняшнего дня с охраны его никто не снимал. То есть этот монумент – собственность области. В середине 80-х был создан новый мемориальный комплекс – уже непосредственно на улице Красный Путь. Был объявлен конкурс на лучший проект. На конкурс было предложено семь проектов – и монументальные сооружения, и скромные памятники. После обсуждения, в котором приняли участие архитекторы, художники, общественность города, предпочтение было отдано проекту скульптора В.А. Погодина в соавторстве с архитектором А.В. Сухоруковым.

Вот как описывают мемориал в искусствоведческих источниках, «Характерной чертой этого произведения является прием деконструкции, позволивший создать памятник большой художественной выразительности. Скульптор Виктор Погодин, принимая решение участвовать в конкурсе на создание памятника жертвам колчаковских расстрелов, отчетливо представлял картину трагедии, произошедшей в 1919 г. Для своего произведения В. Погодин нашел художественный образ, построенный на сочетании каменного куба, символизирующего устойчивость, нерушимость и вечность, с глубокими рваными деструктивными трещинами на его гранях (грани как будто иссечены пулями и пашками). На плите у памятного знака высечены слова: **«Здесь, на месте старой загородной рощи, в ноябре 1919 г. зверски замучена белогвардейцами большая группа борцов за дело социалистической революции. Вечная слава погибшим за власть Советов!».** Торжественный митинг по поводу открытия памятного знака в старозагородной роще состоялся накануне 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции».

А что сегодня? Новодельный мемориальный комплекс давно лишился бассейна. Выломаны табличка и часть мраморных плит... Правда, к чести местного отдела по благоустройству, того свинарника, который был тут в 90-е г., уже нет. Здесь приятно посидеть, отдохнуть от городской суеты. Сюда приезжают фотографироваться молодожены. Появилась странноватая традиция – вешать на день свадьбы замок на перила мостика через нижнее, почти заросшее сегодня озеро Лебединка. А вот что за куб стоит среди поляны, сегодня знают далеко не многие. Я спрашивала

у отдыхающих здесь людей: «Где находится памятник жертвам колчаковщины?», но никто не смог ответить. Говорили недоуменно: «Не знаем, мы не местные». Хотя вот он – в зоне прямой видимости... Откуда молодым знать о настоящей истории? Все ее приметы стерты причем намеренно, целенаправленно.

А что же произошло с первым памятным знаком? Тут ситуация криминальная. Долгие годы он находился на территории предприятия «Декоративные культуры». К нему водили экскурсии, но свободного доступа не было». Каким-то таинственным образом на этом участке оказались верхнее озеро, которое официально считается частью мемориального комплекса, открытого в 1987 г., и участок, на котором расположен монумент, построенный в 50-е годы. Этот монумент находился на территории стройки, которую ведет фирма «Мрия». Он должен был оказаться в закрытом дворе восьмиквартирного элитного дома. Естественно, ни о какой реконструкции и речи не может быть: это частная территория. Хотя, думается, дело тут не в совести, а в совершенно конкретной политике властей. Целенаправленное уничтожение памяти о жертвах белогвардейцев и возвеличивание этих самых белогвардейцев – это совершенно четкое указание на то, что сегодняшние власти ощущают себя наследниками белого адмирала [5].

Литература

1. Палашенков А.Ф. Памятные места Омска. – Омск, 1976. – 125 с.
2. Петров И.Ф. В камне и бронзе. – Омск: Омское книжное изд-во, 1981. – 340 с.
3. Туровский Р.Ф. Структурный, ландшафтный и динамический подходы в культурной географии // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 1. – М.: Институт наследия, 2004. – С. 126.
4. Памятник «Борцам революции, расстрелянным в Старой Загородной роще в ноябре 1919 года» [Электронный ресурс] // Geolocation.ws [сайт]. URL: <https://geolocation.ws/v/P/109426442/1919/en> (дата обращения 21.04.2016).
5. Там, где обелиск, – земля под застройку [Электронный ресурс] // «Bezformata.ru» – региональный агрегатор новостей [сайт]. URL: <http://omsk.bezformata.ru/listnews/obelisk-zemlya-pod-zastrojku/7295646/> (дата обращения 21.04.2016).

**МЕМОРИЛИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ:
ФОРМЫ, СПОСОБЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ**

УДК 882-1

Е.А. Акелькина

*Омск, региональный научно-исследовательский центр
изучения творчества Ф.М. Достоевского*

**РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
В «СТОГЛАВЕ» Л.Н. МАРТЫНОВА**

Статья описывает впечатления о революции и Гражданской войне в книге Л. Мартынова «Стоглав».

Ключевые слова: философская проза; эссе; повествование; история.

Е.А. Akelkina

*Omsk, regional research center of studying
of creativity of F.M. Dostoyevsky*

**REVOLUTION AND CIVIL WAR IN THE
«STOGLAV» OF L.N. MARTYNOV**

The article describes the experience of the revolution and Civil war L. Martynov's book «Stoglav».

Key words: philosophical prose; essay; narration; history.

Плывут руины спутанных строений <...>
Циклон идёт, влача над миром тени
Разрушенных старинных городов<...>
О, наши дети будут благодарны
Циклону, переделавшему мир!

Л.Н. Мартынов

В 1974 г. в издательстве «Современник» вышла книга итоговой автобиографической прозы поэта Л.Н. Мартынова «Воздушные фрегаты». В ней автор за четверть века до конца XX столетия подводит своеобразный духовный итог, стараясь постигнуть

сложный комплекс проблем – свое творческое становление через постижение искусства, судьбы родного города и эпохи, в которую все происходило. Первоначально в книге должно было быть 100 глав («Стоглав» – первоначальный вариант названия), но в окончательном виде осталось 54 главы, названные новеллами. Это не собственно жанровое обозначение, а скорее указание на новизну, на пласт современности, доминантно определяющий культуру рубежа XIX–XX вв., в которую сформировался поэт. Книга прозы Л.Н. Мартынова «Черты сходства» вышла после смерти писателя (1982 г.) и продолжала основные тематические линии первой.

В «Воздушных фрегатах», постигая свой путь творчества, эпоху, судьбу родного города, делает это через искусство – главную тему литературы XX в., позволяющую проникнуть в сущность бытия. Частным аспектом (хотя и очень важным) темы искусства является тема Ф.М. Достоевского (как, впрочем, и темы В.В. Маяковского, А.А. Блока, Л.Н. Толстого, А.И. Герцена и многих других).

Итоговое целое книги «Стоглав» можно увидеть после того, как в 2008 г. московское издательство «Вече» выпустило том неизданные произведения Л.Н. Мартынова под названием «Дар будущему», в него вошли не опубликованные ранее части. Подобно объявлению «Дневника писателя» и его началу «Вместо предисловия» Л.Н. Мартынов, как и полагается в философской прозе, адресует новеллы «будущим временам». «В сознании моем вырисовывается облик книги, которую я должен был назвать, по крайней мере, «Стоглав». Что значит «Стоглав»? «Стоглав» – сборник постановлений собора, созданного в 1551 году Иоанном Грозным, получил название оттого, что имел сто подразделений глав <...> Постановления стоглава касались церковного благочиния, а также строя жизни. Пусть мой «Стоглав» новый стоглав, не пишется стремглав, писанный для нынешнего ли дня, будущих ли времен, преданных ли тиснению завтра или в более или менее далеком будущем, касается не только возникновения того или другого моего стихотворения, но будучи правдив и ясен, по возможности – всего строя жизни» [1, с. 400].

Все в этой итоговой книге Л.Н. Мартынова – ее символичность, ассоциативность, философичность, эссеистичность, очерковость, ее структура, композиция, способ озаглавливания – продолжает традицию итоговых книг Достоевского о творчестве, о духе, о поиске истины (от «Опытов» Монтеня, «Поэзии

и правды» Гете до «Былого и дум» Герцена, «Дневника писателя» Достоевского, «Опавших листьев» Розанова). Причем опыт Герцена и Достоевского особенно близок и важен, от этого центральная проблема книги – время и человек, будущее и прошлое.

В книге «Воздушные фрегаты», чья композиция пронизана сквозными ассоциациями, сложными смысловыми связями-сопряжениями, главе «Революция» предшествует «Внимательность Искандера». Псевдоним А.И. Герцена связан с упоминанием фамилии семьи Трувеллер – соседей поэта, один из предков которого был связным Герцена и сослан в Сибирь. Л.Н. Мартынов издалека начинает выстраивать свое понимание некалендарного «начала двадцатого века», истоки которого находятся в далеком прошлом.

Революция 1917 г. увидена и понята поэтом как явление, давно подготовившееся, по-своему закономерное и вместе с тем уподобленное природной стихии, циклону, совпавшему с этими событиями. Первая фраза главы («Она началась для меня так»), казалось бы, ориентирует читателя на воспоминания, да и слова «и помню», «это было, насколько помню», «помню утро нового 1919 года» настраивают таким же образом, однако каждое конкретное событие, эпизод расширяется стихами, цитатами, литературными впечатлениями автора для добывания смысла, сущности бытия. Этот характерный для философской прозы способ эвристического обобщения словно продолжает традицию «Былого и дум» и «Дневника писателя». Перед нами не воспоминание очевидца, а своеобразное творческое итоговое преобразование памяти в поиски истины, постижение сущности происходящего. Процесс рождения из видимости сущности совершается на глазах читателя, с участием его мысли.

Глава открывается услышанным разговором отца со знакомым об убийстве Распутина («Революция на пороге!»). Потом идут мечты двенадцатилетнего гимназиста о внешних отменах правил, как-то: расстаться с обязательным мундиром, не соблюдать церковные церемонии, носить зимой клетчатую кепку. «Только бы началась революция! И она действительно началась весной» [2, с. 56].

Серьезное, важное предстает в случайных пустяках, когда участники не понимают смысл происходящего. Запечатлены некоторые подробности опять-таки глазами гимназистов (арест генерал-губернатора Сухомлинова, демонстрации, митинги).

Завершается все первой попыткой Л.Н. Мартынова перевести «Марсельезу» на фоне споров о придуманном уличном варианте: «Вставай, подымайся, рабочий народ, берите дубинки и бейте господ!» [2, с. 57]. Автор воспринимает происходящее явно литературно – через стихи Маяковского, произведения Помяловского и Сологуба и другие сочинения всякого рода.

Автор замечает: «Я, освобожденный 1917 годом от мундирчика и папахи, от молитв, исповедей и причастий, более всего не хотел возвращения всего этого и более всего наслаждался свободой делать то, что мне хочется» [2, с. 58]. События лета 1918 г., когда Омск превращается в столицу контрреволюционных сил, увидены ярко и точно. В опустевший город входят с боями чешские легионеры, жители боятся мобилизации в армию Колчака и уезжают в растерянности. Отъезд Леонида Мартынова в Семипалатинск к родственникам подводит черту под прежней жизнью и открывает фантазмагорические изменения в облике Омска.

Омск «переполнился военными, беженцами с Поволжья – беглецами от советской власти. Он обрастал все новыми и новыми пригородами – Линиями и Северными улицами, Сахалинами, Порт-Артуром <...>» [2, с. 64].

Впечатления последнего года учебы в гимназии обозначены эпизодом неприятия педагога-колчаковца, бежавшего из Поволжья. Занятия шли в доме страхового общества «Саламандра». Также описывает автор, как его отец прячет бежавшего из тюрьмы комиссара.

Глава «Революция» завершается символической картиной циклона. «А потом случился циклон. Кажется, это было в феврале <...>. И эта буря пришла. В снежной мгле ломались деревья, валились заборы. Ураган длился весь вечер и всю ночь, и у меня было приятное чувство того, что, оказывается, есть такая сила, которая может заставить не высовывать носа на улицу даже самого Колчака, чей особняк засыпан сейчас до крыши снегами, налетевшими из-за Иртыша. И остановились все поезда, везущие войска на фронт <...>. Утром тонущий в сугробах город был тих и бледно-розов» [2, с. 67].

Не опубликованные в советское время главы «Стоглава» появились в печати только в 2008 г. Поэт заметил: «Некоторые из глав этой книги, скажет мне внимательный читатель, по праву должны были войти еще в первое издание «Воздушных фрегатов». Это верно. <...> Я стеснялся, не решался выдать в свет

повествование о людях с так сказать подмоченной репутацией. <...> Но в конце концов, я понял, что все эти фигуры умолчания тоже напрасны» [1, с. 400–401]. Революции и Гражданской войне посвящено несколько глав, но наиболее интересны «Золотые яблоки» и «Домик на колесах». В них это сложное время увидено через судьбы литераторов и художников, оказавшихся в третьей столице, и их произведений, своеобразно рифмовавшихся с днем сегодняшним. Одной из таких книг для Леонида Мартынова и его единомышленников стали «Золотые яблоки» Сергея Ауслендера. Поэт пишет: «В этой книге я нашел увлекшие меня рассказы о жизни Франции накануне и во время Великой Французской революции, о переживаниях французских аристократов, неких кавалеров и дам, чьи головы и головки полетели прочь с плеч, когда революция разразилась» [1, с. 417].

Автор, вспоминая героев этой книги, совершенно очевидно раздумывал о судьбе участников и сопоставлял эти две революции. Однажды Леонид Мартынов со своим другом Колей Калмыковым купили брошюру с биографией Колчака того же автора. Биография, по мнению ребят, была «написана ужасно льстиво и верноподданно». «Как низко нужно пасть, чтобы после «Золотых яблок» написать такую книжонку!» – воскликнет четырнадцатилетний поэт, у которого был безошибочный литературный вкус. Однако он же постарается внести свою долю объективности в жесткую и одностороннюю, а потому несправедливую оценку С. Ауслендера.

Сразу же после этой чисто литературной оценки подхалимской брошюры Л. Н. Мартынов расскажет о своей встрече с адмиралом Колчаком. Члены омского яхт-клуба Л. Мартынов с Калмыковым решили покататься на лодке: «Лодочная пристань была у мостков купален, как раз напортив особняка Батюшкина, резиденции адмирала. Мы взяли лодку и вышли на середину реки, на фарватер. В это время – откуда ни возьмись – на реке появился глиссер, он пронесся вдали от нас, но затем, развернувшись, пошел нам навстречу. «Давай срежем ему нос!» – сказал я Калмыкову. «Давай!» И мы пошли наперерез. Глиссер, конечно, несся быстрее любой моторки, но мы проскочили как раз в самое время, причем я заметил на нем одного человека, стоявшего неподвижно, в отличие от других, заругавшихся в рупор и грозивших нам кулаками». Когда друзья причалили к мостикам, офицеры с глиссера попытались их задержать. «Но тогда человек, стоявший неподвижно,

как и во время «срезания носа», вдруг усмехнулся и сказал: «Пропустите господ гимназистов!» Я понял, что это был адмирал собственной персоной. Я узнал его по портрету на обложке той самой скверной брошюрки. И внешне степенно я прошел мимо, внутренне ликуя, что теперь могу кой-кому рассказать о том, как «срезал нос» самому Колчаку» [1, с. 419, 420].

Симптоматично, что Л.Н. Мартынов видит свою задачу в беспристрастном повествовании, возвращающем забытые или оболганные имена из прошлого. Даже об адмирале Колчаке он рассказывает то, что было, заметив: «И знаю одно: нельзя бездоказательно и безапелляционно говорить о том, чего не знаешь досконально» [1, с. 421]. Даже к несимпатичному автору С. Ауслендеру Л.Н. Мартынов старается быть справедливым и беспристрастным – качество, редкое для мемуаристов, но совершенно необходимое для создателя итоговой книги философской прозы, для литературы non-fiction.

В судьбе и творчестве Л.Н. Мартынова взаимодополняемость стихов и прозы стала основой нового синтеза, подобно таким книгам, как «Доктор Живаго» Б.Л. Пастернака, «Дневные звезды» О.Ф. Берггольц. Рассказывая историю создания своих стихов и поэм, Л.Н. Мартынов создает их важный прозаический эквивалент и активно включает в текст прозы свои и чужие стихи.

Яркими и точными символическими образами в его стихах воссозданы впечатления Гражданской войны:

«И лес лилов, и снег стал розов,
И розовая ночь была,
И с отступающих обозов
Валились мертвые тела.
За взрывом взрыв над полем боя
Взлетал соперником луне...» [1, с. 426]

Здесь и обрисовка ярких в Сибири восходов и закатов, и кровавый отсвет революции слиты воедино. Словно дополняет эту картину жуткая деталь: прислоненные к забору и сложенные трупы солдат Колчака в зимнем Омске 1919 г., которые автор по ошибке принял за дрова. Принятие революции у Л.Н. Мартынова не отменяет осознания ее как трагедии.

В заключение хотелось бы отметить, что книга Л.Н. Мартынова «Воздушные фрегаты» является лучшей и единственной книгой об Омске начала XX в.

Необходимо издать, наконец, «Стоглав» полностью, с комментариями историков, краеведов и литературоведов (желательно с иллюстрациями).

Прекрасные инициативы С.Н. Поварцова, автора книг «Над рекой Тишиной» (1988 г.), «Капитан воздушных фрегатов» (1995 г.), «По границе прошлого с грядущим» (2005 г.), нуждаются в продолжении традиции. Ждет своих исследователей не только философско-эссеистическая проза поэта, но и его произведения об истории Западной Сибири.

Литература

1. *Мартынов Л.Н.* Дар будущему. Стихи и воспоминания. – М.: Вече, 2008.
2. *Мартынов Л.Н.* Воздушные фрегаты. Новеллы. – М.: Современник, 1974.
3. *Поварцов С.Н.* Над рекой Тишиной. Молодые годы Леонида Мартынова. – Омск, 1988.
4. Капитан воздушных фрегатов. Альбом. – Омск, 1995.
5. *Мартынов Л.Н.* По границе прошлого с грядущим. – Омск, 2005.

В.Ю. Волошина
*Омск, государственный университет
им. Ф.М. Достоевского*

ТЕМА РЕВОЛЮЦИИ
НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА
«СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПИСКИ»

Статья посвящена представлениям русской либерально-демократической интеллигенции о сущности революции. В качестве главного источника взяты статьи историков, философов, общественных и политических деятелей, напечатанные на страницах журнала «Современные записки» (Париж) в 1920–1940-е гг. Автор считает, что, несмотря на принадлежность издания к партии правых эсеров, материал, помещенный в «Современных записках», выходил за рамки представлений этой партии о предназначении революции, поэтому журнал может быть ценным источником изучения взглядов либерально-демократической интеллигенции зарубежья в целом.

Ключевые слова: революция; русское зарубежье; эмиграция; журнал «Современные записки».

V.Y. Voloshina
Omsk, Dostoevsky State University

THE THEME OF THE REVOLUTION
IN THE MAGAZINE «MODERN NOTES»

The article is devoted to representations of Russian liberal-democratic intelligentsia of the essence of the revolution. As the main source of articles taken historians, philosophers, public and political figures, printed in the journal «Contemporary annals» (Paris) in 1920–1940. The author believes that, despite the publication belonging to the party of the Right SRs, the material is placed in the «Contemporary annals» goes beyond the concepts of the party about the purpose of the revolution, so the magazine can be a valuable source of study of the views of the liberal-democratic intellectuals abroad in general.

Key words: revolution; Russian abroad; emigration; magazine «Modern notes».

Раздумья о причинах и последствиях русской революции стали на долгие годы стержневой темой интеллектуальной жизни русского зарубежья, поскольку для эмигрантов она явилась поворотным событием в жизни, породив большинство проблем, крах старых устоев и представлений. Многие политические и общественные деятели, правоведаы, историки, философы и писатели пытались осмыслить революцию и ее роль в историческом процессе. По признанию известного публициста и общественного деятеля зарубежья И.М. Хераскова, «революция – одно из популярнейших слов в наши дни. Говорят и спорят о революции все» [1, с. 219].

Важное место в зарубежье занимал общественно-политический и литературный журнал «Современные записки», издаваемый в Париже с 1920 по 1940 г. Его бессменными редакторами были Н.Д. Авксентьев, И.И. Бунаков (Фондаминский), М.В. Вишняк, А.И. Гуковский (до 1925 г.) и В.В. Руднев. Журнал задумывался как ежемесячный, но по разным причинам его периодичность менялась от 5–6 до 3–4 и даже 2 номеров в год. Всего вышло 70 томов. Тираж издания был небольшим, он составлял всего 2 тыс., но распространялся в большинстве регионов зарубежья. В СССР для партийной элиты и библиотек также регулярно поступало 25 экземпляров [2, с. 210]. Несмотря на то что журнал, по замыслу его создателей, предназначался для русской интеллигенции, понимающей необходимость перемен в государственном устройстве России, он оказался самым влиятельным, читаемым и долговечным толстым журналом зарубежья, на страницах которого увидели свет практически все наиболее значимые художественные, публицистические и литературно-критические сочинения русских эмигрантов, написанные ими в 1920–1930-е гг. Именно поэтому журнал является ценным источником изучения общественно-политических воззрений интеллигенции зарубежья. В списке авторов более 350 фамилий [3, с. 248–329].

В первом номере журнала редакция поместила обращение, в котором, подчеркивала, что в политическом плане не будет придерживаться программы какой-то одной партии. Издание позиционировалось как внепартийный орган, а его редакторы обещали «проводить ту демократическую программу, которая <...> была провозглашена и воспринята народами России в мартовские дни 1917 г.» [4, с. 1].

Хотя редакторский коллектив отрицал свою партийную ангажированность, политическая линия журнала может быть определена как линия правых эсеров. Об этом свидетельствуют названные в обращении программные установки: «единство России на основе федерации входящих в ее состав народов; Учредительное собрание; республиканский образ правления; гарантии политических и гражданских свобод; всеобщее избирательное право в органы народного представительства и местного самоуправления; передача земли трудящимся на ней; всесторонняя охрана труда и его прав рабочих в промышленности» [4, с. II]. Определяя партийную принадлежность журнала, следует учитывать также, что почти все члены его редколлегии были видными деятелями партии эсеров. Следует согласиться с мнением современного исследователя издательской деятельности политических организаций зарубежья П.Н. Базанова, что «Современные записки» отличались от иных эсеровских партийных изданий тем, что были сосредоточены не на узкопартийных агитационно-пропагандистских материалах, а занимались разработкой идеологии партии, ее стратегии и тактики [5, с. 79, 80]. Призывая не заострять внимание на политических разногласиях представителей центристского и леволиберального крыла эмиграции, а, наоборот, искать пути для ее объединения, редакция журнала подчеркивала все же, что непременным условием их сотрудничества должно быть неприятие большевизма и советской власти, ставка на внутреннюю контрреволюцию и отрицание целесообразности иностранной интервенции в Россию. Когда в 1924 г. в Париже возникло Республиканско-демократическое объединение (РДО), редакция «Современных записок» вошла в ее состав в качестве самостоятельного члена.

Несомненно, художественная проза, поэзия и литературная критика занимали большую часть журнала, но в каждом номере обязательно присутствовали публицистические статьи на политические и исторические темы, в большинстве из которых авторы прямо или косвенно касались сюжетов, связанных либо с самой революцией, либо с ее последствиями. В этом контексте нельзя не назвать циклы статей М.В. Вишняка «На Родине», И.И. Бунакова – «Пути России», В.А. Маклакова – «Из прошлого», статьи Н.Д. Авксентьева, П.М. Бицилли, С.И. Гессена, А.Ф. Керенского, А.А. Кизеветтера, П.Н. Милюкова, С.И. Португейс, В.В. Руднева, Ф.А. Степуна, Г.П. Федотова. Несмотря на то что журнал имел антибольшевистскую направленность, тон публикаций был далек

от антисоветской истерии; и на его страницах мы находим взвешенную информацию о событиях революции, свидетельствующую о желании спокойно разобраться в произошедшем. Редакция журнала предоставляла возможность высказаться представителям разных партий демократического спектра, исключая крайние позиции. Редакторскому коллективу, вспоминая впоследствии М.В. Вишняк, «приходилось одновременно вести и отражать атаки на нескольких фронтах: против скрытых большевиков и перекликавшихся с ними реакционеров-монархистов, против евразийцев и младороссов, против сменивших вехи вправо или влево, против забывших свое собственное прошлое левых эсеров и либералов, против «друго-врагов» среди меньшевиков и в нашей собственной среде» [цит. по: 6, с. 444].

За исключением литературно-художественных, все публикации журнала о революции условно можно разделить на три группы: статьи ученых, политических и общественных деятелей о ее причинах и последствиях, воспоминания участников о событиях революции и рецензии на книги о ней. Причем четко разделить первую и вторую группу очень сложно, поскольку все авторы статей являлись непосредственными участниками революционных событий и эмоциональное восприятие ими тех или иных эпизодов революции не могло не влиять на ее оценки. Безусловно, в небольшой публикации невозможно осветить весь комплекс представлений русских эмигрантов о революции, поэтому остановимся лишь на одном аспекте. Речь пойдет о различных точках зрения на сущность революции.

Интересна в этом смысле статья И.М. Хераскова «Революция», в которой читателю предлагается некая универсально-социологическая схема революции. Ее автор, профессиональный историк, выпускник историко-филологического факультета Московского университета, оставленный в свое время для приготовления к профессорскому званию на кафедре всеобщей истории. После получения должности приват-доцента он увлекся революционной деятельностью и даже вступил в РСДРП, за что в 1907 г. был арестован и сослан в Сибирь. Из ссылки ему удалось бежать, и в 1908 г. он поселился в Париже. В 1917 г. Иван Михайлович возвратился в Россию, но в 1921 г. вновь эмигрировал во Францию [7, с. 444].

Свою статью он определил как социологический очерк. В начале статьи анализируются различные представления

теоретиков XVIII–XX вв., в том числе деятелей Великой Французской революции, социалистов-утопистов, К. Маркса, А. Токвиля, Э. Реклю о предназначении и формах социальной революции. Автор обращает внимание на то, что само понятие «революция» в литературе существует в двух смыслах. Во-первых, оно обозначает некие конкретные события, точно привязанные к дате, которые фактически являются государственными переворотами. Во-вторых, оно символизирует исторические эпохи, хронологические границы которых установить нелегко, как невозможно определить, каким событием, например, началась, каким кончилась Французская революция. «По отношению к революциям 2-го рода, – пишет он, – слово «революция» не только незаменимо никаким иным, но просится быть написанным с большой буквы и снабженным прилагательным «Великая»» [1, с. 237]. Трактую революцию как эпоху, он обращает внимание не только на перемены, которые происходят в обществе в моменты переворотов, но и на ее последствия, которые неизбежно будут ощущаться в течение длительного времени. «Это длинная серия государственных переворотов, часто тоже носящих название революций (как у нас «Февральская» и «Октябрьская»), вспышек гражданской и внешней войны, борьбы и смены партийных течений, диктатуры террора, реакции. Общее всех этих отдельных событий и эпизодов Революции – та атмосфера «беспорядка», «брожения», «неустойчивости», в которой все они протекают и тот основной фон народного движения, который позволяет объединить под общим названием Революции целую историческую эпоху, но и саму революцию охарактеризовать определенным термином – «демократическая», «буржуазная» и т. д.» [1, с. 245]. Будучи социалистом по убеждениям, автор отмечает, что грядет эпоха мировой социалистической революции, которая «будет состоять из целой серии переворотов, окрашенных одинаковыми тенденциями и общей идеей – из ряда частичных «пролетарских» и «социалистических» революций. Эпоха эта закончится только тогда, когда новый общественный быт найдет, наконец, для себя надлежащую рациональную форму – когда социалистическое общество узнает себя в новом строе» [1, с. 248–249]. Отличие этой революции от предшествующих, по его мнению, заключается в том, что доказать ее неизбежность невозможно, в нее можно только верить, тогда как все другие можно уже изучать.

Красной нитью в этой статье проходит мысль об исторической закономерности и социально-экономической обусловленности революций. Сравнивая русскую революцию с Великой Французской революцией, И.М. Херасков подчеркивает, что они не возникли случайно, а готовились всей предшествующей эпохой, хотя для современников произошли молниеносно и, на первый взгляд, случайно. «Кто за неделю до февральских событий подумал бы, что царская власть исчезнет в России буквально в несколько дней? что почти с такой же скоростью помещики лишатся земли, церковь отделится от государства, окраины станут самостоятельными? Не потому ли случилось все это, что и царская власть, и помещичье землевладение, и государственная церковь, и все так называемые «русские устои» давно превратились у нас в «грудю соломы» и ждали первого порыва ветра, чтобы рассеяться в прах?» [1, с. 243, 244].

В.М. Вишняк, размышляя над отличием политического переворота от революции, в качестве необходимого условия последней называл ее всенародный характер. «Где нет налицо самодеятельности народа, где активное меньшинство, пользуясь своей организованностью – иногда и вооруженностью, – опрокидывает строй в м е с т о [разрядка автора – *В.В.*] народа хотя бы с самыми благими намерениями в отношении к народу, там перед нами заговор, бунт, восстание смута, реформа, государственный или дворцовый переворот – что угодно, но не революция. Революция тем «настоящее» и тем «больше», чем физически ближе совпадают участвующие в ней массы со всем составом населения» [8, с. 342].

Известно, что в 1920–1930-х гг. русское зарубежье пережило своеобразный религиозный ренессанс. «Современные записки» нередко печатали произведения философов-идеалистов. Так, Ф.А. Степун в статье «Религиозный смысл революции» предложил свою типологическую конструкцию революции. Последнюю он связывал не с социально-экономическими, а с духовными противоречиями в обществе. «Всякая эволюция, – писал он, – держится единством национального сознания; революция же знаменует собою разрыв этого единства: сначала в сознании революционеров, а затем уже и в самом бытии народов [9, с. 435–436]. По его представлению, любая революция – это прежде всего событие в духовной жизни; она заключается «в распаде единства национального сознания, в обесилении национального творчества» [9, с. 456]. Причину же распада национального сознания он видел

«в отрицании абсолютного, т. е. религиозного, значения культурных ценностей и благ», из чего делал вывод, что для предотвращения революции необходимо «возвращение всем областям культуры их вечного религиозного значения» [9, с. 460].

Известный философ обращал внимание на то, что разложение национального сознания начинается всегда среди правящих классов, среди представителей старых культурных форм и традиций. «Начинается оно, – писал он, – всюду одинаково: с обездушения господствующих культурных ценностей путем превращения их в фактор власти и даже насилия над восходящими к жизни новыми народными слоями, новыми классами <...> Застрельщиками революции являются не столько революционные вожди, сколько те власть имущие представители старых форм жизни, что первые производят девальвацию доверенных им культурных ценностей путем прагматически-утилитарного отношения к ним. Народная революция, в сущности, никогда не взрывает подлинных твердынь господствующей культуры. Она лишь по бревнышкам, по кирпичикам разносит и прахом развеивает обездушенный остов уже мертвой жизни» [9, с. 436, 437]. Подлинным субъектом революции, по мнению автора, является не класс, «а не к и й о с о б ы й д у х н е т е р п е н и я , д у х о т ч а я н и я , д у х п р е с т у п л е н и я , д у х у т о п и з м а и ф а н т а с т и к и . [разрядка автора – В.В.] В связи с определенной исторической обстановкой дух этот как бы нисходит на определенную социальную базу» [9, с. 449.]. Религиозный смысл революции Ф.А. Степун видел в преодолении реакционной и революционной утопий, порожденных человеческим безумием, в утверждении абсолютных ценностей. «Узрение религиозного смысла революции тождественно узрению греха безрелигиозной жизни и безрелигиозного творчества <...> Только через какое-то общенациональное покаяние возможно существенное пореволюционное творчество» [9, с. 460]. Именно поэтому, считал он, в пореволюционные периоды неизменно наблюдается рост религиозных настроений в обществе.

Идеалистическую модель революционного процесса, сформулированную Ф.А. Степуном, резкой критике подверг представитель научно-реалистической школы исторической науки зарубежья А.А. Кизеветтер.

Во-первых, он считал бесплодными рассуждения о «революции вообще», настаивал на необходимости осмысления каждой отдельной революции, поскольку «сходные черты всех революций

либо относятся к самым первичным и общим положениям, столь первичным и общим, что они сами по себе нисколько не **предопределяют** [выделение автора. – В.В.] конкретного хода событий, либо касаются только внешних форм проявления революционных страстей» [10, с. 364]. Создание же искусственных умозрительных конструкций лишь затрудняет понимание революции и ее последствий.

Во-вторых, он обращал внимание на недопустимость сведения сущности революционного процесса «к борьбе идеологий, оставляя совсем в стороне борьбу интересов» [10, с. 371]. По мнению историка, вряд ли можно сводить единство национального сознания только к единству религиозных представлений, как это делает Ф.А. Степун. Хотя крестьяне и помещики в дореволюционной России одинаково верили в Бога и царя, все же «разномыслие о земле вырывало бездну между Миросозерцанием [так в тексте. – В.В.] барина и мужика и превращало их в представителей двух смертельно враждебных станов» [10, с. 371]. Каждая революция порождается, таким образом, остротой накопившихся в данном обществе материальных и социальных противоречий, решение которых государство отодвигает на задний план.

Иную трактовку сущности революций предлагал известный историк-медиевист, стоявший на позициях неокантианства, филолог и литературный критик зарубежья П.М. Бицилли. Историю он понимал как смену «переживаемых общественным сознанием идей, смену м и р о с о з е р ц а н и й» [разрядка автора. – В. В.], результат творческой работы духа [11, с. 374]. По его убеждению, ни условия производства, ни политические структуры, ни правовые отношения, ни быт, ни нравы не определяют собой эпохи; она определяется мировосприятием людей. При этом эволюция всякой культуры проходит через три стадии: религиозную, метафизическую и позитивистическую, «каждой из них соответствует своя концепция и своя структура Государства и Общества» [11, с. 374]. В небольших по площади и численности обществах смена стадий культуры происходит эволюционно. В крупных национальных государствах возникают существенные различия не только в степени и уровне, но и в стадиях развития между образованными классами и народом. Это, по мнению П.М. Бицилли, превращает революцию в неизбежный «переход Нации из одной формы бытия в другую» [11, с. 383]. Анализируя содержание революций в Англии, Франции, Германии, России и Италии, П.М. Бицилли

отмечал все же, что, несмотря на наличие общих черт, каждая из них имела национальные особенности и была обусловлена конкретной исторической ситуацией. «Всякая Революция, – писал он, – как и вообще всякое историческое событие – есть случайность; ибо столкновение великих исторических сил никогда не является результатом абсолютно имманентного развития: во всякой комбинации мы различаем силы внутренние и внешние [11, с. 382].

На протяжении 1920–1930-х гг. на страницах «Современных записок» прослеживается также изменение отношения части эмигрантов к революции. По свидетельству известного в зарубежье публициста и журналиста С.И. Португейса, который сотрудничал в «Современных записках» под псевдонимами «Ст. Иванович» и «В.И. Талин», среди демократического крыла эмиграции в начале 1920-х гг. было распространено представление о революции как о событии мессианского значения, которое неотвратимо уничтожает устои старого прогнившего общества. Революция при этом выступала в виде «грозного закона природы, против которого так же бесполезно спорить и от которого так же бесполезно пытаться отвертеться, как женщине, рожающей дитя, бесполезно спорить и стараться уйти от всего того цикла драматических потрясений ее тела и души, который связан с актом рождения новой жизни» [12, с. 395]. Однако со временем «романтическое опьянение перед ликом революции» прошло и все явственнее стало несоответствие между представлениями о предназначении революции и реалиями, к которым она привела общество. По его мнению, восхищаться революцией теперь можно только в состоянии «тяжелой безвкусицы или исторического беспамятства», поскольку «опыт революционной гинекологии всех времен и народов дает гораздо меньше поводов для уверенности в благополучном исходе операции для матери и имеющего появиться на свет ребенка, чем опыт хирургической гинекологии чисто медицинского свойства» [12, с. 397].

Изучение содержания «Современных записок» позволяет говорить, что вопрос о сущности революции постоянно волновал либеральную интеллигенцию зарубежья. На страницах журнала мы находим как попытки создания универсальных социологических и философских моделей революции, так и выявление своеобразия каждой из них. В представлениях эмигрантов, революция не была случайным событием, ее рассматривали как

следствие накопившихся в обществе неразрешимых противоречий. При этом если вначале речь шла преимущественно о противоречиях в социально-экономической сфере, то затем акцент переносится в сферу духовную и религиозную.

Литература

1. *Херасков И.М.* Революция. Социологический очерк // Современные записки. Париж. – 1923. – № 14. – С. 219–253.
2. Журналистика русского зарубежья XIX–XX веков / под ред. Г.В. Жирова. – СПб., 2003. – 320 с.
3. Журнал «Современные записки». Париж. 1920–1940. Указатель содержания / сост. А.Я. Лapidус. – СПб., 2004. – 367 с.
4. От редакции // Современные записки. Париж. – 1920. – № 1. – С. I–II.
5. *Базанов П.Н.* Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). – СПб., 2008. – 468 с.
6. *Богомолов Н.А.* «Современные записки» // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. – Т. 2. Периодика и литературные центры. – М., 2000. – С. 443–451.
7. Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: биографический словарь / под ред. Л.А. Мнухина. – М., 2010. – Т. 3. – 757 с.
8. *Вишняк В.М.* О русской революции. Кануны и свершения (О воспоминаниях В.А. Маклакова) // «Современные записки». Париж. – 1929. – № 38. – С. 315–351.
9. *Стетун Ф.А.* Религиозный смысл революции // Современные записки. Париж. – 1929. – № 40. – С. 427–460.
10. Кизветтер А.А. Из размышлений о революции // Современные записки. Париж. – 1930. – № 42. – С. 344–373.
11. *Бицилли П.М.* Эволюция нации и революция // Современные записки. Париж. – 1930. – № 42. – С. 374–384.
12. *Иванович Ст.* Из размышлений о революции // Современные записки. Париж. – 1935. – № 58. – С. 395–415.

УДК 070 (091)

А.В. Ляпина

*Омск, государственный университет
им. Ф.М. Достоевского*

ГЕРОИ РЕВОЛЮЦИИ
И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА СТРАНИЦАХ
ПИОНЕРСКОГО ЖУРНАЛА «КОСТЕР»
ЗА 1941–1945 Г.

В статье рассматриваются художественно-публицистические средства создания портрета героя революции и гражданской войны на страницах пионерского журнала «Костер». Воссозданный духовный облик революционного поколения репрезентирует ценностные ориентации личности.

Ключевые слова: революция и Гражданская война; герои; портретный очерк; журнал «Костер».

A.V. Liapina

Omsk, Dostoevsky state university

THE HEROES OF THE REVOLUTION
AND THE CIVIL WAR IN THE PAGES
OF THE PIONEER MAGAZINE "BONFIRE"
OF 1941–1945

The article deals with artistic and journalistic creation tools portrait of the hero of the revolution and the civil war in the pages of the pioneer magazine "Bonfire". Recreated the spiritual character of the revolutionary generation represent value orientation personality.

Key words: revolution and Civil war; portrait essay; magazine "Bonfire".

Тема революции и гражданской войны входила и входит в круг исторических событий, к которым было приковано внимание общества и которые становились предметом художественного и научного осмысления. Историк В.О. Ключевский осознавал важность изучения исторического прошлого нации. «Без знания истории мы должны признать себя случайностями, не знающими,

как и зачем мы пришли в мир, как и для чего в нем живем, как и к чему должны стремиться» [1, с. 332]. Именно поэтому изучение образа гражданской войны и революции в целом сегодня особенно актуально.

Журналны для детей и юношества, издававшиеся в годы Великой Отечественной войны, настраивая людей на победу, воссоздавали духовный облик революционного поколения, репрезентировали ценностные ориентации и пути их формирования, фиксировали знаковые события 1917–1922 г., обеспечивая сохранность историко-культурной информации и ее передачу следующим поколениям. Это портретные очерки и воспоминания о вождах красного движения (С.М. Киров, Ф.Э. Дзержинский, В.И. Ленин, И.В. Сталин, К.Е. Ворошилов, М.В. Фрунзе), рассказы о праздновании годовщины Октябрьской революции в советской школе, статьи об этическом кодексе большевиков («большевистская закалка», «воинская честь», «слово большевиков», «клятва»).

В рамках статьи рассмотрим художественно-публицистические средства создания портрета героя революции и гражданской войны на страницах пионерского журнала «Костер».

Как отмечает А.А. Тertyчный, «предметом такого очерка выступает личность», ее ценностные качества. «Знание «смыслов жизни», которым служат герои публикаций, необходимо читательской аудитории для того, чтобы сверить свои цели с целями других людей, что в известной мере помогает ей ориентироваться в этом мире и, возможно, корректировать свои действия, образ жизни и пр.». Читателю важно знать, какие ценности герой эпохи отстаивает, как преодолевает трудности. «Описание этой борьбы, действий, поступков как раз и называется показом или раскрытием характера героя» [2].

Представленные в журнале портретные очерки написаны в соответствии с требованиями художественно-публицистического жанра. Авторы обнаруживают момент жизненного пути героя, который содержит некие неординарные трудности, обладает драматическим характером. Например, в юбилейном очерке о М.В. Фрунзе (к 60-летию командира) в центре внимания два эпизода из его боевой биографии. сражение с армией Колчака за Уфу на реке Белой и сражение с войсками Врангеля за освобождение Крыма.

В обоих сражениях характер героя раскрывается в **эпизоде поступка, верно найденного решения**. В первом случае была представлена тактика наступления:

«– За мной! Вперед!– крикнул он, спрыгивая с коня. Потом с винтовкой наперевес, он ринулся на врагов, и бойцы, не колеблясь, устремились за ним. Так в сражении за Уфу Фрунзе одержал победу» (1945, №2). Вот как описано проникновение в тыл Врангеля.

«Это был трудноосуществимый план. Предстояло идти ночью по воде, в темноте и тумане, не переговариваясь, даже не кашляя, несколько часов подряд, идти в полном вооружении, и при этом не замочив патронов, а ведь местами вода доходила до плеч; тащить по вязкому илу пушки и пулеметы, и, наконец, после такого утомительного маршрута с хода ринуться в атаку. Все превозмогли бойцы Фрунзе. И его блестящий план удался».

Известно, что герой времени моделирует философию жизни целого поколения революционной эпохи, поэтому **поведенческие формы, прием гиперболы** («полк сражался с невиданным упорством», «одному приходилось биться с пятерыми»), **эпитеты** «испытанный революционер», «талантливый полководец» подчеркивают, с одной стороны, его уникальность, исключительность, позиционируют лидерские качества командира; с другой – свидетельствуют о типичности характера его личности, так как русская словесность уже продемонстрировала примеры героических деяний.

Фотография также способствует созданию положительного образа народного комиссара, целеустремленного, мужественного, любящего Родину. Заключительная часть содержит **обращение к потомкам** с установкой на обратную связь. «Завет полководца – стремление к расширению своего кругозора – мы будем помнить всегда» (1945. № 2).

В поступке раскрывается личность К.Е. Ворошилова. Непредвиденный случай произошел в 1919 г. на станции Воропоново недалеко от Царицына, внезапно захваченной казаками (1941, № 2). Командир не растерялся, «выкатил пулемет и ударил по противнику». Именно здесь проявились конкретные стороны характера, ведущие к достижению цели, – решительность, быстрота реакции, отвага, сила духа. В эпилоге демонстрируется преемственность традиций. «Ворошилов растит бойцов Красной армии» (1941. № 2).

В очерке «Легендарный начдив» (1944. № 9–10) создается образ любимого народного героя В.И. Чапаева, истоки которого можно найти в образах народных правдоискателей. Начинается

описание с риторического вопроса: «Кто в нашей стране не знает имени Василия Ивановича Чапаева?» Действительно, весь пафос очерка – продемонстрировать величие всенародного любимца. Читателю-школьнику не дают усомниться в сверхчеловеческих способностях начдива. Авторы приводят примеры проявленных его дивизией небывалого мужества и отваги («он носится по фронту», «его дивизия не знала поражений», «умеет стремительно совершать переход в десятки километров и неожиданно нагрянуть на врага»), рассказывают о нем как о прекрасном стратеге и тонком психологе («умел подбирать людей, сплачивать их вокруг себя, учил верить в свои силы»). **Установка на «чужой голос»** («как рассказывают...») расширяет масштабы личности, придает образу Чапаева убедительную достоверность. **Факты личной биографии** Чапаева, введенные на страницы очерка («сын плотника, в 1914 году попал на фронт, впервые мировую провел на передовой, научился грамоте, проявил себя смелым и дерзким разведчиком»), хоть и лаконичны, но показательны. **Обращение к социальному статусу** рассматривается как повод для выстраивания профессионального пути, проясняющего идеологические смыслы очерка и объясняющего причины невероятной популярности командира. Герой имел «качества самые обыкновенные; многих ценных качеств даже и вовсе не было», но он, порожденный «полупартизанской крестьянской массой», насыщал ее тем содержимым, которого хотела и требовала сама она» [3, с. 165, 166].

Основная идея очерка – показать духовное взросление человека, эволюцию народного сознания. Чапаев прошел путь от рядового партизанского отряда до командира дивизии. Чем грамотнее становился человек, тем активнее проявлялось в нем свободы, чувство человеческого достоинство. Завершается очерк традиционным обращением к потомкам: «5 сентября оборвалась замечательная боевая жизнь Чапаева, но образ легендарного начдива всегда будет помнить наш народ, будет учиться храбрости, мужеству».

Образ героя подается и через **семейную сферу**. Система взаимоотношений ребенка и взрослого строится по модели «отец – сын», демонстрирующей семейно-родственные связи. В русской традиции ведущая роль отводится отцу как хранителю нравственной атмосферы в семье, защитнику. В рассказе Ю. Германа «Мальчики» Ф.Э. Дзержинский, оказавшийся с гимназистами в одной камере, выступает в роли отца. Он накормил их, попытался

отвлечь от мрачных дум разговорами, шутками, организовал уборку в камере, приучил подростков к ежедневной зарядке, нанял для них адвоката и добился освобождения. «Настоящий человек и в тюрьме должен оставаться человеком» (1941. № 3).

В номерах ленинградского журнала «Костер» военного времени частотны портретные очерки о С.М. Кирове, который предстает и другом детей («Друг детей», «Три встречи»), и прекрасным оратором, и руководителем («Случай на Волге»). Описание личностных качеств дается сквозь призму **оценки очевидцев, участников событий**. Очерк «Три встречи» (1943, № 9) построен в форме воспоминаний мальчика – Володи Матусова из многодетной семьи. В сюжете с детьми Киров показан как ценитель искусства, человек с развитым эстетическим вкусом и художественным чутьем. Первый секретарь Ленинградского обкома ВКП (б) помог подростку поступить в художественную школу, а его семье улучшить жилищные условия. В Смольном, куда были приглашены Володя и его мама, их встретили радушно («поздоровался с Володей и его мамой», «Володю посадил к себе на колени», «похлопал мальчика по плечу»). Русская литература уже дала пример человечности, проявленной государственным деятелем (повесть А.С. Пушкина «Капитанская дочка»). Как видим, С.М. Кирову также не чужды чувство отеческой заботы, человеческая простота и искренность в отношении к людям.

Сюжеты выстраиваются таким образом, что взрослые, имеющие высокий статус, и детская аудитория рассматриваются как равные члены общества. Взрослые – это друзья, товарищи. Более того, взрослые несут в себе и активное гедонистическое начало. Эпитеты «веселый», «весело», «бодро», «жизнерадостно» и др. частотны в их характеристике. Своей энергией старшие товарищи подпитывали молодежь.

Аксиологически маркированная модель «взрослый – ребёнок» в журнальных публикациях репрезентирует идею культурной преемственности в ходе исторической смены одного поколения другим, а значит, и крепости нации. У читателя формируется устойчивое чувство гордости за страну, народ и уверенность в скорой победе.

В форме воспоминаний написан и рассказ Л. Пантелеева «Случай на Волге» (1941, № 7). Представляя Кирова в роли оратора, автор подчеркивает горячность, страстность его натуры («словно вылитый из меди»), использует распространенные в фольклоре

синтаксические формулы. «Кулаком по столу ударит – в окнах стекла звенят; слово скажет – как будто снаряд разорвался». В поступке Киров выглядит совсем иначе. Автор рассказывает случай, произошедший в 1919 г. во время борьбы с белогвардейцами в районе Астрахани. Киров появился на Волге, когда Красная армия пребывала в тяжелом состоянии: бойцы не ели шесть суток, разутые, многие не спали ночи. Его появление Пантелеев сравнивает с потоком свежего ветра («ворвался бодрый, энергичный»). К вечеру армия уже перешла в наступление. Очевидец подчеркивает демократичность Кирова, неприхотливость в быту (не дожидаясь техников, сам нашел причину неисправности судна и устранил ее), способность ценить человеческую жизнь.

В очерках доминировала и идея жертвенности, готовности отдать свою жизнь за интересы Родины, с которой коррелировал мотив горения. Так, в портретном очерке «Выше всего – интересы Родины» приводятся слова И.В. Сталина, который, прощаясь с товарищем по партии, подчеркнул: «Когда теперь, у раскрытого гроба, вспоминаешь весь пройденный путь Дзержинского – тюрьмы, каторгу, ссылку, ЧК по борьбе с контрреволюцией, – хочется одним словом охарактеризовать эту кипучую жизнь: горение» (1941. № 3).

Таким образом, все рассмотренные портретные очерки создают положительный образ героев гражданской войны, подчеркивают их профессиональные и человеческие качества, проявленные чаще всего в нестандартных ситуациях, требующих порой оперативных решений. Поведенческий портрет героев имеет цель подчеркнуть роль личности в формировании гражданской позиции молодого поколения, в воспитании моральных качеств в лучших традициях русской литературы и культуры.

Литература

1. *Ключевский В.О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. – М.: Наука, 1968. – 528 с.
2. *Тертычный А.А.* Жанры периодической печати: учеб. пособие. – М.: Аспект Пресс, 2000. [Электронный ресурс] URL: [http:// http:// evartist.narod.ru/text2/01.htm](http://evartist.narod.ru/text2/01.htm) (дата обращения: 28.04.2016)
3. *Фурманов Д.А.* Чапаев: Роман. – Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1982. – 272 с.

УДК 379.822+ 82-822+ 908

М.И. Саврушева

*Омск, государственная областная
научная библиотека им. А.С. Пушкина*

КНИГИ ВРЕМЕН ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
В ЭКСПОЗИЦИИ МУЗЕЯ КНИГИ
И ФОНДЕ РЕДКИХ КНИГ
ОМСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ОБЛАСТНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ
ИМ. А.С. ПУШКИНА

Дается характеристика изданий времен Гражданской войны, которые составляли фонды омских библиотек. В настоящее время эти издания составляют коллекцию фонда редких книг Омской областной государственной научной библиотеки им. А.С. Пушкина

Ключевые слова: война; книги; издательства; политика; наука; образование; литература.

M.I. Savrusheva

*Omsk, State Regional Scientific Library
named after A.S. Pushkin*

BOOKS THE CIVIL WAR
IN MUSEUMS AND FOUNDATIONS
BOOKS RARE BOOKS
OMSK STATE REGIONAL SCIENTIFIC
LIBRARY NAMED AFTER A.S. PUSHKIN

The article describes the publications of the Civil War, which were funds Omsk libraries. At present, these publications make up the collection of rare books fund Omsk Regional State Scientific Library named after A.S. Pushkin

Keywords: war; book publishing; politics; science; education; literature.

Музей книги ОГОНБ им. А.С. Пушкина, открывшийся в марте 2014 г., призван показать роль книги во всемирном и общероссийском процессе развития книжного дела, а также

в формировании историко-культурной среды региона. Созданию музея книги при отделе «Центр книжных памятников» Омской государственной областной научной библиотеки им. А.С. Пушкина способствовало наличие в библиотеке коллекции редких книг и рукописей (более 50 тыс. экз.), в том числе времен гражданской войны, и интереса посетителей библиотеки к этому фонду.

Для Омска, который был в эпицентре Гражданской войны, особенно значимым является собрание изданий 1918–1922 гг. Изучение книг переломного этапа истории Российского государства позволяет характеризовать особенности этих документов. Книге гражданской войны свойственны основные черты дореволюционных подпольных изданий: убогая печать, плохой шрифт, отсутствие иллюстраций. При больших тиражах брошюрной литературы качеству изданий внимания практически не уделялось. В немалой степени, по всей видимости, сыграли роль бумажный дефицит и плохая оснащённость типографий материалами. Нередко книги печатали на бумаге различного качества, нечетким, трудночитаемым шрифтом; особенно это было характерно для изданий контрреволюционного лагеря. Со страниц книг и брошюр времен гражданской войны практически исчезли иллюстрации, единственным книжным украшением служили скромные орнаментальные заставки и концовки. В оформлении книг практически не применяется многокрасочная печать, а цветные иллюстрации становятся большой редкостью. В основном брошюры и книги были малоформатными, крайне редко имели переплет. Часто с целью экономии бумаги брошюры печатали без обложки. Все это относится к брошюрным политическим изданиям. Книга этого периода – это «книжка-солдат», брошюра на пропагандистские темы, скромно оформленная и нередко плохо отпечатанная. Однако книга частных-кооперативных издательств отличалась сравнительно высоким качеством полиграфического исполнения (*Бальмонт К.Д.* Солнечная пряжа: сборник: 1890–1918. – М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1921; *Шершеневич В.Г.* 2 × 2 = 5. Листы имажиниста. – М.: Имажинисты, 1920). Издатели старались, несмотря на сложные условия существования, сохранить свой стиль, единство оформления в книге, традиции оформления русской дореволюционной книги. В государственных издательствах трудились известные художники И. Грабарь, В. Масютин, Д. Штеренберг, оказавшие существенное влияние на внешний облик советской книги, облагородившие ее оформление.

Гражданская война и разруха сказались на издательском репертуаре. Доминирующее положение занимают издания общественно-политической тематики, которые выпускались практически всеми издательствами страны. Большую группу составляют книги по истории, по вопросам политического и морального разложения царизма и падения монархии (*Р-нев С.П.* Что спасет Россию. (Россия ныне и триста лет назад). – Омск, 1919). В фонде редких книг ОГОНБ им. А.С. Пушкина можно увидеть различные агитационно-пропагандистские серии. «Историко-революционная библиотека», «Агитационная серия». С 1919 г. Госиздат организовал серии «Рабоче-крестьянские листовки», «Речи и беседы агитатора», «Речи и беседы пропагандиста», «Красные книжки» (*Гинс Г.К.* Продовольственное законодательство. (Орг. нар. хоз-ва во время войны). – Омск, 1918). Большой сектор фонда 1918–1922 г. составляют издания трудов Ленина и работ о нем, а также произведения деятелей международного революционного движения (*Ленин В.* Собрание сочинений. – М.; Л., 1920–1927). Среди изданий Госиздата общественно-политической тематики можно выделить сочинения А.И. Герцена, труды П. Лафарга, Г.В. Плеханова (*Герцен А.И.* Полное собрание сочинений / ред. М.К. Лемк. – М., 1918; *Лафарг П.* Кампанелла. Страница из истории социализма: пер с нем. – Л., 1919; *Плеханов Г.В.* История русской общественной мысли. – М., 1918).

Значительное место занимают книги по истории марксизма и революционного движения, издавалась литература по истории Коммунистической партии, гражданской войны (*Айнзафт С.* Зубатовщина и гапоновщина. – М., 1922; *Александрова Н.* Артем. Биографический очерк. – М., 1922; *Ашешов Н.* Радищев А.Н. – первый русский республиканец. – Петроград, 1919; *Берзин Р.П.* Омцы в боях. крат. истор. из прошлого 27 Ом. стрелковой дивизии. – Омск, 1922; *Дейч Л.Г.* Хождение в народ. Из воспоминаний. – Петроград, 1919; *Зиновьев Г.* Об антисоветских партиях и течениях. – М.; Петроград, 1922; *Каменев Л.Б.* История Партии коммунистов в России и В.И. Ленин. – Харьков, 1920; *Кропоткин П.А.* Речи бунтовщика: пер. с фр. – СПб.; М., 1921; *Круковская Л.Я.* Шлиссельбургский узник Валериан Лукасиньский (по книге Шимона Аскеназы «Лукасиньский»). – СПб., 1920; *Лейтенант П.П.* Шмидт. Письма, воспоминания, документы / под ред. и с предисл. Вл. Максакова. – М., 1922; *Лелевич Г.* Октябрь в ставке. – Гомель, 1922; *Лепешинский П.Н.* На повороте (От конца

80-х годов к 1905 г.). Попут. впечатления участника революц. Борьбы. – СПб., 1922; *Столянский П.Н.* Революционный Петербург. У колыбели русской свободы. – СПб., 1922; *Троцкий Л.Д.* Вопросы гражданской войны. – Л., 1924; *Шилов А.А.* Каракозов и покушение 4 апреля 1866 года. – Петроград, 1919).

Под маркой Госиздата выходило наибольшее количество научных книг по истории России, философии, праву (*Кон И.* Общая эстетика / пер. Н.В. Самсонова. – [Б. м.], 1921). В первые годы советской власти был издан Манифест Коммунистической партии (*Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии. – СПб., 1919), напечатана первая Советская Конституция (Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской республики. Постановление 5-го Всероссийского съезда Советов, принятое на заседании 10 июля 1918 г. – М., 1918; Конституция (основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Опубликована в № 151 «Известий ВЦИК» от 19 июля 1918 г. – М., 1918).

Выпуск научной литературы в этот период существенно сократился. В области естественных наук были изданы работы К.А. Тимирязева, П.П. Лазарева, В. Р. Вильямса и др. (*Тимирязев К.А.* Чарлз Дарвин и его учение: в 2 ч. – М., 1921; *Лазарев П.П.* Физико-химические основы высшей нервной деятельности. – М., 1922; *Вильямс В.Р.* Общее земледелие. – М., 1919).

Вышла брошюра Г.М. Кржижановского об основных задачах электрификации России (*Кржижановский Г.М.* Об электрификации. – М., 1921). Научно-популярные издания выпускались в сериях. «Наука для всех», «Начатки знания», «Естественнонаучная библиотека Научные монографии, производственно-технические пособия, учебные руководства, справочники выходили в серии Гостехиздата «Инженерно-промышленная библиотека» (*Авербург В.* Рассказ красноармейца о том, как от сапа умер взводный. – Омск, 1920; *Авербург В.В.* Общие сведения о размножении клеток и развитии животных. – Омск, 1922; Ауэрбах Ф. Царица мира и ее тень. Энергия и энтропия. – Петроград, 1919; *Ленар П.* О принципе относительности, эфире, тяготении; Критика теории относительности. – М., 1922. О сыпном тифе и о том, как от него уберечься. – Омск, 1919; *Фаддеев Л.А.* Болезни животных, при которых мясо их вредно для здоровья человека. – Омск, 1920).

Особое внимание уделялось выпуску книг серии «Рабочая библиотека», в составе которой преобладали практические руководства для квалифицированных рабочих и учеников.

Несмотря на трудности Гражданской войны, первые советские издательства наладили выпуск художественной литературы. Вышли произведения Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, Ф.М. Достоевского (*Толстой Л.Н. Ходите в свете, пока есть свет* и другие рассказы. – Петроград, 1918; *Чехов А.П. Полное собрание сочинений* Ант. П. Чехова: с критико-биографическим очерком и портретом А.П. Чехова. – Петроград, 1918; *Достоевский Ф.М. Мальчик у Христа на елке. Рождественский рассказ*. – М., 1919).

Существовала серия социально-исторических романов выдающихся зарубежных писателей. Госиздат занялся переизданием произведений русских классиков, осуществленным в сериях «Избранные произведения классиков» и «Библиотека русских романов». В этих сериях вышли произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, М. Горького, В.Г. Короленко и др. (*Пушкин А.С. Полное собрание сочинений*. – М.: Гиз, 1919; *Лермонтов М.Ю. Фаталист*. – М., 1918; *Гоголь Н.В. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем*. – СПб., 1919; *Горький М. Вездесущие*. – Петроград, 1919; *Короленко В. В пустынных местах. Из поездки по Ветлуге и Керженцу*. – М., 1918. *Короленко В.Г. Ат-Даван. Из сибирской жизни*. – М., 1919.)

Широко была представлена современная русская проза и поэзия (*Авилова Л. Первое горе. Рассказы*. – М., 1919; *Айзман Д.Я. Светлый бог. Сказка: в 4 действиях*. – Петроград, 1920; *Барткова А.А. Женщина. Стихи*. – СПб., 1922; *Гольдберг И.Г. Большая смерть. Рассказы*. – Барнаул, 1918; *Лекаи И. Рабочая революция. Пьесы*. – [Б. м.], 1921; *Самобытник* (Алексей Иванович Маширов) *Под красным знаменем. Стихотворения*. – СПб., 1919).

Госиздат и издательство «Всемирная литература» выпускали иностранную и художественную литературу – классическую и современную (*Банг Г. Четыре дьявола*. – Петроград, 1919; *Бальзак О. Озорные сказки*. – СПб., 1922; *Барбюс А. Свет*. – СПб., 1920; *Лемонье К. Избранные сочинения*. – СПб.; М., 1922).

Одной из первоочередных задач советской власти была ликвидация неграмотности стране. На Госиздат был возложен выпуск учебников. Он являлся основным издательством, выпускавшим учебную книгу на национальных языках. В 1920 г. было издано

более 6 тыс. букварей. Однако учебников катастрофически не хватало. Поэтому часть изданий осуществлялась Госиздатом через местные издательства (Букварь для взрослых. – Омск, 1920).

Итак, Омский музей книги и фонд редких книг Омской государственной областной научной библиотеки им. А.С. Пушкина позволяют ощутить горячее и непростое время Гражданской войны на омской земле. Книги являются своего рода «машиной времени», которая яснее показывает нам далекое прошлое. Они сохранили ауру культурной среды, которая являлась основой мировоззрения людей, переживших трагические события Гражданской войны.

УДК 94(47).084.3

М.Р. Каюмова

Петрозаводск, государственный университет

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
В ЭКСПОЗИЦИЯХ КАРЕЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ В 1950–1980-е гг.

Данное исследование посвящено изучению особенностей музейной репрезентации исторических событий Гражданской войны на территории Карелии. Источниками для изучения были выбраны постоянные экспозиции Карельского государственного краеведческого музея, созданные в период 1950–1980 гг. На примере экспозиций было выявлено, как основные тенденции в советской историографии и общественной жизни влияли на историческую репрезентацию.

Ключевые слова: музей; экспозиция; репрезентация; тематический экспозиционный план; историография.

M.R. Kayumova

Petrozavodsk, state university

THE REPRESENTATION
OF THE CIVIL WAR IN EXHIBITIONS
OF KARELIAN STATE MUSEUM IN 1950–1980

The research is dedicated to the analysis of the representation of Civil war and its historical events which took place in Karelia. Permanent historical exhibitions of the Karelian State Museum were considered as the main historical sources for the research. Analyzing the exhibitions created in 1950–1980s the author reveals by what means the main trends in soviet historiography and public life influenced the historical representation.

Key words: museum; an exhibition; representation; thematic expositional plans; historiography.

Исторические музеи посредством инструментов музейной репрезентации конструируют в экспозиционном пространстве исторические события и процессы. Находясь под влиянием

совокупности факторов, начиная от материально-технических условий и заканчивая преобладающими в науке теоретическими концепциями, музейная реконструкция социальной или исторической реальности может происходить по-разному.

Цель данной работы – выявить основные тенденции в репрезентации Гражданской войны и динамику их изменений в экспозициях Карельского государственного краеведческого музея (далее – КГКМ) – центрального и старейшего исторического музея республики.

Основными источниками исследования стали исторические музейные экспозиции, текст которых, представленный в форме тематических экспозиционных планов (далее – ТЭП), можно рассматривать как связное логичное повествование о прошлом. Текст музейных экспозиций представляет собой совокупность этикеток к экспонатам, пояснительных текстов и включенного в экспозиционный показ документального материала [1, с. 1]. Таким образом, объектом исследования становится содержание сообщений, которые музей транслирует своим посетителям в процессе коммуникации.

Первая постоянная экспозиция, посвященная истории Советской Карелии, которую КГКМ представил своим посетителям после окончания Великой Отечественной войны, была разработана в 1952 г.

В 1950-х гг. в историографии во многом сохранялись тенденции довоенного периода, возникновение которых было связано с изданием в 1938 г. «Краткого курса истории ВКП(б), фактически являвшегося учебником по истории СССР и вектором для написания национальных историй советских республик. Концепция истории СССР в том виде, в котором она представлена в указанном труде и учебнике по истории СССР для исторических факультетов высших учебных заведений, изданном в 1940 г., сохраняла свою актуальность вплоть до середины 1950-х гг. [2, с. 336].

Текст раздела экспозиции 1952 г. по истории Гражданской войны с первых же строк цитирует «Краткий курс», немного изменяя оригинал. Повествование начинается с главного текста, предваряющего показ экспонатов. «В первой половине 1918 г. сложились две определенные силы, готовые пойти на свержение Советской власти, – иностранные империалисты Антанты и контрреволюция внутри страны» [3, л. 19]. В «Кратком курсе» указано: «Таким образом, уже в первой половине 1918 г. сложились

две определенные силы, готовые пойти на свержение советской власти, – иностранные империалисты Антанты и контрреволюция внутри России [4, с. 54]. Цитируя в пояснительных текстах указанный исторический труд, ТЭП 1952 г. наследует от него и экспрессивный характер описания событий 1918–1922 гг.

В тексте экспозиции широко представлены цитаты И.В. Сталина. Они являются общими комментариями к событиям Гражданской войны и существуют в экспозиционном пространстве отдельно от экспонатов и вспомогательного материала.

История войны и интервенции в Карелии в экспозиции 1952 г. вписывается в контекст истории России, тем самым раскрывая значение края в борьбе против общих врагов. Врагами создатели экспозиции называют иностранных империалистов, белогвардейских бандитов, троцкистов и бухаринцев, каждый раз окрашивая указанные слова и термины яркими эпитетами, работающими на создание резко негативного образа. Большое внимание в экспозиции уделено преступлениям внешних и внутренних врагов против советских граждан.

Экспозиция 1952 г. создавалась как полноценный постоянный музейный показ. Не предполагалось коренного изменения в концепции репрезентации истории Карелии в ближайшие годы. Однако после решений XX съезда КПСС (1956 г.) характерные для сталинизма тенденции в историографии стали оцениваться как «субъективистские ошибки в изучении истории, чуждые марксизму-ленинизму» [5, с. 6]. Период со второй половины 1950-х до начала 1970-х гг. был официально объявлен временем восстановления ленинской концепции исторического процесса [6, с. 28]. Однако первая десталинизация не принесла существенных результатов, так как политический режим, в котором действовали историки, продолжал сохранять важнейшие черты и идеологические ценности [2, с. 788].

В 1960 г. сотрудники КГКМ разработали тематический экспозиционный план по истории Карельской АССР. Он во многом сохранил структуру раздела по истории Гражданской войны экспозиции 1952 г. Однако некоторые подразделы (например, касающиеся деятельности И.В. Сталина или событий, не относящихся напрямую к истории Карелии) был исключены. Их место заняли сюжеты, связанные с деятельностью комсомольской организации и партизанским движением в Карелии. Многочисленные цитаты из работ И.В. Сталина сменились цитатами из

произведений В.И. Ленина и классиков марксизма. На музейные витрины и стенды были возвращены портреты революционеров и участников Гражданской войны, репрессированных в 1930-е гг. и реабилитированных во второй половине 1950-х гг. Например, предметный ряд экспозиции 1960 г. дополнился необычным экспонатом – фрагментом игрушки, подаренной В.И. Лениным сыну финского революционера К. Ровио, у которого он жил во время пребывания в Хельсинки в 1917 г. [7, л. 33]. В 1963 г. ТЭП экспозиции был изменен и дополнен. В музейном повествовании большее место стала занимать репрезентация деятельности партийных и комсомольских организаций в период Гражданской войны. Лейтмотивом исследований советских историков в конце 1950-х гг. было освещение роли народных масс как главной создающей силы общественного развития [8, с. 63]. В экспозиции 1963 г. акцент делался на репрезентации роли рабочих заводов, крестьян, солдат и партизан в борьбе против интервентов и белогвардейцев [9, л. 1].

В 1964 г. вышел первый обобщающий труд по истории Советской Карелии. «Очерки истории Карелии» оказали огромное влияние на экспозицию 1967 г., сравнимое в влиянием, которое имел «Краткий курс ВКП(б)» на текст экспозиции 1952 г. Под влиянием «Очерков» впервые в репрезентации Гражданской войны акцент ставился на борьбу карельского народа с интервентами и белогвардейцами [10, с. 3].

Экспозиция 1967 г. с некоторыми изменениями и дополнениями продолжала работать вплоть до 1979 г., когда из-за аварийного состояния здания, в котором располагался музей, отдел «История Советской Карелии» был закрыт. В последующие годы экспозиция по истории Гражданской войны частично восстанавливалась в форме временных выставок [11, с. 19].

В середине 1980-х гг. КГКМ готовился к переезду в другое здание, которое, однако, требовало основательного ремонта, продолжившегося вплоть до 1993 г.

На XXVII съезде КПСС, состоявшемся в 1986 г., был объявлен курс на перестройку в экономике, политике и духовной жизни общества. Главной задачей партия декларировала удовлетворение духовных запросов людей [12, с. 90]. В соответствии с этой целью была организована и работа музеев, что нашло отражение в «Концепции системы основных экспозиций КГКМ», созданной в 1987 г. [13, л. 2]. Главные изменения в историографии произош-

ли в том, как советские ученые начали говорить о прошлом [14, с. 31]. Тенденция проблемного, неоднозначного представления исторического материала передалась и советским музеям.

ТЭП постоянной экспозиции по истории Советской Карелии, разработанный сотрудниками музея в 1987 г., был приурочен к 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции [15, л. 3]. В отличие от предыдущих музейных показов, история войны и иностранной интервенции в Карелии не была выделена в отдельный раздел. Репрезентация событий Гражданской войны являлась скорее фоном для музейного показа процесса становления карельской государственности. В новую экспозицию были включены экспонаты, репрезентирующие деятельность финских коммунистов-интернационалистов, помогавших населению Карелии в борьбе за установление советской власти. Появление на страницах ТЭПа красных финнов объясняется активизацией взаимоотношений между Финляндией и Карелией в середине 1980-х гг., проявлявшейся в экономической и культурной сферах. Кроме того, после 1986 г. начался новый этап по реабилитации жертв политических репрессий, среди которых было много представителей красных финнов. В связи с этим роль музея виделась в создании позитивного образа региона, открытого для сотрудничества и культурных контактов.

В целом экспозиция стала более нейтральной. Из текста ТЭПа исчезли яркие эмоциональные индикаторы, которые обычно сопровождали репрезентацию образа врага, такие как «империалисты» или «бандиты», что также соответствовало духу перестроечного времени.

Проект постоянной экспозиции по истории Советской Карелии (1987 г.) после реконструкции музея в новых исторических реалиях (1993 г.) потерял актуальность и остался существовать только на бумаге в форме тематических экспозиционных планов.

Исходя из результатов анализа текста экспозиций 1950–1980-х гг., можно сделать вывод, что изменение политической конъюнктуры оказывало значительное влияние на работу историков, что вело к изменениям содержания и направленности музейных экспозиций. Таким образом, работники музея, являясь частью общества, не были изолированы от настроений и тенденций, которые существовали в нем, что находило свое отражение в результатах их работы, в том числе по подготовке раздела экспозиций, посвященных событиям Гражданской войны.

Литература

1. *Ravelli L.* Museum texts. Communicational framework. – London; New York: Routledge, 2008.
2. *Дубровский А.М.* Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). – Брянск, 2005. – 800 с.
3. ТЭП 1952 г. // Научный архив НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 121.
4. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): Крат. курс / под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). – М., 1938. – 351с.
5. *Шерман И.Л.* Советская историография Гражданской войны в СССР (1920–1931). – Харьков, 1964. – С. 6.
6. *Афанасьев Ю.Н.* Феномен советской историографии // Отечественная история. – 1996. – № 5. – С.146–168 .
7. ТЭП 1960 г. // Научный архив НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 240.
8. *Данилова Л.В.* К итогам изучения основных проблем раннего и развитого феодализма в России // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС: История СССР. Сб. ст. – М., 1962. – С. 60–68.
9. ТЭП 1963 г. // Научный архив НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 215.
10. Очерки истории Карелии. – Петрозаводск, 1964. – Т. 2 – 615 с.
11. Музей Карелии: Концепция системы основных экспозиций КГКМ. – Петрозаводск, 2006 – 178 с.
12. Программа Коммунистической партии Советского Союза: Новая редакция // Материалы XXVII съезда КПСС. – М., 1986. – С. 121–182.
13. Пояснительная записка к созданию выставки «Памятники природы, истории и культуры в фондах КГКМ». – Л. 2
14. *Бордюгов Г.А.* История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества. – М., 1992 г. – 352 с.
15. ТЭП 1987 г. // Научный архив НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 537.

УДК 908

Т.Н. Золотова

*Омск, Сибирский филиал Российского
научно-исследовательского института культурного
и природного наследия им. Д.С. Лихачева*

МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ СОБЫТИЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ВАГАЙСКОМ РАЙОНЕ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье рассматривается проблема мемориализации событий Гражданской войны в России в разрезе двух аспектов – организации мест коллективной памяти и отношения населения к этим мемориалам. Источниками для исследования послужили экспедиционные материалы автора в село Черное Вагайского района Тюменской области и данные средств массовой информации. Автор приходит к выводу о неоднозначности процессов мемориализации истории Гражданской войны, в частности – Западносибирского (Ишимского) восстания, и роли памятников в формировании сакрально-мемориального пространства сельских и городских поселений.

Ключевые слова: мемориализация; сакральное пространство; Вагайский район; Гражданская война; Ишимское восстание; памятники; жертвы; примирение.

T.N. Zolotova

*Omsk, Siberian Branch Likhachev Russian
Research Institute of Cultural and Natural Heritage*

MEMORIALIZATION EVENTS OF THE CIVIL WAR IN VAGAYSKY DISTRICT TYUMEN REGION

The problem of memorialization events of the Civil War in Russia by two aspects – the organization of the collective memory of places and the attitude of the population to these memorials. The source for the study is based on the author's forwarding materials to the village of Black Vagaysky District of the Tyumen Region and the data media. The author comes to a conclusion about the ambiguity of the processes of memorialization history of the Civil war,

in particular – the West Siberian (Ishim) uprising and the role of monuments in the formation of sacred memorial space of rural and urban settlements.

Key words: memorialization; sacred space; Vagaysky District; Civil war; Ishim uprising; monuments; sacrifice; reconciliation.

Мемориализация разного рода исторических событий осуществляется посредством установления памятников и создания мест коллективной памяти. Мы рассмотрим проблему мемориализации событий Гражданской войны в России начала XX в. в разрезе двух аспектов – организации мест коллективной памяти и отношения населения к этим мемориалам, являющимся историко-культурным наследием. Мемориализация тесным образом связана с сакрализацией пространства, о чем нами заявлялось ранее [1, с. 278]. Центром большинства сельских и городских населенных пунктов является некое сакральное место, которым до Октябрьской революции являлась церковь, располагавшаяся на возвышенном месте. В 1930-е гг. в результате антирелигиозной борьбы советской власти одна часть церквей оказалась разрушенной, другая – была использована под школы, клубы, конторы, склады. Но бывшее сакральным место продолжало оставаться средоточием социальной жизни, поскольку здесь проводились коллективные собрания, митинги, народные гуляния. После Великой Отечественной войны (в 1960-е – 1970-е гг.) на месте разрушенных церквей во многих селах были установлены памятники погибшим воинам, причем погибшим не только в Великую Отечественную, но и в Гражданскую войну. Таким образом бывшее сакральным пространство восстановило и усилило свое значение, превратившись также и в место коллективной памяти сельчан. Происходящие здесь митинги, демонстрации, возложение венков являются формами мемориализации и способствуют воссозданию сакральности пространства. Здесь происходит конструирование национальной и локальной идентичностей.

Интересным примером процессов мемориализации и сакрализации может служить мемориал в селе Черное Вагайского района Тюменской области, в котором в 2010 г. работал Сибирский этнографический отряд, состоящий из сотрудников Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН и Сибирского филиала Российского института культурологии. Село Черное основано в 1666 г. в благодатном месте на берегу реки Вагай,

где в кедровой роще была построена часовня, а в 1816 г. – деревянный храм. В советское время службы продолжались до начала 1930-х гг. В 1932 г. священник был арестован, храм переделали в клуб, затем использовали под продовольственный склад. Колокольня была сломана жителями д. Плесовской, использовавших бревна от нее на строительство своих домов. Здание церкви было заброшено, к началу 1980-х гг. разобрано местными жителями на дрова, а место, где стояла церковь, разровняли. Летом 1991 г. село Черное посетил Управляющий Тобольско-Тюменской епархией Епископ Димитрий. В здании клуба Владыка окрестил около ста человек. Позже был выбран Приходской совет и староста прихода, названного во Имя Святой Троицы. Приход разместился в единственном сохранившемся с дореволюционных времен каменном здании магазина купца Григория Плесовских, а на месте разрушенной церкви была сооружена каменная открытая часовня Павшим за Родину в 1941–1945 гг. [2].

В сакральное пространство, занимающее территорию около полгектара, входит и огороженная могила жертв «кулацко-эсеровского мятежа» (как в советское время называли Ишимское восстание), расположенная между часовней и дореволюционным магазином. В 2006 г. рядом с часовней была восстановлена деревянная церковь, освященная во имя Святой Троицы (илл. 1). Во время экспедиционных исследований жители села рассказали, что во время строительства церкви было найдено множество черепов, в том числе маленьких детей. Народная молва гласит, что это жертвы белых, но не исключено, что это могли быть и жертвы жестокого подавления Ишимского восстания со стороны красных. В памяти сельчан сохраняются ужасы событий почти столетней давности, но произошла определенная мифологизация истории, о чем свидетельствует «красочность» рассказов о том, как «отрубленные головы» жертв мятежа «катились прямо по склону к реке», и смешение представлений о «хороших» и «плохих», о «своих» и «чужих» вследствие советской пропаганды, которая долгое время представляла восставших крестьян врагами советской власти. О сложности отношений крестьян и коммунистов говорят факты, о которых поведала нам заведующая школьным музеем Надежда Павловна Леонова. «Ярой революционерке», представительнице ревкома, которая всюду носила красную косынку, чудом удалось спастись, благодаря тому, что она сдернула косынку и села на нее, когда за ней пришли восставшие.

Другого представителя ревкома, некоего Кузьмина, спасла соседка Серафима Васильевна, спрятав его в сарае под картофельной ботвой.

На этой же территории, где находится церковь, памятник жертвам мятежа и здание старого магазина, есть еще один памятник, покрашенный белой краской и не имеющий никаких опознавательных надписей, возможно, могила еще одного участника тех далеких событий, но уже со стороны восставших. На этом же пятачке, через дорогу, находится установленный приблизительно в 1950-гг. памятник героям Великой Отечественной войны в виде усеченной пирамиды с красной звездой наверху. После строительства и освящения новой церкви, перед ней в 2000-е гг. были установлены мраморные плиты с высеченными на них именами павших в годы войны черноковцев. Таким образом, на небольшой территории разместилось 4 мемориальных объекта и 2 сакральных. Место коллективной исторической памяти оказалось одновременно сакрализованным пространством, где происходит актуализация различных видов идентичности – гражданской, религиозной, национальной, локальной.

Сегодня отношение к жертвам кулацко-эссеровского мятежа, которое теперь называется Ишимским крестьянским восстанием, уже не такое однозначное, как это было при советской власти. Людская память хранит воспоминания и о жертвах с другой стороны, которые были более многочисленными. Люди избавляются от однобокой категоричности оценок и приходят к осознанию трагедии братоубийственной войны.

Неоднозначность отношения к событиям и, соответственно, к памятникам Гражданской войны, ярко отразила дискуссия, развернувшаяся на страницах средств массовой информации по поводу памятника жертвам восстания, установленном в 2011 г. в г. Ишиме. Массовое крестьянское восстание, вспыхнувшее в конце января 1921 г. в Ишимском уезде, вскоре охватило огромную территорию: от Салехарда на севере – до Каркаралинска (Казахстан) на юге, от станции Тугулым на западе – до Сургута на востоке (илл. 2–4). Советская историография, традиционно подходя к восстанию 1921 г. с классовых марксистских позиций, расценивала его как кулацко-эссеровский мятеж. За последнее десятилетие оценка историками этих событий кардинально изменилась, значительно расширились и углубились представления о трагических событиях крестьянского восстания 1921 г. в Запад-

ной Сибири [3]. В этом большую роль сыграли фундаментальные труды В.И. Шишкина [4].

Несомненно, что основным мотивом массового крестьянского антикоммунистического движения на завершающем этапе Гражданской войны стала доведенная до крайности центральными и местными властями система чрезвычайных мер «военного коммунизма», жестокие, репрессивные формы и методы претворения большевистской продовольственной политики в деревне, преступления продовольственных работников. Можно утверждать, что в повстанческом движении в годы Гражданской войны крестьянство, прежде всего, отстаивало свое право на существование, а подчас и коллективно противостояло угрозе голода, пыталось воссоздать свою собственную, народную, крестьянскую власть.

22 мая 2011 г. в Центральном сквере г. Ишима был открыт памятный знак жертвам Ишимского восстания работы скульптора Геннадия Вострецова в виде ворона, держащего терновый венец из колючей проволоки (илл. 5). Эстетическая сторона памятника вызвала бурные дискуссии, но, в итоге, оппоненты сошлись во мнении, что память о жертвах междоусобной войны как с той, так и с другой стороны должна быть сохранена. Доктор исторических наук Владимир Шишкин подвел итог дискуссии: «Скульптор Геннадий Вострецов (как за сорок лет до того Виктор Шаталин) обострённым чутьём художника уловил тот нерв, который связывает образ ворона и дух гражданской войны. Чёрный ворон – вестник смерти, объединившей и убитых бунтарями, и убитых бунтарей, и убитых усмирителей бунтарей – несёт в лапе венец, сплетённый из колючей проволоки. Образ действительно «колючий» – и тоже глубокий. Римские воины, измываясь над осуждённым Спасителем, увенчали Христа венцом, сплетённым из колючих ветвей терновника. С тех пор терновый венец – символ святых страданий, очищающих душу. Его должны бы нести ангелы – но несёт чёрный ворон, и сплетён этот венец не из терния, а из проволоки. Почему? Потому что у каждой воюющей стороны есть своя правда, но нет за ними святой истины. Не может быть её там, где попрана божественная заповедь: «Не убий!». И всё же это – венец страданий, пусть и не спасительных. Потому что обе стороны мятежа – жертвы кровавой политической игры» [5].

Таким образом, процесс мемориализации событий Гражданской войны в постсоветский период носит неоднозначный

характер. Памятники жертвам крестьянского восстания, созданные при советской власти и в настоящее время, вписываются в общее сакрально-мемориальное пространство сельских и городских поселений Западной Сибири, формируя гражданскую и локальную идентичности. Концепция вновь создаваемых памятников, связанных с историей Гражданской войны, должна строиться на принципах объединения и примирения людей разных политических убеждений, разной этнической и конфессиональной принадлежности. Памятники должны транслировать общечеловеческие ценности и идеалы.

Литература

1. Золотова Т.Н. Создание мест коллективной памяти и организация сакрального пространства как форма проявления национальной и локальной идентичностей // Третий Российский культурологический конгресс с международным участием «Креативность в пространстве традиции и новации»: тез. докладов и сообщений. – СПб.: ЭЙДОС, 2010. – С. 278.
2. Село Черное. Храм во Имя Святой Троицы [Электронный ресурс] // Официальный сайт Тобольской митрополии [сайт]. URL: <http://tobolsk-eparhia.ru/p/blog/php/place.php?id=tob&id1=9&id2=2> (дата обращения 01.06.2016).
3. Курьшев И.В. Крестьянское восстание 1921 года в Ишимском уезде: облик и поведение участников // Коркина слобода. Историко-краеведческий альманах. Выпуск третий. – Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2001. – С. 22–35.
4. Шишкин В.И. Красный бандитизм в советской Сибири // Советская история: проблемы и уроки. – Новосибирск, 1992. – С. 3–79; Он же. Сибирская Вандея: вооруженное сопротивление коммунистическому режиму в 1920 году. – Новосибирск, 1997; Он же. За советы без коммунистов: Крестьянское восстание в Тюменской губернии. 1921: сб. док-в. – Новосибирск, 2000.
5. Крамор Г. Ты не веяса, черный ворон? [Электронный ресурс] // Портал СМИ Тюменской области [сайт]. URL: <http://tyumedia.ru/45809.html> (дата обращения 01.06.2016).

УДК 94(47)

В.В. Бондарь

*Краснодар, Южный филиал Российского
научно-исследовательского института культурного
и природного наследия им. Д.С. Лихачева*

**МЕСТО ГИБЕЛИ ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА.
ОПЫТ АТРИБУЦИИ И УСТАНОВЛЕНИЯ
ПРЕДМЕТА ОХРАНЫ
ОБЪЕКТА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ**

Освещаются обстоятельства и результаты уточнения (в рамках государственной историко-культурной экспертизы) атрибуции – состава, вида, наименования – расположенного в предместье Краснодара объекта культурного наследия – места гибели одного из вождей Белого движения, генерала Л.Г. Корнилова.

Ключевые слова: Екатеринодар; Добровольческая армия; Л.Г. Корнилов; место гибели; объект культурного наследия; Краснодар; государственный реестр; достопримечательное место; предмет охраны.

V.V. Bondar

*Krasnodar, Southern branch of the Russian
scientific research Institute cultural
and natural heritage named after D. S. Likhachev*

**THE PLACE OF DEATH OF GENERAL KORNILOV.
EXPERIENCE IN ATTRIBUTION AND THE
ESTABLISHMENT OF THE SUBJECT OF PROTECTION
OF OBJECT OF CULTURAL HERITAGE**

The article highlights the circumstances and the results of the update, in the framework of the state historical and cultural expertise, attribution – composition, types, names – located on the outskirts of the city of Krasnodar of the object of cultural heritage – the place of death one of the leaders of the White movement, of general L.G. Kornilov.

Key words: Ekaterinodar; Volunteer army; L.G. Kornilov; place of death; the object of cultural heritage; Krasnodar; state register; remarkable place; the subject of protection.

В биографии Краснодара, до ноября 1920 г. именовавшегося Екатеринодаром, особенное место занимает яркий и одновременно трагический эпизод – штурм Екатеринодара 27–31 марта (9–13 апреля) 1918 г. частями Добровольческой армии под командованием генерала Корнилова. Как известно, в ходе этого крупнейшего полевого сражения Гражданской войны на Юге России, завершившего беспрецедентный Первый Кубанский («Ледяной») поход добровольцев, был смертельно ранен и скончался командующий – Лавр Георгиевич Корнилов, что послужило причиной сворачивания штурма и отступления армии.

В 1995 г. на государственную охрану в статусе выявленного памятника истории был поставлен объект, имеющий непосредственную причастность к обозначенным событиям, – «Памятное место, где в здании земледельческо-ремесленной школы Кубанского экономического общества размещался штаб Добровольческой армии генерала Л.Г. Корнилова; в апреле 1918 г. погиб Л.Г. Корнилов» – с обозначением расположения – Краснодар, ул. Калинина, 100, около бензозаправочной станции, берег р. Кубани (Распоряжение комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края № 14-р от 10.10.95г.). Позже, в 2000 г., памятное место приобрело статус памятника регионального значения (Закон Краснодарского края № 313-КЗ от 17 августа 2000 г. «О перечне объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) регионального значения, расположенных на территории Краснодарского края»). Учетные документы на объект ни при постановке на охрану, ни при включении в перечень памятников регионального значения не составлялись.

В 2012 г. по заказу администрации г. Краснодара нами была проведена государственная историко-культурная экспертиза, по результатам которой уточнена атрибуция, установлен предмет охраны названного объекта культурного наследия. На тот момент в соответствии с п. 3 ст. 64 Федерального закона № 73-ФЗ от 25 июня 2002 г. «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», все принятые на государственную охрану до вступления в силу указанного Закона памятники истории и культуры местного значения считались отнесенными к объектам культурного наследия региональной категории историко-культурного значения, включенными в Единый государственный реестр объектов культурного

наследия, с оговоркой: «с последующей регистрацией данных объектов в реестре». В целях этой регистрации и была проведена экспертиза.

По результатам экспертных мероприятий, заключавшихся в натурном обследовании объекта, его фотографической фиксации, изучении соответствующей технической документации, правовых актов, библиографическом и архивном поиске и исследовании источников, были установлены обстоятельства происхождения объекта, его бытования, изменения облика, приобретения им качеств памятного места. Были зафиксированы первоначальные и поздние элементы объекта, утраты в историческом облике.

На момент проведения экспертизы объектом культурного наследия – «Памятным местом, где в здании земледельческо-ремесленной школы Кубанского экономического общества размещался штаб Добровольческой армии генерала Л.Г. Корнилова; в апреле 1918 г. погиб Л.Г. Корнилов» – считалось домовладение по ул. Калинина, 100, располагавшееся на участке размерами 21,7 × 31,8 м, выходящем восточной широкой стороной на улицу им. Калинина, отстоящем примерно на 100 м к северу от высокого (орографически правого) берега р. Кубани.

При натурном обследовании было установлено следующее. На участке располагалось одноэтажное здание с пристройками и несколько одноэтажных дощатых хозяйственных построек. Вблизи здания были устроены небольшие палисадники; прочая территория, на которой свободно произрастали деревья и кустарники, следов обработки не имела. Внутри участка находился сетчатый забор, разделявший территорию на две зоны. Признаков благоустройства территория не имела.

Основное здание: на бутовом ленточном фундаменте, с турлучными стенами и дощатыми перегородками и чердачным перекрытием по деревянным стропилам, с шиферной кровлей. К основному объему примыкали возведенные в разное время на кирпичных ленточных фундаментах пристройки с северной и южной сторон – по одной кирпичной и дощатой. Здание использовалось как разделенный на квартиры жилой дом. Внешний облик постройки производил впечатление аварийного, малопригодного для проживания объекта, имел резко отрицательные эстетические характеристики. То же относилось и к облику внутренних помещений – как жилых, так и хозяйственных.

По данным технической документации, основное строение было возведено в 1912 г. Документальных подтверждений этой датировки в ходе проведения экспертных мероприятий не обнаружено. Сведений об использовании здания с 1920-х гг. до середины – 1980-х гг., о текущих и капитальных ремонтах, перестройках здания, времени возведения пристроек нет: техническая документация на объект ведется с 1986 г. В техническом паспорте здания, составленном по состоянию на 19 мая 1986 г., объект значится по адресу: поселок Прикубанский, № 2; в качестве владельца строения указан Краснодарский научно-исследовательский институт сельского хозяйства [1]. По косвенным данным (опросу жильцов и сотрудников КНИИСХ), начиная со времени муниципализации домовладений в Краснодаре (с начала 1920-х гг.) здание использовалось исключительно как жилое.

Из источников, относящихся ко времени Гражданской войны, в том числе картографических, следует, что в здании, располагавшемся на участке ныне имеющем адрес: ул. Калинина, 100, находился походный штаб Добровольческой армии, где 31 марта (13 апреля) 1918 г. был смертельно ранен и скончался выдающийся российский военачальник, главнокомандующий Добровольческой армией Лавр Георгиевич Корнилов [2, с. 13; 3, 4, 5, 6]. В источниках и литературе это место именуется по-разному: «образцовая ферма Екатеринодарского сельскохозяйственного общества», «ферма экономического общества», «здание земледельческо-ремесленной школы Кубанского экономического общества», «войсковая ферма», чаще всего «ферма». Предположительно ферма принадлежала Кубанскому экономическому обществу либо Екатеринодарскому отделу Доно-Кубано-Терского общества сельского хозяйства.

По воспоминаниям генерала А.И. Деникина, находившегося на территории фермы в момент смертельного ранения Л.Г. Корнилова, «граната» (артиллерийский снаряд) пробила стену дома и влетела в комнату, в которой находился генерал, где разорвалась. Через несколько минут главнокомандующего вынесли из дома на носилках и установили их недалеко от берега Кубани, где он скончался [7, с. 6–7].

2 (15) апреля 1918 г. Л.Г. Корнилов был погребен в немецкой колонии Гнадау (ныне село Долиновское), а 3 апреля труп был эксгумирован отрядом комиссара Донцова, отвезен в Екатеринодар, где был подвержен глумлению и сожжен [8].

После занятия Екатеринодара Добровольческой армией в августе 1918 г. на месте кончины генерала Корнилова был установлен деревянный крест. В 1918 г. рядом с крестом была похоронена вдова генерала – Т.В. Корнилова, скончавшаяся в Екатеринодаре от воспаления легких. Позже здесь была сооружена символическая могила Л.Г. Корнилова [9, с. 432; 10]. Точное месторасположение указанных могил не установлено.

Известны фотографические изображения дома, в котором был ранен Л.Г. Корнилов, относящиеся к 1919–1920 гг. Судя по фото, на тот момент это был прямоугольный (в плане) дом с белеными стенами, прямоугольными оконными проемами, с четырехскатной вальмовой крышей (с железной кровлей) [5; 11]. Изображения внутренних помещений неизвестны.

Основное строение на участке можно идентифицировать как дом фермы лишь условно: первоначальный облик здания утрачен, установить подлинность отдельных его элементов практически невозможно. Очевидно, что значения самостоятельного объекта культурного наследия здание не имеет. Местом гибели генерала Л.Г. Корнилова логично считать пространство между домом фермы, где генерал получил смертельное ранение, и местом на берегу Кубани, где он скончался и где впоследствии была сооружена его символическая могила. Исходя из установленных обстоятельств и характера события, придающего объекту значение памятного места, целесообразно изменить его наименование на «Место гибели командующего Добровольческой армией генерала Л.Г. Корнилова. 31 марта (13 апреля) 1918 г.», в соответствии со ст. 3 Федерального закона № 73-ФЗ от 25 июня 2002 года «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» установить вид объекта культурного наследия – «достопримечательное место» – и, в соответствии со ст. 4 указанного Закона, региональную категорию историко-культурного значения.

Литература

1. Архив Краснодарского филиала Государственного унитарного предприятия «Крайтехинвентаризация – краевое БТИ». Технический паспорт на жилой дом и земельный участок. Пос. Прикубанский, № 2. Составлен по состоянию на 19 мая 1986 г.

2. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова. – Минск, 2003.
3. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. «План Корниловской фермы (рукописный)». Сост. окружной инженер-полковник Янушковский. Б/м, б/г. Копия.
4. Архив Управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. Доклад о передаче в ведение начальника инженеров Кубанского казачьего войска участка фермы – места упокоения генерала Корнилова для постоянного надзора за исправным состоянием могилы. 18 мая 1919 г. Копия.
5. Deux tombes russes // Petit parisien. – 1919. – Fevrier.
6. План города Екатеринодара. Чертил, составил и издал Н.С. Иваненков. Б/м, б/г.
7. Деникин А.И. Поход и смерть генерала Корнилова. – Ростов н/Д, 1989.
8. Корсакова Н.А., Илюхин С.Р. Тайна «Гначбау» (Загадки, связанные с гибелью Л.Г. Корнилова) // Культурная жизнь Юга России. – 2004. – № 3. – С. 37–42
9. Екатеринодар-Краснодар: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к летописи. – Краснодар, 1993.
10. Цветков В.Ж. Лавр Георгиевич Корнилов: в 3 ч. Ч. 3. [Электронный ресурс] // «Добровольческий Корпус» [сайт]. URL: <http://www.dk1868.ru/statii/kornilov3.htm> (дата обращения: 22.12.2012).
11. Российский государственный архив кинофотодокументов (РГАКФД). Оп. 5. № 141. Снимок 8.

УДК 908 (470+571.13)

К.В. Демьянов

*Омск, государственный университет
им. Ф.М. Достоевского*

МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ ИМЕН ГЕРОЕВ И СОБЫТИЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ТОПОНИМИИ ОМСКА

Рассматривается история изменения омских урбанонимов, связанных с именами деятелей и событиями Гражданской войны. На основе этого материала и анализа современной топонимической ситуации делается вывод о способности омской топонимии к трансляции исторической памяти города Омска.

Ключевые слова: топонимика; Омск; Гражданская война; локальная история.

K.V. Demyanov

Omsk, Dostoevsky state university

COMMEMORATION OF THE CIVIL WAR HEROES NAMES AND EVENTS IN OMSK ТОПОНЫМУ

The article is devoted to the history of the transformation of Omsk street's names connected with Civil war heroes and events. The author draws a conclusion about possibilities of Omsk toponymy to the saving historical memory of the Omsk city, based on historical material and analysis of modern toponymical situation in Omsk.

Key words: a place-name study; Omsk; Civil war; local history.

В современной исторической науке уже неоднократно поднимался вопрос о значимости изучения географических названий (т. е. топонимики) как важного источника по истории отдельно взятых локальных мест и страны в целом [1]. Одной из самой важных функций топонимии является формирование массового исторического, патриотического сознания граждан, что выражается в их стремлении знать историю своего края, своей малой

родины. Особенно ярко эта функция проявляется в городской топонимии. Н.П. Анциферов подчеркивал информационную значимость топонимического языка города (как элемента городского пространства – *К.Д.*), сообщающего о его росте, нуждах, связях с другими пространствами [2, с. 258]. Урбанонимы придают городу определенное своеобразие и формируют так называемый «дух места» [2, с. 258].

Одним из самых важных в истории России является период Гражданской войны. В наше время он воспринимается как самая яркая веха истории Омска, позволяющая говорить омичам о своем городе как о третьей столице. Однако общество зачастую забывает обо всей трагичности этого времени и даже о героизме людей, являвшихся участниками Гражданской войны. Основываясь на этом, мы попытались выяснить способность топонимической системы города Омска объективно формировать локальную историческую память.

В историографии омского исторического краеведения, к проблемам формирования и развития топонимии Омска неоднократно обращались Д.А. Алисов [3] и В.Г. Рыженко [4]. Существует множество краеведческих работ публицистического характера, посвященных данной теме. Среди них стоит выделить сборник «Их именами названы улицы Омска» [5]. Он содержит сведения о жизни и деятельности людей героев Великой Отечественной или Гражданской войн, в честь которых были названы омские улицы, что и представляет для нас особый интерес. В основе источниковой базы лежит картографический материал (карты Омска 1923, 1941, 2015 гг.) и второе издание справочника «Улицы города Омска» [6].

В рамках топонимической революции 1920–1923 гг. в Омске в городской топонимии возникли первые урбанонимы, зафиксировавшие события только окончившейся Гражданской войны. Появились улицы Гусарова, Лобкова, Удалова [6, с. 38, 65, 107]. В поселке Куломзино возникла улица Сурова (позднее улица Суворцева [6, с. 101]), что является ярким примером фиксации локальной памяти на уровне городского района. В этот период были образованы улицы, отражающие события 14 ноября 1919 г. – 5-й Армии, Красных Орлов и Красный Путь. Эти уникальные омские урбанонимы являются одними из самых ярких примеров сохранения локальной исторической памяти и на сегодняшний день знакомы каждому омичу. Топонимическая рево-

люция 1920-х гг. в Омске проводилась весьма в здравом ключе, в соответствии с вызовами и места, и времени [7, с. 145]. Учитывая тяжелые условия того времени (разруха, смена власти), топонимика Омска смогла сохранить свое локальное самосознание и одновременно зафиксировать новые понятия и имена.

Иная ситуация обстоит с топонимическими преобразованиями в 1930-е гг. Все больше в городе появляется именных улиц, названных в честь деятелей советской эпохи, никак не связанных с Омском. Не обошла стороной эта ситуация и улицы, хранящие память о Гражданской войне. В 1935 г. возникли улицы Щорса, Чапаева [6, с. 22, 112]. Наметившаяся тенденция по отказу от локальной истории и местных ценностей в пользу общегосударственных является одной из важных черт, характеризующих советскую топонимию в 1930-е гг. Процесс ликвидации локальной исторической памяти из топонимических координат города, начавшийся в 1920 г., казалось бы, достиг своего пика. Однако наряду с этим существовала противоположная тенденция. В 1930-е гг. возникли и росли в количественном отношении улицы Марьяновские (с 1-й по 15-ю), названные в честь боев в 1918 г. под Марьяновкой [6, с. 69]. В 1939 г., в честь 20-летней годовщины освобождения Омска от Колчака появились улицы Масленникова, Нейбута, Рабиновича [6, с. 70, 74, 88]. Топонимические преобразования 1930-х гг. дали городу большое количество новых урбанонимов. Многие были названы в честь событий Гражданской войны и до сих пор существуют в городе.

Великая Отечественная война прервала череду топонимических переворотов в Омске. За годы войны Омск превратился в крупный индустриальный центр, рос новыми районами и улицами [8, с. 248]. Возникла острая потребность в новых урбанонимах. В.П. Андреев отмечал, что в послевоенный период во внутригородской топонимии произошли существенные изменения [1, с. 30]. Урбанонимы-советизмы, отражавшие символы послеволюционной эпохи, по его мнению, были потеснены названиями из русской истории. При всей достоверности этой позиции стоит отметить, что в Омске именно в период 1957–1959 гг. появляется наибольшее количество улиц, названных в честь деятелей эпохи Гражданской войны. Примечательно и то, что почти все новые именные урбанонимы отражали именно омскую историю. Появились улицы К. Лигети, Андрианова, Вавилова, Звездава, Косарева, Котовского, Поворотникова, Таубе, Успенского. Топо-

нимические введения конца 1950 – начала 1960-х гг. закрепили в городе имена омских героев Гражданской войны и, безусловно, в большей степени способствовали формированию облика города как центра важнейших исторических событий в эту эпоху. Однако этот период привнес в топонимию Омска огромное количество антропонимов, на избыток которых указывал еще Д.А. Алисов [3, с. 151].

Подобная ситуация продолжилась в топонимической практике в 1970–1980-е гг. Количество антропонимов в омской топонимии увеличивалось, но все реже появлялись улицы, связанные непосредственно с историей Омска. В 2002 г. была ликвидирована улица Кароя Лигети, руководителя отряда интернационалистов в Гражданскую войну [6, с. 24]. С момента распада СССР прошло более 25 лет, но, Омск до сих пор не признает участников Белого движения как часть своей истории. Единственным исключением является образованная в 2004 г. улица Вяткина, известного писателя, помощника управляющего Информационного Бюро Временного Сибирского правительства [6, с. 35].

Нам видится, что омская топонимия на сегодняшний день не способна в полной мере осуществить мемориализацию имен героев и событий Гражданской войны. Сохранившийся односторонний взгляд на историю такого сложного периода явно противоречит принципу формирования локальной исторической памяти. Топонимия, как один из важнейших каналов трансляции исторической памяти, способна изменить эту ситуацию при условии, что в нее будут привнесены новые элементы, способствующие формированию объективного взгляда на историю нашей страны.

Литература

1. Андреев В.П. Российская топонимика XX века и политика: учеб.-метод. пособие. – Томск, 2005. – 46 с.
2. Рыженко В.Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, истории, историографии, методов исследования. – Екатеринбург; Омск, 2003. – 370 с.
3. Алисов Д.А. Топонимия Омска: проблемы формирования и развития // Проблемы культуры городов России. Материалы Второго всероссийского научно-практического семинара. – Омск, 1996. – Часть 1. – С. 150–152.

4. *Рыженко В.Г.* К истории одной акции по переименованию омских улиц // Областная научно-практическая конференция, посвященная 275-летию города Омска. Секция: История Омска и Омской области. – Омск, 1991. – С. 112–116.
5. Их именами названы улицы Омска. – Омск, 1988. – 232 с.
6. Улицы города Омска: Справочник / сост. Г.Ю. Юрьев, Л.И. Огородникова. – Омск, 2008. – 280 с.
7. *Демьянов К.В.* Топонимическая «революция» 1920-х гг. в Омске // «История малой родины: новые подходы, практики и вопросы популяризации среди учащейся молодежи России». Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Омск, 2016. – С. 142–148.
8. Очерки истории города Омска: в 2 т. Т. 2. Омск. XX век / под ред. А.П. Толочко. – Омск, 2005. – 400 с.

Н.Ж. Беляева

*Сыктывкар, Национальная галерея
Республики Коми*

ОБРАЗ ГЕРОИНИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
ДОМНЫ КАЛИКОВОЙ
В КОМИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

Речь идет о широко растиражированном в советское время образе Коми героини Гражданской войны Д.Ф. Каликовой. Приводятся данные, как менялся образ на протяжении 40 лет с 1940-х до 1980-х гг. Рассматривается использование художниками идеологической тематики для продвижения своего творчества.

Ключевые слова: героизм; Гражданская война; изобразительное искусство; государственный заказ; мифология.

N.G. Belyaeva

*Syktывkar, National gallery
of the Komi republic*

THE IMAGE OF CIVIL WAR HERO
DOMNA KALIKOVA IN KOMI ART

The article focuses on a popular in the Soviet Union image of a civil war hero D. F. Kalikova. The data showing the development of the image throughout the period from 1940–1980s are presented in the article. The author describes how artists used ideology to promote their works of art.

Key words: heroism; Civil war; art; state demand; mythology.

Герой, по Ожегову, – это «выдающийся своей храбростью, доблестью человек, самоотверженно совершающий подвиги» [2, с. 125]. Герой – прототип бога, способного творить чудеса; он обычно низкого происхождения либо благородного, но не знает об этом; он борется со злом и погибает, принесенный в жертву. В советское время был создан пантеон святых и героев, который отражен и в Коми изобразительном искусстве. Госзаказ среди разделов оборонной тематики выделял «героическое прошлое Советской армии». Всплеск интереса к этой теме явственно ощущался во время Великой Отечественной войны и был обусловлен

поисками преемственности воинской славы России и необходимостью пропаганды. Характерно, что в Коми изобразительном искусстве страницы истории Гражданской войны, прокатившейся по всей территории края, практически не были отражены, за исключением картин П.М. Митюшёва «Герой гражданской войны Остапов на разведке» (1947 г.) и «Разгром белобандитов под деревней Леной» (1948 г.). А к образу Домны Каликовой обращались многие художники, некоторые неоднократно.

Будущая героиня Коми народа Домна Федоровна Каликова родилась в селе Вьльгорте под Усть-Сысольском в 1896 г. Домна работала на местном кирпичном заводе, потом – на заводах Архангельска, Вологды, Петрограда, после революции вернулась на родину. В конце 1919 г. Каликова вступила в партию большевиков и записалась добровольцем в Красную армию. В декабре того же года во время разведки под Аныбом она была схвачена белогвардейцами и после пыток и допросов расстреляна на берегу Вычегды вблизи с. Помоздина. Необходимо упомянуть, что в истязаниях и гибели Каликовой был обвинен эсер, бывший председатель земской уездной управы Степан Осипович Латкин. В литературе последних лет высказываются сомнения в достоверности этих обвинений [3, с. 232–236]. Однако в свое время Латкин был главным злодеем, «палачом Коми народа».

Одним из первых в 1942 г. портрет героини написал с фотографии Г.А. Стронк. Работа предназначалась для экспозиции краеведческого музея. Портрет был признан неудачным и на первую выставку Союза художников Коми АССР 1943 г. допущен только благодаря своей актуальной тематике.

Н.Л. Жилин в 1944–1945 гг. написал 3 живописных эскиза, один из которых напоминает известное полотно Б. Иогансона «Допрос коммунистов». В просторной комнате в лучах солнечного света твердо стоит непокоренная героиня в распахнутой на груди светлой рубашке, а напротив нее сидит спиной к зрителю Латкин весь в черном. Однако для большого полотна (180 × 240 см) Жилин предпочел другой сюжет: брошенная врагами в холодный сарай, избитая, но несломленная героиня.

Картина «Домна Каликова – героиня Коми народа» (1945–1948) вызвала противоречивые мнения – от полного неприятия до восхищения. Жилин был признанным колористом, писал легко, радостно, умело владел цветом. Такому художнику, по мнению соратников, впору было писать обильные колхозные

праздники, а не отражать страницы героического прошлого. В протоколе обсуждения картины занесены слова современника: «На полу чисто прибранного сарая лежит в довольно изящной позе красиво полуобнаженная женщина. У дверей ... губернатор Латкин с нелепо выпученными глазами на ничего не выражающем лице. Все написано красиво, в приятных красочных сочетаниях. Но вместо героической, суровой темы, вместо холодного, промерзшего сарая мы видим красиво написанное, совсем неозыбшее, не избитое тело, живописные куски материи на полу, красивый кусок пейзажа в раскрытой двери... В порядке подготовки картины следовало бы, вероятно, понаблюдать тело на холоде, пописать промерзший сарай, посмотреть синяки и кровь, но художник пошел по другому пути и в результате – театральная, надуманная, неволнующая картина» [1, с. 46, 99].

Коллеги Жилина отмечали излишнюю красоту, внешнюю хлесткость и даже некоторый эротизм и пикантность в позе и одежде Каликовой. Композиция была навеяна спектаклем «Домна Каликова», поставленным в то время по пьесе С. Ермолина и Н. Дьяконова. Отсюда неестественное освещение, ходульность и внешнее несходство героини. Домна в этой картине больше похожа на исполнительницу роли Г.П. Сидорову. Как впоследствии напишет один искусствовед, «...художник искал идеальные пропорции женского тела, тем самым подчеркивая прекрасный внутренний мир нашей героини» [5, с. 5]. На самом же деле Каликова была немного выше среднего роста, стройная, русоволосая, курносая, с мелкими чертами лица.

Летом 1951 г. на собрании Союза художников П.М. Митюшёв представил два варианта скульптуры Домны Каликовой. О них можно судить по протоколу собрания: фигуры в рост, в одном варианте Домна опирается винтовкой на пень, в другом – держит винтовку в обеих руках. Митюшёву посоветовали продолжить работу над скульптурой, «одеть» героиню в коми одежду, а еще лучше – создать бюст Домны, что позволило бы отливать ее из гипса в скульптурной мастерской Товарищества художников для последующей реализации. Во всяком случае, работу Митюшёва приветствовали как «начало скульптуры в Коми АССР» [1, с. 256].

Гипсовый бюст «Коми героини Домны Каликовой» создала в 1953 г. Т.П. Краева, выпускница Нижне-Тагильского художе-

ственного училища. Краева намеревалась перевести его в материал, начать работу над памятником Домне.

В 1959 г. живописцем Э.В. Козловым была написана картина «Домна Каликова», на которой партизанку ведут на расстрел. Композиция построена на противопоставлении звериных лиц солдат карательного отряда и мужественной, стойкой молодой девушки. Художник опирался на документальные материалы, ездил в село Помоздино, где была казнена Домна, выбирал исторически выверенный пейзаж. Картина из-за внушительных размеров (200 x 270 см) не помещалась в залах художественного музея, и некоторое время висела во Дворце пионеров, а затем в здании обкома КПСС. Через 20 лет Козлов вернулся к этой теме и написал композицию «Дни революции. Домна Каликова в Петрограде» (1981 г.), на которой девушка принимает участие в демонстрации протеста против Временного правительства.

Образ народной героини воплощали и другие художники республики: среди них В.Н. Мамченко с деревянной скульптурой «Непокоренная» (1959 г.), С.А. Добряков с мозаикой «Домна Каликова» (1962 г.), Г.В. Киселев с живописным портретом того же названия (1963 г.), П.М. Митюшёв с большой композицией, в какой-то степени повторявшей полотно Э.В. Козлова (1976 г.).

В 1967 г. в Сыктывкаре поставили оперу Б. Архимандритова «Домна Каликова», оформленную известным мультипликатором В.Г. Игнатовым. Тогда же он написал темперные работы. «Похороны Коми партизанки Домны Каликовой» и «Плач над телом Д. Каликовой». Позже Игнатов снова обратился к данной теме, создав триптих о Домне Каликовой (1976 г.). В свойственной ему манере, которую сам художник называл «инеем», он изобразил «Вступление Домны в Красную армию», «Казнь Домны Каликовой» и «Плач над Домной». Игнатов применял в живописи энергичные линейные мазки одного тона, в результате чего получались декоративные, яркие, почти сказочные композиции. Игнатов интересовался историей Коми народа, изучал его верования, делал в музеях многочисленные зарисовки народного костюма, утвари. Его работы на тему гражданской войны больше походили на изображение неких языческих обрядов. Персонажи одеты по старинке, фигуры людей, дома, церкви написаны стилизованно, облака причудливо клубятся, символизируя эпоху перемен, стихийного движения масс; создавался непривычный образ исторических событий. Подобная трактовка оформления спектакля

была воспринята негативно, критиковались некоторые вольности в сюжете оперы [4].

В 1967 г. скульптор В.А. Рохин представил образ Домны Каликовой, решенный необычно, из двух материалов. Лицо девушки отлито из бронзы, а под пышную шапку волос приспособлен огромный кап, что вместе символизирует твердость неустрашимой партизанки и мягкость, естественность молодой девушки. В 1968 г. им же была создана «Д. Каликова» в граните, а осенью 1979 г. сыктывкарцы впервые увидели большую металлическую скульптуру девушки с ружьем за плечами, выполненную методом сварки. Она стояла у входа в Дом Политпроса как символ зональной выставки «Советский Север», проходившей в Сыктывкаре.

В 1987 г. вышло 6-е издание романа Коми писателя Г.А. Федорова «Когда наступает рассвет», посвященное Д. Каликовой и иллюстрированное А.В. Мошевым. Часть заставок, концовок к главам и частям этой книги вошли в триптих Мошева «Баллада о Домне», выполненный в технике линогравюры. В них показаны картины из короткой жизни народной героини – от детства до казни, дополненные жанровыми сценами, лирическими пейзажами Коми края. Иллюстрации отличаются четкостью линий, умелым использованием черных и белых пятен, внутренним трагизмом.

Иллюстрации А.В. Мошева оказались последним обращением к образу Каликовой. Вместе с отказом от госзаказа во время «перестройки» и после нее пропал интерес к народной героине. Можно смело утверждать: Домна Каликова – один из самых популярных персонажей в Коми изобразительном искусстве 1940–1980-х гг. Ее образу посвящены живописные произведения, графические композиции, разноплановые скульптуры. Работ коми художников, посвященных этой героине, больше, чем изображений Ленина и Сталина, вместе взятых, что нехарактерно для данного периода. В разные годы художники по-своему подходили к раскрытию образа Д. Каликовой: в 1940–1950-е брала верх литературность, в 1960-е – историчность, еще позднее – образность, мифологичность, позволявшие художникам весьма вольно обыгрывать исторические реалии в пользу новых пластических решений.

Литература

1. Национальный архив Республики Коми. Ф. 1434. Оп. 1. Д. 2.
2. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. – М.: Советская энциклопедия, 1968.
3. *Таскаев М.В.* Архивное время: красный и белый террор // Покаяние: мартиролог. – Сыктывкар, 2000. – В. 3 т. Т 3. – С. 197–237.
4. Тема обязывает. Обсуждаем оперу «Домна Каликова» // Красное знамя. – 1967. – 16 апреля.
5. Юбилейная выставка произведений художника Н.Л. Жилина. Каталог. – Сыктывкар, 1973.

УДК 94(7.072)

И.Г. Девятьярова
*Омск, Областной музей изобразительных искусств
имени М.А. Врубеля*

ИСКУССТВОВЕД НИКОЛАЙ ТАРАБУКИН.
НЕИЗВЕСТНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ.
(По материалам белогвардейских газет 1919 г.)

Статья посвящена забытым страницам биографии российского искусствоведа Николая Тарабукина (1889–1956). В результате изучения архивных документов и периодики 1918–1919 гг. восстановлены важные эпизоды его жизни в период Гражданской войны, обнаружены его неизвестные ранее публикации, в том числе общественно-политические. Обращенные к событиям ижевско-воткинского восстания, они выражают твердую антибольшевистскую позицию их автора.

Ключевые слова: искусствовед; Гражданская война; белогвардейские газеты; Ижевско-воткинское восстание.

I.G. Devyatyarova
Omsk, regional Vrubel museum of fine arts

ART-CRITIC NIKOLAY TARABUKIN.
UNKNOWN PUBLISHED WORKS
(Found in white army newspapers of 1919)

The article is devoted to forgotten pages of the biography of the russian art-critic Nikolay Tarabukin (1889–1956). As a result of studying archive documents and newspapers of 1919 there were reconstructed some important stretches of his life in the period of The russian Civil war and found unknown published works. Among them there were also socio-political ones. Telling about the events of the izhevsk-votkinsk rebellion, they express firm antibolshevist position of their author.

Key words: art-critic; the russian Civil war; the white army newspapers; Izhevsk-votkinsk rebellion.

Николай Михайлович Тарабукин (1889–1956) – выдающийся искусствовед, художественный критик, философ. Многие

труды ученого были изданы посмертно, среди них – замечательная монография о М.А. Врубеле, подготовленная в 1932 г. и изданная спустя четыре десятилетия.

В биографии Н.М. Тарабукина есть неизвестная страница, которая в советское время скрывалась. Ее хронологические рамки – вторая половина 1918 – середина 1920 г. Николай Михайлович указывал в анкетах, что в этот период он был призван в Красную армию, работал лектором по вопросам искусства в Политпросветуправлении Московского военного округа [1, с. 213–219]. В списке публикаций, составленном биографом искусствоведа А.Г. Дунаевым, вызывало вопросы отсутствие каких бы то ни было печатных материалов в 1919–1920 гг. Разнообразные сведения, выявленные в архивных документах, мемуарах и редких изданиях, позволили частично восстановить эпизоды, намеренно вычеркнутые Н.М. Тарабукиным из официальной автобиографии, а также выявить его неизвестные ранее публикации в екатеринбургских и омских газетах.

Летом 1918 г. Н.М. Тарабукин приехал женой Н.А. Кастальской из голодной советской Москвы в тихий прикамский город-поселок Воткинский Завод в Сарапульском уезде Вятской губернии. Здесь его застало восстание рабочих оборонных заводов Воткинска и Ижевска. Н.М. Тарабукин стал не только очевидцем, но и участником событий разгоравшейся Гражданской войны. Вместе с другими москвичами, оказавшимися в это время в Прикамье, искусствовед выпускает газету «Воткинская жизнь» (редактор Г.Л. Миленко) [2, с. 104].

Продержавшись свыше трех месяцев, 11 ноября 1918 г. армия повстанцев вынуждена была покинуть Воткинск и близлежащие города. В дальнейшем добровольцы воевали с большевиками в составе Ижевской и Воткинской дивизий армии адмирала А.В. Колчака. Под угрозой репрессий Н.М. Тарабукин и его соратники, участвовавшие в издании антибольшевистской газеты, не могли оставаться в городе. Путь лежал только на восток.

Из публикаций, обнаруженных филологом В.В. Нехотиным в екатеринбургской газете «Отечественные ведомости», стал известен маршрут Н.М. Тарабукина [3]. Передвигаясь на санях в ноябре 1918 г., Николай Михайлович в дорожном дневнике упоминает вятские деревни, селения Пермской губернии, затем Уфимской. Екатеринбург стал конечным пунктом ноябрьского путешествия Н.М. Тарабукина. Его публикации в местной газете

«Отечественные ведомости» датируются началом и серединой 1919 г. Для полноты библиографии искусствоведа значительный интерес представляют статьи по проблемам искусства «“Правдоподобие” и “балаган” (театральные размышления)» (№ 44, 27 февраля) и «По поводу государственного совещания о культурно-просветительской работе нации» (№ 131, 22 июня).

15 июля 1919 г. Екатеринбург был взят частями Красной армии. Н.М. Тарабукин продолжает путь на восток и оказывается в Омске, в то время столице белой России. Об этом говорят разнообразные материалы и его публикации в омских газетах. С целью поднять боевой дух армии и активизировать добровольческое движение в Омске широко отмечалась годовщина Ижевско-воткинского восстания. Накануне события в газете «Сибирская речь» Н.М. Тарабукин опубликовал статью о подлинно народном характере восстания, о формировании новой армии, состоявшей исключительно из добровольцев [4].

Тему патриотического подъема Н.М. Тарабукин развивает в очерке, опубликованном в упоминавшейся выше однодневной газете, «Ижевско-воткинская годовщина». Хранящееся в Российской национальной библиотеке и научной библиотеке Томского государственного университета, это редкое издание было выпущено 17 августа 1919 г. Н.М. Тарабукин опубликовал здесь статью о формировании Прикамской Народной армии. Очерк «Общественные элементы» за подписью «Н.Т.» также написан Н.М. Тарабукиным [2, с. 74–76, 82, 83]. На первой полосе напечатана программа проводившихся в воскресенье разнообразных мероприятий, среди которых доклад Н.М. Тарабукина «Героическая борьба с большевиками в Прикамье (организация восстания и трехмесячная оборона Ижевского и Воткинского заводов)», прочитанный им в летнем театре «Аквариум» [2, с. 65]. Отдельно опубликован анонс этого выступления в газете «Наша Заря»: «В театре сада «Аквариум» в 3 часа дня доклад участника воткинского восстания Н.М. Тарабукина о ходе восстания» [5].

В Омске Н.М. Тарабукин проявил себя как искусствовед. 6 сентября на заседании литературно-художественного кружка он прочитал доклад «О понимании искусства».

С угрозой наступления Красной армии Н.М. Тарабукин коллегами покидает Омск и в середине декабря останавливается в Новониколаевске. Здесь, уже в советском городе, он заведует секцией изобразительных искусств внешкольного подотдела

Новониколаевского отдела народного образования, участвует в работе конференции с докладом, организует выставку, издает брошюру «Исторический ход русской живописи». В середине 1920 г. Николаю Михайловичу удалось уехать из Сибири.

Выявленные в газетах 1919 г. неизвестные ранее искусствоведческие и общественно-политические публикации Н.М. Тарабукина дополняют представления о деятельности российской гуманитарной интеллигенции во время Гражданской войны. Опубликованные материалы, посвященные событиям Ижевско-воткинского восстания, сыграли определенную роль в формировании политических ориентиров их читателей, способствовали добровольческому движению в Сибири. Своими выступлениями и статьями на темы изобразительного искусства Н.М. Тарабукин заронил в души молодых сибиряков искру любви к искусству, к его глубокому постижению, подвиг их к вдохновенному творческому труду.

Литература

1. *Дунаев А.Г.* Некоторые даты жизни, творчества и научно-преподавательской деятельности Н.М. Тарабукина // *Тарабукин Н.М.* Смысл иконы. – М., 1999. URL: <http://www.danuvius.orthodoxy.ru/letopis.htm> (дата обращения 7. 02. 2016).
2. *Коробейников А.В.* Первая Ижевско-воткинская годовщина // Ижевско-воткинские повстанцы в истории Гражданской войны / Иднакар. Методы историко-культурной реконструкции. Научно-практический журнал. – 2014. – № 6 (23). URL: http://elibrary.ru/title_about.asp (дата обращения 7. 02. 2016).
3. *Тарабукин Н.М.* Свои и чужие Дорожные впечатления // Отечественные ведомости. 1919. 19 (6) января; *Тарабукин Н.М.* Четыреста верст на перекладных (Отрывки из дорожного дневника). («На перепутьях – ноябрь 1918 г.») // Отечественные ведомости. – 1919. – 15(2) фев.
4. *Тарабукин Н.М.* Сам народ. К годовщине Ижевско-воткинского восстания // Сибирская речь. – 1919. – 16 (3) августа.
5. Справочник. В пользу нуждающихся семей ижевцев и воткинцев // Наша Заря. – 1919. – 17 авг.

УДК 94(470)

Г.В. Малясова

*Москва, архитектурный институт
(государственная академия)*

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И СТАНОВЛЕНИЕ
РЕГИОНАЛЬНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ШКОЛ
В РОССИИ. 1918–1921 гг.

На материале документальных и мемуарных источников делается попытка проследить связи между спецификой условий Гражданской войны в России, потребностями Советского государства и Красной армии в этот период и возникновением новой системы государственных художественных школ – Свободных государственных художественных мастерских (СГХМ).

Ключевые слова: Гражданская война; СГХМ; региональные художественные школы; агитационное искусство; реформа художественного образования.

G.V. Malyasova

Moscow, architectural institute (State academy)

CIVIL WAR AND THE FORMATION
OF REGIONAL ART SCHOOLS
IN RUSSIA. 1918–1921

The article on the material of the documentary and memoir sources attempts to trace the connection between the specificity of the conditions of the Civil war in Russia, the needs of the Soviet state and the Red army in this period and the emergence of new public art schools system – the Free state art studios (SGHM).

Key words: Civil war; SGHM; regional art schools; propaganda art; reform of art education.

Период первых послереволюционных лет в России становится переломным для большинства сфер жизни страны. Специфика многих государственных учреждений и систем, формировавшихся в этот период, определялась условиями Гражданской войны,

что порождало весьма оригинальные их формы, нередко оказывавшиеся нежизнеспособными по ее окончании. Интересно проследить эту тенденцию на примере формирования системы художественного образования.

В условиях постоянной близости боевых действий и неизбежно сопутствовавших им продовольственного кризиса, разрухи безвластия и утраты связи между регионами нарушается работа большинства государственных институтов. По обе стороны фронта эти системы формируются заново. Как ни парадоксально, для художественного образования это означало резкий рост количества государственных художественных школ. Школы эти были основаны принципу Свободных государственных художественных мастерских (далее – СГХМ) – фактически единственному, позволявшему обеспечить систематическое обучение искусствам в этот период. За 1918–1920 гг. была создана сеть из более чем 20 СГХМ, причем многие из них стали первыми крупными художественными школами в своих регионах.

СГХМ представляли собой систему независимых друг от друга художественных мастерских, состоявших из мастера (руководителя) и подмастерьев (учеников). Обучение происходило в ходе совместной работы над произведениями искусства; при этом впервые станковые искусства уравнивались в своей значимости с декоративно-прикладными. Фактически декларировался возврат к формам художественных мастерских эпохи Ренессанса и Средневековья – периодов, сильно напоминавших сложившиеся в регионах условия.

Следует отметить, что новая реальность заметно отличалась от условий, формировавших специфику художественных школ на предыдущих этапах. Исследователи отмечают, что художественное образование в дореволюционной России было обязано своим появлением и развитием частным лицам увлечению русского общества благотворительностью и участию правительства. Этапы его развития четко соотносились с этапами индустриализации: «становление связано с началом промышленного переворота в России, развитие – с великими реформами Александра II, а расцвет – с вступлением России в стадию индустриального общества и началом промышленной модернизации на рубеже XIX–XX вв.» [1, с. 208].

В период Гражданской войны художественные потребности государства меняются, за ними меняются и задачи художественных

школ. Новые школы – СГХМ – приобретают формат, наиболее востребованный в сложившейся ситуации. В этот период резко возрастает спрос на художественные работы прежде всего агитационного характера. Красная армия становится одним из основных заказчиков этих работ, таких как создание плакатов, оформление театральных постановок в армейских клубах, роспись самих клубов, агитпоездов и др. Из-за постоянных военных действий и перемещений линии фронта заказчикам невозможно приглашать из других городов известных художников. Возникает необходимость в формировании местных художественных кадров всех необходимых региону и армии специальностей. Поэтому педагоги и учащиеся организованных в регионах СГХМ сразу же оказываются ценным кадровым ресурсом и переходят на выполнение практических работ, обеспечивающих насущные потребности красной армии частей и только что сформированных городских органов власти.

Так, о ситуации в саратовских СГХМ (бывшем Боголюбовском училище) сохранилось яркое воспоминание художника А.М. Синицына. «В 1919 г. многие из учащихся Боголюбовки (в том числе и я) были призваны в ряды Красной армии и нам (как молодым специалистам) поручали исполнять разные оформительские работы... Николай Загреков, Яков Земцов, Михаил Аринин, Александр Софьин и другие... как мобилизованные работали по росписи клубов (армейских и других). Помню, целая бригада боголюбовцев расписывала товарные вагоны (на товарной станции). Работать было очень трудно: стояли сильные морозы. Много было сделано агитнадписей на стенах домов, на заборах. На доме (угол Б. Казачьей и Вольской) по сей день сохранилась надпись тех далёких лет: «Идя навстречу светлой дали, / Неся в груди огонь живой, / Под звон гудка и грохот стали / Вперёд к победе мировой»» [2, с. 52] Учащимися воронежских СГХМ в 1919/20 учебном году были расписаны клубы 2-й Армии, курсов связи, караульных батальонов и др. Благодаря регулярным работам в области монументальной живописи к фреске и архитектуре обращается Г. Крутиков – впоследствии выдающийся архитектор русского авангарда, на тот момент ученик и ассистент руководителя живописной мастерской воронежских СГХМ [3, с. 8].

О тематике и технике такого рода произведений известно немного. Петербургский искусствовед Вс. Дмитриев, в 1919 г. отправившийся налаживать художественное образование в Бело-

руссии, пишет в отчете Наркомпросу: «...Привлекая хотя бы столяра к работам нашей коммунальной мастерской, мы применяем его знания и мастерство прежде всего в знакомом ему производстве... но затем применяем и к задаче чисто художественной – бюст или памятник из досок... Здесь он практически входит в круг художественных исканий, как бы превращаясь из столяра в скульптора... Опыт такого построения был уже произведен в Минске при построении фигуры красноармейца к дню 23 февр<аля>». Подобные творческие решения напрямую диктовали реалии Гражданской войны. Дмитриев отмечает, что «использование леса в скульптурных задачах диктуется в Белоруссии прямой необходимостью, полным отсутствием на местах обычных скульптурных материалов [4, с. 102].

Нередким явлением была конкуренция художников и красноармейцев из-за распределения помещений в относительно уцелевших зданиях. В отчетах региональных СГХМ сообщается, что намеченные под размещение художественных мастерских здания в первую очередь отводятся под военные штабы и лазареты, в то время как мастерские вынуждены ютиться в непригодных и неотапливаемых помещениях. Обследовавший тамбовские СГХМ Богданов отмечает, что «здание, бывшее полицейское управление, совершенно не приспособлено к школе, с плохим светом, невзрачное, долго не отремонтированное, производит удручающее впечатление», поскольку «Тамбов, являясь местом военных действий, имеет большой гарнизон и лазареты, которые занимают лучшие здания. Не раз отведенное помещение для Гос<ударственных> худ<ожественных> маст<ерских> отбиралось военной властью» [5, л. 46].

Серьезной проблемой становится мобилизация, в ходе которой художников снимали занятий и направляли в другие города для участия в военных действиях – впрочем, нередко все в том же качестве художников-агитаторов. Во многом это неожиданным образом обеспечивало циркуляцию художественных кадров и своеобразный культурный обмен между регионами. Интересны воспоминания З. Быкова (впоследствии ректора Строгановского училища в Москве). «После перемирия с Польшей всех коммунистов перебросили на Южный фронт для борьбы с Врангелем. Так я оказался в Харькове. Узнав из анкеты, что я художник, меня назначили в Художественные мастерские УКРПУРа... Здесь оказалось множество художников из Москвы: из школы живописи,

ваяния и зодчества – М. Марков, Л. Кухарь, С. Гольдберг; из «строгановки» – М. Сапегин, Бершадский, я и другие. Нам поручили политическое агитационное оформление агитпоездов, клубов, городских площадей, парков и заводов на темы борьбы с контрреволюцией, спекуляцией, дезертирством и так далее. Надо сказать, что декоративно-оформительская работа нам, строгановцам, была сподручней, у нас все быстро и хорошо выходило. Студенты школы живописи, ваяния и зодчества не были к такой работе приспособлены, они привыкли рисовать с натуры, со всеми тенями, полутонами, определенными ракурсами, и завидовали нам» [6, с. 55]. Таким же образом в Пензе в статусе рядового 137-го пехотного запасного полка оказывается студент скульптурной мастерской УЖВЗ Е.В. Равдель, незамедлительно возглавивший реформу Пензенского художественного училища в свободные мастерские и ставший их уполномоченным [7, С. 356]. Благодаря своей активной реформаторской деятельности он быстро становится одной из ключевых фигур реформы художественного образования в России. Равдель возглавлял пензенские СГХМ до 1920 г., после чего, находясь в столице на конференции учащихся и учащихся СГХМ, был назначен уполномоченным сразу Первых и Вторых московских СГХМ (бывш. Строгановского училища и УЖВЗ) для создания на их базе ВХУТЕМАСа. Сегодня Равдель известен прежде всего как первый ректор этой уникальной художественной школы.

Нередкой художественные мастерские прекращали свое существование по причине ухода на фронт большей части своего состава. Например, архитектурная мастерская пензенских СГХМ закрылась после того, как в январе 1920 г. большинство ее учащихся были мобилизованы. В мае руководитель мастерской И.М. Ракузин в прошении об отставке указывал, что «в связи с мобилизацией студентов архитектурная мастерская фактически в течение 2 месяцев уже не функционирует» [8, с. 365, 366].

Иногда проблема мобилизации в СГХМ решалась довольно оригинальными способами. Так, руководители астраханских СГХМ Н. Миловидов и В. Эйферт весьма проходившую в это время милитаризацию для снятия работавших учеников мастерских со службы, мешавшей их занятиям. Они направляли в школьный подотдел Наркомпроса просьбу возбудить ходатайство о милитаризации мастерских, которая, в их трактовке, предполагала призыв в мастерские учащихся с освобождением

их от гражданской службы и сохранением пайка. Таким образом, мастерские фактически должны были стать неким аналогом современной альтернативной службы. Интересно, что Главпрофобр принимает эту нестандартную идею; сохранилось направленное в военное бюро Главпрофобра распоряжение. «Ввиду того, что Астраханские художественные мастерские являются техническим учебным заведением, выпускающим инструкторов по изобразительным искусствам для единой трудовой школы... оказать полное содействие в снятии всех учащихся со службы по приложенному списку и откомандировать в астраханские художественные мастерские для скорого окончания обучения» [9, л. 48].

В условиях Гражданской войны не только художники, но и оборудование художественных школ стало стратегически важным ресурсом. Нередко при смене власти в городе имущество художественных школ присваивалась одна из воюющих сторон и вывозила из города при отступлении. При этом неважной оказывалась принадлежность вывезенного к «революционным» или «традиционным» художественным направлениям; даже неустанно борясь с педагогическими традициями академической школы, «левые» художники –уполномоченные СГХМ принимали все возможные меры к возвращению ее имущества, вывезенного отступавшей белой армией, и нередко результативно. Известно, что осенью 1920 г. руководителями екатеринбургских СГХМ были приняты меры к возврату имущества художественно-промышленной школы (экспонаты музея, библиотеки, оборудование, инструменты), которые были вывезены белыми при отступлении в Читу. Отправленные в командировку учащиеся екатеринбургских СГХМ П. Журавлев и А. Тумбасов, имея необходимые мандаты, смогли добиться возвращения 76 ящиков с художественным инвентарем [10, с. 348].

После победы Красной армии и окончания военных действий в большинстве регионов снижается потребность в агитационном искусстве и необходимость ограничиваться только местными художественными кадрами. В условиях продолжающегося экономического кризиса содержание многих региональных художественных школ становится проблемой для государственного бюджета. В 1922 г. региональные СГХМ получают статус художественных и художественно-педагогических техникумов и переводятся на местное финансирование. Статус высших художественных мастерских остается только у Московского и Петроградского

ВХУТЕМАСов, а также Казанского художественно-промышленного института, к этому времени вернувшихся к формату крупных централизованных художественных школ с едиными программами и делением на курсы и факультеты [11, с. 56].

Таким образом, специфика развития системы художественного образования первых послереволюционных лет в значительной степени определялась условиями гражданской войны и нуждами фронта. После окончания военных действий многие возможности региональных СГХМ оказываются невостребованными и происходит возврат к традиционным формам художественного образования на новом этапе.

Литература

1. *Ерохина Т.И., Добрецова С.А.* Столичное и провинциальное художественное образование в русской культуре начала XX в. // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 3. Том I (Гуманитарные науки). – С. 207–210.
2. *Водонос Е.И.* Очерки художественной жизни Саратова эпохи «культурного взрыва». 1918–1932. – Саратов: СГХМ им. А.Н. Радищева, 2006.
3. *Малясова Г.В.* «Желаю отправиться в г. Воронеж...» Георгий Крутиков – ученик и педагог Воронежских свободных мастерских. Новые материалы к ранней творческой биографии архитектора // Гуманитарные науки в современном мире: сб. науч. тр. по итогам международной научно-практической конференции. – Уфа, 2015. – № 2. – С. 6–10.
4. *Малясова Г.В.* Всеволод Дмитриев – организатор художественно-промышленного образования в Беларуси (1919). По материалам отдела ИЗО Наркомпроса в ГАРФ // История и культура на стыке эпох и цивилизаций. Историко-культурное наследие как результат развития общества: материалы междунар. научно-практ. конференции, посвященной 250-летию М.К. Огинского (Минск, 25–26 сентября 2015 г.). – Минск: Белнаучкнига, 2015. – С. 100–104.
5. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1565. Оп. 9. Д. 62
6. *Вихарева Н.И.* Рождение новой профессии (по воспоминаниям З.Н. Быкова). Люди, события, факты. – М., 2006.
7. *Димаков Д.Н.* Равдель Е.В. – революционер и художник. Биографический очерк // Реабилитация жилого пространства горожанина. Материалы IX Междунар. научно-практ. конференции им. В. Татлина, 19–20 февраля 2013 года. – Пенза: ПГУАС, 2013. – С. 356–360.

8. *Латишина Е.Г.* О первой учебной архитектурной мастерской в Пензенской художественной школе. 1919–1920 // Реабилитация жилого пространства горожанина. Материалы VIII Междунар. научно-практ. конференции им. В. Татлина, 5–6 декабря 2011 года. – Пенза: ПГУАС, 2011. – С. 365–366.
9. ГАРФ. Ф. 1565. Оп. 9. Д. 469.
10. *Алексеев Е.П.* «Разбитые гипсы». Уполномоченные екатеринбургских и пензенских СГХМ Анна Боева и Петр Соколов. Оценки современников // Реабилитация жилого пространства горожанина. Материалы IX Междунар. научно-практ. конференции им. В. Татлина, 19–20 февраля 2013 г. – Пенза: ПГУАС, 2013. – С. 345–351.
11. *Малясова Г.В.* Свободные государственные художественно-промышленные мастерские – попытка построения новой системы художественного образования в России (1918 – нач. 1920-х гг.) // Теория искусства, традиционная культура и творческий процесс. Тенденции научных исследований, проблемы терминологии, исторические и междисциплинарные аспекты развития дизайна, декоративно-прикладного и народного искусства и архитектуры, опыт художественно-промышленных школ. Материалы Междунар. науч. конференции к 190-летию МГХПА им. С.Г. Строганова и к 100-летию П.А. Тельтевского, 20 марта 2015 г. – М.: МГХПА, 2015. – С. 51–56.

**ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА:
БЕЛЫЕ И КРАСНЫЕ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДА**

УДК 94(574.42)

А.Ж. Аубакирова

*Казахстан, Усть-Каменогорск,
Восточно-Казахстанский государственный
университет им. С. Аманжолова*

**ВОСТОЧНЫЙ КАЗАХСТАН
КАК АРЕНА КРАСНОГО И БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ
(На основе архивных материалов по Зайсанскому району)**

В статье рассмотрен период 1917–1922 гг.: Гражданская война и ее последствия в Восточно-Казахстанской области в Зайсанском районе, освобождение от белогвардейцев территории Восточного Казахстана, особенности установления здесь Советской власти. Исследуется работа уездного революционного комитета, административно-организационные вопросы.

Ключевые слова: Восточно-Казахстанская область; Гражданская война; уездный революционный комитет.

A.Zh. Aubakirova

*Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk,
East Kazakhstan state university of S. Amanzholov*

**EAST KAZAKHSTAN AS THE ARENA
OF THE RED AND WHITE MOVEMENT
(On the basis of archival materials on the Zaysan area)**

In article the period of 1917–1922 is considered: Civil war and its consequences in the East Kazakhstan region, Zaysansky district. Release from White Guards of the territory of East Kazakhstan, in particular Zaysansky district and Zaysan. Features of establishment of the soviet power in the area. Work of district revolutionary committee, administrative organizational issues is investigated.

Key words: East Kazakhstan region; Civil war; district revolutionary committee; archival materials.

В феврале–марте 1918 г. советская власть установилась на всей территории Восточного Казахстана. Но она просуществовала недолго. Контрреволюция собирала силы для удара по советской власти. На помощь ей спешили иностранные интервенты. В Сибири власть захватил Колчак. В Зайсанском уезде власть также захватили белогвардейцы. Во главе с Р. Марсековым начали действовать алаш-ордынцы. Основная масса крестьян зайсанского народа была настроена революционно. Большую агитационную работу среди населения проводили подпольные большевистские группы.

В ночь с 23 на 24 июля 1919 г. в г. Зайсане вспыхнуло восстание, но было жестоко подавлено белогвардейцами. Восстание было малочисленным и плохо организованным.

В декабре 1919 г. основная часть территории Восточного Казахстана была освобождена от белогвардейцев. В руках колчаковцев оставался г. Зайсан и значительная часть Зайсанского уезда. Повсюду возникли партизанские отряды. 22 января 1920 г. партизанскими отрядами под командованием Гуляева, Тюнина, Кондаурова совместно с частями Красной армии территория Зайсанского уезда была очищена от полчищ Колчака. В уезде была восстановлена власть Советов.

С первых же дней установления советской власти в г. Зайсане был создан уездный революционный комитет. Первым председателем ревкома был избран Николай Михайлович Хомутов. Для укрепления советской власти на местах в уезде создаются волостные и сельские революционные комитеты. Задача ревкомов заключалась в проведении мероприятий, направленных на поддержание порядка, в мобилизации материальных и людских сил в помощь красноармейцам. Ревкомы осуществляли подрозверстку, проводили политико-воспитательную работу.

Уездный ревком подготовил проведение выборов. В августе 1920 г. состоялся уездный съезд Советов, на нем был избран исполнительный комитет уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Организационное заседание уисполкома проведено 4 сентября 1920 г. [1, л. 38]. На заседании был избран президиум исполкома. Председателем был избран И.Г. Малашкин. Здесь же были назначены заведующие отделами.

В первое время в работе исполкома центральное место занимали вопросы утверждения советской власти, новых революционных порядков в уезде. Исполком сосредоточил в своих руках руководство сельским хозяйством, продовольственным делом, торговлей, транспортом, политической и культурной жизнью.

Президиум исполкома занимался административно-организационными вопросами. Работа по руководству политической, хозяйственной и культурной жизнью была возложена на отделы исполкома [1, л.119]. На первом заседании были утверждены следующие отделы: управления, продовольственный, экономический, земельный, народного образования, здравоохранения, трудсобес, финансовый, военный, коммунальный, рабоче-крестьянская инспекция, юридический, статистический.

Во исполнение постановления Семипалатинского губревкома от 2 июня 1921 г. и согласно протокола № 59 заседания президиума Зайсанского уездного Исполкома от 12 июня 1921 г. был распущен уездный национальный отдел, а функции его, все дело-производство, имущество и служащих переданы уездному отделу управления [1, л.109].

В связи с обострением политической обстановки в уезде для поддержания революционного порядка, ведения борьбы с активизировавшимися контрреволюционными элементами возникла необходимость временно образовать ревкомы.

В связи с этим временно возобновил свою работу уездный ревком. Исполком был распущен с 13 июня 1921 г. и вновь приступил к работе 26 июля 1921 г. Согласно протоколу № 59 от 26 июля 1921 г. на заседании уездного исполкома было принято решение проводить заседание один раз в 2 недели, публичные открытые заседания – не реже одного раза в месяц. Структура исполкома подвергалась частым изменениям: происходило слияние и размежевание отделов, закрывались одни отделы и образовывались другие.

7 июля 1923 г. II сессией ВЦИК было принято постановление об упрощении аппарата уездных исполкомов [2, с. 259]. Коммунальный, отделы народного образования, здравоохранения, социального обеспечения объединились. Внутри общего отдела были созданы отделения по народному образованию, здравоохранению. Этим же постановлением продовольственный отдел был объединили с финансовым и стали именовать финансово-налоговым отделом. Таким образом, в составе уездного исполкома были сле-

дующие отделы: общий, финансово-налоговый, военный, отдел управления, статистический, земельный.

17 января 1928 г. II сессией ЦИК Казахской ССР в Казахстане было введено новое административно-территориальное деление [3, с. 179]. Вместо губернских, уездных и волостных исполкомов были созданы исполкомы Советов новых административно-территориальных единиц. Уездные исполнительные комитеты передавали свои полномочия вновь созданным районным исполкомам.

Деятельность уездного полностью отражают документальные материалы Государственного архива Восточно-Казахстанской области в количестве 64 ед. хранения по описям 1 и 2. В опись № 1 включены 82 ед. хранения за 1920–1928 гг. В опись № 2 включено 8 единиц хранения за 1923–1928 гг. В них вошли протоколы заседаний уездного исполкома. Первое время протоколы вели в том же журнале, где вел запись своих заседаний уездный революционный комитет, полномочия которого съездом Советов были переданы уездному исполкому.

Для осуществления своих функций уездный исполком издавал приказы, постановления и распоряжения. Однако большинство из них плохо сохранились, написаны они на казахском языке арабским шрифтом. Содержащиеся в них материалы помогают установить отраслевое деление исполкома, компетенции и деятельность отделов.

Зайсанский уезд являлся пограничным, поэтому в описи включено большое количество документальных материалов военного отдела. Это всевозможные документы по призыву военнообязанных в армию – планы, расчеты обоза, скота и др. на случай мобилизации, материалы по выдаче виз и документов на право перехода государственной границы.

Литература

1. Государственный архив Восточно-Казахстанской области. Ф. 279. Оп. 1. Д. 1.
2. *Нелидов А.А.* История государственных учреждений СССР. – М., 1962.
3. Справочник административно-территориального деления Казахстана (1920–1936 гг.). – Алматы, 1959.

УДК 94(57)

О.В. Ищенко

Сургут, государственный университет

УЧАСТИЕ СИБИРСКИХ СТУДЕНТОВ
В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ.
РАЗРАБОТКА ВОПРОСА
В ДОКУМЕНТАХ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Статья посвящена характеристике утверждения в советский период новых идеологических установок, позволявших объяснить причины участия демократических слоев общества, к которым относилось сибирское студенчество, в Гражданской войне на стороне противников новой власти. Преобладание партийно-классового подхода давало возможность разделить студенчество на буржуазию и сторонников большевизма, что способствовало дихотомическому восприятию мира и утверждению этой идеи в общественном сознании.

Ключевые слова: студенчество; Сибирь; Гражданская война; партийно-классовый подход; идеология.

O.V. Ishchenko

Surgut, state university

THE PARTICIPATING OF SIBERIAN STUDENTS
IN THE CIVIL WAR.
DEVELOPMENT OF THE ISSUE
IN THE DOCUMENTS OF THE SOVIET PERIOD

The article is devoted to the approval of new ideological attitudes during the Soviet period that allowed them to explain the reasons for the participation of democratic sectors of society, which included the Siberian students, in the civil war on the side of the opponents of the new government. The predominance of the party and class approach gave the opportunity to divide the students by the bourgeoisie and supporters of Bolshevism, which contributed to a dichotomous perception of the world and approving of this idea in the public consciousness.

Key words: students; Siberia; Civil war; the party and class approach; ideology.

После завершения Гражданской войны и окончательного установления советской власти в стране ее новому руководству потребовалось создать свою историю, дававшую идеологическое основание для объяснения событий прошлого и настоящего. Среди наиболее сложных проблем, стоявших перед историками и публицистами, оказалось объяснение того, как студенты, бывшие до октября 1917 г. одной из наиболее активных частей революционного общественного движения, стали противниками власти большевиков. И в дореволюционный период, и в последующие годы, бурная протестная активность студенчества объяснялась исследователями в первую очередь демократическим составом студенчества и бедственным материальным положением основной его массы. Почему же тогда студенты выступили против Октябрьской революции и заняли в Гражданской войне противоположную советской власти позицию?

Основополагающей для творцов новой истории стала точка зрения В.И. Ленина, относившего студентов к мелкобуржуазной среде со свойственными ей колебаниями. Ленин утверждал, что студенчество не является главной движущей силой революционного процесса, поэтому само по себе студенческое движение не может достичь своих целей. На основании этого он сделал вывод о необходимости внедрения социал-демократических идей в среду вузовской молодежи и подчинения студенческого движения руководству рабочего класса [1, с. 341–356; 2, с. 214–220]. В дальнейшем ленинский подход к студенчеству как непоследовательному союзнику пролетариата, который мог оказывать содействие социал-демократии только на буржуазно-демократическом этапе революции, становится преобладающим. Отсюда явное стремление большинства авторов к гипертрофированному показу революционности студенчества до 1917 г. и критике его за контрреволюционность после победы Октябрьской революции.

События октября 1917 г. действительно раскололи общество, свергнув его в Гражданскую войну. Многие студенты, не приняв новую власть, вступили на путь активной борьбы с ней и погибли в этой борьбе. В некрологах, размещаемых в томских газетах, сообщалось, например, о том, что в мае 1918 г. «пал в бою против красных» бывший студент Томского университета Сергей Прохоров-Кондаков, выступавший против развала армии и государственного аппарата, против «ненавистной большевистской власти» [3, с. 181]. 15 июля 1918 г. в Иркутске за участие в анти-

советском вооруженном мятеже был расстрелян большевиками один из лидеров томского студенчества, Прокопий Беляков. После Февральской революции он стал главой Совета представителей учащихся вузов г. Томска и вошел в Сибирскую областную думу, но не принял октябрьский переворот и «с воцарением большевиков был вынужден вместе с другими видными деятелями студенчества перейти на нелегальное положение» [3, с. 184].

Попытки объяснить раскол, произошедший в студенческой среде после октября 1917 г., и переход значительной части студенчества под флаги Белого движения были сделаны уже в первое постреволюционное десятилетие. В архиве Омской области в фонде Истпарта имеется документ «Очерки по истории революционного движения студенчества Томского технологического института (1900–1925 гг.)», содержащий описание студенческого движения с большевистской точки зрения. В архиве нет данных о том, кто мог составить указанные «Очерки», но, несомненно, это был человек, не только хорошо знакомый со студенческим движением, но располагавший документальными материалами (прокламациями, резолюциями сходов и т. д.).

Относительно восприятия студентами событий 1917 г. в документе отмечалось: «Если в феврале томское студенчество, целиком демократически настроенное, считало, что оно шло укреплять завоевания народной революции, то Октябрь семнадцатого года, истинное завоевание российского пролетариата, встречен был студентами как шаг назад» [4, л. 18]. Автор «Очерков» не скрывал, что томские студенты протестовали «против вопиющих надругательств над законностью, правом и свободой, допущенных примкнувшими к Ленину организациями» и принимали «резолуции, говорящие о тяжелом положении России, созданным преступным авангардом большевиков», с указанием на то, что студенты «не признавая вообще узурпации прав народа, откуда бы она ни исходила, не признают и этих новоявленных узурпаторов – самодержцев «законной» власти и будут всемерно бороться с ними» [4, л. 18]. Большая часть томских студентов осталась верна этому решению, «и во время засилия белогвардейщины в Сибири они ушли в армию и на штыках разносили диктатуру Колчака» [4, л. 18].

Причина подобной позиции студенчества в «Очерках» объяснялась социальным происхождением студентов – «буржуазных маменькиных сынков», что явно не соответствовало реальному положению дел, поскольку томские вузы всегда отличались демо-

кратичным составом молодежи. Но необходимость трактовки событий с позиций победившей силы приводила к тому, что положительного описания были удостоены лишь студенты, которые состояли в социал-демократической партии и выступили в Гражданской войне на стороне большевиков.

В дальнейшем именно партийно-классовый подход к оценке событий прошлого продолжал оставаться в исторической науке преобладающим. Написанная несколько десятилетий спустя монография М.И. Матвеева «Студенты Сибири в революционном движении», ставшая на тот момент времени самым крупным исследованием по тематике движения вузовской молодежи края, последовательно выдерживала заданную линию.

Значимость студенческого движения начала XX в. М.И. Матвеев обосновывал слабостью сибирского пролетариата. При этом логика повествования заставила автора монографии сразу выделить в составе сибирского студенчества его прогрессивное крыло, «вставшее на путь борьбы с существовавшим самодержавным строем с самого открытия высших учебных заведений и очень скоро поднявшее в этой борьбе знамя рабочего класса, вместе с рабочим классом под руководством его партии сражавшееся с самодержавием в период революции 1905–1907 гг.» [5, с. 221].

Подобный подход объяснял причины неприятия значительной частью томского студенчества факта прихода большевиков к власти и дальнейшее противостояние бывших соучеников в Гражданской войне. «Победа Великой Октябрьской социалистической революции, открывшая новую эру в истории человечества, была победой всех угнетенных и эксплуатируемых над старым прогнившим миром. Понятно, что сынки господствовавших классов, обучавшиеся в университете и институте, встретили ее враждебно. Понятно и то, что в период разгула колчаковщины в Сибири из среды этих студентов вышло немало белогвардейских офицеров. Революционная же часть студентов решительно выступила на стороне народных масс и вместе с рабочим классом, под руководством Коммунистической партии повела героическую борьбу за победу советской власти» [5, с. 222, 223].

Таким образом, практически сразу после прихода к власти большевиков стала формироваться новая история со своими героями, политические цели в которой явно превалировали над научными. Идея партийно-классового размежевания общества

позволяла объяснить раскол студенчества на противоборствующие группы, столкнувшиеся в Гражданской войне, способствуя дихотомическому восприятию мира и утверждению этой идеи в общественном сознании.

Литература

1. *Ленин В.И.* Задачи революционной молодежи // Полн. собр. соч. – Т. 7.
2. *Ленин В.И.* Студенческое движение и современное политическое положение // Полн. собр. соч. – Т. 17.
3. Томский некрополь. Списки и некрологи погребенных на старых томских кладбищах. 1827–1939 / отв. ред. Н.М. Дмитриенко. – Томск, 2001. – 328 с.
4. Исторический архив Омской области. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 14.
5. *Матвеев М.И.* Студенты Сибири в революционном движении. – Томск, 1966. – 240 с.

В.В. Подолько
*Омск, государственный университет
им. Ф.М. Достоевского*

УЧАСТИЕ КАЗАКОВ
СТАНИЦЫ КОТУРКУЛЬСКОЙ
В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ.
ЛЮДИ И СУДЬБЫ

В статье рассматривается история гражданской войны на территории нынешнего Бурабайского района Акмолинской области РК (на примере станицы Котуркульской). Показано противостояние последнего атамана станицы Д.Н. Габченко со сторонниками установления советской власти. В статье приведены примеры влияния гражданской войны на судьбы отдельных жителей станицы.

Ключевые слова: казачество; Гражданская война; станица; Северный Казахстан.

V.V. Podolko
Omsk, Dostoevskiy state university

THE PARTICIPATION OF COSSAKS
OF THE STANITSA KOTURKULSKAYA
IN THE CIVIL WAR. PEOPLE AND FATES

The article deals with the history of the civil war on the territory of Burabai (district), Akmola region, Kazakhstan (on the example of the stanitsa Koturkulskaia). This shows the confrontation of the last ataman (a Cossak chieftrain) of stanitsa D.N. Gabchenko with supporters of the establishment of Soviet regime (power). The article gives examples of the influence of civil war on lives of citizens of the stanitsa.

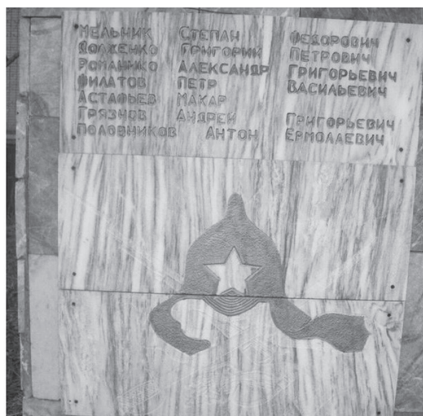
Key words: Cossaks; the Civil war; stanitsa; Northern Kazakhstan.

С середины 1840-х гг. на территории киргизской степи проходила активная военно-хозяйственная колонизация крестьян из Европейской России переселяли на земли Сибирского линейного казачьего войска. Так, в 1849 г. в Кокчетавском внешнем округе

крестьянами-переселенцами из Оренбургской и Саратовской губерний была основана станица Котуркульская [5, с. 99]. В связи с окончанием льготы по отсрочке от воинской службы, 1 октября 1850 г. крестьяне-переселенцы были зачислены в 10-й Сибирский казачий полк. Так они официально вступили в казачье сословие. 2 октября 1851 г., данный полк был переименован в Сибирский линейный казачий конный полк № 1 [4, с. 75]. Согласно ведомости от 1850 г. в станице Котуркульской проживало 15 казачьих семейств и 58 крестьянских [4, с. 74]. А согласно ведомости от 1854 г. в станице было возведено деревянное строение для хранения пожарных инструментов, имелось 11 деревянные бань, кузница, частный завод, две частных мельницы. К 1855 г. в станице была построена деревянная церковь во имя Святого Николая Чудотворца [4, с. 80, 81]. Как мы видим, станица развивалась вполне успешно. Рассмотрим влияние гражданской войны на судьбы жителей станицы Котуркульской (в настоящее время – с. Катарколь Бурабайского района Акмолинской области, РК). Основными источниками для исследования послужили интервью с жителями с. Катарколь, архивные материалы, краеведческая литература с воспоминаниями, фотографии из семейного архива и авторские.

Немногие казаки станицы Котуркульской вернулись с фронтов Первой мировой войны. Среди них оказался и Владимир Андриянович Тагильцев. Позже он оставил некоторые воспоминания о том периоде. «Пожили несколько месяцев дома с заботой, и вместе с тем с радостью мирной жизни без войны и страха быть

убитыми. И вдруг новая мобилизация – теперь по указу адмирала Колчака. Мобилизация эта проводилась с жестокостью. Несколько казачьих офицеров заходили в дом казака, давали команду собираться. Если казак отказывался от мобилизации, его тут же расстреливали», [2, с. 191, 192]. Многие казаки всячески уклонялись от мобилизации: укрывались в лесах или казахских аулах. Владимир Андриянович скрывался в лесу, пока шла колчаковская мобилизация. Впоследствии казаки, поступившие аналогичным способом, перешли к красным и постепенно смогли установить в станице советскую власть.

Политика военного коммунизма оказала значительное влияние на отношение к советской власти. Казаки и крестьяне не смогли спокойно относиться к тому, что у них насильно отбирали хлеб, оставляя лишь зерно на семена. Казаки станицы Котуркульской во главе с атаманом Дмитрием Никитовичем Габченко выступили против советской власти. В повстанческую воинскую группу (позже её стали именовать «бандой») в основном входили зажиточные и богатые казаки, некоторые офицеры, а также родственники атамана станицы. Туда же входил и мой прапрадед Дмитрий Алексеевич Подолько (1865–1921 гг.), который являлся станичным судьей [3, с. 330].

Для борьбы с противниками советской власти создавались – части особого назначения – вооруженные воинские формирования. Секретарем штаба ЧОН в станице Котуркульской стал Павел Говоров. Родился он в 1905 г. в семье священника. В период

борьбы с «бандой», в 1922 г., Павел вместе с командиром ЧОН Фёдоровым был отправлен в разведку. По пути из Щучинска в Котуркуль они попали в засаду. Фёдоров и его ординарец были убиты, а Павел попал в плен. После безрезультатных попыток выведать у Павла планы Чошовцев противники советской власти убили его. Причем, как было вынесено затем на суде, убили весьма жестоко – «переломили Говорова через дерево, сломали позвоночник, а затем добились его» [2, с. 196].

Активным борцом за установление и упрочение советской власти в станице был младший сын атамана, Георгий Дмитриевич Габченко, который родился в 1904 г. Одним из первых в станице Георгий вступил в комсомол. Когда эти сведения дошли до атамана, он стрелял в сына и даже ранил его. А уже 1921–1922 гг. наблюдается обратная ситуация. Георгий Дмитриевич, находясь в отряде ЧОН, участвовал в ликвидации и разгроме так называемых «банд», т. е. сын выступал с оружием в руках против отца-контрреволюционера [2, с. 196].

Весной 1921 г. состоялся кровопролитный бой между коммунарами и повстанцами станицы. В результате погибли коммунисты. Мельник Степан Фёдорович, Долженко Григорий Петрович, Филатов Петр Васильевич, Астафьев Макар, Грязнов Андрей Григорьевич и комсомолец Романико Александр Григорьевич. Атаман Д.Н. Габченко после этого случая покончил жизнь самоубийством. Казаки из его «банды» вернулись в станицу, и «жили мирно, стараясь быть незамеченными» [2, с. 200]. Но многим из них не удалось избежать репрессий. К примеру, Дмитрий Алексеевич Подолько и его родной брат Константин были расстреляны по приказу ЧК в том же году. У Дмитрия Алексеевича был большой двухэтажный дом, построенный «глаголем». Имущество Дмитрия Алексеевича конфисковали. Дом был разобран и перевезен в соседнее село Казгородок, где из него собрали школу. Незадолго до ареста Дмитрия Алексеевича его жена Агриппина Семеновна успела спрятать семейные ценности. Сама же она вместе с детьми была вынуждена уехать на кордон близ села Карловка, где находилась одна из заимок семьи Подолько. В трудные 1930-е гг. Агриппина Семеновна и её сын Конон (1894–1944 гг., воевал в ПМВ, затем в армии Колчака, погиб в Великой Отечественной войне) продали ценности, на вырученные деньги купили дом в соседнем с. Трамбовке и обзавелись хозяйством [1, с. 20].

Литература

1. Архив МНС ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-2. Д. Р-1.
2. *Боргуль А.И.* Труженики тыла. Сб. рассказов. – Кокшетау: Изд-во ИП Изотова В.В., 2011. – 248 с.
3. *Гусак (Подолько) Н.П.* В начале пути // Недбаевские исторические чтения. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. – С. 323–332.
4. *Гусак (Подолько) Н.П.* Переселение в станицу Котуркульскую (1849–1850 гг.). История в документах. – Омск: ООО Образование Информ, 2015. – 152 с.
5. *Крих А.А.* Этническая история русского населения Среднего Прииртышья (XVII–XX века). Монография. – Омск: Наука, 2012. – 296 с.

УДК 929

М.В. Васильев

Псковск. государственный университет

АТАМАН С.Н. БУЛАК-БАЛАХОВИЧ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДА

Рассматривается отношение современников к личности одного из деятелей Белого движения на Северо-Западе России – атамана С.Н. Булак-Балаховича. Предпринимается попытка проанализировать, какую историческую память оставил о себе этот человек, сыгравший важную роль в истории Гражданской войны.

Ключевые слова: Гражданская война; атаманина; Булак-Балахович; Псков.

M.V. Vasiliev

Pskov, state university

ATAMAN S. BULAQ-BALAKHOVICH IN HISTORICAL MEMORY OF THE PEOPLE

The article deals with the polar assessment contemporaries one of the most legendary figures of the White movement in the North-West Russia – Ataman S. Bulak-Balakhovich. Made an attempt to analyze some historical memory of this left a man who played an important role in the history of the Civil war.

Key words: Civil war; ataman; Bulaq Balakhovich; Pskov.

Атаман «всех крестьянских и партизанских отрядов», как сам себя называл батька С.Н. Булак-Балахович, является одним из самых легендарных вождей Белого движения на Северо-Западе России. Это исторический деятель, психологический тип которого мог проявиться только в период эпохального перелома истории и великих социальных потрясений. «Романтик и авантюрист Гражданской войны», «кровавый разбойник и анархист», «последний рыцарь эпохи» – это лишь некоторые эпитеты, которыми награждали его современники, не сумевшие разгадать всю сложность и глубину души этой яркой и неутомимой личности. До сих пор в отечественной историографии нет глубокой моно-

графической работы о жизни и деятельности атамана С.Н. Балаховича, хотя внимание исследователей эта личность привлекала постоянно. О нем писали деятели Белого движения, современники и потомки. По сей день память об этом человеке жива в России, Белоруссии и Польше. На основании воспоминаний современников постараемся разобраться, что же это был за человек, и почему сохранившаяся народная память о нем столь противоречива.

Станислав Никодимович Балахович родился 10 февраля 1883 г. в Польше. Католическая крестьянская семья была довольно зажиточной, чтобы предоставить старшему сыну достойное образование, однако в дальнейшем желала его священником. Однако молодого человека совершенно не прельщала перспектива такой карьеры. Сам Балахович в автобиографии отмечал, что с 19 лет стал зарабатывать на жизнь, работая сначала конторщиком, агрономом, а затем управляющим. Уже с первых шагов взрослой жизни проявилась бунтарская сущность этого человека, идущего наперекор окружающему его миру. У местного населения Балахович пользовался репутацией народного заступника, так как часто выступал арбитром в спорах между крестьянами и помещиком. Коренным образом его судьба изменилась в 1914 г., когда Россия вступила в Первую мировую войну. Станислав Никодимович одел военную форму, уйдя на фронт добровольцем в чине рядового. Этот шаг и предопределил всю его дальнейшую судьбу.

С первых дней войны, проявив примеры личной храбрости, Балахович был произведен в унтер-офицеры, а затем за боевые отличия получил первый офицерский чин. Осенью 1915 г. прапорщик Балахович перевелся по собственному желанию в формирующийся партизанский отряд поручика Л.Н. Пунина (конный отряд особой важности Северного фронта). Командир отряда следующим образом характеризовал этого офицера: «Показал себя с самой выдающейся стороны, выказав безусловно огромную храбрость, решимость и редкую находчивость и предприимчивость. В боевой партизанской работе это лихой незаменимый офицер, везде и всюду идущий охотником и всегда впереди. (...) Показал себя талантливым офицером, свободно управляющим сотней людей в любой обстановке и с редким хладнокровием, глазомером и быстротой оценки обстановки. Постоянно ведет работу с минимальными потерями» [1, с. 67–74].

Помимо храбрости и высоких организационных качеств, современники отмечали в Балаховиче умение находить психоло-

гический подход к своим подчиненным, проявление заботы к ним. Так, один из современников отмечал почти отцовское качество Балаховича: «он очень быстро сошелся с людьми, заботился о них, угощал их и, надо признать, приобрел их расположение» [2, с. 466]. Эти черты характера позволили молодому офицеру завоевать прочные симпатии среди как офицерского, так и рядового состава партизанского отряда. Это пригодилось Балаховичу в 1917 г. в условиях краха государственности и развала фронта, когда иные офицеры теряли свою власть, а порой и подвергались насилию со стороны революционной солдатской массы. Балахович (к этому времени уже взявший к своей фамилии дополнительную приставку «Булак», что дословно может означать «человек, которого носит ветер») пользовался огромной популярностью у солдат отряда, и решением солдатского комитета был награжден Георгиевским крестом с лавровой ветвью. Проявив талант интригана и провокатора, Балахович сместил командира отряда и разделил подразделение на две части. С сентября 1917 г. в его распоряжении было два эскадрона. Фактически с этого момента можно говорить о появлении нового формирования – отряда Булак-Балаховича. Несмотря на то, что, по мнению современников, его части представляли собой «шумный балаган», многие дезорганизованные партизаны добровольно вступали в отряд прославленного командира. Да и сам отряд продолжал оставаться боеспособной единицей.

После того как отгремели последние сражения с кайзеровской армией в феврале 1918 г. и был подписан Брестский мир, Булак-Балахович получил личное разрешение Л.Д. Троцкого сохранить свой отряд уже под большевистскими знаменами и расположиться в районе Луги. По инициативе комиссара Лужского района Яна Фабрициуса, предполагалось, что отряд Балаховича будет отвечать за демаркационную зону в районе Чудского озера, Гдова и станции Торошино [3, с. 155–168]. Все современники в мемуарах обращали свое внимание на внешний вид балаховцев. Так, генерал Г.И. Гончаренко отмечал: «Через окно, выходящее во двор, видна группа спешивающихся всадников в защитных солдатских рубахах, со шпорами, при шашках и винтовках... Все рослый, бравый народ, с драгунской выправкою. Все будто по-старому – и форма, и седловка. Не хватает только погон на плечах да вместо царской кокарды темное пятно на околыше. Слышится обычная ругань, матерщина, прибаутки, смех...» [2, с. 471]. Даже внешний

облик командира партизанского отряда – «человека разгульной натуры, хитрого, страдающего манией величия» [4, с. 69], и его подчиненных, не имел ничего общего с формирующимися красноармейскими частями.

Судебный следователь из Луги так описывал партизан Балаховича: «Кавалеристы... обращали на себя внимание не только постоянно опрятной формой и казачьими шапками с желтым верхом, но и дисциплинированностью, что в то время было уже редкостью. Почти все были молодые люди, и многие из них прозводили впечатление юнкеров... Все они звали своего командира «батько». Как я впоследствии узнал, так называли солдаты своего начальника, во-первых, потому, что любили его, как отца родного, и во-вторых, потому, что командир терпеть не мог, когда его называли «товарищ командир», как этого требовало новое военное начальство».

Самому же командиру отряда давалась следующая характеристика: «...Булак-Балахович был красивый мужчина лет сорока трех, среднего роста, плечистый, с черными, как смоль, усиками, которые он, сидя на лошади, любил покручивать правой рукой, а левой подбочивался, как полагалось лихому кавалеристу» [5, с. 116–128]. Под знаменами красных батька Балахович служил недолго, зачастую провоцируя местных крестьян на мятежи против советской власти, которые сам же и подавлял. Однако когда местные Советы и ЧК попытались арестовать подозрительного красного командира, Балахович быстро перешел на сторону белогвардейского корпуса, формирующегося в Пскове, и проявил себя как активный борец с большевизмом. К этому времени в своих воззваниях атаман называл себя русским патриотом, сражающимся за национальную Россию и православную веру.

Писатель Д.С. Мережковский, говоря о личности атамана, сделал следующий вывод: «Этот антибольшевик – большевик наизнанку. В этом – страшная слабость и страшная сила его, сила и слабость вместе» [6, с. 1]. Лидер польского государства Ю.К. Пилсудский считал, что Балахович «бьет большевиков во многих случаях лучше, чем штабные генералы, поскольку сам большевик – в конце концов, из них и происходит» [7, с. 60, 61].

Весной 1919 г. белогвардейский атаман С.Н. Балахович вновь вошел в Псков, окружив себя помпой торжественности и пафоса. «Вступление в город победоносных балаховцев было обставлено весьма торжественно: впереди ехал батько со свитой, за ним

отряд бойцов, захвативших идущих посредине улицы обезоруженных красноармейцев... Это внушительное зрелище было похоже на триумф римского полководца, вступавшего в Рим» [5, с. 116–128]. Другой современник, описал этот въезд так: «Войском эту кучку вооруженных людей можно было называть только по недоразумению. Тем не менее улица встретила «атамана» с большим воодушевлением» [6]. Пребывание Балаховича в Пскове запомнилось горожанам массовыми казнями красноармейцев и распространителей кокаина, которых вешали на фонарных столбах. «Народу впервые давалось невиданное им доселе зрелище... Балахович приучил [толпу] к зрелищу казни, и в зрителях этих драм обыкновенно не было недостатка» [8]. Сами казни превращались в полноценное шоу, в котором принимал участие атаман, из-за чего А.И. Деникин потом напишет, что «балаховщина – это черная страница Белого движения».

Редактор газеты «Вестник Северо-Западной армии» впоследствии давал иные характеристики происходящему, идеализируя эти события. «Частное же мировоззрение [Балаховича] было навеяно романтикой, почерпнутой из повести «Тарас Бульба», которым батько увлекался еще в гимназии. Под влиянием этой романтики он устраивал на улицах много перевидавшего Пскова публичные казни, отбросившие нас на несколько веков назад. Он наивно полагал, что подобные казни якобы отпугнут коммунистов от их подпольной деятельности, а сочувствующих им – от содействия!» [12]

Уже в 1920 г., воюя с большевиками в Белоруссии, Балахович в беседе с З.Н. Гиппиус отрекомендовался следующим образом: «Я белорус, я католик, но я сражался за Россию и я буду делать русское дело» [9, с. 428]. По результатам этой встречи З.Н. Гиппиус писала об атамане: «Балахович – интуит, дикарь и своевольник... Хитер, самоуверен и самолюбив. Совсем не умен, но в нем искорки какой-то угадки... Ненависть к большевикам – это у него пламенная страсть» [10, с. 129, 130].

Постоянную смену политических ориентиров атамана, умело подстраивавшегося под динамично меняющийся ход истории, подметил польский лидер Ю.К. Пилсудский: «...человек, который сегодня русский, завтра поляк, послезавтра белорус, а еще через день – негр...» [11, с. 89].

Кем же был С.Н. Булак-Балахович для современников, в рамках данной статьи ответить крайне сложно, слишком масштабна и противоречива личность данного деятеля. Писатель Д.С. Мереж-

ковский оставил пронизательные воспоминания об этом человеке, которые позволяют внимательному читателю приблизиться к разгадке личности героя. Говоря об атамане, писатель характеризовал его «стихией без сознания»... «Тут сила не в словах, а в самой личности, лице Балаховича – этом смугло-румяном, обветренном, худом, костлявом... как бы железном, грубом и тонком, детски-простом и страшносложном лице с болезненной складкой в губах, выражением почти беспомощной слабости, и с глазами мутно-голубыми, жутко-пьяными – да, пьяными, но чем? ...может быть, судьбою, – своею судьбою, малою или великою, но которую надо ему совершить до конца. Где будет конец, погибнет ли «партизан» Балахович в Бобруйске, Смоленске или дойдет до Москвы «главковерхом», – я опять-таки не знаю. Знаю только, что он уже идет – летит и долетит до конца, не остановится. Вот этим-то концом он, может быть, и пьян» [6].

Литература

1. *Кручинин А., Мицнер П.* Генерал Станислав Булак-Балахович в 1939 году // Новая Польша. – 2010. – № 7–8.
2. Белое движение. Исторические портреты. – М., 2004. – 541 с.
3. *Васильев М.В.* Атаман С.Н. Булак-Балахович: появление батьки // «От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожakov русской смуты». Сб. статей и материалов. – М., 2014.
4. *Дроздов В.* Балахович в Пскове // Спутник большевика. – 1926. – № 10–11.
5. *Нео-Сильвестр Г.* Батько Булак-Балахович. Рассказ судебного следователя // Возрождение. – Тетрадь 16. – Париж. – 1951.
6. *Мережковский Д.С.* Балахович // Свобода. – 1920. – 12. октября.
7. *Cabanowski M.* General Stanisław Bułak-Bałachowicz. – Warszawa. – 1993.
8. *Горн В.* Белые в Пскове // Псковский набат. – 1924. – 12, 13, 16, 18, 20 и 31 января; 2, 17 февраля.
9. *Гиппиус З.Н.* Дневники: в 2 т. Т. 2. – М., 1999.
10. *Гиппиус З.Н.* Польша 20-го года // Возрождение. – Тетрадь 12. – Paris. – 1950.
11. Дело Бориса Савинкова. – М., 1924. – 161 с.
12. *Зирин С.* О судопроизводстве и самосуде белых // Белое дело [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://beloedelo.ru/researches/article/?126> (дата обращения 24.04.2016).

УДК 9 (С18)

В.А. Шулдяков

*Омск, автобронетанковый инженерный институт (филиал)
Военной академии материально-технического обеспечения
им. генерала армии А.В. Хрулева*

ДМИТРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ ШИШКИН:
ОФИЦЕР, ПОЭТ, ЭМИГРАНТ

Статья посвящена Д.Я. Шишкину – выдающемуся офицеру Сибирского казачьего войска, вождю народного восстания против коммунистов в 1920 г. в Славгородском и Павлодарском уездах, белоэмигрантскому издателю и поэту. Прослежены основные этапы его жизни, службы и творчества. Показан его вклад в историю Сибири, а также русской эмиграции в Китае и США.

Ключевые слова: казачество; Сибирь; Омск; Гражданская война; Белое движение; пропаганда; нелегальная деятельность; повстанчество; Сынцзян; Тяньцзин; Шанхай; Сан-Франциско; издательское дело; периодика; поэзия.

V.A. Shuldyakov

*Omsk, Tank-Automotive Engineering Institute (branch)
of Khrulev Military Academy of Logistics*

DMITRY YAKOVLEVICH SHISHKIN:
OFFICER, POET, EMIGRANT

The article is devoted D. Y. Shishkin – outstanding officer of the Siberian Cossack Host, the leader of the popular revolt against the Communists in 1920 in Pavlodar and Slavgorod districts, White emigre publisher and poet. Traces the main stages of his life, service and creativity. Showed his contribution to the history of Siberia and the Russian emigration in China and the United States.

Key words: Cossacks; Siberia; Omsk; Civil War; White movement; propaganda; illegal activities; rebellion; Xinjiang; Tianjin; Shanghai; San Francisco; publishing; periodicals; poetry.

Время Гражданской войны – самый значимый с военно-политической точки зрения период в истории Омска. Среди тысяч

ярких личностей, прошедших через Омск в ту эпоху, был и сибирский казак Дмитрий Яковлевич Шишкин. Нам уже приходилось останавливаться на этой незаурядной личности: были введены в оборот данные из учетной карточки (VI.1919) этого офицера, прослежены действия в 1920 г. возглавляемой им повстанческой армии, обнаружены его следы в эмиграции [1; 2]. Однако говорить о наличии сколько-нибудь полной биографии Д. Я. Шишкина не приходится. Слишком много в ней пробелов, есть и явная путаница [см.: 3, с. 432; 4, с. 203].

Согласно учетной карточке, Д. Я. Шишкин родился в 1882 г. в семье казака станицы Лебяжинской Семипалатинского уезда. Общее образование получил в Семипалатинском пятиклассном училище [5, л. 2–2 об.]. Отправившись на военную службу в качестве вольноопределяющегося (01.I.1901), он поступает затем в Оренбургское казачье юнкерское училище (01.IX.1901) и оканчивает его по 1-му разряду (с суммой в 205 баллов старшинства), Высочайшим приказом производится «по экзамену» в чин хорунжего (09.VIII.1904, со старшинством с 10.VIII.1903) и выпускается во 2-й Сибирский казачий полк [6, пр. № 147, § 2], дислоцировавшийся в Семирежье. В марте 1908 г. Шишкин числился состоящим в распоряжении войскового начальства (во 2-м отделе), а реально учился на интендантских курсах [7, пр. № 27]. Высочайшим приказом от 27 июня 1908 г. хорунжий 2-го Сибирского казачьего полка Шишкин был переведен в Приамурский военный округ: в Управление интенданта Владивостокской крепости, с зачислением по армейской кавалерии и с переименованием в корнеты [7, пр. № 77, § 1]. Он занял должность делопроизводителя Управления крепостного интенданта [8, стлб. 857] и был произведен в поручики (20. XI.1908, со старшинством с 09.VIII.1907) [5, л. 2]. Период с 1909 по 1915 г. – пока белое пятно в биографии Д.Я. Шишкина. Возможно, в это время он учился в Интендантской академии (в 1911–1914 гг.), также не исключено, что увольнялся с военной службы в запас. Его участие в I мировой войне выразилось в годичном пребывании на Германском фронте, в том числе в командовании конной сотней (08. III–08.VII.1917); Шишкин был произведен в подьесаулы (X.1917, со старшинством с III.1915) и награжден за боевые отличия орденами Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» и Св. Станислава 3-й ст. с мечами [5, л. 2 об., 2].

Приехав с фронта в Омск, Д. Я. Шишкин от Лебяжинской станицы участвовал весной 1918 г. в 3-м войсковом круге (в даль-

нейшем, в 1918–1919 гг., он был депутатом и 4-го, и 5-го кругов), затем заведовал войсковым кирпичеделательным заводом, после свержения советской власти формировал в Омске Особую Атаманскую добровольческую сотню, потом болел тифом в Павлодаре [2].

Вернувшись в Омск, Шишкин представил войсковому атаману доклад «Об условиях политического момента в войске» (28.I.1919), в котором, указав на враждебность крестьян и казаков, предложил комплекс мер по самоохране станиц и превращению Сибирского войска в спаянную боевую семью [9, л. 7–8 об.]. Содержание доклада выделило Шишкина как инициативного офицера с широким политическим кругозором. В 1919 г. он служил в Омске старшим адъютантом по строевой части Управления 1-й Отдельной Сибирской казачьей бригады, а затем (08.VIII.1919) был назначен помощником начальника Войскового осведомительного отдела [10, л. 114]. Дмитрий Яковлевич отвечал за выпуск и распространение газет, за составление воззваний, за издание ежедневной войсковой газеты «Сибирский казак» и т.д.

Во время отступления белых подьесаул Шишкин был оставлен начальником Войскового осведомительного отдела полковником Ф. И. Поротиковым в Иркутске для нелегальной деятельности в красном тылу, на расходы Шишкин получил 25 тыс. руб. [11, с. 93]. Иркутское казачье войско, благодаря вовремя провозглашенному нейтралитету, первые месяцы после возвращения большевиков еще сохраняло видимость автономии. Шишкин прикомандировался к запасной сотне иркутян, участвовал в их последнем, 5-м, войсковом круге, получил от исполкома круга удостоверение для командировки в Омск [12, с. 362].

Под псевдонимом Казаков Д. Я. Шишкин «всплывает» в Марзагульско-Волчихинском районе, где восставшие крестьяне и казаки на съезде избрали его главнокомандующим (14.VII.1920). При наступлении «Крестьянской и казачьей повстанческой армии» (до 5 тыс. чел.) на г. Павлодар Шишкин был легко ранен в шею (в бою у станицы Подстепной 27.VII.1920). В конечном итоге, ему удалось увести ядро своей «армии» (до 800 чел.) в Синьцзян [см.: 1; 2].

Шишкинцы разместились по заимкам в районе г. Чугучака. Попытка сохранить оружие и подготовиться к походу в Россию привела к аресту весной 1921 г. их командира китайскими властями. Два года провел Д. Я. Шишкин «в ужасных условиях» тюрьмы г. Урумчи [13, с. 40]. После освобождения он осел в Шанхае, став

членом казачьей секции Союза служивших в российских армии и флоте [4, с. 203]. В конце 1920-х – начале 30-х гг. Шишкин жил в г. Тяньцзине, где стал атаманом Тяньцзинской станицы Сибирского войска (1929–1930) [14, с. 7], был председателем местного Союза русских военных инвалидов [15, с. 20], редактором журналов «Стремя» (1931–1933) и «За национальную государственность» (1931–1933) и газеты «Вестовой» (1933), много писал в периодике под псевдонимом Д. Лебяженский [3, с. 190, 237, 318, 326–327, 432]. Из Тяньцзина Шишкин переехал обратно в Шанхай, на 10.II.1934 г. уже был там членом совета Союза служивших в российских армии и флоте [4, с. 203]. Видимо, именно он издавал в Шанхае в 1942 г. газету «Вестовой».

Перебравшись после II мировой войны в США, Шишкин обосновался в г. Сан-Франциско, где организовал издательство «Русское дело», печатавшее русскую малотиражную литературу, издавал в 1950-е – 1960-е гг. журнал «Русское дело. За национальную Россию», печатал свои статьи в газете «Новая заря». Совершенно неизученной стороной личности Дмитрия Яковлевича является его поэтическое творчество. Укажем лишь на сильное стихотворение 1919 года «Завет казака» и шедевр белоэмигрантской лирики «Весна в России». Скончался Д. Я. Шишкин в 1970 г. [4, с. 203]. Похоронен на Сербском кладбище.

Литература

1. *Шулдяков В.А.* Подъесаулы Д. Я. Шишкин и А. П. Кайгородов: Материалы к биографиям двух выдающихся белых партизан Сибири // Белая гвардия. – М., 2002. – № 6. – С. 77–84.
2. *Шулдяков В.А.* Командующий «крестьянской и казачьей армией» есаул Д. Я. Шишкин: к истории повстанчества 1920 года // 1920 год в судьбах России и мира: апофеоз Гражданской войны в России и ее воздействие на международные отношения : сб. – Архангельск: Изд-во «Солти», 2010. – С. 279–282.
3. Китай и русская эмиграция в дневниках И. И. и А. Н. Серебреннико вых. – М.: РОССПЭН, 2006. – Т. I. – 448 с.
4. *Волков С.В.* Участники Белого движения в России [Электронный ресурс] // Официальный сайт историка С.В. Волкова [сайт]. URL: http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_24-Sh.pdf (дата обращения: 30.04.2016).

5. Государственный Исторический архив Омской области (далее – ГИАОО). Ф. 1531. Оп. 1. Д. 2.
6. Приказ[ы] Сибирскому казачьему войску [за 1904 год]. – Омск, 1904.
7. Приказ[ы] Сибирскому казачьему войску [за 1908 год]. – Омск, 1908.
8. Общий список офицерским чинам Русской Императорской Армии. Составлен по 1-е января 1909 г. – СПб., 1909. – 1080 стлб., с.
9. Российский государственный военный архив. Ф. 40153. Оп. 1. Д. 10.
10. ГИАОО. Ф. 1706. Оп. 1. Д. 411а.
11. Посадсков А.Л. «Осведказка» и его начальник полковник Ф.И. Порошков: к истории издательской работы в белой армии Сибири (1919–1920 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. – 2014. – № 3. – С. 90–94.
12. Меринов Н.М. Иркутское казачье войско: история и современность. – Иркутск: Изд-во «Репроцентр А1», 2009. – 440 с.
13. Носков К. Авантюра, или Черный для русских белых в Монголии 1921-й год. – Харбин, 1930. – 77 с.
14. Сибирский казак (Харбин). – 1932. – 19 (6) декабря. – 8 с.
15. Окороков А.В. Русская эмиграция. Политические, военно-политические и воинские организации 1920–1990 гг. – М.: Авуар Консалтинг, 2003. – 336 с.

УДК – 94(47).084.3

О.Я. Бахарева, С.Д. Садовников

*Оренбург, государственный педагогический университет,
Уфа, ОАО «Уралтранснефтепродукт» АК «Транснефть»*

НА ВОСТОК – ПО СЛЕДАМ ТУРГАЙСКОГО ГУБЕРНАТОРА

Статья посвящена Михаилу Михайловичу Эверсману, камерюнкеру Двора Его Императорского Величества, тургайскому губернатору (1912 – апрель 1917 г.), который не принял события октябрьского переворота 1917 г. С началом Гражданской войны в России и в Оренбуржье он воспользовался временем белого террора, установленным казачьим атаманом А.И. Дутовым в Оренбургской губернии и адмиралом А.В. Колчаком в Сибири, и выехал на восток, чтобы эмигрировать в Германию – на историческую родину своего прадеда Ф.А.А. фон Эверсмана. За отсутствием документальных данных о его пути следования на восток авторы предлагают свою версию.

Ключевые слова: М.М. Эверсман; тургайский губернатор; Сибирь; Дальний Восток; Япония; Германия; кладбище Берлин-Тегель; гражданская война; Уфимская директория; Транссибирская железнодорожная магистраль.

O.Y. Bakhareva, S.D. Sadovnikov

*Orenburg, State Pedagogical University
Ufa, "Uraltransnefteprodukt" Transneft,*

TO THE EAST – FOLLOW IN THE TRACKS OF TURGAISKI GOVERNOR

The main character is Michael Michailovich Eversmann, the man of the Emperor's bed chamber at Court of His Imperial Majesty. The turgai Governor (1912 – April 1917), who didn't accept the events of October revolution in 1917. At the beginning of the Civil War in Russia and Orenburg province he took the advantage of the white terror which was established by the Cossack ataman A.E. Dutov in the Orenburg province and Admiral A.V. Kolchak in Sibiria and left to the east to emigrate to Germany the historical Motherland of his greatgranddad F.A.A. von Eversmann. For lack of documentary data about his along journey to the east authors propose their own version.

Key words: M.M. Eversmann; the turgaiski governor, Sibiria; the Far East; Japan; Germany; the cemetary of Berlin-Tgel; the Civil war; Ufimskaja directory; the Trans-Siberian railway.

Михаил Михайлович Эверсман родился 16 марта 1868 г. в Оренбурге в семье потомственных дворян Михаила Эдуардовича и Евгении Александровны (урожденной Габбе) Эверсман. При крещении присутствовали надворный советник Александр Эдуардович и девица Мария Александровна Габбе родная сестра новорожденного [1, л. 5об., 6]. Родители дали сыну столичное образование в гимназии, дальше юноша выбрал семейную профессию юриста, закончив с дипломом I степени юридический факультет университета в Санк-Петербурге в 1892 г. [2, л. 1]. Государственная служба началась в 24 года, когда приказом № 15 от 16 июня 1892 г. его определили на службу в ведомство с причислением к Департаменту уделов и командировали для занятий в Первое контрольное делопроизводство. Через год в 1893 г. его утверждают в чине коллежского секретаря и в июне направляют в Вологду, где он служит делопроизводителем Вологодского удельного округа. В августе 1894 г., Михаил Михайлович получает назначение на должность земского начальника 2-го участка Орского уезда Оренбургской губернии. Его отношение к службе было самым похвальным, и его перевели в МВД Оренбургской башкирской межевой комиссии с местожительством в Оренбурге в чине 6-го класса, но он отказался от должности, сославшись на домашние обстоятельства. В 1899 г. он перешел в земские начальники 1-го участка Орского уезда и получил рекомендацию от губернского предводителя дворянства стать непременно членом губернского Присутствия (1899 г.). В установленные сроки его произвели в чин титулярного советника (16 июля 1895 г.), коллежского асессора (16 июля 1898 г.) и надворного советника (16 июня 1902 г.). М.М. Эверсман включается в кампанию по подготовке и проведению Первой Всероссийской переписи населения (1897 г.). Прирожденный ум и пунктуальность в служебных делах способствуют карьерному росту. В марте 1904 г. М.М. Эверсмана приказом по Министерству юстиции назначают почетным мировым судьей на трехлетний срок, вскоре переводят на место астраханского вице-губернатора [3, л. 91].

В этом звании он проработал с 12 марта по 24 апреля 1904 г., новым приказом его переводят на должность вице-губернатора

Оренбургской губернии (1904–1910 гг.), с 1912 г. – тургайского губернатора с губернским правлением в Оренбурге. 1910–1917 гг. отличаются многообразием выполняемой работы: в Оренбургском отделении Крестьянского поземельного банка, был представлен к награде 27 ноября 1901 г. при одобрении губернатора Я.Ф. Барабаша [4, л. 78]; трудился в губернском по воинской повинности Присутствии и в лесоохранительном комитете; входил в состав так называемой «противомусульманской миссии», собирал сведения о религиозном состоянии нагайбаков и комиссионной деятельности среди них за 1908 г., был членом Оренбургского Епархиального комитета православного миссионного общества (1908 г.); являлся почетным мировым судьей Оренбургского уезда (1909 г.), был избран почетным мировым судьей Тургайской области (1914 г.); значился почетным членом Оренбургской ученой архивной комиссии (ОУАК, 1910–1914 гг.).

Обострившаяся политическая обстановка накануне Первой мировой войны потребовала сил этого незаурядного человека в мобилизационных мероприятиях, проводившихся среди населения Кустанайского уезда Тургайской области в июле 1914 г., о чем лаконично сообщала газета: «Отъезд губернатора. Третьего дня отбыл тургайский губернатор М.М. Эверсман по делам службы в Кустанайский уезд» [5, с. 3]. Она же сообщила о его возвращении «из служебной поездки» [6, с. 4]. Его труды были отмечены в марте 1915 г. высочайшей благодарностью. В декабре 1916 – январе 1917 гг. он руководил подавлением беспорядков среди киргизов (казахов) в Актюбинском и Кустанайском уездах, возникших в связи с их призывом на тыловые работы [7, с. 49]. Награжден орденами: Святой Анны 3-й ст. (1896 г.), Святого Станислава 2 ст. (1901 г.), Святой Анны 2 ст. (1902 г.), Святого Владимира 4 ст. (1910 г.), Святого Владимира 3 ст. (1914 г.), орденом Эмира Бухарского и медалями «В память царствования императора Александра III», «За труды по первой всеобщей переписи населения» и «В память 300-летия царствования дома Романовых» [8]. После Февральской революции 1917 распоряжением Временного правительства М.М. Эверсман был уволен в отставку по болезни. Его судьба после событий 1917 г. и в годы Гражданской войны, последовавшей затем эмиграции документально неизвестна. Согласно авторской версии, не претендующей на истину, требующей документальное подтверждение, которое будет принято с благодарностью, путь бывшего тургайского

губернатора на восток представляется на основе событий 1918–1919 гг. следующим.

С 26 (по ст. ст.) октября 1917 г. по 17 января 1918 г. власть в Оренбурге находилась в руках атамана Оренбургского казачьего войска А.И. Дутова. С 18 января до 2 июля 1918 г. власть в Оренбурге удерживали большевики в форме Советов. Начавшийся в мае 1918 г. белочешско-белогвардейский мятеж на протяжении Сибирской железной дороги способствовал усилению гражданской войны и восстановил прежнюю власть в Уфимской, Оренбургской, Самарской, Симбирской, значительной части Казанской, Саратовской, Пермской, Вятской губерний, в центрах Сибири и на Дальнем Востоке [9, л. 319]. В соседней Уфимской губернии с октября 1917 г. по 5 июля 1918 г. власть перешла Советам рабочих и солдатских депутатов, была создана боевая организация народного вооружения (БОНВ), принявшая участие в борьбе с дутовщиной. Однако при белочехах хозяином положения стал Временный комитет Уфимской городской думы [10]. В августе 1918 г. в Казани был захвачен золотой запас России – 30 563 пуда золота на сумму 631 532 117 руб. 86 коп. и под усиленной охраной эшелонами отправлялся в Омск [11, с. 34]. С 8 по 23 сентября 1918 г. прошло совещание с участием 200 депутатов по образованию коалиционной власти в Уфе, известной Уфимской директории. На основе этих фактов возникло предположение, что многие дворянские семьи и землевладельцы, в их числе и М.М. Эверсман с семьей, в начале сентября отправились в Уфу, чтобы по Транссибу выехать на восток России и эмигрировать из страны. Предположительно, что в Уфе он встретился с родственниками, принял участие в совещании (8–23 сентября 1918 г.) как бывший тургайский губернатор и, учитывая переход Самары в руки Красной армии в конце сентября, отправился сразу же после совещания по Транссибу в Омск, который с ноября 1918 г. стал центром борьбы с властью Советов. Адмирал А.В. Колчак ликвидировал в ночь на 18 ноября Уфимскую директорию из пяти человек в Омске и провозгласил себя верховным правителем и Верховным главнокомандующим.

Полагаем, что М.М. Эверсман в звании генерала, если судить по его фотографии из Читы, присланной родственникам в Уфу, видимо, в 1919 г., находился непродолжительное время в Омске рядом с А.В. Колчаком, получил от него в мае 1919 г. формальное назначение на должность военного губернатора Приморской

области при белом российском правительстве, но резкое ухудшение здоровья потребовало лечения в Японии. В 35 лет он страдал хронической экземой, малокровием и нервным заболеванием от переутомления, на лечение требовалось один-два месяца [12, л. 89]. Предполагаем, что в Иркутске он и члены семьи оформили визу на въезд в Японию [13]. К середине лета 1919 г. ими были оставлены иллюзии на окончательную победу Белой гвардии. Он с семьей отправляется из Владивостока морским путем по Тихому океану в Японию и США, оттуда в Европу, пересекает Атлантику и прибывает осенью 1919 г. во Францию, потом в Германию и, наконец, в Берлин – историческую родину своего прадеда Ф.А.А. фон Эверсмана и деда Эдуарда Эверсмана. Как сложилась его дальнейшая жизнь в эмиграции, неизвестно, можно строить разные версии. Известно, что в Берлине он скончался 19 октября 1929 г., похоронен на русском кладбище Берлин-Тегель [14]. Рядом с ним похоронена его мать Евгения Александровна, памятник у них общий. Вероятно, она прибыла в Германию из Петрограда через Скандинавские страны. Его отец умер в 1910 г. в Петербурге. Жена Ольга Ивановна, урожденная Абрамова, умерла в 1921 г. во время тяжелого экономического кризиса в Германии, место захоронения в Берлине неизвестно. След детей М.М. Эверсмана – сына Николая и дочерей Нины и Евгении – остается неизвестным до сего времени. Можно предположить, что приход к власти немецких национал-социалистов в 1933 г., вызвал их эмиграцию в Париж, который превратился в столицу русских эмигрантов первой волны. Таким образом, проследив полный драматизма путь на восток М.М. Эверсмана, бывшего Тургайского губернатора, авторы версии накануне столетия тех далеких кровавых событий отдадут дань памяти всем, кто вольно или невольно был втянут в пучину Гражданской войны.

Литература

1. Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф. 173. Оп. 12. Д. 147.
2. Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 6.
3. Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 147.
4. Там же.
5. Оренбургская неделя. – 1914. – 12 июля. – № 153.

6. Там же. 1914. – 17 июля. – № 157.
7. *Семенов В.Г.* Дворяне из Спасского // Православный духовный вестник Саракташского благочиния. – Оренбург, 2015. – №1 (69). – С.48–51.
8. Эверсман Михаил Михайлович (Eversmann Mikhail Mikhailovich) [Электронный ресурс] // Эверсман Михаил Михайлович [сайт]. URL: http://famous-birthdays.ru/data/28_marta/yeversman_mihail_mihajlovich.html (дата обращения 01.02. 2016).
9. ГАОО. Ф. 2912. Оп. 1. Д. 168.
10. Региональный интернет-портал «Тюмень – Наш город» [Электронный ресурс] // Гражданская война в Уфе [сайт]. URL: <http://nash-gorod-ufa/grazhdanskaja-voina.html> (дата обращения 16.04.2016).
11. *Дворянов Н., Дворянов В.* В тылу Колчака. – М., 1963. – 176 с.
12. ГАОО. Ф.14. Оп.1. Д. 6.
13. «newsBabr.com» – Новости Москвы и Сибири [Электронный ресурс] // Скальский А. Японское консульство в Иркутске [сайт]. URL: <http://newsbabr.com/irk/?IDE=77798> (дата обращения 22.04. 2016).
14. Погост Тегель [Электронный ресурс] // Клюндер А. Русское православное кладбище Тегель в Берлине [сайт]. URL: <http://pogost-tegel.info/index.php?navi=3> (дата обращения 14.02. 2016).

УДК 94 (470+571) «17»

Е.О. Наумов

*Саранск, Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарева*

ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ СОЛДАТ
1-Й АРМИИ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА
В ЗАХВАЧЕННЫХ ГОРОДАХ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1918 Г.

В статье приводится анализ действий солдат 1-й армии Восточного фронта в захваченных городах, влияние девиантного поведения на осуществление наступательных операций, а также способы борьбы руководства объединения с пьянством и грабежами.

Ключевые слова: Гражданская война; Красная армия; Среднее Поволжье; девиантное поведение; пьянство; грабежи.

E.O. Naumov

Saransk, Ogarev Mordovia state university

THE BEHAVIOR'S FEATURES
OF EASTERN FRONT'S 1ST ARMY'S SOLDIERS
IN THE CAPTURED CITIES
IN THE SECOND HALF OF 1918

The article considers the actions of the Eastern Front's 1st Army's soldiers in the captured cities, influence of deviant behavior to implementation of offensive operations, and the leadership's ways to struggle with drunkenness and looting.

Key words: Civil war; Red Army; Middle Volga; deviant behavior; drunkenness; looting.

В годы Гражданской войны в России одним из ключевых этапов проведения наступательной операции Вооруженных сил советского и антибольшевистских правительств являлся захват расположенного на территории противника города. Данный процесс часто сопровождался случаями девиантного поведения среди солдат, особенности которого можно проследить на примере 1-й

армии Восточного фронта, создание которой и первые боевые столкновения с народной армией Комуча происходили летом – осенью 1918 года.

Одной из причин, определивших характер действий красноармейцев в населенном пункте, являлся низкий уровень их дисциплины, обусловленный крайне неблагонадежным контингентом, за счет которого происходило комплектование частей и подразделений [1, л. 1]. Командный состав из-за отсутствия опыта и авторитета не мог удерживать эту анархически настроенную массу в своих руках, которая, сохраняя боеспособность во время военной операции, сразу же после вступления в город, как это произошло в момент захвата Сызрани 8 июля 1918 г., теряла самообладание и приступала к грабёжам, объектом которых становились квартиры и магазины состоятельных людей [2, с. 38; 3, с. 182–183]. При этом подобное поведение не только что отвоеванной у противника территории, по мнению солдат, выглядело вполне оправданным. Так, политический комиссар 1-й армии С.П. Медведев писал: «Всякий мало-мальски самостоятельный житель и его дом рассматривался как белогвардейское пристанище и подвергался и явному, и тайному ограблению» [4, с. 47]. Полученное имущество сбывалось солдатами на базарах [5, л. 3].

Иногда грабежи имели вынужденный характер по причине недостатка в 1-й армии продуктов питания, о чем свидетельствуют донесения командования и свидетельства очевидцев о мародёрстве бойцов на станциях крупных городов, где в эшелонах и складах попадались значительные запасы продовольствия [6, с. 16–17; 7, с. 20]. Указанные действия сопровождалось массовым употреблением алкогольных напитков, которое при наличии большого количества спиртного в населенном пункте приобретало широкие масштабы, усугубляя и без того неустойчивое положение с дисциплиной, и становилось одной из причин отступления войск из города [8, с. 108, 109; 9, л. 1].

Примечательно, что в дальнейшем многочисленные случаи разлагающего воздействия на солдат спирта учитывал противник в момент отступления из Сызрани в начале октября 1918 г. Предусмотрительные чехи поспешно эвакуировали из города все ценное имущество, в том числе все пожарные машины на случай невозможности предотвращения возгораний. Спирт же, наоборот, вывезен не был в надежде на то, что местные жители и войска перепьются, что в итоге и произошло [10]. Революционный

полевой штаб, сформированный после взятия Сызрани 3 октября 1918 г., телеграфировал начальнику дивизии с просьбой прислать части для несения караульной службы, «так как в связи с разграблением спиртного склада происходят эксцессы между жителями и войсками Пензенской дивизии» [11, л. 92].

Город также являлся местом, где солдаты могли отдохнуть после длительного наступления. Генерал А.В. Жиркевич вспоминал, что во время вступления в Симбирск 12 сентября 1918 г. красноармейцы ликовали и пели [12, с. 105]. В докладе о положении в войсках после занятия города сообщалось, что «в связи с утомительными боями и маневрами предшествовавших дней наступила для солдат кажущаяся возможность несколько отдохнуть и привести себя в порядок» [11, л. 96]. В результате в конце сентября 1918 г. армейскому командованию потребовалось потратить много времени и сил на то, чтобы собрать части по городу, «устроить и привести в надлежащий вид» [13, с. 169]. Кроме того, начальники дивизий сталкивались с нежеланием бойцов возвращаться на фронт. Например, солдаты 1-го Симбирского полка Симбирской дивизии, расквартированного в Самаре, в октябре 1918 г. заявили, что «мало побывали в резерве (15 дней)» [6, с. 10].

С целью предотвращения подобного армейское командование еще перед началом операции по захвату Симбирска в сентябре 1918 г. попыталось воспрепятствовать вступлению всех воинских частей в населенный пункт и их последующему распределению по нему путем создания пулеметных застав, которые должны были расстреливать нарушителей, пытавшихся проникнуть в город, и караульных команд из «надежных красноармейцев», патрулирующих улицы с целью обнаружения и подавления случаев деструктивного поведения солдат [14, л. 14об.; 15, с. 334, 335]. Однако стремительное наступление красноармейцев не позволило своевременно остановить основную часть войск от рассредоточения по Симбирску, вследствие чего в городе «стали появляться одиночно и небольшими группами пьяные. Участились случаи самочинных обысков, сопровождаемых грабежами», которые все же носили частный характер и при обнаружении предотвращались на месте путем расстрела преступников [13, с. 167; 16, л. 14], который осуществлялся при помощи наиболее дисциплинированных частей – 1-го Интернационального и 1-го Симбирского полков Симбирской дивизии [17, с. 38]. Как писал командарм М.Н. Тухачевский, «сами товарищи красноармейцы жестоко расправлялись

с теми, кто грабежом и насилием позорил честь Красной армии» [18, с. 79]. Попытка установить контроль над «экспроприациями» была закреплена в приказе коменданта Воробьева от 13 сентября 1918 г., в котором говорилось, что «обыски и конфискации всякого рода» необходимо проводить «только по мандатам коменданта города» [19, с. 8].

Указанные мероприятия способствовали сохранению стабильного уровня дисциплины среди красноармейцев. Так, вскоре после взятия Симбирска в городе был установлен «полный революционный порядок» [16, л. 14]. В Сызрани, согласно сведениям политического комиссара Инзенской дивизии Г.П. Звейнека, солдаты грабили «очень мало» [20, л. 320 об].

Таким образом, в период проведения 1-й армией Восточного фронта наступательных операций на Симбирск и Сызрань летом – осенью 1918 г. захват населенных пунктов помимо очевидных плюсов, связанных с улучшением стратегической обстановки на участке, значительно препятствовал продолжению боевых действий.

Литература

1. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 1. Оп. 1. Д. 449.
2. *Калтин О.Ю.* Борьба на Восточном фронте // Симбирская губерния в 1918–1920 гг. Сборник воспоминаний. – Ульяновск: Ульян. книжн. изд-во, 1958. – С. 69–76.
3. *Лебедев В.* Борьба русской демократии против большевиков // 1918 год на Востоке России. – М.: Центрполиграф, 2003. – С. 173–202.
4. Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927. Сборник документов. – М.: РОССПЭН, 1996.
5. РГВА. Ф. 1284. Оп. 1. Д. 480.
6. *Кирюхин Н.И.* Из дневника военного комиссара. Гражданская война 1918–1919 гг. – М.: Военный вестник, 1928. – 196 с.
7. *Рождественский П.* Генерал Каппель // Белое дело. – 2010. – № 3 (19). – С. 20–23.
8. *Гаманов И.Д.* За власть Советов // Боевое прошлое. Воспоминания. – Куйбышев: Куйб. кн. изд-во, 1958. – С. 102–110.
9. Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. Р–9. Оп. 1. Д. 6.

10. Северная коммуна. – 1918. – 9 октября.
11. РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 27.
12. Симбирский дневник генерала А.В. Жиркевича. 1915–1922 гг. // Волга. – 1992. – №9–10. – С. 104–106.
13. Симбирская губерния в годы Гражданской войны (май 1918 – март 1919 гг.): в 2 т. – Ульяновск: Ульян. кн. изд-во, 1958. – Т. 1. – 488 с.
14. РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 21.
15. 1918 год на родине Ленина. – Куйбышев: Куйб. кн. изд-во, 1936. – 344 с.
16. РГВА. Ф. 157. Оп. 2. Д. 154.
17. *Кладт А.П., Кондратьев В.А.* Братья по оружию. Венгерские интернационалисты в борьбе за власть советов в России. 1917–1922 гг. – М.: Соцэкгиз, 1960. – 224 с.
18. Боевой путь первой революционной армии Восточного и Туркестанского фронтов. Июнь 1918 – февраль 1921 гг.: сб. документов и материалов. – Ашхабад: Ылым, 1972. – 285 с.
19. Еженедельник Чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. – 1918. – № 4. – 32 с.
20. РГВА. Ф. 157. Оп. 2. Д. 9.

УДК 93/94+791.43/.45

С.П. БЫЧКОВ, О.В. ГЕФНЕР

*Омск, государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина,
Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева*

ОБРАЗЫ БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ
В СОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ
(На примере «Чапаева» братьев Васильевых)

Рассматриваются особенности формирования образов белогвардейцев в фильме «Чапаев», анализируются творческие приемы и идейное содержание картины.

Ключевые слова: Гражданская война в России; кинематографический образ; образ врага.

S.P. Bychkov, O.V Gefner

*Omsk, Dostoevsky state university Stolypin state agrarian university
Siberian Branch of the Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage*

IMAGES OF WHITES IN SOVIET CINEMA
(On the example of «Chapaev» Vasilyev brothers)

The article discusses the features of the formation of images of whites in «Chapaev» film, examines the creative techniques and the ideological content of the film.

Key words: Civil war in Russia; cinematic image; the image of the enemy.

Гражданская война в России стала событием, наложившим неизгладимый отпечаток на мировоззрение и общественное сознание современников. Закономерно, что первоначальное осмысление хода и результатов войны проходило в образных пространствах и символах победителей – большевиков и Красной армии. Вполне естественным при этом было на первых порах настойчивое использование плакатных образов, в которых присутствовала героическая патетика, пафос собственного революционного

и военного дела, прославление успехов и триумфов с принижением противника, наделяемого негативными чертами и характеристиками.

Со временем стало понятно, что история и образы Гражданской войны являются не только достоянием личной и общественной памяти, но и очень важным материалом для советского государственного идеологического строительства. Победа Красной армии в гражданской войне становилась важным аргументом в процессе историко-идеологического оправдания и легитимации революции и советского строя. Целенаправленное и более глубокое осмысление процессов и событий гражданской войны стало происходить в нескольких направлениях.

С одной стороны, уже в 1920-х гг. осуществлялись активное накопление архивного материала и публикация первых сборников документов о Гражданской войне, приведшие к написанию фундаментальных научных трудов во второй половине 1930-х гг., а с другой – постепенно Гражданская война становилась материалом для художественного осмысления. Деятели литературы, театра, кинематографии активно пытались осветить и проанализировать опыт социально-политического противостояния периода Гражданской войны.

И с идеологической, и с художественной точки зрения упрощенно-утрированные образы врагов революции и белых войск на полях Гражданской войны становились банальны и неинтересны. Постепенно в прошлое стали уходить жестко-полярные оценки действующих лиц революции и Гражданской войны. Приходило понимание того, что между красно-белыми полюсами существовал целый спектр колеблющихся и так до конца не определившихся социальных типажей и почти неизвестных героев. Процесс революции и Гражданской войны, пережитый его прямыми участниками и свидетелями, становился воистину историческим и требовавшим не эмоционального, а логического и идейно-схематического осмысления, поиска новых ракурсов видения и аргументации. Лагерь врагов теперь требовалось осмыслить более взвешенно и серьезно.

Первая половина 1930-х гг. была оригинальным периодом формирования советской идеологии, сопровождавшимся появлением новых идей и схем, заставивших по-новому оценить первый период жизни страны. Главное изменение общественного устроения относительно действующих сил в истории

заклучалось в том, что теперь появляется мысль, что историю делают личности, в отличие от 1920-х гг., когда доминировало мнение, что историю делают массы. Естественно, что этому способствовал политико-социальный мейнстрим, складывавшийся во второй половине 1920-х гг. и реализовавшийся в культе личности И.В. Сталина. Возникают новые проблемы творческого свойства, которые нужно было решать как в русле марксистского подхода к роли личности в истории, так и с помощью новых способов художественной выразительности.

Литература, театр и кино находились в этот период в процессе активных поисков новой формы, нового баланса традиционного и нового, народного и элитарного. С народом, ставшим массовым потребителем новой культуры, нужно было говорить на знакомом и простом, но непримитивном языке. Мощные наработки 1920-х гг., связанные с композицией, монтажом, идеологией кинематографа, сделанные Д. Вертовым, Л. Кулешовым, В. Пудовкиным и, конечно, С. Эйзенштейном, подготовили революционные творческие прорывы 1930-х гг., в том числе в историческом и историко-революционном кинематографе. В 1931 г. вышел на экраны первый звуковой советский фильм «Путевка в жизнь», знаменовавший техническую революцию в кинематографе, навсегда изменившую его знаково-образную систему. Сегодня мы понимаем, что все эти факторы подготавливали почву для создания будущего шедевра отечественного кинематографа. Однако, как у любого большого произведения, путь у «Чапаева» к славе был нелегким.

Намерение кинорежиссеров братьев Васильевых сделать фильм по повести Д.А. Фурманова кинематографическое руководство встретило без энтузиазма. Тема гражданской войны казалась исчерпанной. Не имели успеха ни «Разгром» по А.А. Фадееву, ни «Мятеж» по Д.А. Фурманову, ни «Разлом» по Б.А. Лавреневу. На студии «Ленфильм», где работали Васильевы, уже снималась «Анненковщина», по материалу близкая к «Чапаеву». Все они в дальнейшем оказались фильмами «проходными» не оставившими никакого следа в истории кинематографа 1930-х гг. Режиссерам пришлось идти на уловки и хитрости для реализации своих замыслов. Так, сначала они добились разрешения сделать фильм немым, хотя звуковая техника была освоена, а потом нашлись средства на полноценную звуковую картину.

Но Васильевым пришлось преодолевать не только организационные, но и творческие трудности. В новых социальных условиях предварительный материал, который был у них на руках, не годился в качестве сценария. Повесть Д.А. Фурманова, написанная в свободной манере, близкой и к дневнику, и к воспоминаниям, не ложилась в привычные формы кино. Сценарий, написанный А.Н. Фурмановой, был слишком пропитан духом назидательности и прямолинейности. Васильевым пришлось сделать сложную, воистину исследовательскую работу по созданию сценария. В него в конечном итоге вошел материал повести, сценарий супруги Д.А. Фурманова, воспоминания чапаевцев. Все это сопровождалось и собственным осмыслением и мемуарами Васильевых как очевидцев и участников Гражданской войны.

Не менее фундаментальной была проработка идейного содержания фильма. Гражданская война осмысливалась как ожесточенная борьба двух России, вооруженных сил, одна из которых – белая – была изначально сильнее по причине армейской организованности, финансовой и военной помощи Антанты. Вторая сила – красная, большевистская – изначально была обречена на поражение по причине хаотичности, малодисциплинированности, партизанщины в худшем смысле слова.

Васильевым удалось идейно обосновать причину победы красных, заключающуюся в том, что они сумели стать равными белым по степени военной силы и организованности, стать мощной, дисциплинированной армией, благодаря организаторским усилиям большевиков. При таком подходе ими был сделан оригинальный шаг в трактовке белых. Белые у Васильевых – достойный и опасный противник. Борьба с ними требует большого напряжения сил. Историческая и стратегическая правда и победа – за красными, потому что в центре их усилий – счастье и достойная жизнь народа, но до сверхцели красным еще очень далеко. В этой борьбе гибнут лучшие сыны народа, а в тактическом отношении военная ситуация похожа на маятник: победа достается то одним, то другим.

Поскольку личность стала «точкой сборки» всей образной и идеологической системы, Васильевы пошли на оригинальный художественный шаг. Через линию фронта они проводят как бы линию симметрии: и образ Чапаева и его ординарца Петьки Исаева, прочитывают через контраст с другой парой – полковника Бороздина и его ординарца казака Петровича. Полковник

Бороздин – очень достойный противник. Это кадровый русский военный, впитавший дух и стиль жизни «старой» царской армии. С ординарцем он выстраивает, как ему кажется, отношения добрые и патерналистские, которые коробят поручика нового склада. Он трезв и расчетлив, понимает, что нельзя недооценивать противника ни в военном, ни в информационно-идеологическом отношениях. Он «не оглядывается назад» и не ждет со спины пули, потому что доверяет Петровичу, с которым прошел с 1914 г. все фронты. Его речь мудра и грамотна, в минуты отдыха он играет «Лунную сонату», и Петрович заворожено-гипнотически полирует паркет, словно проплывая по волнам музыки. У него хорошее чутье, он точно определяет слабые места чапаевцев, готовит операцию по ликвидацию штаба и успешно ее реализует.

Белые в «Чапаеве» не выглядят скопищем бандитов и негодяев. Они могут героически и с «безумством храбрых» выравнять шаг под пулеметами во время психической атаки. В этой сцене Васильевы сильно рисковали вызвать к белым симпатию, и эмоционально нейтральный зритель смог быть только за счет умело продуманной дозировки сцен, смазывавших и нивелировавших этот героизм.

Почему, однако, несмотря на ряд эпизодов, белые в целом не вызывали сочувствия у зрителя? Здесь стоит обратить внимание на другую часть образа белых, которая последовательно конструировалась Васильевыми, но часто была только оттеняющим контрастом лучших и положительных сторон самого Чапева и красного лагеря.

Белые выглядят хорошо отлаженной, работающей, но бесчеловечной, безжалостной машиной. Петрович идет просить к Бороздину за своего брата, пытавшегося перебежать к красным и пойманного. Бороздин по горячим следам пишет резолюцию: «Расстрелять», не разобравшись в родственных связях своего Петровича и перебежчика. Потом он переписывает резолюцию, но новый приказ по сути ничего не меняет. К родному брату его ординарца применяют «экзекуцию» – избивают до смерти шомполами. Чапаев в параллельном случае с Петькой выглядит значительно человечнее. Петьку, который по-человечески пожалел Петровича, ловившего рыбу для умиравшего от экзекуции брата, Чапаев отдает под трибунал, но зритель-то прекрасно понимает, что Василий Иванович никакой «экзекуции», тем более трибу-

нала, к своему ординарцу не применит. В результате и Петрович уходит от своего Сергея Николаевича, приказавшего фактически убить брата, к красным и Петька пропущен командиром.

Лагерь красных выглядит в фильме демократичнее белых. Белые сохраняют привычную, еще царскую иерархию, когда есть «благородия» – офицеры, и есть простые солдаты. Петрович и Бороздин, несмотря на многолетнее пребывание рядом, никогда не перейдут через грань взаимоотношения командир – ординарец. Чапаев же во время митинга по случаю мародерства признает, что он командир подчиненным только на поле боя, а в остальном любой может прийти к нему «полночь-заполночь» на веселый дружеский разговор и чай.

При этом у белых есть какое-то внутреннее выдыхание. Они продолжают борьбу, но конечные их цели им зачастую так и не ясны. Как люди военные, они выполняют приказ и верны долгу, им хочется въехать в Москву на белом коне, побыть на коронавании (о чем поет в эпизоде, не вошедшем в фильм, сам Г. Васильев в образе поручика), но в этом уже нет принципиальной жизненной и исторической новизны и романтики. Чапаев в разговоре с Петькой и Анкой предвидит будущую счастливую послевоенную жизнь, «когда и умирать не надо будет». Бороздин совершенно не романтик, а прожженный циник. Когда идет разговор о сумме выделенной союзным командованием за «голову Чапаева», он ехидно замечает, что союзное командование могло бы дать и больше, потому что от военных успехов Чапаева зависит судьба Гурьева, а в Гурьеве – нефть. Он не гнушается и «неблагородным» нападением на Чапая ночью. Не сумев победить врага в открытой схватке, он «по-кучумовски» нападает на него ночью, перебив караулы.

Все же, несмотря на предложенную симметрию, Васильевы обедняют образ Бороздина, оставляя либо нейтральные, либо негативные черты. Чапаев же выглядит более «сочно» – от буйно-горячего, хулиганистого, ломающего табуретки, обиженного человека – до холодного, расчетливого, непобедимого стратега, могущего командовать всеми Вооруженными силами республики.

В конечном счете, образ Бороздина, в определенной мере символизировавшего белый лагерь, в моральном и эмоциональном отношении оказался значительно ниже и беднее образа Чапаева. Можно с определенной долей уверенности считать, что

Васильевы это делают сознательно. Все-таки их главный герой – Чапаев, и правое дело – красное дело.

Но в действительности фильм «Чапаев» вышел далеко за рамки агитационного и идеологического фильма. По отзывам киноведев, он прочно входит в тридцатку лучших фильмов всех времен и народов. Белые офицеры уже в эмиграции в середине 1930-х гг. ходили смотреть «Чапаева», потому что в Бороздине и в «психической атаке» видели самих себя, свою идею и славу. Наряду с насыщенным изображением основных героев фильм ярко высветил основной спектр проблем Гражданской войны, ее типажей и особенностей и стал художественным памятником эпохе.

УДК: 94(47).84(092)

О.А. Милищенко

*Омск, государственный аграрный университет
имени П.А. Столыпина*

КРАСНОГВАРДЕЕЦ
КАЛИСТРАТ МИХАЙЛОВИЧ ЛАГОДИЧ.
ГОД 1918-й

Статья посвящена поисковой работе актива Народного музея истории Омского государственного аграрного университета и проблемам сохранения памяти об участнике Гражданской войны в Сибири, подпольщике из красногвардейского отряда при Омском среднем сельскохозяйственном училище Калистрате Михайловиче Лагодиче (1899–1918).

Ключевые слова: Лагодич Калистрат Михайлович; антиколчаковское восстание в Омске 22 декабря 1918 года; каратели войскового старшины И.Н. Красильникова; сохранение памяти о герое.

O.A. Milishenko

Omsk, Stolypin State Agrarian University

THE RED GUARD SOLDIER
CALISTRAT MIKHAILOVICH LAGODICH IN 1918

The article deals with a research work of the National Museum of history of the Omsk State Agrarian University activists and the problems of preserving the memory of the participant in the Civil War in Siberia, soldier of the Red Guard detachment at the Omsk Middle Agricultural School Calistrat Mikhailovich Lagodich (1899–1918).

Key words: Lagodich Calistrat Mikhailovich; the anti-Kolchak revolt in Omsk of December 22, 1918; Kazak-troops foreman I.N. Krasilnikov's punishers; the memory of the hero.

В настоящей статье обобщены материалы по сохранению памяти об участнике Гражданской войны Калистрате Михайловиче Лагодиче, чьё захоронение располагается недалеко от закрытого в 1952 г. «иноверческого» кладбища, на северном краю «малого опытного поля» ОмГАУ им. П.А. Столыпина. Работы проводит актив Народного музея истории университета.

Первыми погребёнными на этом небольшом погосте в 1915 г. были умершие во время строительных работ гражданские интернированные лица и военнопленные австро-венгерской армии. Первоначальные сведения о захоронении здесь в 1918 г. красногвардейца Калистрата Михайловича Лагодича (1899–1918) мы почерпнули из устной информации ветерана ОмСХИ-ОмГАУ Анатолия Сергеевича Вахрамеева (1928–2010) и старожила институтского городка Галины Ивановны Зезиной (1928 г. р.): «За принадлежность к молодёжной коммунистической группе он [Лагодич] и был казнён в декабре 1918 г.» [1; 2]. Кратко к этой теме обращались и другие краеведы, например, блогер и преподаватель истории И. Фёдоров, преподаватель Д.П. Денисов, «привязавший» могилу К.М. Лагодича к карте Гугла [3; 4].

Из электронного справочника «Фамилии» известно, что Калистрат Михайлович родился в 1899 г. в д. Радовня, Ивановского района, Брестской области. С начала 1917 г. он был призван в Русскую армию, где вёл революционную работу среди солдат своей части, пропагандировал большевистские идеи. Незадолго до Октябрьской революции 1917 г. был контужен на фронте и вернулся к родителям, «жившим в Сибири». Здесь он был «участником борьбы за утверждение Советской власти»: вёл подпольную работу и революционную агитацию среди населения и солдат армии А.В. Колчака. За голову подпольщика колчаковские власти «назначили большую награду». После подавления омского восстания большевиков 22 декабря 1922 г. Калистрат Михайлович был схвачен, подвергнут пыткам и «расстрелян». Именем К.М. Лагодича была названа улица в д. Радовня и пионерская дружина Крытышпинской средней школы Ивановского района. [5]. Известно также, что до 1992 г. имя К.М. Лагодича носила пионерская дружина средней школы № 18 г. Омска. Школьники ухаживали за погребением. Сегодня оно заброшено.

На металлическом обелиске, установленном на могиле Лагодича в 1960-е гг., имеется темно-коричневая эбонитовая табличка с надписью в три строки: «/Калистрат Михайлович Лагодич / замучен белогвардейцами/ 1899–1918/». По свидетельству очевидцев (среди которых были и родственники Лагодича) казни героя «четвертованием» последними словами Калистрата Михайловича были: «Товарищи, я умираю. Да здравствует Советская власть!» и к карателям: «Всех не перевешаете!». По одним данным красногвардейца разорвали лошадьми, а по другим – привязав к

согнутым деревьям. [6]. Эту же информацию подтвердили и косвенные сведения ветерана ОмСХИ-ОмГАУ, заведующего лабораторией Кафедры земледелия Марии Алексеевны Микушиной (1948/1949–2011), учившейся вместе с внуками Лагодича и его родственников в школе № 18; те, в свою очередь, получили эту информацию от родителей и ближайших родственников.

Этническая принадлежность Лагодича точно не установлена. Фамилия характерна как для белорусов, так и для поляков. Многих поляков и белорусов ссылали в Сибирь после восстания 1863 г. Кроме того, прорабатывается версия, что и сам К.М. Лагодич и его родственники происходили из закарпатских русинов (лемков), большая часть которых проживала в Австро-Венгрии, в Галиции, на границе нынешних Польши, Словакии и Украины. Часть из родственников Лагодичей перебралась в Россию еще до Первой мировой войны (1914–1918 гг.), а часть (с прежнего места компактного проживания в Галиции) добровольно сдались русской армии в 1914–1915 гг. с выездом в Сибирь. Поэтому розыски «корней» Лагодичей мы продолжаем и среди закарпатских русин-лемков [6; 7; 8; 9]. По данным фондов ГИСАОО №№ 65 и 492 в январе-феврале 1918 г. власть на территории городка ОССХУ (сегодня – ОмГАУ) перешла в руки комиссара, назначенного Омским Советом рабочих и солдатских депутатов. Здесь же разместился и интернациональный красногвардейский отряд, к которому, возможно, присоединился и К.М. Лагодич [11]. 6 июня 1918 г., после эвакуации большевиков, следственная комиссия провела обыск в бывшей квартире милиционера (в здании по Институтской площади, 1) и обнаружила чемодан с документами первых служащих вуза на территории Омского среднего сельскохозяйственного училища (ОССХУ). В одном из паспортных списков, под № 49 значится Лаврентий Лагодич, возможный родственник Калистрата Михайловича [10].

Далее о палачах. 18–19 ноября 1918 г. в Омске произошёл государственный переворот, окончательно укрепивший власть вице-адмирала Российского флота А.В. Колчака [12, с. 88–97; 13]. Однако уже с осени 1918 г. в цокольном этаже главного здания ОССХУ (1915 г.) и расположенных в полуверсте «австрийских» конюшнях (1915 г.) размещался карательный отряд «голубых улан» («серебряные лампасы вдоль голубых шаровар») войскового старшины И.Н. Красильникова (1888–1920) [11; 14, с. 117–120; 15]. По данным омского историка М.Е. Бударина, основанных на

архивных данных Сибревкома и Сибирской ЧК, свидетельствах ровесника К.М. Лагодича оперуполномоченного (комиссара) Томской районной транспортной ЧК, К. А. Вронского (1899–1924) уланы Красильникова участвовали в расстрелах заключённых омской тюрьмы в Загородней роще и других публичных казнях под оркестровую «Камаринскую» – «танец повешенных». Например, за службу «красным» Красильников приказал повесить знаменитого пианиста Врублевского на «толстой струне от беккеровского рояля», а других наскоро приговорённых пленных «красных», например, любил «отправить в Москву» – публично отрубать им саблями головы [11; 14, с. 117, 118, 119, 120; 14, с. 120; 15; 16]. Материалы по биографии К.А. Лагодича актив музея уточняет.

Таким образом, следует сделать вывод, что необходимо охранять памятники героев Гражданской войны, продолжать поисковую деятельность для того, чтобы молодые поколения помнили как о жертвах, так и о палачах той кровопролитной войны, как бы её не интерпретировали сторонники «красных» или «белых».

Литературы

1. *Милиценко О.А.* К вопросу о возникновении «институтского» кладбища вблизи Старозагородной рощи. 1914–2005 гг. [Электронный ресурс] // История Сивака: По старым улочкам Сивака / URL: <http://story-sibaka.ucoz.ru/index/0-76> (дата обращения: 23 апреля 2016).
2. Могила Лагодича (Омск) [Электронный ресурс] / URL: <http://wikimapia.org/25519228/ru/> (дата обращения: 23 апреля 2016).
3. Фёдоров И. Невидимые омские кладбища. 23.12.2011 [Электронный ресурс] / И. Фёдоров / URL: <http://omchanin.livejournal.com/101462.html> (дата обращения: 23 апреля 2016).
4. Могила К.М. Лагодича на карте Гугл [Электронный ресурс] / [Денисов Д.П.] / URL: <http://maps.google.ru/maps/ms?msid=200175128538625910711.0004> (дата обращения: 23 апреля 2016).
5. Лагодич Калистрат Михайлович (2.5.1899–22.5.1918) [Электронный ресурс] / URL: http://will-remember.ru/familii_na_1/lagodich_kalistrat_mihailovich.htm (дата обращения: 23 апреля 2016).
6. *Милиценко О.А. Лагодич Калистрат Михайлович*(2.5.1899–22.5.1918) [Электронный ресурс] // Сивака в лицах / URL: http://sibaka-today.ucoz.ru/index/sibaka_v_licakh/0-34 (дата обращения: 23 апреля 2016).

7. Милищенко О.А. Первые строители ОмГАУ/ О.А. Милищенко // История Сибаки: По старым улочкам Сибаки [Электронный ресурс] / URL: <http://story-sibaka.ucoz.ru/index/0-80> (дата обращения: 23 апреля 2016).
8. Списки жертв. Источники: Книга памяти Иркутской области, Книга памяти Алтайского края, Книга памяти Кемеровской области, Белорусский «Мемориал» [Электронный ресурс] / URL: <http://lists.memo.ru/d19/f353.htm> (дата обращения: 23 апреля 2016).
9. Шевченко К. «Вся Лемковина покрыта была виселицами...» [Электронный ресурс] / URL: [http://www.istrodina.com/№ 9/2007](http://www.istrodina.com/№9/2007) (дата обращения: 23 апреля 2016).
10. Первые служащие вуза. Поимённые списки. Список 2. Список служащих Омского среднего с.-х. училища [Электронный ресурс] // История Сибаки в лицах/ URL: <http://story-sibaka.ucoz.ru/index/0-89> (дата обращения: 23 апреля 2016).
11. Сибака в панораме истории Омска в 1918-1919 гг. Пребывание А.В. Колчака в Сибаке [Электронный ресурс] / авт.-сост. О.А. Милищенко // История Сибаки: История Сибаки в лицах//<http://story-sibaka.ucoz.ru/index/0-74> (дата обращения: 23 апреля 2016).
12. Шишкин В.И. К истории государственного переворота в Омске (18–19 ноября 1918 г.) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – Новосибирск, 2002. – Т. 1. – Вып. 3: История. – С. 88–97.
13. Порхунов Г.А. Обречённые. Буржуазно-помещичья контрреволюция в Сибири 1918–1919 гг. // Красный Путь (Омск). – № 13. – 13 апреля. – 2016; № 17. – 4 мая. – 2016.
14. Бударин М.Е. Конец приспешников Колчака. Допрос // Бударин М.Е. Чекисты. Документально-художественные очерки. – Омск: Омск. кн. изд-во, 1987. – С. 115–120.
15. Есаул (1917 г.) Красильников Иван Николаевич (1888–01.1920) [Электронный ресурс] // Биография Иван Красильников / URL: http://www.peoples.ru/military/commander/ivan_krasilnikov/http://cumir.ru/ivan-krasilnikov (дата обращения: 23 апреля 2016).
16. Глухов В. Эпопея колыванского мятежа. И один в поле воин. 17.08.2007 [Электронный ресурс] / URL: <http://www.sovsibir.ru/news/75438> (дата обращения: 25 мая 2016); [Использованы материалы Управления ФСБ России по Новосибирской области].

УДК 929(47)"20"

Р.А. Бадиков

*Челябинск, Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет)*

ШТРИХИ К НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ ГЕНРИХА ХРИСТОФОРОВИЧА ЭЙХЕ

Статья представляет краткий обзор научной деятельности Генриха Христофоровича Эйхе – крупного военачальника периода Гражданской войны в России и военного историка.

Ключевые слова: Г.Х. Эйхе; военная история; историк; история Гражданской войны; советская историография.

R.A. Badikov

*Chelyabinsk, South Ural State University
(National research university)*

SCETCHES TO THE CURRICULUM VITAE OF HEINRICH KHRISTOFOROVICH EICHE

The article reviews scientific activity of Heinrich Khristoforovich Eiche who was a leading Bolshevik commander of the Civil War period and a military selftaught historian. Eiche's legacy is an important heritage of the Soviet military historiography.

Key words: G.Kh. Eiche; military history; historian; history of Civil war; soviet historiography.

Генрих Христофорович Эйхе (1893–1968) занимает особое место в когорте военачальников РККА периода Гражданской войны в России. В его лице удивительным образом сошлись воедино две исторические ипостаси, одной стороны, крупного военачальника, руководившего в разное время 5-й армией и армией Дальневосточной республики, с другой – военного историка, автора трудов по истории гражданского противостояния на востоке России [1].

В подобном своеобразии судьбы Эйхе лежат истоки исторической значимости его личности, но и парадоксального противоречия, ставшего очевидным уже в советское время. Обратной

стороной интереса научного сообщества к боевому прошлому полководца явилось сложно объяснимое равнодушие к исследованию его исторического наследия. Значение Эйхе как военачальника словно затмило, отодвинуло на второй план важность его исследований.

В настоящей статье предпринимается попытка минимизировать своеобразный информационный вакуум, который продолжает окружать Г.Х. Эйхе и его научную деятельность в контексте развития советской историографии Гражданской войны в России.

Генрих Христофорович Эйхе – тип способного «нового человека», которому на волне революционного подъема 1917 г. удалось удачно вписаться в военную элиту большевистской власти. Будучи офицером русской армии, Эйхе был одним из многих бывших подданных Российской империи, косвенно способствовавших успеху октябрьского переворота и непосредственно – дальнейшему укреплению большевистской власти и расширению ее политического доминирования на пространстве страны. Однако степень участия Эйхе в Гражданской войне на стороне Советской Республики выделяет его личность.

В период 1918–1921 гг. Эйхе проявился себя как талантливый военачальник, последовательно занимая командные должности в Красной армии: командира полка и бригады, начальника 26-й стрелковой дивизии, командующего войсками 5-й армии и Главнокомандующего вооруженными силами Дальневосточной республики. Опыт управления в годы войны крупными войсковыми группировками явился отправной точкой дальнейшей «неформальной» научной карьеры Эйхе.

После выхода в отставку, которая состоялась в 1923 г., бывший командарм с супругой Марией Александровной и дочерью Нелли Генриховной обосновались в Москве. Официальная служебная деятельность с этого времени проходила последовательно в Российском торгово-промышленном банке и во Всесоюзных объединениях «Кожимпорт», «Автомотоэкспорт» и «Техноэкспорт» – структурах внешней торговли СССР, близких к сфере ВПК.

Закрепившись, таким образом, в рядах штатской военной элиты СССР, Эйхе впервые обращается к исследованию истории Гражданской войны на Восточном фронте. Основной предпосылкой явился опыт неформального участия Эйхе в научной работе землячества 5-й армии при Центральном музее Красной армии и

флота. В среде этого дружеского сообщества ветеранов Эйхе пользовался значительным влиянием и уважением, которое сохранилось за ним со времен войны, когда Эйхе, наряду с М.Н. Тухачевским, считался одним из героев 5-й армии [2, с. 16].

Первым исследованием военачальника стала опубликованная в 1928 г. статья «5-я армия в борьбе за Западную Сибирь», затрагивающая проблематику челябинского сражения и петропавловской операции [7]. В том же году при поддержке научно-уставного отдела штаба РККА был издан оперативно-тактический очерк Эйхе «Форсирование реки Белой частями V армии Восточного фронта в июне 1919 года» [8]. Заслужив положительную оценку в профильной периодике [3], данная работа стала для Эйхе первым опытом рассмотрения тактики 5-й армии в годы войны. Результатом предпринятого им комплексного анализа действий армии в 1918–1920 гг. стало появление военно-теоретического труда «Тактические поучения гражданской войны» [9].

Исследованием истории 5-й армии был ограничен первый этап научной деятельности Эйхе, который пришелся на 1920–1930-е гг. От общего контекста отличается последняя работа, опубликованная историком в этот период. Статья «Крушение планов... (к годовщине начала мировой войны)» (1935 г.) была посвящена проблеме соответствия действий армий Антанты и Тройственного союза в начальный период мировой войны установкам предвоенного стратегического планирования [10].

Политических репрессий, развернувшихся к концу 1930-х гг., Эйхе избежать не удалось. В 1938 г. он был арестован и на многие годы лишен возможности реализовывать себя в любимом деле. Вышел из заключения и вернулся в Москву Эйхе только в 1954 г. в возрасте 60 лет.

Большого террора имя Эйхе как одного из руководителей РККА на Восточном фронте было, по справедливому высказыванию А.Г. Липкиной, вычеркнуто из истории Гражданской войны [4, с. 227–228]. К концу 1950-х гг. оценки Эйхе претерпели в целом позитивные изменения, но личность его подверглась исторической мифологизации. Из разряда местных героев 5-й армии, что имело место в 1920–1930-е гг., он трансформировался в признанного героя Гражданской войны. Сам военачальник, ставший в 1930-е гг. свидетелем низвержения множества более прославленных героев войны, довольно скептически относился к подобным оценкам.

В стремлении наверстать годы, проведенные бездеятельно, Эйхе с середины 1950-х гг. вновь активно обращается к труду исследователя. Косвенно способствует этому общественная работа Эйхе, который состоял с 1955 г. членом Совета Военно-научного общества при Центральном музее Вооруженных сил СССР и председателем его редакционной комиссии. В 1955–1966 гг. он подготовил и опубликовал капитальные работы, с которыми ныне во многом ассоциируется его имя как крупного историка. Монографии «Уфимская авантюра Колчака (март-апрель 1919 г.)» [12] и «Опрокинутый тыл» [11] стали новым словом в историографии Гражданской войны.

Привлекая оригинальные материалы антибольшевистских правительств, ранее не востребованные исследователями, историк представил противостояние на Востоке России в 1919–1920 гг. в синтезе позиций красных и белых. Подобная особенность поздних работ Эйхе естественным образом привела к принципиальному расхождению автора с каноничной советской версией истории войны по некоторым вопросам. Так, режиму адмирала А.В. Колчака Эйхе отводил самостоятельную роль, не считая предпринятые им политические шаги как производную от интересов союзников (оценка Колчака как «ставленника Антанты»). Признавал он за омским правительством и значительные успехи в области военного строительства и аграрной политики. Внимание, которое уделяет Эйхе проблематике военно-политической устойчивости власти белых в Урало-Сибирском регионе, представляется, по меркам советской историографии, вызывающе значительным. Неслучайно П.А. Новиков считает Эйхе «единственным советским исследователем, в трудах которого антибольшевистские силы Сибири стали предметом специального рассмотрения» [5, с. 8]. В советской историографии подобный подход историка вызывал критику. Так, В.С. Познанский предостерегал исследователей от следования примеру Эйхе, который допускал чрезмерное, по его мнению, увлечение материалами белых и их исследованием [6, с. 26–27].

Особого внимания заслуживает выдвинутая Эйхе концепция взаимозависимости успехов или неудач РККА на востоке России и положения в тыловых районах белых. Постановку данной проблемы Эйхе произвел еще в 1928 г. и осветил ее в работе «Тактические поучения гражданской войны». Однако ее детальная разработка относится к середине 60-х гг.

Таким образом, сфера научных интересов Эйхе с течением времени прошла качественную эволюцию. От исследования исключительно тактики применения 5-й армии, что имело место в 1920–1930 гг., он перешел к комплексному изучению в 1950–1960 гг. политических, военных и социальных факторов (при превалировании исследовательского аспекта вооруженной борьбы), оказавших влияние на положение антибольшевистских режимов Востока России.

Неизменной оставалась удивительная природа научных изысканий Эйхе, которые представляли для него (особенно в 1920–1930-е гг.), форму своеобразного досуга, проведения свободного времени. В этом смысле он являл собой удачный пример историка-самоучки, не вписанного в систему академической науки и не имевшего формальной коммуникации с ее представителями. Здесь мы видим истоки относительной исследовательской свободы Эйхе, насколько она была возможна в условиях советской научной парадигмы.

К концу жизни Эйхе пользовался беспорным уважением как герой Гражданской войны и один из последних здравствующих командармов ее периода, считался одним из авторитетов в области исследования проблематики войны в контексте восточных регионов России.

Земной путь Генрих Христофорович Эйхе завершил в родной для него Латвии, в юрмальском поселке Меллужи 25 июля 1968 г.

Литература

1. Бадиков Р.А. Генрих Христофорович Эйхе // Вопросы истории. – 2015. – № 1. – С. 45–59.
2. Буторов. Герои 5-й армии // Красная армия на Востоке. Орган РВС 5-й армии и ВСВО. – 1922. – № 7. – С. 16–17.
3. Голубев А. Форсирование реки Белой частями V армии Восточного фронта в июне 1919 года. Рецензия // Военный вестник. – 1928. – № 19. – С. 61–62.
4. Липкина А.Г. 1919 год в Сибири. – М.: Воениздат, 1962. – 235 с.
5. Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. – М.: Центрполиграф, 2005. – 415 с.

6. *Познанский В.С.* Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917–1918 гг. – Новосибирск: Наука, 1973. – 306 с.
7. *Эйхе Г.Х.* 5-я армия в борьбе за Западную Сибирь // Гражданская война: в 2 т. Т. 1. Боевая жизнь Красной армии. – М.: Военный вестник, 1928. – С. 190–204.
8. *Эйхе Г.* Форсирование реки Белой частями V армии Восточного фронта в июне 1919 года. – М.; Л.: Госиздат. Отд. воен. лит-ры, 1928. – 72 с.
9. *Эйхе Г.* Тактические поучения Гражданской войны. Исследование тактики Красной Армии в борьбе против Колчака и на Дальнем Востоке. – М.: Госвоениздат, 1931. – 189 с.
10. *Эйхе.* Крушение планов... (К годовщине начала мировой войны) // Война и революция. – 1935. – Июль–август. – С. 51–59.
11. *Эйхе Г.Х.* Опрокинутый тыл. – М.: Воениздат, 1966. – 384 с.
12. *Эйхе Г.Х.* Уфимская авантюра Колчака (март–апрель 1919 г.). Почему Колчаку не удалось прорваться к Волге на соединение с Деникиным. – М.: Воениздат, 1960. – 295 с.

УДК 355.55

Н.М. Щербин

*Новосибирск, Частное общеобразовательное
учреждение школа «Юнион»*

СОЗДАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНОВ И ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЕ С МЕСТНЫМИ ПАРТИЙНЫМИ КОМИТЕТАМИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Раскрывается процесс создания, совершенствования структуры, функций политических органов, их взаимоотношений с парткомами и органами советской власти в период Гражданской войны на территории Сибири. На основе изучения мероприятий политического руководства страны, Сибревкома, Сиббюро ЦК РКП (б) сделан вывод, что они занимали одно из ведущих мест в обеспечении жизнедеятельности войск, а также в налаживании работы новых органов советской власти на освобождаемых территориях.

Ключевые слова: политические органы; взаимоотношения с парткомами, участие в работе органов советской власти.

N.M. Shcherbin

*Novosibirsk, Private educational
institution school "Union"*

THE CREATION OF POLITICAL BODIES AND THEIR RELATIONSHIP WITH LOCAL PARTY COMMITTEES IN THE CIVIL WAR

The article deals with the process of creating, improving the structure, functions political bodies and their relationship with the party committees and organs of the Soviet government during the Civil war in Siberia. On the basis of the activities of the political leadership of the country, Sibrevkoma, Sibbyuro TS RCP (b) concluded that they occupied a leading position in providing forces of life and work in the establishment of new bodies of soviet power in the liberated territories.

Key words: political bodies; relationships with the party committees, participate in the work of the organs of soviet power.

После разгрома Колчака вооруженная борьба в Сибири не прекратилась. Она продолжалась в виде восстаний контрреволюционных сил и примкнувших к ним крестьян, недовольных продразверткой.

В такой сложной и противоречивой обстановке начался процесс образования и становления военно-политических органов. Формирование Окружного политико-просветительного управления, политико-просветительных отделов губернских военкоматов, агитационно-пропагандистских отделов в уездных комиссариатах по военным делам проходило трудно: не хватало политработников, отсутствовала организационно-штатная документация. Однако используя опыт политических органов 5-й армии, командованию округом удалось укомплектовать политико-просветительное управление одиннадцатью сотрудниками, присланными с омской биржи труда, и начать его работу с 12 декабря 1919 г. Структурные элементы этого учреждения (управление делами, экспедиционный подотдел, библиотечный, культурно-просветительный, осведомительный отделы) при большом дефиците кадров лишь только обозначились. Возглавил его Новиков, член партии с 1917 г., которого сменил на этой должности М.Д. Царев. В конце декабря 1919 г. – начале января 1920 г. были созданы политико-просветительные отделы Алтайского, новониколаевского, семипалатинского, тюменского, томского губвоенкоматов и агитационно-пропагандистские отделы при уездных военных комиссариатах. Политический орган военного комиссариата Омской губернии был образован в октябре 1919 г. [1, л. 2]. Организация этих органов была идентична структуре политического отдела стрелковой дивизии, создание их заняло около двух месяцев. Они были наделены административно-командными и политико-просветительными полномочиями, функция руководства армейскими парторганизациями была передана местным комитетам партии. Они занимались установлением связей с местными комитетами партии, собирали в подведомственных воинских частях информацию о политико-моральном состоянии личного состава и проводимых с ним политико-воспитательных мероприятий, сообщали в вышестоящие органы о благонадёжности командно-политического состава [2, л. 2, 4].

Большие изменения произошли в структуре политорганов согласно приказу окружного комиссара ЗапСибВО № 320 от 17 марта 1920 г., в котором были определены штаты и положения

об Окружном политико-просветительном управлении и губернских политико-просветительных отделах [3, л. 433–436].

В течение двух недель политуправление округа перешло на новую организационно-штатную структуру, которая включала общее отделение и отделение агитпунктов, отделы снабжения, организационно-осведомительный и просветительный [4, л. 2]. Не все должности (в основном технические) были заняты. Укомплектованность личным составом составляла 58,2 % потребного количества [5, л. 435, 436]. В функции управления входили организация политической работы и использование партийных сил в войсковых частях, распределение политработников, организация мероприятий по политическому, культурно-просветительному воспитанию, укреплению воинской дисциплины личного состава, создание политико-просветительных органов в хозяйственных частях, управлениях, учреждениях и заведениях, снабжение их культурно-просветительными пособиями, руководство работой этих органов, сбор и обработка сведений, необходимых для оценки политического состояния и культурного уровня войск и информирование вышестоящего руководства.

Эти же функции выполняли и политико-просветительные отделы губернских военных комиссариатов в частях, учреждениях, заведениях, подведомственных им, имея по 55 сотрудников. Отделы состояли из административно-финансового, организационно-осведомительного, просветительного отделений [6, л. 435–437].

Приказом по ЗапСибВО № 322 от 17 марта 1920 г. агитационно-пропагандистские отделы при уездных военных комиссариатах были упразднены, так как губернские политико-просветительные отделы, как показала практика, могли самостоятельно справляться с объёмом работы; одновременно с этим были учреждены политико-просветительные отделения при начальниках гарнизонов, численный состав которых превышал 1200 человек (Омск, Петропавловск, Акмолинск, Семипалатинск, Тюмень, Барнаул). Итак, к началу апреля 1920 г. в округе сложилась такая система военных политических органов: политико-просветительное управление, политико-просветительные отделы губвоенкоматов и политико-просветительные отделения гарнизонов. Наиболее четко определились их права и обязанности [7, л. 438–439].

Управление и руководство политаппаратами, как и всеми другими структурами военного ведомства, строились централи-

зованно, со строгим подчинением низших аппаратов высшим. Политико-просветительное управление Западно-сибирского военного округа вначале находилось в ведении Реввоенсовета 5-й армии, в конце 1920 г. – Политического управления Реввоенсовета Сибири (ПУСа). Переподчинение произошло в связи с тем, что вновь образованный штаб помощника главкома Вооружёнными силами республики по Сибири стал общесибирским военным центром и при нём было создано политическое управление Сибири (ПУС) на правах отдела политического управления Реввоенсовета республики (ПУР) в целях объединения политического руководства войсками на территории края [6, л. 1].

В декабре 1920 г. в связи с острым недостатком военно-политических кадров, а также дублированием штабом помощника главкома войск Сибири работы Штаба Западно-Сибирского военного округа они были объединены. По этой же причине Политико-просветительное управление округа слилось с Политическим управлением Реввоенсовета Сибири, которое в течение более чем полутора лет, исполняло его функции. По истечении этого срока такая форма управления была ликвидирована, а вместо неё 11 июня 1922 г. было образовано политуправление ЗапСибВО во главе с В.И. Мутных с этого момента за ним закреплялось право партийного руководства в соединениях.

Коммунистическая партия в труднейших условиях Гражданской войны принимала меры по укреплению связей между политическими органами частей и соединений Красной армии и партийными комитетами территорий, на которых они дислоцировались. Каких-либо документов, которые регламентировали бы взаимоотношения политических органов с местными партийными и советскими органами, не было. Поэтому местные парткомы и политорганы ЗапСибВО, чтобы не допустить отрыва деятельности армейских парторганизаций от общепартийной жизни, организовывали взаимное представительство руководящего состава в соответствующих аппаратах. Например, связь омского губернского комитета РКП (б) с военным командованием и политико-просветительным управлением округа начиная со второй половины 1920 г. осуществлялась через взаимное присутствие на заседаниях президиума губернского и военного совета округа.

Первое Положение «О взаимоотношениях политических отделов и местных партийных комитетов на мирное время» было принято совещанием военных делегатов X съезда РКП (б)

совместно с работниками Центрального комитета партии и Реввоенсовета Республики; после его утверждения ЦК РКП 2 июля 1921 г. оно было объявлено политическим управлением Реввоенсовета республики к руководству и исполнению. С этого момента политические органы приобрели самостоятельность в организации партийно-политической работы в войсках. Им были переданы функции учёта и распределения коммунистов, а приём и исключение из партии – партийным комиссиям при них.

ЦК РКП (б) обязывал всех армейских коммунистов оказывать практическую помощь местным парткомам в налаживании новой жизни на освобождённых территориях. Реввоенсоветы войсковых объединений и политорганы соединений выделяли для этих целей своих сотрудников. Так, ревком в Тюмени организовал и возглавлял военком А.Д. Макаров, омским ревкомом руководил военный комиссар В.П. Файдыш. Только в декабре 1919 г. сотрудниками политического отдела 39-й дивизии было создано 18 волостных и 36 сельских ревкомов, 28 волостных и 34 сельских советов [9, с. 26, 67, 69, 70].

Таким образом, структура политико-просветительного управления ЗапСибВО, начавшего свою работу 12 декабря 1919 г., подвергалась совершенствованию, корректировке функций и прав с учётом изменявшихся политических и социально-экономических условий в период Гражданской войны и тем самым заняла одно из ведущих мест в обеспечении жизнедеятельности войск.

Литература

1. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 25875. Оп. 1. Д. 147. Л. 201, 202; Д. 33.
2. Там же. Д. 33.
3. Там же. Д. 147.
4. Государственного архива Новосибирской области. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 49.
5. РГВА. Ф. 25875. Оп. 1. Д. 147.
6. Там же. Ф. 25875. Оп. 1. Д. 147.
7. Там же. Ф. 25875. Оп. 1. Д. 147; ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 39.
8. РГВА. Ф. 16. Оп. 2. Д. 2.
9. *Щербин Н.М.* Политические органы Сибирского военного округа в системе жизнедеятельности Красной армии (декабрь 1919–1925 гг.). – Новосибирск: Изд-во ООО «Параллель», 2007.

УДК 913.1\913.8

А.Е. Левинтов

Москва, Городской университет

РОЛЬ АМЕРИКАНСКИХ ВМФ В ПОБЕДЕ БОЛЬШЕВИКОВ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Заслуги и значение адмирала Александра Колчака для русского военно-морского флота, России и США. Прогнозные оценки предстоящих военных действий и потенциальных противников США на Тихоокеанском театре военных действий, проведенные в ходе штабных игр ВМФ США. Действия США по нейтрализации влияния Японии в Сибири и на Дальнем Востоке. Трагическая гибель Александра Колчака, повлиявшая на ход Гражданской войны в России.

Ключевые слова: Русско-японская война; Первая мировая война; гражданская война; ВМФ; шпионаж; большевики; расстрел.

A.Ye. Levintov

Moscow, city university

THE ROLE OF AMERICAN NAVY IN THE BOLSHEVIK'S VICTORY DURING CIVIL WAR

The merits and significance of admiral Alexander Kolchak to the Russian Navy, Russia and the United States. Predictive estimates of the forthcoming military operations and potential US adversaries in the pacific theater of war, produced during staff games the U.S. Navy. U.S. actions to neutralize the influence of Japan in Siberia and the Far East. The tragic death of Alexander Kolchak that influenced the course of the Civil war in Russia.

Key words: The russian-japanese war; First world war; Civil war; Navy; espionage; the bolsheviks; the execution.

Сначала – несколько биографических сведений о главном персонаже этого сообщения, его героической и трагической судьбе.

Александр Колчак (1874–1920), адмирал – участник первой русской полярной экспедиции барона Эдуарда Толля 1900–

1902 г. к земле Санникова. Один из немногих, кто вернулся из этой экспедиции, и единственный, кто возвратился в Арктику и нашел тела своих погибших товарищей в 1903–1904 гг. В позорной Русско-японской войне сумел проявить себя храбрым морским офицером, с безупречной военной репутацией, несмотря на то что после обороны Порт-Артура побывал в японском плену. В 1909 г. адмирал Колчак открывает и прокладывает Северный морской путь. Открытый им и названный в его честь остров ныне значится на картах как остров Расторгуева. (Недавно историческая справедливость восторжествовала. Острову вернули имя его первооткрывателя.) Он был уникальным исследователем, аналитиком и минером. Сразу после Русско-японской войны 1905 г. предсказал Первую мировую. На его минных заграждениях на Балтике немцы подрывались и в Первую и во Вторую мировые войны. В 1916 г., будучи командующим Черноморским флотом, приглашен в США, с осени 1917 г. учит американцев ставить минированию. Эта наука особенно пригодилась американцам при установлении минных заграждений на атлантическом побережье в ходе Второй мировой войны. Благодарные янки в 1920 году сдадут своего консультанта большевикам во имя государственных интересов США. Верховный правитель России (от этого поста сам Александр Колчак долго отказывался как от слишком громкого) во время Гражданской войны, пытался спасти от большевиков царское золото и вывезти его за границу. Моральный и военный авторитет Александра Васильевича был так высок, что в страхе перед ним большевики сначала этапировали семью последнего императора из Тобольска в Екатеринбург. В январе 1920 г. был арестован в Иркутске Чехословацким корпусом, двигавшимся на Родину через Владивосток, попал к большевикам и 7 февраля был расстрелян. Согласно легенде на расстреле он пел романс «Гори, гори моя звезда», затем выкурил папиросу, а портсигар подарил тому, кто командовал расстрелом (это был Юровский тот же, который расстрелял в Екатеринбурге царскую семью). Расстрелян был 45-летний адмирал на льду Ангары. Тело его поспешно было сброшено под лед. История любви между Колчаком и его женой Софьей – самый романтический эпизод революции.

Необходимо отметить, что мною использованы материалы из книги М. Фукса «Планы сине-оранжевой войны и первые шаги российско-американского военного сотрудничества на Дальнем

Востоке, 1920–1923», которую я разыскал летом 2004 г., когда жил в США.

В начале 1919 г. капитан Военно-морского флота Гарольд Йорнелл (Harold E. Yarnell), изучая по заданию командования развитие потенциальных военных конфликтов, пришел к выводу, что после поражения Германии в войне только Япония, тогдашняя союзница США по Антанте, непосредственно будет угрожать интересам США на Тихоокеанском плацдарме военных, политических и экономических интересов США.

Йорнелл отметил, что в условиях, когда Великобритания или какая-нибудь азиатская держава не связаны союзническими обязательствами с американским флотом, правильной может быть лишь стратегия в духе концепции Мэхэна, принятой в начале XX в. Navy General Board о наращивании оборонного потенциала уже в значительно удаленных от берегов США районах Тихого океана, и создание мощного флота, готового выполнять наступательные задачи.

В соответствии с аналитическим докладом Г. Йорнелла в штабе ВМФ США было принято решение о разработке планов защиты против возможной японской агрессии. Эти планы защиты в случае нападения Японии, создававшиеся с начала 20-х г., получили кодовое название «оранжевые планы», поскольку японские Вооруженные силы фигурировали в сценариях американского флота как оранжевые, а американской стороне было присвоено кодовое название синие.

В начале 20-х годов на Дальнем Востоке сформировалась буферная Дальневосточная республика (ДВР) с центрами во Владивостоке и в Чите. Владивостокский центр был большевистским и ориентированным на США, Читинский – промонархическим и ориентированным на Японию.

Соединенными Штатами не делалось больших различий между позициями Советской России и ДВР. «Вследствие финансовой и политической зависимости ДВР от Советской России и тесной дружбы между двумя странами чувствуется, что с точки зрения сине-оранжевой войны, на них можно смотреть как на одно и то же».

По мнению американских военных, среди русского населения Сибири отмечалась всеобщая ненависть к японцам, с одной стороны, и всеобщая симпатия к США и американскому народу – с другой. «Оккупация и разработка японцами русской половины

Сахалина, грубая позиция японских военных в их обращении с русским народом во время пребывания там с 1918 по 1922 г., – все это превратило сибиряков в естественного скрытого союзника США на время сине-оранжевой войны».

Американцами выражалась уверенность, что объявление сине-оранжевой войны вызовет у сибиряков желание обратить войну к своей собственной выгоде. Этот их интерес, однако, не будет разделяться жителями остальной России. Без сомнения рассчитывая на успех США, российские лидеры, по мнению аналитиков США, придут к выводу, что Россия, выступив на стороне США, сможет вернуть положение, которое она занимала в регионе до начала Первой мировой войны, и даже частично позиции, утраченные ею в ходе Русско-японской войны.

Использование Владивостока в качестве базового пункта для подводной войны самым действенным образом должно было способствовать дезорганизации системы доставки продовольствия из Кореи в Японию. Привлечение определенных инвестиций на модернизацию Транссибирской магистрали позволило бы в течение года обеспечить движение 15 поездов в течение суток в обоих направлениях. Наличие 200-тысячного контингента российских войск в Северной Маньчжурии связала бы крупные японские силы в этом регионе.

Жесткий монархист и ярый противник германо-большевиков, Колчак явно не устраивал американцев на Дальнем Востоке – во Владивостоке, Харбине и на КВЖД. С помощью интриг, в которых участвовали китайские и японские шпионы, им удается освободиться от него. Колчак продвигается далеко на запад, в Омск. Американцы делают все возможное, чтобы Белое движение, возглавляемое адмиралом Колчаком, захлебнулось, Читинская часть ДВР зачахла, а оранжевые (японцы) проиграли синим (американцам).

Разумеется, подозревать американские ВМФ в сочувствии большевикам не стоит, но объективно, благодаря дипломатическим и военным интригам американцев, режим большевиков, висевший на волоске, сохранился и вылился в один из самых трагических периодов всемирной истории России.

УДК 94(47)

Е.В. Волков, П.Ф. Назыров
*Челябинск, Южно-Уральский государственный университет,
государственный университет*

ОБРАЗЫ ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ЛЕГИОНЕРОВ В РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ

Образы чехословацких легионеров остаются важной частью культурной памяти российского общества о гражданской войне. Негативная оценка участия в ней чехов и словаков, выступавших на стороне антибольшевистских сил, начинает смягчаться только в 1960–1970-е гг. под влиянием общей либерализации коммунистического режима и реалий советско-чехословацкого сотрудничества, в том числе в научной сфере. В современной российской историографии, несмотря на пересмотр отношения к истории революции и Гражданской войны, сохраняются существенные различия во взгляде на роль чехословацкого корпуса в событиях 1918–1920 гг. Хотя в целом этот сюжет уже находится вне активного общественного дискурса, но действия российских властей и их зарубежных партнеров по коммеморации этого периода истории по-прежнему приводят к воспроизводству в публичном пространстве различных (порой противоположных) трактовок и оценок образов чехов – от «освободителей» до «интервентов» и «предателей» в отношении Белого движения.

Ключевые слова: культурная память; чехословацкий корпус; Первая мировая война; Гражданская война в России.

E.V. Volkov, P.F. Nazyrov
*Chelyabinsk, South Ural state university
state university,*

IMAGES OF CZECHOSLOVAK LEGIONARIES IN RUSSIAN CULTURAL MEMORY

Images of czechoslovak legionaries during the Civil war remain an important part of the Cultural Memory of the Russian society. The negative assessment of czechs and Slovaks participation on the side of the anti-Bolshevik forces begins to soften only in 1960–1970-s under the influence of general liberalization of communist regime

and the realities of the soviet-czechoslovak cooperation. These changes have affected the research field as well. In modern russian historiography, despite of rethinking the relationship to the history of the revolution and Civil war, significant differences of opinion on the role of Czechoslovak corps in the events of 1918–1920-s are still remained. Although the story has already been out of public discourse, the actions of the russian authorities and their international partners in commemoration of this period of history still lead to reproduction of different, sometimes opposing interpretations and assessments of czechs images – from the "liberators" to "invaders" and "traitors" in respect of the White movement.

Key words: cultural memory; czechoslovak corps; the First world war; the Civil war in Russia

В рамках культурной памяти общества посредством научных и дидактических текстов, произведений искусства и художественной литературы, риторики верхов и коммеморативных практик конструируются и транслируются определенные образы и трактовки прошлого [1, с. 19–54]. Предметом изучения в данной статье являются образы чехословацкого легиона.

Первые военные формирования чехов и словаков в составе русской армии стали создаваться в условиях Первой мировой войны. Эти части сыграли значительную роль и в событиях Гражданской войны. Войска чехословацких легионеров с мая по ноябрь 1918 г. активно помогали силам так называемой эсеро-меньшевистской «демократической контрреволюции» бороться против большевиков на востоке России. Однако с приходом к власти в антибольшевистском лагере адмирала А.В. Колчака, провозглашенного верховным правителем, и в силу нежелания в дальнейшем участвовать в российской Гражданской войне, командование чехословацкого корпуса вывело все его части с фронта. Началась эвакуация чехословацких стрелков на Дальний Восток, откуда предполагалось перебросить корпус на судах в Европу, на Западный фронт. Осенью 1920 г. последняя партия чехословацких воинов вместе с гражданскими беженцами отбыли из владивостокского порта.

Конечно, в условиях Гражданской войны легионеры так же, как и другие стороны, несли потери, поэтому в ряде городов Восточной России возникли небольшие мемориалы, посвященные погибшим чехам и словакам. Ярким примером служит памят-

ник в Челябинске, торжественно открытый 15 сентября 1918 г. с участием чехословацкого военного командования и духовенства по инициативе и на средства уральского предпринимателя Л.И. Вишневецкого. Памятник-часовню установили на Казанско-Богородицком кладбище, где насчитывалось свыше 150 захоронений легионеров [3, 16 июля; 6, с. 590]. Главные образы таких мемориалов акцентировали внимание на идеях героизма и свободы, за которую отдельные чехословацкие воины отдали свои жизни. С утверждением советской власти практически все подобные памятные знаки были разрушены.

Советская историография однозначно негативно оценивала действия и роль чехословацких частей, участвовавших в несправедливой империалистической войне, а затем в борьбе реакционных антибольшевистских сил против советской власти. В условиях сталинской диктатуры стала господствовать концепция Гражданской войны как «трех походов Антанты», в которой чехословацкому корпусу отводилась роль ударного кулака против Советской республики. Советские историки утверждали, что существенная эскалация Гражданской войны началась с мятежа чехословацких легионеров в мае 1918 г. на железнодорожных станциях вдоль линии Великого сибирского пути. В это время возникает идеологически окрашенный термин «белочехи» [12, с. 7–12; 13, с. 47–60; 15].

Этот образ чехов врагов и союзников белогвардейцев, получил отражение и в культуре советского общества, в частности, в знаменитом советском фильме «Чапаев» (режиссеры Г. Васильев и С. Васильев, «Ленфильм», 1934 г.). Другим наглядным примером подобного образа является картина ленинградского художника Н.М. Кочергина «Контрреволюционное выступление чехословацких отрядов», написанная в 1935 г. к выставке «Урал-Кузбасс в живописи». Полотно демонстрирует события, связанные с выступлением легионеров в мае–июне 1918 г. в Челябинске. Художник представил эти события с позиции мифа сталинского периода о внешнем происхождении Гражданской войны в России, поскольку главными врагами на картине представлены чехи, которые творят расправу в захваченном городе [5].

Стоит отметить, что в советской политике памяти для противопоставления «белочехам» широко использовался образ друга Советской России, чеха-коммуниста писателя Ярослава Гашека, бывшего стрелка чехословацкого корпуса, в свое время дезерти-

ровавшего и перешедшего на сторону большевиков, произведения которого (прежде всего знаменитый сатирический роман о похождениях солдата Швейка) издавались в СССР массовыми тиражами.

В условиях хрущевской «оттепели» образы чехов как «пособников контрреволюционных сил» были несколько смягчены, а в массовом сознании укреплялся образ социалистической Чехословакии – союзника и партнера СССР. Появляются труды по истории чехословацкого корпуса, написанные в том числе чехословацкими исследователями, чьи работы переведены на русский язык [2; 7; 10]. В 1975 г. в СССР состоялась премьера фильма чешского режиссера О. Вавры «Соколово», созданного при участии советских кинематографистов. Картина рассказывала историю формирования на территории Советского Союза чехословацкого батальона под командованием полковника Л. Свободы, и о его боевом крещении 8 марта 1943 г. у деревни Соколово под Харьковом. Конечно, в фильме подчеркивалась значительная роль Коммунистической партии, замалчивался факт службы Свободы в качестве офицера в чехословацком корпусе и его участия в боях против Красной армии в период Гражданской войны.

После распада СССР в российском обществе возобладал плюрализм мнений относительно оценки деятельности чехословацкого корпуса. Часть исследователей в целом позитивно оценивают деятельность чехословацких воинов, героически проявивших себя на полях сражений Первой мировой войны, а затем способствовавших консолидации всех здоровых сил на востоке России для борьбы с незаконной советской властью [14, с. 67–71; 9, с. 5; 11].

Вместе с тем в общественном дискурсе сохраняется и негативная оценка роли чехов и словаков как участников антибольшевистского движения, получившая подкрепление в русской эмигрантской мемуаристке, публицистике и историографии. Главные обвинения, которые предъявляют чехословацким легионерам сторонники данного подхода – выдача бывшего Верховного правителя Колчака в качестве пленника его врагам и расхищение золотого запаса России. В этом плане показательны труды эмигрантского историка С.П. Мельгунова, пьеса эмигрантской поэтессы и писательницы А.Н. Серебренниковой «Последний путь адмирала», а также роман эмигрировавшего на Запад советского писателя В. Максимова «Заглянуть в бездну» [8; 16, Ф. 38;

4, с. 22–25]. Подобная точка зрения представлена и в российском фильме «Адмирал» (режиссер В. Кравчук, 2008 г.).

Вопрос о роли чехословацких легионеров вновь был поднят в ходе проведения чешской стороной совместно с региональными властями некоторых областей Российской Федерации акции по установке памятников солдатам корпуса. Такие памятники открылись во Владивостоке (2006), Красноярске (2006), Бузулуке (2007), Екатеринбурге (2008), Нижнем Тагиле (2009), Челябинске (2011), Кунгуре (2012), Сызрани (2015). Вместе с тем, данные акции в отдельных случаях вызвали дискуссию в средствах массовой информации и в интернете среди блоггеров, что еще раз подчеркивает плюрализм мнений в восприятии чехословацких легионеров и наличие в публичном пространстве кардинально противоположных образов чехов и словаков – от «освободителей» до «интервентов» и «предателей» в отношении Белого движения [17; 18].

Литература

1. *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М., 2004.
2. *Веселы И.* Чехи и словаки в революционной России, 1917–1920 гг. – М., 1965.
3. *Власть народа.* – 1918. – № 37. – 16 июля.
4. *Волков Е.В.* Неизвестная пьеса о А.В. Колчаке // Сибирь в период гражданской войны. Мат. науч. конф. – Кемерово, 2007.
5. *Волков Е.В.* Площадь павших революционеров. Чехословацкий «мятеж» глазами советского художника. Челябинск, 2015.
6. *Канинский Г.Г., Кутцов И.В.* Некрополь чехословацких легионеров в Челябинске // Челябинский неизвестный. – Челябинск, 2008. – Вып. 4.
7. *Клеванский А.Х.* Чехословацкие интервенты и проданный корпус. – М., 1965.
8. *Мельгунов С.П.* Трагедия адмирала Колчака: в 3 кн. – Белград, 1930–1931. Т. 1–2.
9. *Новиков П.А.* Части чехословацкого корпуса в Восточной Сибири (май – август 1918 г.) // «Белая армия. Белое дело». – 2000. – № 8.
10. *Петерс И.А.* Чехословацко-советские отношения (1918–1934). – Киев, 1965.

11. *Симонов Д.Г.* Чехословацкий корпус на востоке России в 1918–1920 гг. [Электронный ресурс] // Сибирская заимка. Интернет-журнал. – 2003. – № 1. URL: http://zaimka.ru/01_2003/simonov_corps (дата обращения 04.07.2016).
12. *Случевский Н.* Чехословацкий мятеж // Военный вестник. – 1938. – № 9.
13. *Софинов П.* Чехословацкий // Исторический журнал. – 1940. – № 12.
14. *Татаров Б.* «Мы чехи! Убейте нас, если сможете». Чехословаки в русской армии в годы Первой мировой войны // Родина. – 2008. – № 9.
15. *Хрулев В.В.* Чехословацкий мятеж и его ликвидация. – М.: Воениздат, 1940.
16. Hoover Institution Archives. Serebrennikov I.I. Papers. B. 11. F. 38.
17. ИноСМИ.Ru [Электронный ресурс] // У чехословацких легионеров появился памятник в российском Челябинске [сайт]. URL: <http://inosmi.ru/history/20111021/176315697.html> (дата обращения 04.07.2016).
18. В Челябинске восстановлен мемориал чехословацким легионерам [Электронный ресурс] // war.1914.borda.ru [сайт]. URL: <http://war.1914.borda.ru/?1-2-0-00000694-000-0-0> (дата обращения 04.07.2016).

УДК 94(520)

В.А. Гайкин

*Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток
гражданская война на дальнем востоке россии
1918–1922 гг. и корейские инсургенты в Маньчжурии*

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ 1918–1922 ГГ. И КОРЕЙСКИЕ ИНСУРГЕНТЫ В МАНЬЧЖУРИИ

Автор рассматривает процесс формирования в прилегающих к российскому Дальнему Востоку районах Маньчжурии антияпонских и коммунистических организаций, обусловленный влиянием Гражданской войны и борьбы против японской интервенции на востоке Российской государства. Корейские националисты в Маньчжурии, стремившиеся освободить Корею от колониального гнета Японии, видели в России, столкнувшейся с японской агрессией, естественного союзника. Переход на рельсы коммунистической идеологии для одних националистов был вынужденной платой за услуги могучего «спонсора», для других – закономерной коалицией с близкими по духу российскими большевиками.

Ключевые слова: Гражданская война; японская интервенция; Дальний Восток; корейские партизаны; Маньчжурия.

V. A. Guykin

*Institute of history, archaeology and ethnography
of the peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok*

THE CIVIL WAR IN THE FAR EAST OF RUSSIA 1918–1922 AND KOREAN INSURGENCY IN MANCHURIA

Article is devoted to the process of formation in the adjacent to the Russian Far East parts of Manchuria anti-Japanese and Communist organizations, owing to the influence of the civil war and the fight against the Japanese invasion to the east of the Russian State. The emergence on the political map of the world Soviet Russia was for colonized state example of successful political transformation. Korean nationalists in Manchuria, seeking

free Korea from colonial oppression of Japan seen in Russia, struggling with the Japanese intervention in the far East the natural ally. Move the on rails another ideology (Communist) for the nationalists was forced to pay for services of the mighty «sponsor», for other – natural coalition with close in spirit Russian Bolsheviks.

Key words: Civil war; japanese intervention; the Far East; korean guerrillas; Manchuria.

Появление на политической карте мира Советской России стало для колониальных стран примером успешной политической трансформации. Корейские националисты в Маньчжурии, стремившиеся освободить Корею от колониального гнёта Японии, видели в России, борющейся с японской интервенцией на Дальнем Востоке, естественного союзника.

Долину пограничной реки Туманган на китайской стороне гораздо раньше китайцев начали заселять и осваивать корейцы (с середины XIX в.). К началу XX в. она превратилась в своеобразный корейский анклав на китайской территории. Этот регион получил название Цзяньдао. По переписи 1907 г. в Цзяньдао проживали 72 076 корейцев и только 21 983 китайцев [2, т. 1, с. 326]. (Сегодня это корейский автономный округ Яньбянь – территория реализации Проекта Туманган.) Концентрация на территории Цзяньдао после аннексии Кореи Японией в 1910 г. активных участников национально, освободительной борьбы и деятелей просветительского движения привела к созданию в этом районе нескольких корейских политических обществ антияпонского характера.

Китайские власти, видевшие в корейских националистах союзников в борьбе с японской экспансией в Китае, не препятствовали сбору ими налогов с корейского населения, развитию инфраструктуры (штаб-квартир, школ, военных училищ). В начале 1920-х гг. в Восточной Маньчжурии было около 30 военно-политических организаций националистов – от левых, мелкобуржуазных, до правых, связанных с шанхайской эмиграцией. Были и монархические группы, выступавшие за реставрацию в Корее императорской власти.

Появление на политической карте мира Советской России – государства, бросившего открытый вызов капиталистическому окружению, не могло не стать для колониальных и зависимых стран наглядным примером успешной политической трансфор-

мации, возможности изменения государственного устройства. Притяжение было взаимным. Советская Россия – изгой в капиталистическом окружении – была обречена на поиск союзников. Одним из проводников этой политики был Коминтерн, сочетавший свойства организации-промоутера, занимавшейся подготовкой и содействием революциям в зарубежных странах с мощным разведцентром. Переход на другую идеологию (коммунистическую) для одних националистов был вынужденной платой за услуги могучего «спонсора»; для других – закономерной коалицией с близкими по духу российскими большевиками.

Мартовское восстание народное (1919) г. в Корее активизировало деятельность корейских патриотов, базировавшихся в Маньчжурии. В военном плане это выражалось в росте числа вооруженных акций против японских оккупантов в Корее, совершавшихся с территории Маньчжурии, в организационном плане – в создании многочисленных антияпонских военно-политических организаций. Согласно материалам японских разведорганов на территории Цзяньдао в 1920 г. действовало семь основных националистических военно-политических организаций, в состав которых входили 3500 человек.

Наиболее мощной в военном отношении группировкой считалось общество «Кунчонсо» (военно-политическое управление) в уезде Ванцин во главе с Со Иром (численность 1600 человек). Поддерживались связи с корейскими патриотами на советском Дальнем Востоке. По данным японской разведки, в мае 1920 г. члены организации распространяли в Ванцине листовки коммунистического содержания [2, т. 8, с. 232]. Организация «Кунму тотокпу» (военно-гражданское правительство) во главе с Чэ Мён Нок насчитывала 600 человек; «Кукминхве» (Национальное общество) заменило на политической арене уже упоминавшееся «Канминхве» и выступало за административную автономию Цзяньдао. Численность общества составляла 450 человек. После мартовского (1919 г.) восстания был взят курс на вооруженную борьбу с колониальным режимом в Корее. В разных районах Цзяньдао имелись отделения общества, пытавшиеся выполнять функции местной корейской администрации. В уезде Яньцзи действовала «Тэхан токнипкун» (армия независимости великой Кореи) под руководством известного борца за независимость Кореи Хон Бом До. Численность организации составляла 400 человек. Японские аналитики рассматривали ее как одну из самых влиятельных

корейских группировок в Цзяньдао; в том же уезде базировалось «Кванпутан» (общество возрождения), руководителем которого был Ли Бом Юн. Целью этой организации провозглашалось восстановление власти корейского императора; в уезде Ванцин находилась база «Ыйкунтан» (армия справедливости), которой командовал Пан Мо Ен (200 членов). Организация подчеркивала свою независимость от временного правительства; группировка «Синминтан» (общество нового народа), возглавляемая Ким Чун Кыном – большого влияния в Цзяньдао не имела (численность 300 человек) [2, т. 8, с. 206–209].

В корейском национально-освободительном движении в Маньчжурии начала 1920-х гг. фактически доминировало революционно-демократическое течение. Ведущие военно-политические группировки «Кукминхве» (лидер Ку Чхун Сон), «Кунчонсо» (во главе Со Ир) «Тэхан токнипкун» (лидер Хон Бом До) оценивались японской разведкой как красные [2, т. 8, с. 68, 232]. Все группировки установили контакты с корейцами на советском Дальнем Востоке. В период революции и Гражданской войны корейские отряды из Цзяньдао принимали непосредственное участие в борьбе за власть Советов и против японской интервенции на Дальнем Востоке.

Во время боев с японскими карательными отрядами, в 1920 г. вторгнувшимися в Маньчжурию, несколько корейских соединений отошли на территорию советского Дальнего Востока и включились в борьбу против японской интервенции. Это отряды Ли Бом Юна, Хе Гюна, Син Ир Хена, соединения Общества военной подготовки независимости Кореи во главе с Ли Ёном, Армии независимости под командованием Чэ Мян Сена. В Амурскую область перешли отряды Хон Бом До, Ан Му, Военно-политического управления под командованием Ким Сын Бина и Со Ира [1, с. 25]. Многие корейские интернационалисты, прошедшие на территории советского Дальнего Востока школу борьбы против японских интервентов, вступили в Компартию Кореи.

Революционные события на советском Дальнем Востоке были лучшей агитацией за соединение национально-освободительного движения с социальной революцией. И руководители, и простые члены корейских партизанских отрядов, быстро усваивали радикальные идеи. Так, по японским данным, лидер общества «Симинтан», базировавшегося на территории советского Дальнего Востока, провел в Имане совещание антияпонских отрядов,

перешедших в Приморье из Цзяньдао. В результате было принято коммюнике, в котором говорилось что «...необходимо уничтожить капитализм в Корее и за ее пределами, осуществить победу коммунизма» [2, т. 8, с. 86].

Часть корейских партизан после ухода японских карательных отрядов из Цзяньдао вернулись в Маньчжурию. Организации патриотов постепенно восстанавливали утраченные позиции. С октября 1921 г. по сентябрь 1922 г. японская полиция зарегистрировала 402 нападения партизан из Маньчжурии на различные объекты. В них участвовали 2226 патриотов. С октября 1922 г. по сентябрь 1923 г. таких акций было зарегистрировано 427; количество участвовавших в них партизан – 2305 [2, т. 8, с. 800]. Слабая социальная дифференциация корейского населения Маньчжурии затрудняла создание коалиций антияпонских обществ на классовой основе. Баррикады, которые разделили бы антияпонские организации на две противостоящие группы и сплотили бы каждую из них, только начинали воздвигаться. Центробежные силы часто были сильнее центростремительных. Борьба за сферы влияния, личная неприязнь отдельных лидеров друг к другу, разногласия по тактическим вопросам мешали консолидации.

И все же процесс размежевания происходил. В 1921–1922 гг. во многих уездах Маньчжурии существовали отделения компартии Кореи, развернувшие среди националистов агитпропаблуду, дававшую свои результаты. По данным японской разведки, видные деятели обществ «Военно-политическое управление» и Национального общества занимались в августе 1921 г. в Хунчуне коммунистической пропагандой [2, т. 8, с. 69]. В 1921 г. из 12 членов президиума влиятельного общества «Кукминхве» 8 человек были членами компартии, а его лидер Ку Чхон Сон стал в 1922 г. председателем «Объединенного общества Корейской компартии», созданного в провинции Цзилинь [2, т. 7, с. 190]. В апреле 1923 г. из СССР по линии Коминтерна в Цзяньдао перешли 10 корейских интернационалистов, распространявшие коммунистические листовки и пытавшиеся создать комсомольскую организацию [2, т. 8, с. 128].

Под воздействием коммунистических идей и революционных событий на советском Дальнем Востоке многие члены националистических обществ переходили в коммунистические организации, а сами националистические группировки становились менее радикальными. Катализатором этого процесса послужило

усиление репрессий чжанцзолиневской администрации против леворадикальных и коммунистических организаций в Маньчжурии, проведение Чжан Цзолинем антисоветского курса внешней политики. Немаловажным фактором было то, что такие авторитетные руководители леворадикального толка как Ли Дон Хви и Хон Бомдо, остались в СССР, а Со Ир и Ким Нип погибли.

Определённую роль сыграло расформирование корейских партизанских отрядов на территории советского Дальнего Востока после изгнания интервентов и установления советской власти на территории РСФСР. Часть корейских партизан вступили в Красную армию, в «Корё кёсанто» (корейская коммунистическая организация, действовавшая на территории РСФСР), остальные вернулись в Маньчжурию для продолжения антияпонской борьбы. Наряду с переносом акцента в интернациональной помощи РСФСР национально-освободительной борьбе корейского народа на содействие коммунистическим организациям, это в определенной степени ускорило поляризацию в лагере антияпонских бойцов, оконтуривание его двух отрядов – коммунистов и националистов.

Литература

1. Ким М.Т. Корейские интернационалисты в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке (1918–1922). – М., 1979.
2. Тёсэн тодзи сирё: материалы по истории управления Кореей: в 10 т. – Токио, 1970–1971.

УДК 93/94

А.А. Харчук

*Омск, государственный университет
им. Ф.М. Достоевского*

РОЛЬ ИНОСТРАННОГО ФАКТОРА В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В РОССИИ

В статье исследуется роль и характер иностранного фактора в Гражданской войне в России, его помощь Белому движению, а также перспективы Белого движения без оказания этой помощи. Использовались воспоминания современников Гражданской войны, работы советских, российских и украинских историков.

Ключевые слова: Гражданская война; интервенция; иностранные государства.

A.A. Harchuk

Omsk, Dostoevsky state university

THE ROLE OF THE FOREIGN FACTOR IN THE CIVIL WAR IN RUSSIA

In this article the role and the character of the foreign factor as well as its help to the White movement are researched. We also can learn the prospects of the White Movement without this help. The memories of the contemporaries of the Civil war, the Soviet, russian and ukrainian historians were used for creating this article.

Key words: Civil war; intervention; foreign states.

До восстания чехословацкого корпуса было предпринято несколько крупных попыток свергнуть советскую власть. Первой явился неудачный поход Керенского–Краснова на Петроград 26–31 октября 1917 г. Затем был поход царского генерала и донского атамана Каледина, который ещё 14 августа 1917 г. на государственном совещании заявлял, что «... все Советы и комитеты должны быть упразднены ... как в армии, так и в тылу» [1, с. 75]. В январе 1918 г. ввиду полной неудачи руководимых им военных действий против большевиков он застрелился. Также был зна-

менитый «ледяной поход» Л.Г. Корнилова, который погиб при обстреле; наступление корниловцев захлебнулось. Выступление атамана Дутова на Урале было безуспешным, пока не подоспели войска чехословацкого корпуса. Примечательны попытки войны с Советами атамана Семёнова, который трижды наступал на территорию Забайкалья и был выбит.

Примечательно, что с реакционными силами сотрудничали и социалистические партии. Ленин по этому поводу: «Осудите этих изменников крестьянскому делу. Таким осуждением вы спасете многих колеблющихся и слабых, вы спасете Россию от безумных попыток гражданской войны. Эти попытки безумны, ибо кроме пролития рек крови понапрасну ничего не изменится...» [2, с. 152]. Действительно, у внутренних антибольшевистских сил свергнуть власть Советов не получалось.

Однако во внутренний конфликт вмешались иностранные государства. «Длительный и напряжённый характер Гражданской войны, причинившей стране и миллионам людей огромные бедствия, усугубился иностранным военным вмешательством...» [3, с. 110]

Одним из главных деятелей Белого движения был А.В. Колчак, поддерживаемый иностранными правительствами. Сейчас его пытаются представить как мученика и героя, боровшегося за национальные интересы России против заключивших мир с Германией большевиков. Не принимается во внимание тот факт, что Колчак пришёл к власти 18 ноября 1918 г., т. е. спустя пять дней после аннулирования советским правительством условий мирного договора с Германией. Таким образом, рушится основное моральное обоснование всего Белого движения.

На допросе 6 февраля 1920 г. Колчак заявил: «...Я прибыл сюда, не имея ни одного солдата, не имея за собой никаких решительно средств, кроме только моего имени... » [4, с. 247]. Возникает вопрос: откуда взялись средства для ведения войны? На него отвечает историк М.И. Светачев. Опираясь на АВПР, он приводит следующие цифры: «Франция расходовала ежемесячно на колчаковскую армию 18 млн франков. Сверх того белогвардейцы получили от неё 900 пулемётов, 126 самолётов, 422 орудия, 70 автомобилей и другой военной техники» Черчилль утверждал: «Франция, Великобритания и США в огромных количествах поставляли России военное снаряжение» [5, с. 123].

Необходимо отметить, что и внутренние идеологические

ресурсы адмирала были крайне скудны. «Наряду с оппозицией слева Колчаку сразу же пришлось столкнуться с оппозицией справа, прежде всего со стороны монархистов» [5, с. 115]. Действительно, отсутствие монолитности в рядах Белого движения, «непредрешенчество» способствовали его поражению. Лидеры белых в основном были «февралистами», поддержавшими свержение Николая II. Это вызывало естественно недовольство среди монархически настроенных офицеров, внутреннюю борьбу, моральное разложение. И потому факт: барон Унгерн попросту игнорировал приказы верховного правителя; здесь же – конфликт с Семёновым.

Кроме Сибири ещё одной важной стратегической территорией, где происходила Гражданская война, была Украина. За период войны контроль над ней на различных участках попеременно был у украинских националистов, немцев, белой армии, махновцев, поляков, РККА; кроме того, на территории Одессы присутствовали войска Антанты (в частности, французские и греческие). Присутствие конфликтующих сторон привело к особо ожесточённому характеру боёв. Часто царила неразбериха были многочисленные переходы с одной стороны на другую.

Советская власть в Киеве была установлена в конце января 1918 г. Однако «31 января 1918 года в Бресте делегация УНР ... обратилась с меморандумом к Германии и Австро-Венгрии, в котором войска германского блока призывались на помощь УНР в борьбе против ... большевиков», далее последовал мирный договор между ними [6, с. 69]. Вот вам и упомянутое выше главное моральное обоснование Белого движения. Немцы обеспечивают украинским националистам свержение советской власти.

После ухода большевиков интересы немцев и УНР разошлись. И немцы установили лояльный им режим гетмана Скоропадского. Этот режим пал вскоре после поражения Германии в Первой мировой войне, когда немцы увели свои войска. В Киеве власть на небольшой срок взяла УНР. Вскоре «уэнэровцы» были отброшены большевиками, которые в свою очередь были выбиты белыми.

Савченко, писавший с проукраинских позиций (т. е. не самый рьяный сторонник красных), отмечал «Ещё 23 декабря 1917 года был подписан тайный франко-британский договор «О зонах действия в России», т. е. о разделе страны на зоны влияния союзниками по «Сердечному согласию» [6, с. 105]. Он также

приводит данные о военной и материальной помощи Деникину от союзников. «Военно-морские силы Антанты общей численностью 18 крейсеров и дредноутов, 10 миноносцев, 18 транспортных судов сосредоточивались в Севастополе, Одессе (в основном французские и греческие суда) и в Керчи (английские суда). Кроме действий и десантных операций на Черном море, часть эскадры Антанты вошла в Азовское море и заняла порты Мариуполя, Бердянска, Геническа. Всего на Юге Украины и в Крыму находилось до 50 тысяч интервентов [6, с. 108]. После того как эта помощь перестала поступать, Деникин довольно быстро был опрокинут Красной армией.

Знаковую, хотя и небесспорную оценку лидерам Белого движения дал английский писатель Г. Уэллс. «Сомнительные авантюристы, которые при поддержке иностранных держав до сих пор причиняют России немало вреда, – Деникин, Колчак, Врангель и им подобные – не руководствуются никакими принципами и не в состоянии предложить твердой основы для сплочения народа. В сущности, это самые обыкновенные бандиты» [7, с. 56].

Особенно ярким является пример советско-польской войны, когда «пилсудчики» планировали создать «Великую Польшу от Белого до Черного моря» и совершили в отношении России прямую агрессию. Казалось бы, всё очевидно; враг нападает на Россию, с ним – только борьба. Однако белые не гнушались союза с вражеским государством. «Для меня было непостижимо, как русские белые генералы ведут свои войска заодно с поляками, как они не понимали, что поляки, завладев нашими западными губерниями, не отдадут их обратно без новой войны и кровопролития» [8, с. 288], – писал в воспоминаниях генерал Брусиллов.

Рассмотрев воспоминания участников Гражданской войны со как стороны белых, так и красных, изучив воспоминания наблюдателей, рассмотрев цифры, приведённые историками как в советскую, так и в постсоветскую эпоху, можно сделать вывод о существенной роли иностранного фактора в Гражданской войне в России. Без материальной и военной помощи не были возможны успехи Белого движения, само целостное явление – Гражданская война и интервенция.

Литература

1. Государственное совещание. 1917 год в документах и материалах / под ред. М.Н. Покровского. – М.; Л.: Государственное издательство, 1930. – 372 с.
2. *Ленин В.И.* ПСС: в 55 т. – М.: Издательство политической литературы, 1974. – Т. 35. – 600 с.
3. Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование / под ред. Г.Ф. Кривошеева. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 608 с.
4. Колчак Александр Васильевич. Последние годы жизни / под ред. Г.В. Егорова. – Б.: Алтайское книжное издательство, 1991. – 304 с.
5. *Сватчев М.И.* Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). – Н.: Наука, 1983. – 334 с.
6. *Савченко В.А.* 12 войн за Украину. – Х.: Фолио, 2006. – 415 с.
7. *Уэллс Г.* Россия во мгле. – М.: Прогресс, 1970. – 222 с.
8. *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. – М.: РОССПЭН, 2001. – 464 с.

УДК 947.084.5

О.А. Озерова

*Омск, государственный педагогический
университет*

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
В СИБИРИ 1918–1922 г.
В СУДЬБЕ ПОЛЯКОВ

Рассматривается участие поляков в Гражданской войне в Сибири и их преследование органами ЧК после ее окончания.

Ключевые слова: гражданская война; Сибирь; поляки; польская дивизия; арест; расстрел.

О. А. Ozerova

Omsk, state pedagogical university

CIVIL WAR IN SIBERIA 1918–1922
OF IN FATE POLES

The article deals with the Polish participation in the Civil war in Siberia and prosecution bodies of the ChK after its completion.

Key words: Civil war; Siberia; the poles; the Polish division; arrests; executions.

Участие поляков в Гражданской войне в Сибири предопределила Первая мировая война (1914–1918 гг.). Значительная часть поляков, проживающих в Европе, воевали на стороне австро-германского блока против России. В ходе военных действий часть поляков попали в плен. Лагерь для содержания военнопленных находились в Сибири. Революция и последовавшая за ней Гражданская война изменили судьбу военнопленных поляков и польского населения, проживавшего в сибирском крае. Одни воевали на стороне красных, другие – на стороне колчаковцев. Так, по приказу А.В. Колчака была сформирована 5-я Польская стрелковая дивизия. В 1919 г. она насчитывала 17 733 военнослужащих. Часть солдат и офицеров не желали служить под началом Колчака. В дивизии распространялись листовки революционного содержания. В отдельных подразделениях началась нелегальная деятельность коммунистических ячеек. Численность их была различной.

Так, «в железнодорожной роте ячейка насчитывала 18 членов, в уланском полку – 20, в автоколонне – 50, а в 1-ом пехотном полку, по данным контрразведки, революционных взглядов придерживалась целая рота» [1, с. 297–298]. Добровольно перешел на сторону красных 1-й полк уланов. Более 200 поляков из его состава служили в 30-м кавалерийском советском полку. Наиболее революционным подразделением 5-й дивизии был литовский батальон, солдаты которого, охраняя участок железной дороги, убили некоторых офицеров и присоединились к одному из большевистских партизанских отрядов. Позднее на основе этого подразделения был создан 212-й батальон внутренней службы Красной армии, солдаты которого служили, в частности, конвоирами в лагере военнопленных, где содержались их недавние товарищи по 5-й дивизии» [1, с. 297–298]. В связи с этим командование польской дивизии неоднократно расстреливало своих солдат в Новониколаевске.

В конце 1919 г. в Сибири Гражданская война приближалась к завершению. 14 ноября 1919 г. большевики вошли в Омск. Армия Колчака вынуждена была отступать на восток, а вместе с ней 5-я Польская дивизия, насчитывавшая 1050 офицеров и 11 200 солдат. Дивизия двигалась в боевой готовности: впереди бронепоезд «Варшава», а сзади бронепоезд «Познань» и авангард под командованием капитана Веробей. Самое крупное сражение между поляками и наступавшими войсками красных произошло 22 декабря 1920 г. на станции Тайга. Битва началась вечером и продолжалась в течение суток. 7 января 1920 г. части польской дивизии достигли станции Ключвенная. «Стало ясно, что дальше пути нет, так как вся дорога забита чешскими эшелонами, которые из-за недостатка топлива и неисправности локомотивов не могли двигаться дальше. Поляки встали перед альтернативой: продолжать борьбу или капитулировать. Когда 10 января (1920 г.) военный комиссар 5-й армии предложил сложить оружие, то В. Чума после военного совета с высшими офицерами дивизии принял это предложение... Условия капитуляции предусматривали следующее: польская дивизия сдает оружие, офицеры и солдаты считаются военнопленными, польским военнослужащим гарантируется личная неприкосновенность. Те из поляков, кто не признал капитуляции, во главе с полковником К. Румшей решили через Иркутск пробираться в Маньчжурию. Через два месяца им удалось добраться до Харбина, а 1 июля 1920 г. на английском корабле “Ярослав” 120 офицеров и 800 солдат из 5-й дивизии прибыли в Гданьск» [2].

Гражданская война имеет свои законы. После победы одной из сторон, как правило, начинается преследование бывших противников. В 1920 г. в России победили большевики. С первых дней установления советской власти в Западной Сибири начались преследования солдат и офицеров, служивших в армии Колчака и 5-й Польской стрелковой дивизии, а также польского населения, оказавшего им помощь или содействие. Положение поляков осложнялось тем, что советско-польская война завершилась поражением Красной армии, тысячи солдат которой оказались в польском плену, а также сложившейся неблагоприятной международной обстановкой между Советской Россией и Польшей. По указанию партийного руководства сибирского края были созданы чрезвычайные комиссии для выявления преступных действий по отношению военнопленных красноармейцев и мирного населения в период Гражданской войны. Так, по свидетельствам местных жителей, поляки отбирали у них скот (коров, свиней) и домашний скраб, распродавая впоследствии на базаре как военную добычу. В алтайском селе Орлеан во время военной экспедиции польских войск под командованием полковника Когутневского было расстреляно 10 человек, сожжены дома, у крестьян отобраны одежда, обувь, бельё и швейные машины. В октябре 1919 г. мародерству и грабежам польских отрядов подверглись деревни в районе станции Каргат. В селах Белое, Ирбизино и Лотошное были проведены расстрелы и сожжены дома [2].

С назначением полномочным представителем ВЧК по сибирскому краю И.П. Павловского началась расправа с поляками, участвовавшими в карательных операциях против мирного населения или служивших в контрразведке. Так, были приговорены к расстрелу польские солдаты в Томске и Красноярске. В 1920 г. в Омске «за службу в белой армии Колчака» были расстреляны братья Ярослав Иосифович и Вацлав Иосифович Корвин-Круковские (6 января) [3, с. 253], Фердинанд Иосифович Томашевский (6 октября) [4, с. 112], помощник фуражира пехотного полка Ковальчук Иван Адамович [3, с. 176], солдат 5-й Польской дивизии Бжостек (Бжестак) Роман Сатурнович (18 июля) [5, с. 278], Филевич Людвиг Климентьевич (в документе дата расстрела не указана) [4, с. 221], Малишевский Станислав Адамович [6, с. 221] и полковник белой армии, начальник 1-го военного госпиталя (22 сентября) Матушевский Николай Иосифович

[6, с. 269], заведующий продовольственным складом Нецецких (Нецецкий) Арнольд [7, с. 83], Новаковский Франц Людвигович [7, с. 105]. В 1921 г. омским губчека был приговорен к расстрелу Дроздовский Петр Леопольдович – офицер белой армии, комендант железнодорожной станции «Марьяновская». Однако через несколько дней мера наказания была изменена на ссылку в Польшу [8, с. 145].

В 1920 г. органами ЧК были арестованы члены Омского польского национального совета, созданного еще до прихода к власти Колчака (Покладский Станислав Ипполитович заведующий складом Омского Сибсельхоза [7, с. 325], Розенталь Константин Аполлинарьевич сапожник [9, с. 99], Рогальский Земон Антонович юрист [9, с. 87], Турецкий Людвиг Францевич слесарь мастерской Омского отделения железной дороги [4, с. 140], Биллер Казимир Ричардович [5, с. 282], Боровский Ян (Людвиг) Францевич [5, с. 332], Жакович Болеслав Иосифович техник Омского отделения железной дороги [8, с. 250], Данилевский Ян Феликсович – помощник начальника железнодорожной станции «Омск» [8, с. 67], Левандовский Станислав Петрович – курьер железной дороги [6, с. 86]. Подверглись арестам учителя-поляки омских школ (Филиппович Виктор Станиславович [4, с. 224], Мручек Иосиф Яковлевич [6, с. 378], Липинский Александр Адамович [6, с. 113], крестьяне Павлюк Карл Иосифович [7, с. 210], Панас Фома Антонович [7, с. 216], Пентар Казимир Антонович [7, с. 250], полковник Бржезинский Леонард Францевич [5, с. 354], слесарь Завадский Петр Петрович [8, с. 293], Залесский Антон Осипович [8, с. 311]. За службу в белой армии уроженца Сибири Черноберевского Николая Павловича Николаевский губсуд приговорил к 7 годам лишения свободы и Соколовского Дмитрия Анатольевича, следователя Губсуда, осужденного Особым совещанием при ОГПУ к 2 годам заключения в концлагере [10, с. 116, 118, 348, 318, 280].

По обвинению в шпионаже в пользу Польши были высланы из СССР Носеровский Иосиф Михайлович – житель села Подковырово Марьяновского района Омской губернии, работник совхоза № 20 [7, с. 119] и Густовский Ян Янович наборщик Новониколаевской типографии [10, с.94]. Аресты поляков, участвовавших в гражданской войне на стороне белых или сотрудничавших с ними, будут продолжаться в Западной Сибири практически до середины 1920-х гг.

Таким образом, в Западной Сибири репрессивная политика в отношении поляков началась сразу после окончания гражданской войны (1920 г.). Поводом для их преследований была служба в армии Колчака и 5-й Польской стрелковой дивизии, воевавших против большевиков. Советско-польская война и напряженная международная политическая обстановка стали дополнительным катализатором для преследования поляков. Часть из них вернулась на родину. Оставшиеся же в Стране Советов стали вместе со всем советским народом строить социализм.

Литература

1. *Нея Я.* Об истории создания 5-й Польской стрелковой дивизии в Сибири. Сибирь в истории и культуре польского народа. – М.: Ладомир, 2002.
2. *Островский Л.К.* Польские военные в Сибири (1904–1920 гг.) [Электронный ресурс] // Научная библиотека ТГУ: [сайт]. URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/316/image/316-088.pdf> (дата обращения 27.04.2016 г.).
3. Забвению не подлежит. Книга Памяти жертв политических репрессий Омской области: в 9 т. – Омск: Кн. изд-во, 2002. – Т. 4. – 429 с.
4. Там же. Т. 8. – 407 с.
5. Там же. Т. 1. – 478 с.
6. Там же. Т. 5. – 431 с.
7. Там же. Т. 6. – 431 с.
8. Там же. Т. 3. – 447 с.
9. Там же. Т. 7. – 422 с.
10. Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. – Новосибирск: Сова, 2005. – 436 с.

УДК 355.018+341+93

В.С. Кобзов

*Челябинск, Филиал Военного учебно-научного центра
ВВС «Военно-воздушная академия
им. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»*

ПОДПОЛЬЕ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

В тезисах на примере Троицкой подпольной организации ставится проблема достоверности хрестоматийных фактов из истории Гражданской войны. Еще в 1930-е гг. стало известно, что героические свершения подпольщиков – это фальсификация. Партийные функционеры информацию засекретили и вынесли негласный запрет на дальнейшую разработку проблемы. Тем не менее в 1960–1980-е гг. в новых работах деятельности большевистского подполья было уделено повышенное внимание.

Ключевые слова: Урал; Троицк; Гражданская война; большевистское подполье; военно-революционный штаб; контрразведка; колчаковская милиция.

V.S. Kobzov

*Chelyabinsk, Branch of Military training
and research center Air force "Air Force academy
named after N. Zhukovsky and Y. Gagarin"*

UNDERGROUND THAT NEVER WAS

The thesis on the example of the Trinity underground organization raises the problem of the reliability of textbook facts from the history of the Civil war. Back in the 1930s, it became known that the heroic deeds of the underground – is falsification. Party functionaries of the information was classified and made an unofficial ban on the further development of the problem. Nevertheless, in 1960–1980 years it the new works the bolshevik underground activities were highlighted.

Key words: the Ural; Troitsk; Civil war; Bolshevik underground; military revolutionary headquarters; counterintelligence; kolchak police.

В советской историографии Гражданской войны особое место занимают исследования, посвященные анализу деятельности большевистского подполья в тылу белых войск. Не стало

исключением подполье Урала и Сибири. Рассматриваемой проблеме посвятили исследования П.С. Лучевников, М.Д. Машин, И.Ф. Плотников и другие историки. Основу источниковой базы их работ составили преимущественно воспоминания участников подпольного движения. Однако, в постперестроечный период доступными стали новые документы, знакомство с которыми ставит под сомнение многие ставшие хрестоматийными факты и оценки рассматриваемой проблемы. О том, насколько источники личного происхождения реально отображали действительное положение дел, может свидетельствовать история подпольной организации уездного города Троицка, входившего в годы Гражданской войны в состав Оренбургской губернии.

После занятия Оренбурга красными в январе 1919 г. Троицк стал фактической столицей оренбургского казачьего войска. Здесь разместились войсковое правительство и войсковой круг, штабы Оренбургского военного округа, двух корпусов, 3-й казачьей дивизии, управления местной бригады, воинского начальника и войсковой военной милиции [1, л. 25]. Поэтому уже само наличие в переполненном офицерами, милиционерами и контрразведчиками городе оппозиционной организации вызывает уважение. Каким мужеством и какой верой в справедливость действий нужно было обладать, чтобы решиться на сопротивление превосходящему по силе диктаторскому режиму!

К середине 1930-х гг. работник Троицкого окружного истпарта ВКП (б) И.С. Шамшуринов подготовил объемную рукопись, раскрывавшую героические свершения местных подпольщиков. Его преемником в конце 1950-х гг. стал П.С. Лучевников. В разделе «Героическая борьба трудящихся Южного Урала под руководством подпольных организаций против колчаковщины» изданной им монографии даны основные моменты рукописи И.С. Шамшурина «История зарождения Троицкой подпольной большевистской организации (1918–1919 гг.)» [2; 3, с. 150–163].

По утверждению И.С. Шамшурина, осенью 1918 г. на станции Троицк группа рабочих саботировала распоряжения местных властей. Одновременно в колчаковскую милицию к нелегальной работе приступили некто Коптяков, Иванов, Дерягин, Стасюк, Швецов. Большую работу по объединению и сплочению сил якобы оказали челябинские нелегалы, отправившие в город своих посланцев Ф.Г. Зубкова и Н.С. Полухина. В марте 1919 г. в городе состоялась первая подпольная конференция, на которой был соз-

дан военно-революционный штаб, принято решение о развертывании агитации среди населения и расширении сети участников сопротивления.

Связь с челябинскими подпольщиками не прервалась и после ее провала. В апреле 1919 г. на конференции был сформирован штаб, который возглавил Н.С. Полухин, секретарем и начальником связи стал И.Н. Вишняков, начальником разведки П.П. Коптяков. В организации состояли более 70 членов, ячейки действовали не только на предприятиях города, но и в близлежащих деревнях. Через подпольщиков Коптякова и Дюрягина была налажена нелегальная работа в контрразведке и в частях колчаковской армии. В Ново-Троицком поселке был создан партизанский отряд, оружие для которого добывали Шамшурин, Коптяков, Иванов, Жибура, Зубков.

Вызывает восхищение эпизод, когда переодетый в офицерский мундир подпольщик Лапшин прибыл на Меновой двор и «начальническим тоном потребовал немедленно... сдать оружие». По подложному предписанию подпольщики изъяли у охраны тюрьмы 20 винтовок, 21 саблю и 3 ящика патронов. В Ново-Троицком трофей подпольщиков оказался еще более внушительным. Разоружив белогвардейскую роту, они завладели пулеметом, 250 винтовками и 7,5 тыс. патронов. При этом 250 солдат изъявили желание влиться в ряды партизан. Просьба их была удовлетворена, оружие погружено на двуколку «офицера» и увезено в подпольный штаб, откуда отправлено партизанам [4, с. 78].

По утверждению П.С. Лучевникова, к августу 1919 г. троицкий партизанский отряд насчитывал 550 человек, он был разделен на 2 роты и 8 взводов. С началом наступления частей Красной армии он двинулся им навстречу.

В 1969 г. эту тему продолжил М.Д. Машин. Безоговорочно доверяя архивным документам, он писал: «Немногочисленная, но сплоченная подпольная группа была создана в белогвардейской милиции. Организатором ее являлся П.П. Коптяков [4, с. 82].

Во время работы с документами из фонда Челябинского обкома ВКП (б) неожиданно обнаружился любопытный документ – сообщение начальника УНКВД по Челябинской области, в котором сообщалось: «... Свидетель Вишняков показал, что никакой подпольной организации при белых не было и что он никакого участия в подпольной деятельности не принимал, а также

никто из лиц, именуемых себя революционерами-подпольщиками. Жибура, Шамшурин и Вишняков никакой подпольной работы не вели... Установлено, что Шамшурин сфабриковал документы подпольной деятельности для того, чтобы реабилитировать свою службу в колчаковской милиции под видом подпольщиков» [5, л. 89–92]. Его слова подтвердил и другой «участник» подполья – М.П. Жибура, который служил в милиции Троицка и принимал участие в фабрикации документов о якобы действовавшей в городе подпольной организации [6, л. 217–224].

Первая реакция на эту информацию была естественной: сведения из подследственных выбили с применением мер физического воздействия. Однако тщательное изучение вариантов рукописи И.С. Шамшурина и их сопоставление с другими документами показало, что по мере удаления описываемых событий героические свершения подпольщиков с каждым разом обрастали новыми подробностями, а их действия принимали форму остросюжетного детектива. Однако появлявшиеся подробности не только не уточняли детали когда-то имевших место событий, но запутывали ситуацию, вызывая неосознанное неприятие.

Не выявлена информации о каких-либо серьезных акциях, имевших место в Троицке, и в документах войскового правительства, различных штабов, хранящихся в центральных архивах, в периодической печати того времени.

По известным причинам все документы по этому делу были положены в «особую папку» Челябинского обкома ВКП(б) и стали достоянием общественности лишь в постперестроечные годы. Однако миф троицкой подпольной организации и ее делах продолжался на страницах исторических исследований [7; 8]. К сожалению, это далеко не единичный факт. Поэтому сложившаяся историография требует пересмотра и тщательной перепроверки на достоверность.

Литература

1. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 1912. Оп. 2. Д 109.
2. *Лучевников П.С.* Гражданская война на Южном Урале. 1918–1919 гг. – Челябинск, 1958.
3. *Лучевников П.С.* Из истории Гражданской войны на Южном Урале // Из истории Урала и Зауралья: сб. статей. – Челябинск, 1966.

4. *Абрамовский А.П., Машин М.Д.* Из истории большевистского подполья и партизанского движения в Троицком уезде в 1918–1919 годах // Из истории Южного Урала и Зауралья. Вып. IV. – Челябинск, 1969.
5. Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. 288. Оп.3. Д.167.
6. Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф.467. Оп.4. Д. 1924.
7. *Плотников И.Ф.* В белогвардейском тылу. Большевистское подполье и партизанское движение на Урале в период Гражданской войны (1918–1919). – Свердловск, 1978.
8. *Плотников И.Ф.* Во главе революционной борьбы в тылу колчаковских войск. Сибирское (Урало-Сибирское) бюро ЦК РКП (б) в 1918–1920 гг. – Свердловск, 1989.

УДК 94 (47). 3.5.6

А.П. Шекшеев

*Абакан, Хакасская республиканская организация
«Общество Мемориал»*

Обреченные.

О судьбе участников Гражданской войны на Енисее

Данное сообщение посвящено выявлению судьбы белых и красных, сражавшихся во время Гражданской войны на территории Приенисейской Сибири. На примере участников Белого движения и их противников бывших партизан и Чошовцев, показана общность постигшей их послевоенной трагедии.

Ключевые слова: белые; большевики; дружинники; казаки; советская власть; офицеры; партизаны; репрессии; Чошовцы.

A.P. Sheksheev

*Abakan, Khakass Republican organization
"Memorial society"*

Doomed.

The fate of the Civil war on the Yenisei

The present communication deals with the identification of the fate of white and red, who fought during the Civil war on the territory of the Yenisei region of Siberia. For example, the participants of the White movement and their opponents – prominent former partisans and konevtsev, the commonality of the ensuing post-war tragedy.

Key words: white; the bolsheviks; the arms; the cossacks; the soviet government; officers; guerrillas; repression; Conoci.

Борьба в Гражданской войне различных категорий российского социума является одной из приоритетных тем, исследуемых научным миром. Участие в ней на территории Енисейской губернии белого офицерства, казачества и дружинников, их политических оппонентов – красногвардейцев, красных партизан и Чошовцев получило освещение как в трудах сибирских историков и краеведов, так и в публикациях самого автора. Однако в силу разных причин их послевоенная судьба оставалась, как правило,

за границами опубликованного, что и определяет актуальность данного обращения.

Отступая под натиском красных и столкнувшись под Красноярском с мятежными солдатами и рабочими, белая армия несла большие потери. В плену оказались от 12 до 20 генералов, 50 полковников, 175 штабс-офицеров, 4380 обер-офицеров, а в целом до 6 тыс. представителей офицерского корпуса [3, 28 января; 1, с. 8]. Те, что не хотели сдаваться, стали участниками Сибирского (ледяного) похода. Во время этой трагедии среди умерших от тифа были генералы-енисейцы М.И. Мальчевский и А.И. Феофилов. Некоторые офицеры затем эмигрировали и спаслись, окончив жизнь, как полковник Г.К. Бологов, на чужбине, другие – вроде начальника Красноярской городской милиции и отряда особого назначения В.С. Короткова и атамана Енисейского казачьего войска А.Н. Тялшинского, уже позднее попали в советский плен.

В самом Красноярске от голода, холода, тифа и расстрелов погибли 10 тыс. военнопленных. Созданная красноярская ЧК занималась розыском и наказанием активных деятелей Белого движения, к которым, как правило, применялся расстрел. Смертной казни были подвергнуты генералы В.П. Гулидов и И.Ф. Ромеров, бывший атаман Енисейского казачьего войска А.А. Сотников, штабс-капитаны И.А. Вотин, А.Ф. Голубкин, подпоручик М.И. Балашко и другие. Умерли в тюрьме генералы Н.А. Воронов и В.А. Красильников. В Ачинске были расстреляны бывший начальник военного района полковник П.И. Бальзам, подпоручик Д.И. Голованов, а также полковники Г.Н. Юрьев и Б.П. Беланевец. Массовые убийства офицеров произошли в Канске, а в Минусинске расстреливали дружинников и лидеров, влиятельных в среде ачинско-минусинских инородцев.

Начиная с марта 1920 г. красноярские чекисты раскрыли мифических контрреволюционные организации во главе со штабс-капитаном Я.П. Эглит-Симбартом, подпрапорщиком К.Д. Лисенковым-Кочуриным, Кавериним и другие. Многих офицеров, состоявших в них, расстреляли. Многие военнопленные, отправленные в воинские части и на каторжные работы в Советскую Россию, по дороге умерли от тифа. Оставшихся на месте новая власть использовала в качестве рабочих в тайге и на рудниках. Спасая свою жизнь, бывшие офицеры были вынуждены бежать в окрестные леса, искать работу у крестьян. Одни пробивались с боями к атаману Семенову, другие концентрировались в лесах.

С осени 1920 г. южнее Красноярска хаотически передвигались и нападали на коммунистов так называемые «банд», которые зачастую возглавляли бывшие офицеры. К примеру, мятежными крестьянами, объединившимися в отряд им. великого князя Михаила Александровича, вместе с подполковником Олиферовым командовали 30 офицеров. Сражаясь с советскими войсками, они погибли или потом были расстреляны по приговорам трибуналов.

В основном же бывшие офицеры и даже такие знакомые енисейцам генералы, как Б.М. Зиневич и В.Л. Попов, были вынуждены пойти на службу советской власти. Несмотря на чистку учреждений, к марту 1921 г. в Енисейской губернии служили 338 данных лиц, а на июль следующего года, например, в губернском отделе земельных и лесных работников из 150 служащих 40 были в прошлом офицерами [2, л. 14]. Они находились под пристальным наблюдением спецслужб. На выборах чекисты были вынуждены заниматься дискредитацией в глазах населения «антисоветских элементов», среди которых находились бывшие офицеры. Суды, опираясь на обвинительные заключения органов ОГПУ, осуществляли правовое преследование бывшего офицерства. Непременным стало лишение его избирательных прав.

Многие бывшие офицеры были репрессированы. Типичной являлась судьба, например, штабс-капитана К.М. Барановского, происходившего из семьи священника с. Белый Яр Минусинского уезда. Осужденный в 1920 г. к пятилетнему лагерному сроку, он в 1932 г. вновь попал в заключение, а в 1937 г. расстрелян. Раскулаченный и сосланный в с. Таштып бывший прапорщик и кавалер ордена Св. Георгия двух степеней Ф.Г. Блинов в 1933 г. был также казнен. Расстрелянными в 1937 г. оказались бывший поручик А.А. Никитин, подпоручик П.Н. Колосовский, прапорщики И.Н. Бугаев, Н.Я. Громов, М.И. Елисеев, К.И. Мизеровский и П.П. Пинигин и другие.

По-разному складывались судьбы енисейских казаков. Некоторые из них, примкнув к Красной армии, воевали с семёновцами и польскими легионерами, другие ушли на Дальний Восток, в Монголию и продолжали сражаться с советскими войсками, а затем эмигрировали в Маньчжурию. Возвратившихся в передешую к нэпу Советскую Россию потом подвергли преследованию по политическим мотивам. Те, кто вернулся домой из белой армии, сдавались и даже приветствовали новую власть.

Лишая бывших станичников привилегий и привычного управления, Советы репрессировали участников Белого движения и тем самым провоцировали казачество к сопротивлению, которое выражали в бандитизме и участии в действительных или мнимых заговорах против коммунистов. Большинство казаков выражали антисоветские настроения.

Враждебность бывшего казачества по отношению к советской власти усилилась в связи с событиями на КВЖД, чрезвычайными хлебозаготовками и начавшейся коллективизацией. Поэтому репрессии охватили всех станичников, способных сопротивляться. Отнесенные в разряд кулаков, они разделили судьбу традиционного крестьянства.

Еще одной категорией сибиряков, вовлеченных в Гражданскую войну в качестве самообороны, являлись дружинники. С наступлением Красной армии и партизан они разбежались, отступили с белыми и даже эмигрировали. Задержанные дружинники необоснованно обвинялись советскими правоохранительными органами как каратели и подверглись смертной казни и другим наказаниям. Бывшие дружинники предпочли скитаться в тайге. Возвращаясь домой, они попадали под прессинг отношений с бывшими партизанами, которые стремились с ними покончить.

Данные лица, согласно информации органов ОГПУ, организовывались во враждебные советскому строю ячейки деревенского общества и поэтому подвергались чекистами аресту. Но вскоре стали привлекать к уголовной ответственности не только за прошлую карательную деятельность, но и за саботаж хлебозаготовок. Ожесточившись или отчаявшись, они совершали поступки антисоветского и хулиганского характера. С началом коллективизации многие подверглись аресту, бежали в тайгу. Как правило, большинство было осуждено к расстрелу или лишению свободы, а их семьи сосланы на Север.

Несмотря на то что формируемая из бывших партизан Енисейская стрелковая дивизия подверглась разоружению и роспуску, они оставались надежной опорой Советской власти в деревне и приняли активное участие в ликвидации крестьянских мятежей. Недовольные засильем во власти коммунистов-назначенцев, они «мечтали о Варфоломеевской ночи, во время которой «передают чуждый элемент», а затем выступят на защиту Советов как внепартийных органов. Склонные к сепаратизму и красному бандитизму, партизаны оказались под наблюдением чекистов.

Вынуждены были уехать за пределы региона и в 1923 г. завершили свою жизнь командующий партизанской армией А.Д. Кравченко и председатель армейского совета С.Г. Сургуладзе. В 1927 г. погиб, став жертвой интриг, их ближайший сподвижник П.Е. Щетинкин, посланный инструктором государственной внутренней охраны в Монголию.

Отдельные партизаны всё чаще попадали в экстремальные ситуации, связанные с повышением налогового и продовольственного бремени. Во время коллективизации в погоне за показателями раскулачиванию подверглись уже все категории деревенского населения. Некоторые из партизан стали участниками крестьянского выступления за Советы, но без коммунистов, названного по имени одного из партизанских вожаков «князюковщиной».

Завершив борьбу с бандитизмом, части особого назначения (ЧОН) летом 1924 г. были реорганизованы. Судьба их командного состава типична для командиров РККА. Определённых высот в дальнейшей карьере достигли бывшие в разное время командующими ЧОН Енисейской губернии Э.И. Кусин, П.М. Чукаев и Н.Ф. Цепляев. В 1930 г. ушел из жизни известный партизан, Чоновец и чекист В.А. Уланов. По состоянию здоровья из армии был уволен начальник уездного ЧОНа Н.И. Заруднев. Находясь на рудниках Забайкалья, он в 1943 г. обратился к И.В. Сталину с просьбой направить его на фронт. В следующем году бывший Чоновец погиб при освобождении Одессы.

Во время Большого террора репрессиям подверглись многие участники гражданской войны на Енисее. Так, были арестованы и отбывали заключение известные Чоновские командиры И.И. Равдо, А.Г. Цисумайс, расстреляны бывший командующий ЧОН, начальник сибирского штаба и начдив В.Н. Какоулин. Новые сталинские кадры расправились с бывшими партизанскими вождями, склонными к конфронтации властью. Органами НКВД были раскрыты контрреволюционные, правотроцкистские организации, по делу которых аресту подверглись и погибли такие известные партизаны, как П.А. и Ф.А. Астафьевы, Ф.Я. Бабкин, С.Т. Баталов, Н.М. Буда, П.Я. Быстров, П.Д. Евдокимов, Е.Д. Кочергин, В.И. Кренц, П.Л. Лыткин, А.М. Марченко, Г.А. Нюня, М.Х. Перевалов, П.П. Петров, Е.К. Рудаков, М.Т. Савицкий, С.Г. Семишев, Г.В. Шаклейн, В.Г. Яковенко.

Послевоенные события на Енисее подтверждают общую для страны закономерность: Гражданская война, развязанная ради-

калами, не завершилась в начале 1920-х гг. мирным исходом; участники её были обречены на гибель. Вовлечение в политику широких народных масс, породившее обстановку хаоса, а следом и засилье у власти большевиков, потребовало установления ограничений и порядка, репрессивных мер, направленных против потенциально опасных категорий общества, бывших недавно противниками и союзниками созданного режима. Существовавшая тенденция вылилась в большой террор, трансформировавший политическую элиту, общество и должный стать уроком для следующих поколений россиян.

Литература

1. Ганин А.В. Генштабисты антибольшевистских армий в красном плену. 1917–1922 гг. // Вопросы истории. – 2013. – № 8. – С. 3–32.
2. Государственный архив Красноярского края. Ф. 1. Оп. 1. Д. 299.
3. Правда. – 1920.

УДК 908

К.А. Голодяев
Новосибирск, Музей города

ГЕРОИ И ЖЕРТВЫ

Подробно описана история создания мемориала «Сквер Героев революции» в Новосибирске, закладываемого в 1920–1922 гг. как памятник жертвам революции и рассматриваемый как потенциальное историческое место для мемориализации воинских и гражданских захоронений погибших в процессе Белого движения и в ходе других гражданских катаклизмов, происходивших в России в XX в. (коллективизация, голод, репрессии).

Ключевые слова: Новосибирск; Гражданская война; Барабинский полк; сквер Героев революции; мемориал.

K.A. Golodyaev
Novosibirsk, Museum of city

HEROES AND VICTIMS

Described in detail the history of the creation of the memorial «Monument to the Heroes of the Revolution» in Novosibirsk, laid in 1920–1922 years as a «monument to the victims of the revolution», and intended as a potential historic site for memorialization of the military and civil burial as the death toll in the «red» and «white» movements, as well as during other civil disasters that occurred in Russia in the XX century (collectivization, famine, repression).

Key words: Novosibirsk; Civil war; Baraba regiment; monument to the Heroes of the Revolution; memorial.

Есть в центре Новосибирска место, которое практически уже столетие является воинским захоронением жертв Белого движения и стопроцентно подходит для создания мемориала жертвам конфликтов и репрессий всех поколений. Первое время место это так и называлось – сквер Жертв революции.

История его началась в 1920 г. 22 января на бывшей ярмарочной площади произошло торжественное захоронение погибших людей, «признанных многими партийными товарищами за актив-

ных деятелей нашей власти» [3]. В братскую могилу размером 12 на 30 аршин и на глубину 5 аршин опустили тела 104 человек, которые обнаружили в городской тюрьме, а также в оврагах р. Каменки.

Месяцем ранее, в декабре 1919 г., перед отступлением из Ново-Николаевска белые расстреляли и порубили пашками всех заключённых. Но дело в том, что подавляющее большинство заключённых были их одноармейцами.

Накануне прихода красных войск командир белогвардейского «пепеляевского» Барабинского полка молодой полковник Аркадий Ивакин был подбит городскими эсерами на восстание против главнокомандующего Колчака. По сути это была попытка переворота. Мятеж был вовремя локализован, Ивакин арестован, как многие солдаты полка. Именно они в основном заполняли городскую тюрьму, где при отступлении их расстреляли вместе с остальными заключёнными – большевиками и случайными спекулянтами. Все они сегодня стали героями революции.

Доктор исторических наук, профессор НГУ М. В. Шиловский подробно исследовал этот момент. Среди расстрелянных удалось опознать лишь 37. Среди опознанных тел председатель Новониколаевского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов В.С. Романов, участник крестьянского восстания в Новониколаевском уезде В.А. Зайцев, рабочий городской типографии А.П. Яворский, секретарь Совета рабочих депутатов Канска А.М. Бидман, командир роты Семипалатинского полка Ф.А. Страхов, член Новониколаевского союза грузчиков А.И. Бушуев, арестованные по подозрению в причастности к большевистскому подполью и за агитацию среди военнослужащих М.Г. Злобищев, Г.М. Варламов, И. Овчинников, командующий фронтом Южного Приморья, секретарь Владивостокского совета Л.Н. Тонконогий, крестьяне А.К. Лозовский, П.И. Голдобин, А.А. Бивизоров, П.И. Кораблин, служащий городской управы В.К. Кузнецов, рабочий из Бодайбо Воронин, пимокат из Барнаула М.К. Пасынков, возчик Д.К. Обухов, еврей Савич.

Судя по сохранившимся актам с описанием военного обмундирования, которое в той или иной мере присутствовало у убитых, большинство оставшихся тоже были барабинцами. Опознать их не удалось. Барабинский полк накануне получил пополнение. На неопознанных давали краткие установочные данные: «бронет, короткие волосы, стриженные усы и борода, теплая коричневая тужурка, черные брюки, солдатская папаха, разут». Практически

все погибшие были без верхней одежды, а большая часть в нижнем белье. Возраст в пределах 25–45 лет [1].

Братская могила сразу стала местом пропаганды. Здесь проходили митинги, памятные церемонии. «Низко спущены знамена. Обнажив головы, манифестанты устремляют свои полные любви и скорби глаза на украшенные хвоей могилы. В них схоронены дорогие друзья, жизни которых унесены в эпоху позорной колчаковщины. Оркестры играют похоронный марш. Сильные голоса рабочих затягивают: «Вы жертвой пали-и...». Грустно, торжественно, заунывно» [7]. Замечу, что здесь и впоследствии упоминается слово *могилы*, что говорит о том, что не все они сохранились до нашего времени.

У площади появилось своё имя – Парижской коммуны (которое она, впрочем, вскоре подтвердит), хотя в большинстве документов площадь называется Красной. Пока суть да дело, в марте 1922 г. решено было могилу обнести «железной решеткой, исправить трибуну и озаботиться посадкой деревьев» [5].

Всю первую половину года рассматривались варианты памятника. Предлагались и пилон, и стела, и усечённая пирамида с именем «Нина». К лету проект был утверждён. Авторами пантеона были скульпторы А.Г. Попов и В.Н. Сибиряков, художник Невский, инженер Ф.Ф. Рамман, работами заведовал инженер А.И. Кудрявцев. Памятник представлял собой «большую братскую могильную насыпь, наверху которой находится пробитая мощною рукой массивная скала с глубокими расщелинами, идущими от верха к низу. В руке крепко сжат пылающий факел, густой слой пламени которого вихрем резко сдувается вправо». В целях экономии и из-за технической сложности в проект были внесены изменения: скалу из естественных камней заменили на железобетон, руку из литого чугуна тоже, как и пламя, которое должно быть из полого стекла с красными оттенками и внутренним электрическим освещением. Но пламя ещё надеялись засветить, поэтому внутрь скалы был заложен кабель большого сечения, а сам элемент пламени смонтировали съёмным. Строительство памятника обошлось в 2 млн руб в дензнаках 1922 г., почти три четверти которых составили пожертвования – как денежные, так и материальные [2].

В пятую годовщину Октября, 7 ноября 1922 г., монумент памяти был торжественно открыт. Стража с обнажёнными шашками, лес красных знамён, воинские шеренги и стройные ряды пролетариата. Председатель губисполкома т. Лавров громко оглашает: «Мёртвые зовут нас вперёд!» [6].

В феврале 1924 г. на части площади (теперь уже с названием Революции) Новониколаевский губком постановил построить Дом Ленина – «для увековечения памяти вождя». Строительство здания отгородило монумент от Красного проспекта. Потихоньку стал оформляться отдельный сквер. Место это никогда не воспринималось кладбищем. В 1930-е гг. сквер был огорожен не так жёстко, как сейчас. В заборе были огромные дыры, через которыми желающие могли проникнуть на популярную танцплощадку, которая находилась в створе нынешней мемориальной аллеи. Место было больше парковым.

В октябре 1927 г. на мемориале появилась следующая могила. Был похоронен Пётр Ефимович Щетинкин – тот самый, кто шестью годами ранее пленил черного барона Унгерна и, по одной из версий, именно за это убитый в Улан-Баторе при неясных обстоятельствах. В августе 1934 г. на его могиле вместо временного был установлен мраморный памятник со звездой. Эту глыбу мрамора потом поменяли на бронзовый бюст, изображавший легендарного партизана в кубанке и бекеше, который простоял на могиле до 1957 г. В 1957 г. бюст перенесли к ДК им. Дзержинского, а после перестройки, опасаясь вандализма, демонтировали и спрятали в подвальном помещении ДК.

После войны здесь похоронили ещё одного революционера, но уже французского – последнего ветерана Парижской коммуны Адриена Лежена, который в начале войны был эвакуирован в Новосибирск и умер здесь 9 января 1942 г. в возрасте 94 лет. В сквер его прах перенесли с Заельцовского кладбища в 1946 г., а в 1971 г. перезахоронили в Париже, на Пер-Лашез. На месте бывшего захоронения сегодня лежит надгробная плита-памятник (кенотаф).

Торжественная мемориальность в сквер пришла уже к 40-летию Октябрьской революции. В июле 1957 г. решением исполкома сквер был переименован в Сквер Героев революции. Тогда же были перенесены и перезахоронены за бывшей эстрадой останки Петухова, Серебренникова, Горбаня, Шмурыгина, на центральной аллее сквера появились мраморные постаменты и скульптурные бюсты Щетинкина, Романова, Петухова, Серебренникова (бюсты Горбаня, Шмурыгина, Полковникова и Ковальчук установили позже, в октябре 1977 г.).

Проект мемориала был составлен архитектором Э. Гороховским и скульптором М. Меньшиковым. В 1960 г. в противоположной части сквера на задней стене склада декораций ТЮЗа было

смонтировано монументальное сорокаметровое панно из бетонных плит, на котором высечена художественная композиция на тему революции. Его создала группа авторов во главе с молодым художником А.С. Чернобровцевым. Но некоторые элементы произведения так и остались неосуществленными, что постоянно вызывает вопросы у посетителей.

Ещё раз отметим, что изначально монумент официально именовался памятником Жертвам революции – без деления на красных и белых. Поэтому по прошествии времени исторически верна будет организация на данном месте мемориала Жертв гражданских войн XX в. Основной композицией его остаётся рука с факелом, но помимо всех уже имеющихся памятников здесь можно поставить стелу погибшим в Сибирской Вандее (крестьянских восстаниях), раскулаченным, умершим от голода 1920–1940-х г., депортированным, ссыльным, а может, перенести прах с их захоронений. Отдельным монументом должен стать памятник Неизвестному заключённому. Количество расстрелянных сибиряков за 1930-е гг. определено как 130 000 [4]. Уже есть и ждут этого символического захоронения останки «не менее 32 человек», которые были извлечены из земли при сносе здания пересыльной тюрьмы на ул. Нарымской.

Думается, что сегодня, когда наше общество снова расколото, когда идёт открытая реабилитация сталинизма, организация такого мемориала Жертв гражданских войн XX в. – дело крайне насущное и необходимое.

Литературы

1. Государственный архив Новосибирской области. Ф. П. 5а. Оп.1, Д. 408. Л. 4я12.
2. История памятника. Советская Сибирь. – 1922. – № 239. – С. 5.
3. *Корсакова М.И.* Факел революции – символ города. [Электронный ресурс] // КГ Термика URL: КГ Термика <http://www2.termika.ru/issao?id&nd=941792400&prevDoc=941792373> (дата обращения 15.05.2016).
4. *Мазур А.В.* Новосибирский историк Алексей Тепляков: «Власть не ассоциирует себя с репрессированными». [Электронный ресурс] // Тайга.инфо URL: <http://tayga.info/details/2012/03/30/~107485> (дата обращения 19.05.2016).
5. О братской могиле. Советская Сибирь. – 1922. – №67. – С. 4.
6. Открытие памятника. Советская Сибирь. – 1922. – №253. – С. 5.
7. У братской могилы. Советская Сибирь. – 1922. – №95. – С. 3.

УДК 947. 084.3: 322

А.П. Дворецкая

*Красноярск, Гуманитарный институт
Сибирского федерального университета*

ПРАВОСЛАВИЕ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.
МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И НАРОДОМ
(На примере Енисейского региона)

В настоящее время судьба православия в годы Гражданской войны активно обсуждается в научных и общественных кругах. В противостояние сторонников и противников советской власти оказались втянуты духовенство и верующие, многие по разным сторонам баррикад. В статье на примере Енисейского региона доказывается, что социальная катастрофа привела к убийствам, насилию с обеих сторон, а в дальнейшем во многом ужесточила позицию советской власти по отношению к религии.

Ключевые слова: православие; Гражданская война; социальная катастрофа; Енисейский регион.

A.P. Dvoreckaya

*Krasnoyarsk, Humanities Institute
of Siberian federal university*

ORTHODOXY DURING THE CIVIL WAR.
BETWEEN AUTHORITIES AND NATION
(On the example of the Yenisei region)

Currently, the fate of Orthodoxy in time of the Civil war actively discusses in scientific and public circles. The confrontation between supporters and opponents of the Soviet regime were drawn clergy and believers, especially, many different sides fought of the barricades. In the article on the example of the Yenisei region proved that the social catastrophe has led to the killings, the violence on both sides, and in the future largely tightened position of the Soviet authorities towards religion.

Key words: orthodox; Civil war; social disaster; Yenisei region.

Одним из дискуссионных аспектов проблемы социального кризиса и социальной катастрофы в России первой трети XX в. является характерный для трансформации местного общества феномен инверсионных (маятниковых) изменений в период так называемого «переходного» (кризисного) социального развития. В этот период времени, по мнению автора, начинает меняться тип социальности, формируется новая социокультурная структура общества, переосмысливаются и трансформируются традиционные институты и ценности, во всех сферах жизни возникает разрыв между традицией и новацией.

Революционные события 1917 г. значительно изменили отношение жителей региона к политическим процессам, происходившим в стране, и спровоцировали возникновение в Енисейском регионе кризис культурного и социально-политического доверия к религии, особенно к православию. Кризис сопровождался сменой общественной ориентации населения, пересмотром сложившихся культурных стереотипов и созданием благоприятных возможностей для идей, непосредственно не связанных с отвергаемой культурной средой. Православие замещалось идеями о революционной самореализации человека.

Особенно усилилось противоборство противников и сторонников нового в годы Гражданской войны. Вопреки продекларированному Поместным собором (1917–1918 гг.) отказу от политической зависимости, церковные власти не смогли отстраниться от воцарившегося в стране противостояния, и были вынуждены определиться в своих предпочтениях. На первом заседании IV Енисейского епархиального съезда духовенства и мирян 6 (19) августа 1918 г. избранный епископ Красноярский и Енисейский Назарий приветствовал решения Временного сибирского правительства и благодарил его за дарование свободы веры и совести, возвращение в школы Закона Божьего. Этим признавалось право меньшевиков, эсеров и кадетов на власть в Сибири. Епархиальное священство в этом солидаризировалось с другими представителями высшего духовенства Сибири. Всесибирское соборное церковное совещание отменило все конфессиональные реформы советской власти и образовало Временное церковное управление Сибири [4, оп. 2, д. 80. л. 10, 16–17, 22; 6, с. 197].

В политическое противостояние оказалось втянуто и рядовое духовенство. Показательно, что служители культа не стали монолитной опорой монархии: спектр их политической

ориентации был довольно широк и обнаруживал давнюю внутреннюю нестойкость их общественных взглядов (в церковной среде в различных пропорциях нашли поддержку все оппозиционные партии). Значительная часть приходских священнослужителей поддержали Белое движение. 24 мая 1919 г. Церковное управление Сибири наградило 12 священников Красноярско-Енисейской епархии за их деятельность в борьбе с партизанским движением [8, с. 78].

С другой стороны, после падения власти Советов летом 1918 г., в протоколах заседаний Енисейского епархиального церковного совета появляются сведения о поддержке отдельными духовными лицами большевиков и службе духовенства в партизанских отрядах. Самыми громкими стали процессы над священниками И. Вашкориным и Васильевым (имя не указано), и четырьмя псаломщиками – участниками благочиннического съезда пятого участка Канского уезда, принявшие резолюции антицерковного и антиколчаковского характера (сентябрь 1918 г.), а также уголовное дело против «красных попов» И. Вашкорина и В. Орлова [3, оп. 1, д. 153, л. 183, д. 154, л. 3; 4, оп. 2, д. 101, л. 1 об.–2, 22, 22 об., 47 об., 56, 59, 71 об.].

После захвата власти военными в духовной среде сформировались антиколчаковские настроения. Идея верховности православия и провозглашение приоритета исконных духовно-патриотических традиций сами по себе были привлекательны для православного духовенства, но служение Церкви абсолютной диктатуре, которой на практике являлась власть Колчака, отвергалось. Священнослужители отрицательно относились к вмешательству во внутрицерковную жизнь военных властей, запрещавших хоронить и поминать убитых большевиков. Они не раз обращались к епархиальным властям с требованием указать военным, что эти вопросы являются прерогативой Церкви [4, оп. 2, д. 101, л. 106, 111 об., 112].

В августе-сентябре 1919 г. православным епархиальным комитетом были приняты еще более непопулярные меры. В поддержку правительства Колчака создавались комитеты помощи армии, проводились молебны о даровании победы белой армии. Было опубликовано воззвание епископа Красноярского и Енисейского Назария к пастве с призывом к церковному покаянию и проведению крестных ходов и всенародного моления о даровании победы русским (колчаковским) войскам [2].

В результате внутренних разногласий православная церковь частично лишилась имиджа объединяющей силы и утратила моральное право выступать от имени всего народа. Кризисный процесс затронул рядовое духовенство и разлагающе действовал на паству. Упадок духовной дисциплины в священнической среде, отказ от исповеди, святого причастия и исполнения других христианских обязанностей, распространение незаконных (невенчаных) браков среди мирян – далеко не полный перечень нарушений церковных предписаний, зафиксированных епархиальными властями [4, оп. 2, д. 80, л. 27, 28; 5, оп. 1, д. 281, л. 97 об.].

Пробольшевистски настроенная часть народа стала рассматривать духовные власти и поддерживающих их священнослужителей как явных или скрытых врагов, к которым необходимо применять репрессивные меры, что часто и осуществлялось на практике. Всего к судебной ответственности за вооруженную борьбу против партизан были привлечены шесть священников, многие были расстреляны без суда и следствия [7, с. 67–69].

Убийства и аресты священнослужителей стали распространенным явлением, хотя далеко не все из них были ответственны за смерть и расстрелы партизан. Так, восставшие крестьяне с Каратузского Минусинского уезда в ноябре 1918 г. вместе с партизанами разгромили отряд Шонина и предали суду вместе с членами этого отряда священника местной церкви М. Щербакова за то, что тот укрыл казаков в храме. Та же участь постигла священника Ново-Еловской Крестовоздвиженской церкви Н. Фокина, который выехал в д. Лодочную Большеулуйской волости Ачинского уезда для бракоразводного процесса и оказался на пути отряда Щетинкина. Особенно жестоким было убийство священника Апанской Николаевской церкви Д. Неровецкого, которого перед смертью истязали, а потом сожгли [1].

В период Гражданской войны религиозные организации региона оказались втянуты в политическое противостояние. Участие служителей культа в политической борьбе выявило разделение позиций в его среде, что наряду с другими факторами способствовало падению авторитета Церкви. Происходящие процессы привели к случаям насилия над священнослужителями и верующими.

Литература

1. Енисейские епархиальные ведомости. 1919.
2. Енисейский вестник. 1919. Сентябрь-октябрь.
3. КГКУ «Государственный архив Красноярского края». Ф. 297.
4. Там же. Ф. 674.
5. Там же. Ф. 904.
6. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Енисейской губернии. Март 1917 – ноябрь 1918 гг. – Томск, 1991. – 218 с.
7. *Фаст Г.* Енисейск православный. – Красноярск, 1994. – 238 с.
8. *Эйнгорн И.Д.* Религия, церковь и классовая борьба в Сибири (1917–1937). – Томск, 1983. – 391 с.

УДК 93/94

А.А. Конкин
*Санкт-Петербург, Ленинградский
государственный университет им. А.С. Пушкина*

ЭТИЧЕСКИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ МОТИВЫ
В БЕЛОГВАРДЕЙСКОЙ ПРОПАГАНДЕ
(На материалах северо-запада РСФСР)

Рассматривается агитационно-пропагандистская деятельность белогвардейских сил на северо-западе России в период Гражданской войны. Главное внимание уделено анализу этических и религиозных мотивов в агитации антибольшевистских сил региона.

Ключевые слова: белое движение; агитация; пропаганда; мораль; религия.

A.A. Konkin
Saint-Petersburg, Pushkin Leningrad state University

ETHICAL AND RELIGIOUS MOTIFS
IN THE WHITE GUARD PROPAGANDA
(On materials of the North-west of the RSFSR)

The article considers the outreach activities of the White guard forces in the northwest of Russia during the Civil war. The main attention is paid to the questions of highlighting and presence the ethical and religious motives in the agitation of anti-bolshevik forces of the region.

Key words: the White movement; agitation; propaganda; morality; religion.

Агитационная деятельность является одним из обязательных элементов любой государственной системы. В чрезвычайных условиях, вызванных политическими или социально-экономическими противоречиями, обострением межгосударственных отношений или гражданскими конфликтами внутри страны, агитация и пропаганда призваны выполнять мобилизующую функцию, способствуя сплочению населения на базе тех или иных ценностей.

Для исследователей Гражданской войны агитационно-пропагандистский материал представляет несомненный интерес [8]. Впрочем, личные аспекты требуют изучения. Один из них – рассмотрение вопросов символизма, присутствовавшего в пропаганде красных и белых сил, и призванного вызывать к чувствам людей. Особенно это актуально в отношении агитационной деятельности антибольшевистских формирований, учитывая имеющееся в историографии мнение о недостаточном присутствии в таковой основополагающих вопросов государственного строительства [4, с. 94, 95].

Прежде всего отметим, что в агитации белого движения отражались присущие ему общие политические установки. Так, газета «Новая Россия» в мае 1919 г. после взятия Гдова в воззвании к жителям города призывала не только примириться с недочетами «первых дней нового управления», но и напутствовала население встречать «народные войска, которые несут на своих штыках не черносотенство, а свободу, законность и истинное народное правление» [5, 21 мая].

Красной нитью сквозь всю пропаганду антибольшевистских сил проходит; во-первых, позиционирование себя как истинных носителей закона и порядка, во-вторых яркая апелляция к историческим традициям России. Та же газета 31 мая 1919 г. вышла с лозунгом «Во имя русского народа, во имя его мирного труда, во имя свободного устройства им своей жизни, во имя права и культуры вступаем мы в древний священный Псков...». Заметка завершалась призывом «С нами Бог!», что являлось отличительной чертой агитации сил, выступивших против большевизма [5, 31 мая]. Спасение России от ужасов Гражданской войны увязывалось с «подвигами и жертвами рыцарей духа», иначе – «белыми рыцарями», которые сражаются «за Веру, за Свободу, за Даму Сердца – Россию» [6, 13 декабря]. В подавляющем большинстве текстов авторы заметок приходят к выводу о неминувости гибели большевизма, а также наступлении времени благоденствия после такового («Ваша гибель – Руси воссозданье» [6, 11 декабря]).

На страницах белогвардейской печати активно использовались элементы фольклорного искусства. Неизвестный автор в газете «Приневский край» прославлял антибольшевистские вооруженные силы: «Православный русский воин, не считая, бьёт врагов!». События Гражданской войны неизменно рассматривались как национальная трагедия и великая беда для России.

«Да поможет Господь тебе, Русь,
Чтоб избавились люди твои
Поскорее от лютой беды...» [2, 8 октября].

В качестве продолжения данной темы можно также отметить активное использование сюжетов Гражданской войны сквозь призму народного творчества, которые, как верно отметил А.В. Аграшников, приводились с целью «...игры на популярном в народе жанре русской сказки» [1, с. 18, 19].

Популярным мотивом в белогвардейской пропаганде было обращение к текстам Священного Писания. Военно-осведомительная газета «Приневский край» в декабре 1919 г. вышла с несколькими цитатами Евангелия от Матфея («Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими»). В этом же номере на первой полосе была помещена заметка «Коммунизм и религия», в которой автор делал вывод о том, что большевистское руководство борется «...не за свободного человека, а за зверя в нем...» [6, 7 декабря]. Признавшие и поддерживавшие советскую власть люди неизменно рассматривались в качестве маргинальных элементов общества – преступников, пьяниц с низким моральным и интеллектуальным обликом.

«В природе праздник, карнавал,
Повсюду шум и крик.
Расстрелом нынче угрожал
Мне пьяный большевик» [6, 6 ноября].

Во время наступления Северо-Западной армии на Петроград популярным становилась публикация писем, которые якобы посылались из города и описывали все ужасы жизни при большевиках. Среди таковых можно выделить письмо, в котором автор пишет об обнищании священнослужителей, вынужденных продавать на рынках города «...свои вещи или даже просящих милостыню». Автор задается риторическим вопросом: «...Голодающая старушка, просящий милостыню священник и разъявшийся матрос – как это связать с постоянными заявлениями большевиков о всеобщем довольствии и благополучии в Советской России?» Автор отмечает, что церковь опасается выполнять таинства (например, обряд крещения новорожденного), не имея соответствующего разрешения от органов советской власти [6, 6 ноября].

Религиозная тематика получила свое продолжение и в переносе внимания читателей на произведения русской классической литературы. Один из авторов в качестве подтверждения неминуемой гибели большевистского строя привел выдержку из произведения Ф.М. Достоевского «Бесы». «...И выйдут эти бесы и вся нечистота...и бросятся, безумные и взбесившиеся, со скалы в море... и туда им и дорога». – Да, царство бесов, ночное наваждение, перешедшее в действительность, кончается. Скоро займётся заря...», – резюмирует автор публикации. В этом же номере была помещена заметка откровенно популистского характера, в которой приводится якобы состоявшийся диалог Л.Д. Троцкого с отцом, в котором тот обвинял сына в «неисполнении десяти заповедей Моисея» и отхода от иудейской веры. На угрозу проклятия со стороны отца Троцкий будто бы ответил: «Прежде чем ты меня проклянешь, я тебя повешу!» [2, 25 ноября]

Неоценимые сведения об истории белой борьбы на северо-западе России оставили после себя деятели антибольшевистского сопротивления. Один из членов Северо-Западного правительства, В.Л. Горн, в мемуарах приводит текст некоторых пропагандистских материалов, подготовленных для распространения в частях Красной Армии. В контексте рассматриваемой нами темы любопытной представляется листовка, датированная сентябрём 1919 г. Помимо сравнительного анализа вопросов политического и социально-экономического характера в листовке внимание было уделено культурным и религиозным вопросам. «Вы (большевики. – *прим. автора*) разрушаете церкви и уничтожаете православную религию...мы восстанавливаем поруганную религию и полуразрушенные храмы...»). Проводилось противопоставление в идеях и целях, которыми пропитана практическая деятельность противников; одни «отстаивают наглый произвол и гнусное насилие», другим сопутствует «полное покровительство закона» [9, с. 48].

Таким образом, этические и религиозные категории занимали важное место в белогвардейской пропаганде. Связано это было, как представляется, с несколькими факторами. Первый – необходимость привлечения внимания читателей на темы, лишь косвенно связанные с будущим государственным строительством (в силу специфики белого движения в России, политическим базисом которого была идея созыва Учредительного собрания). Другой мотив – явный антагонизм с большевиками и противопо-

поставление себя советской власти [7, с. 203]. И наконец, существовало стремление обозначить некую преемственность между белым движением и традициями русской государственности, для чего моральные и религиозные символы подходили как нельзя лучше. Сложность, однако, заключается в верификации влияния указанных положений на население страны, так как судить об этом можно только из косвенных данных (отношение населения к белому движению, процент дезертирства из антибольшевистских формирований и т. д.). Впрочем, учитывая хозяйственное разорение страны и общую социально-политическую нестабильность, можно предположить, что символические образы не могли и не имели возможности в какой бы то ни было мере удовлетворить актуальные потребности населения страны.

Литература

1. *Аграшенков А.В.* Северо-западная армия Н.Н. Юденича. Роль идеологии в ее поражении. – М., 1992. – 70 с.
2. Вестник Северо-западной армии (г. Нарва). – 1919.
3. Заря России (г. Псков). – 1919.
4. *Кенез П.* Идеология белого движения // Гражданская война в России. Перекресток мнений. – М., 1994. – С. 94–105.
5. Новая Россия. Освобождаемая (г. Гдов, Псков). – 1919.
6. Приневский край: Военно-осведомительная и литературно-политическая газета (г. Гатчина, Ямбург, Нарва). – 1919.
7. *Смолин А.В.* Белое движение на северо-западе России. – СПб., 1999. – 440 с.
8. *Тропов И.А.* Проблемы формирования Красной армии // Военно-исторический журнал. – 2009. – № 6. – С. 46–50.
9. Юденич под Петроградом. Из белых мемуаров. – Л., 1927. – 257 с.

УДК 93/94

Н.Ю. Кузнецова

Петрозаводск, государственный университет

**ВЗГЛЯД НАРОДНИКА А.С. ПРУГАВИНА
НА РЕВОЛЮЦИЮ 1917 Г.
ПРАКТИКА ПРИСПОСОБЛЕНИЯ
К НОВЫМ УСЛОВИЯМ***

Анализируется взгляд народника А.С. Пругавина на революции 1905 г. и 1917 г. в России. Рассматривается, каким образом автор реагировал на изменения в обществе и приспосабливался к новым реалиям в различные периоды жизни. Автор делает вывод о том, что революционные потрясения в России привнесли в жизнь А.С. Пругавина как положительные, так и отрицательные события.

Ключевые слова: А.С. Пругавин; народничество; интеллигенция; перелом эпох; революция.

N.Yu. Kuznetsova

Petrozavodsk, state university

POINT OF VIEW POPULIST A.S. PRUGAVIN ON REVOLUTION OF 1917: PRACTICE OF ADAPTATION TO NEW CONDITIONS

The article analyzes the views of the Populists A. Prugavin in the the 1905 Revolution and 1917 Revolution in Russia. It considers how the author reacted to the changes in society and adapted to the new realities in the different periods of life. The author concludes that the revolutionary upheavals in Russia brought to life by A.S. Prugavin positive and negative events.

Key words: A. Prugavin; populism; the intelligentsia; the turn of the eras; revolution.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности, № 33.1162.2014/К.

Народник и известный исследователь религиозной жизни русского народа Александр Степанович Пругавин являет собой пример яркой личности, изменение «жизненных миров» и субъективной реальности для которой происходило на переломе эпох в российской истории. А.С. Пругавин пережил обе российские революции.

Первую русскую революцию А.С. Пругавин встретил в Петербурге, а сам 1905 г. оказался для него чрезвычайно сложным. Как противника самодержавия и активного участника политических демонстраций, его в январе арестовали, а затем отправили в тюрьму. За ним возобновляют полицейский надзор, снятый ещё в 1879 г., после завершения периода ссылки.

После поражения первой русской революции, которое А.С. Пругавин переживал очень тяжело, наступает послабление цензуры, которое оказалось очень кстати. Он продолжает работу над исследованиями раскола, старообрядчества и сектантства, публикует статьи и очерки в ведущих журналах и газетах («Вестник Европы», «Новое слово», «Русские Ведомости», «Школа и жизнь»).

В целом революционные идеи А.С. Пругавин принимал. Особенно его воодушевили Указ об укреплении начал веротерпимости [3] и Манифест об усовершенствовании государственного порядка [2]. Эти события позволили А.С. Пругавину предположить, что многочисленное население в Российской империи, впервые официально получившее возможность «отпадения» от православия, больше не будет испытывать давление официальной власти относительно религиозной принадлежности.

Несмотря на полное принятие революции 1905 г. и Февральской революции 1917 г., Октябрьскую революцию А. С. Пругавин полностью не принял и вынужден был покинуть Петроград. Он отправился в Уфу, где проживал некоторое время. При этом надежда на возвращение не покидала его, подтверждением чему могут служить письма в Домовой комитет [6, л. 17, 18, 19, 30]. А.С. Пругавин продолжает в указанный период платить взносы в Императорское вольное экономическое общество [6, л. 63]. Уже с конца осени 1918 г. Он сотрудничает с периодикой белого движения, в частности с колчаковскими газетами «Великая Россия» и «Русское дело» [7].

Однако вскоре народник разочаровывается в белом движении и в 1919 г. начинает сотрудничество с советской властью.

По-видимому, этому способствовал вышедший в январе 1918 г. Декрет большевиков о свободе совести, церковных и религиозных обществ, которому А.С. Пругавин со своим народническим взглядом на этот жизненно важный для него вопрос не мог не симпатизировать. Однако не стоит исключать из списка причин, побудивших старого народника на сотрудничество с новой властью, и причины материальные, так как его финансовое положение почти всегда было сложным.

Летом 1919 г. А.С. Пругавин переехал в Новониколаевск (ныне Новосибирск), где получил место преподавателя на вечерних курсах в техникуме, а также возможность читать на заводах лекции (по заданию Новониколаевского отдела народного образования). Здесь он нашел возможность вернуться к своей центральной теме, подготовив цикл лекций по вопросам религии «“Хлыстовщина” при дворе Николая II», «О свободе совести» [5, л. 1,7]). Исследовательскую деятельность автор продолжает и даже выступает на Первой городской конференции культурно-проветительных организаций в Новониколаевске с докладом «Об организации издательской деятельности отдела народного образования» [4, л. 22 об].

Однако спокойная жизнь А.С. Пругавина вскоре трагически закончилась. В марте 1920 г. его арестовали (скорее всего из-за прошлого сотрудничества с Белым движением), а осенью А.С. Пругавин скончался в тюрьме в Красноярске от сыпного тифа.

Таким образом, для А.С. Пругавина революционные потрясения в стране сильно влияли на его жизнь. К положительным моментам следует отнести:

- расширение возможностей для исследовательской деятельности автора ввиду ослабления цензуры;
- увеличение числа контактов А.С. Пругавина с представителями различных религиозных групп.

К отрицательным моментам относятся:

- возобновление полицейского надзора, за автором;
- попадание А.С. Пругавина в заключение;
- вынужденный пересмотр собственных исследовательских интересов и их переориентация в соответствие с новыми идеями в обществе.

Самый сложный перелом и последовавшая за ним попытка конструирования нового мира произошёл для А.С. Пругавина после Октябрьской революции 1917 г.

А.С. Пругавин пережить эти критические ситуации, представляя различные пути дальнейшего развития собственной жизни, или каждая из возникших критических ситуаций навязывала ему уже определённый тип её переживания [1]? Вероятно, автор мог примерять несколько моделей поведения в той или иной ситуации. В любом случае выбор для А.С. Пругавина был неизбежен.

Литература

1. *Василюк Ф.Е.* Жизненный мир и кризис: Типологический анализ критических ситуаций // Психол. журн. – 1995. – Т. 16. – № 3. – С. 90–101.
2. Манифест об усовершенствовании государственного порядка от 17 октября 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. ПСЗРИ: Собр. 3-е. Т. XXV.: 1905. – СПб., 1908. – С. 754–755
3. Указ об укреплении начал веротерпимости от 17 апреля 1905 г. // ПСЗРИ: Собр. 3-е. Т. XXV.: 1905. – СПб., 1908. – С. 237–238.
4. Российский государственный архив литературы и искусств (далее РГАЛИ). Ф. 2167. Оп. 1. Д. 215.
5. РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 2. Д. 1.
6. РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 2. Д. 4.
7. *Сажин Б.Б.* Проблема народных религиозных движений в народничестве А.С. Пругавина: 70–80-е гг. XIX в.: дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2005. – 411 с.

УДК 94(47+57) “1918/1920”

М.Е. Разиньков

*Воронеж, государственный лесотехнический
университет им. Г.Ф. Морозова*

«...ОНИ ПРЕКРАСНО ПОНИМАЛИ ДРУГ ДРУГА»:
ЛЮБОВЬ НА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Любовь во время войны не только показывает неистребимое стремление личности удовлетворять свои важнейшие потребности, но может служить для нее деструктивным фактором. Особое внимание в статье обращается на специфику социально-политического сознания белых и красных, наблюдавшееся в сфере интимных отношений.

Ключевые слова: Гражданская война в России; любовь на войне; социально-политическое сознание белых и красных.

M.E. Razinkov

*Voronezh, Morozov state forestry
engineering university*

«...THEY UNDERSTOOD EACH OTHER PERFECTLY»:
THE LOVE ON THE CIVIL WAR

The love in the time of war not only shows the desire of the individual to meet their essential needs, but can serve as a destructive factor for her. This article explores the specifics of socio-political conscious of the whites and the reds, observed in an intimate relationship.

Key words: The Civil war in Russia; the love on the war; the socio-political conscious of the whites and the reds.

В тяжелые годы войны человек остается человеком. Несмотря на экстремальную ситуацию, он старается удовлетворять свои базовые (биологические, социальные и духовные) потребности. В этом смысле чувство любви, как одно из наиболее интимных, но и предполагающее к откровению, дает возможность увидеть глубинные переживания воюющих людей.

Прежде всего следует отметить молодой возраст многих участников боевых действий и, как следствие, повышенную сексуальную активность. Показательны дневники Ф.И. Голикова –

18–19-летнего человека и будущего советского генерала. Даже в период боев у него было 2–3 влюбленности, из которых сексом закончилась, видимо, только одна – с женщиной более старшего возраста. Дневники Голикова дают целый спектр любовных и сексуальных переживаний. Это и разрыв на почве социального происхождения, несходства взглядов, и стремление подавить сексуальное влечение (в разговоре с девушкой он заявил: «Но сейчас... не время для любви. Надо разбить всех врагов революции, а потом можно будет влюбляться»), и желание понравиться женщине более зрелой (не столько в возрастном плане, сколько в психологическом) [1, с. 27–28, 129, 278–279]. Высокую половую активность Голикова доказывает и тот факт, что впоследствии у него было шестеро детей.

Любовь на гражданской войне рассматривалась как фактор социальной мобильности. «Она – дочь довольно состоятельных родителей, он – сын бедняка. Мария училась в гимназии, готовилась к поступлению в университет, он – малограмотный станичный ремесленник. Встретились, полюбили друг друга, и девушка оставила родителей, гимназию, пошла с ним, в отряд, стала, как и муж, пулеметчиком» [2, с. 172–173]. Любовные отношения ломали этнические преграды, делая возможной любовь венгерского гусара и русской гимназистки. «Соня не говорила по-венгерски, Хорват – по-русски, но они прекрасно понимали друг друга» [3, с. 46]. О.М. Морозова, анализируя истории любви северокавказских революционеров А. Шерипова, У. Буйнакского и М. Энеева, – приходит к выводу, что иноэтничность избранницы осознавалась ими как способ вырваться из традиционной этнокультурной среды [4, с. 215, 216].

Для другой части воюющих любовь выступала фактором сохранения привычного социального и духовного пространства. Именно с этой целью участники Белого движения искали любимых в среде дворян, интеллигенции. Возлюбленными адмирала А.В. Колчака, генерала И.Г. Эрдели, подполковника Ф.Ф. Мейбома были соответственно дочь композитора и директора Московской консерватории А.В. Тимирева, богатая помещица и меценатка М.К. Свербеева, врач Н. В. Луцкова. Избрание возлюбленной из другой среды выглядело бы для них формой деградации. Воспринимая Октябрьскую революцию, выход из Первой мировой, Гражданскую войну как развал всего дорогого и привычного, белые искали опору в любви.

Свадьба на войне была не таким уж редким делом. Во время войны женились И.С. Кутяков, В.К. Блюхер, А.И. Деникин, Я.А. Слащев, Г.М. Семенов и другие руководители противоборствующих сил, причем некоторые вторым браком. Очевидно, что на заключение браков влияли следующие факторы факторов: желание найти духовную опору в мире войны, стремление девушек поднять свой социальный статус за счет «пошедших в гору» командиров, узаконить сложившиеся сексуальные отношения, организовать быт. Именно для Гражданской войны характерно передвижение бойцов и командиров с семьями, что удовлетворяло большинство из перечисленных потребностей.

Любовь могла выступить деструктивным фактором, мешать принятию взвешенных военных решений. Например, пик отношений Ф.К. Миронова с его второй женой и большой любовью Н.В. Суетенковой пришелся на напряженный 1919 г. Потрясение, вызванное смертью их дочери-младенца, периодические разлуки с объектом обожания, чувство вины перед прежней семьей совпали по времени с удалением Миронова с Дона на Западный фронт, конфликтом с Донкомом ВКП (б) и, наконец, антикоммунистическим мятежом, приведшим к смертному приговору. Очевидцы отмечают, что Миронов в эти месяцы был болезненно нервным, много сомневался. О том, что мысли его витают рядом с «Наденькой», «моими Сказкой, Весной, моим сном», говорят дневниковые записи из тюрьмы: «Бодр, радостное настроение; дух свободно парит в пространстве; с ним вольный дух Нади» [5, с. 434]. Такое обилие внутренних и внешних конфликтов разрушали психику красного командира, и без того отличавшегося парадоксальностью мышления.

Историю любви Ф.К. Миронова в этом смысле корректно сравнить с любовью А.В. Колчака к А.В. Тимиревой. Для Колчака пик личной драмы с первой семьей пришелся на 1916–1917 гг. – моментом командования Черноморским флотом, гибели линкора «Императрица Мария», революции, последующей отставкой и крушением всех планов. П.Н. Зырянов рассуждал: «Любовь, как стихия, – приходит и уходит помимо человеческой воли. Но в зрелом возрасте (Колчаку в 1915 г. исполнился 41 год) она вызывает тяжелые переживания и может разрушить человека. Любовь А.В. Колчака и А.В. Тимиревой... имела не только поэтическую сторону... Она, несомненно мешала Колчаку командовать Черноморским флотом... Она, эта любовь, попортила ему нервы в те

самые дни и месяцы, когда от него особенно требовались спокойствие, выдержка и хладнокровие» [6, с. 246, 247]. Отметим возрастное сходство обоих деятелей (Миронову в 1919 г. было 46–47 лет), наличие разрыва с первой семьей.

О.М. Морозова попыталась создать обобщенный портрет избранниц красных и белых. «Это могли быть красота и физическое совершенство; осведомленность в вопросах политики и идеологии, давняя принадлежность к кругу, в который стремился попасть мужчина». «Другой категории участников, ищущим в революции прагматические дивиденды, нужна была надежная опора, прочный тыл в лице женщины, не имеющей самостоятельной личностной величины». Посути Морозова выделяет два типа женщин. Первые влекли как самоценная личность («европейский тип любви»), вторые «обеспечивали тыл», выступая на вторых ролях («традиционный тип любви») [7, с. 159]. Однако, на мой взгляд, сосредотачиваясь на личностных отношениях, исследовательница порой забывает про историческую ситуацию, в которой эти отношения зародились и благодаря которым они, собственно, интересны. В историко-психологическом исследовании она поставила на первое место психологию, а ведь чистая психология в историческом исследовании ничего не дает. Целесообразнее было бы проследить черты женщин, вызывавших любовь красного или белого, а не типы женщин и их отношений с мужчинами вообще.

Анализ биографий участников Гражданской войны показывает, что они старались выбирать подруг из своей среды, и только для части красных, амбициозных или находящихся на подъеме социальной мобильности, острую любовь вызывали женщины более высокого социального статуса, духовного развития либо иноэтничные, позволявшие вырваться из привычной среды к новым, более привлекательным чувствам, ассоциировавшимся с грядущим коммунизмом. Известный конфликт Д.А. Фурманова и В.И. Чапаева из-за Анны Никитичны Стешенко-Фурмановой носил, видимо, такой характер. В.И. Чапаев особо не нуждался в сексе, поскольку в одном из писем предлагал Фурманову «уступить» ему одну из двух прибывших «барышень» [8, с. 75]. Интеллигентная Анна привлекала его не только красотой. Она была символом счастливого мира, где отношения между ней и сыном крестьянина возможны. Вместе с тем именно авторы многочисленных «красных» мемуаров указывают на то, что влюбляться

следует в тех, кто разделяет твои взгляды, приводят примеры того, как различное социальное происхождение и разные взгляды на жизнь делали романтические отношения невозможными.

Видна разница ценностей у женщин – избранниц красных и белых. Если первые разделяли идеи нового коммунистического мира, благотворности революции, то для вторых эти идеи были синонимами хаоса, разрушения. Гораздо большее значение для возлюбленных белых офицеров имели ценности религии, императорской или демократической России. В условиях распада прежней социокультурной и политической среды особое значение для белых приобретала общность взглядов на семью и личное счастье как единственно реальных.

Женщины, вызывавшие чувство любви, разделяли с мужьями тяготы войны, помогая психологически или конкретным действием (вплоть до участия в боевых действиях), создавая уют, рожая детей. Будучи красивыми или не очень, они неизменно влекли сексуально, обладали привлекательными душевными качествами.

Литература

1. *Голиков Ф.И.* Красные орлы (из дневников 1918–1920 гг.). – М.: Воениздат, 1959. – 328 с.
2. *Толмачев И.П.* В степях донских. – М.: Воениздат, 1959. – 184 с.
3. *Гарашин Р.* Красные гусары. Мемуары. – М.: Воениздат, 1970. – 240 с.
4. *Морозова О.М.* Цари, казаки, красные командиры... Семь очерков в жанре историко-психологического портрета. – Ростов-н/Д: Издательство ЮНЦ РАН, 2010. – 276 с.
5. *Филипп Миронов.* Тихий Дон в 1917–1921 гг. Документы и материалы / под ред. В. Данилова, Т. Шанина. – М.: Международный фонд «Демократия», 1997. – 792 с.
6. *Зырянов П.Н.* Адмирал Колчак, верховный правитель России. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 637 с.
7. *Морозова О.М.* Любовные тексты участников Гражданской войны как исторический источник // Российская история. – 2012. – № 1. – С. 148–161.
8. «Чапай настроен слишком нежно». Из личного архива Д.А. Фурманова / публ. А. Ганина // Родина. – 2011. – № 2. – С. 73–75.

УДК 9(И)470

А.С. СОКОЛОВ
*Рязань, государственный
радиотехнический университет*

МЕНТАЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ СОЦИАЛЬНОЙ
СПРАВЕДЛИВОСТИ И СВОБОДЫ
В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
(По материалам Рязанской губернии)

Рассматривается эволюция понятий социальной справедливости и свободы в годы Гражданской войны. Особое внимание уделяется антропологическому аспекту изучения событий первых послереволюционных лет. Анализируются настроения граждан Рязанской губернии в условиях общественного кризиса.

Ключевые слова: антропология; Гражданская война; общество; революция; социальная справедливость; свобода.

A.S. Sokolov
Ryazan, state radio engineering university

MENTAL PARAMETERS OF SOCIAL JUSTICE
AND FREEDOM DURING THE CIVIL WAR
(According to the materials of the Ryazan province)

Describes the evolution of the concepts of social justice and freedom during the Civil war. Special attention is paid to the anthropological aspects of the study of the events of the first post-revolutionary years. Analyzed the mood of the citizens of Ryazan province, in condition of common crisis.

Key words: anthropology; Civil war; society; revolution; social justice; freedom.

Современный сдвиг в системе социальных и гуманитарных наук связан с рядом новыми тенденциями в развитии знания о человеке и обществе. Объектом исторического исследования выступает человек, природа и поведение которого разнообразны и могут быть рассмотрены в разных ракурсах. Более того, в современной философии историчность становится существенной

характеристикой реальности как таковой. Ведь человек может быть понят только посредством изучения исторического процесса [1, с. 10]. Антропологический подход отвечает давно ощущаемой историками потребности обратиться к истории повседневности, жизненной практики в различных ее формах, дополнить историю учреждений, законоположений и больших социальных групп «человеческим измерением» [2, с. 186]. Теперь на первый план выходит стремление понять логику поведения конкретных людей в микрообществах.

Еще в конце XX в. произошел решающий сдвиг от социально-структурной к социально-культурной истории, связанный с распространением методов культурной антропологии, социальной психологии, лингвистики, формированием устойчивого интереса к микроистории, с возвращением от внеличностных структур к индивиду, анализу конкретных жизненных ситуаций [3, с. 248]. В исторической науке наблюдается стремление в сторону детализированного изучения отдельно взятого человека и его интеллектуального опыта [4, с. 22]. Вместе с тем имеет место профессиональный интерес к региональной истории, связанный с процессом децентрализации исторической ретроспективы. Изучение специфических форм регионализма и культурной идентификации локальных и региональных субъектов связано с признанием роли социокультурного фактора в процессах региональной модернизации [5, с. 186].

Гражданская война была величайшей трагедией для России, она принесла огромные бедствия стране. На территории Рязанской губернии в 1918–1920 гг. имели место антисоветские выступления, связанные с недовольством населения действиями большевиков в сфере продовольственной политики. С конца 1918 г. на менталитет народа определяющее влияние стали оказывать явления и процессы, связанные с ней. В сознании многих большевистская революция сразу после ее свершения ассоциировалась с социальным равенством и освобождением. Более того, прослеживалась связь между желанной социальной справедливостью и свободой в ее народном понимании, хотя предполагаемый принцип свободы и справедливости нередко осуществлялся через насилие. Еще в июле 1917 г. известный журналист Амфитеатров-Кадашев записал в своем дневнике: «В Рязанской губ. мужичье движется целыми таборами, словно татарская орда, оставляя за собой пепел помещичьих усадеб» [6, с. 109].

В годы Гражданской войны понятие социальной справедливости и свободы во многом деромантизируется, а их восприятие в массовом сознании приобретает ожесточенный характер. Проблематика социальной справедливости входит в ткань взаимоотношений между городом и деревней, рабочим и крестьянином в виде подозрительности и взаимных упреков в преимуществах и незаслуженных выгодах, которые каждый из них якобы извлекает из сложностей Гражданской войны. [7, с. 97]. Массовое нарушение большевиками прав собственности, всякого рода конфискации и реквизиции, коснувшиеся в той или иной степени большинства населения, вели к масштабной рационализации сознания. По мере развертывания военного коммунизма население вело усиленную борьбу за собственность. Крестьяне Рязанской губернии, протестуя против конфискации скота и лошадей, спрашивали в письме на имя Ленина: «...покорнейше просим расследовать вновь наше дело и разъяснить: 1) на сколько едоков по декрету полагается одна корова и одна лошадь, 2) имеют ли право притеснять и разорять семейства красноармейцев и 3) по закону ли поступает наш Комитет и обязаны ли мы исполнять его требования? Если же он действует незаконно, в таком случае прикажите ему оставить нас в покое» [8, с. 242]. Аналогичные суждения высказывал учитель из Раненбургского уезда Тимофеев. На проходившей весной 1920 г. беспартийной конференции он заявил: «Советская власть отнимает частную собственность, а поэтому и нет старания больше работать». В начале 1920 г. недовольство крестьян политикой власти выразил на собрании в селе Увязье Касимовского уезда А.И. Тягунов. В разговоре с крестьянами о хозяйственных трудностях он говорил: «Посмотрите на теперешнюю жизнь; сейчас настоящее мученье... едут добывать хлеб за 200 верст... человек добыл хлеба, едет домой... отбирают добытых хлеб, не считаясь с положением человека... Вот что дает завоеванная нами свобода» [9, с. 233]. Вызревавшие в течение длительного исторического времени абстрактные представления о социальной справедливости и свободе в российском обществе подверглись серьезным испытаниям в первые послереволюционные годы. Некоторые граждане понимали социальную справедливость в уравнивании всех в податной повинности перед государством. Например, священник села с. Ржева Егорьевского уезда Василий Митродоров писал: «Если у меня, прожившего священником четыре года и малосемейного, взяли корову,

то почему же не взяли у других священников малосемейных? Не взяли и у других кулаков – чайных торговцев в буржуазное время» [7, с. 101].

На уровне массового сознания в годы Гражданской войны поиск принципа социальной справедливости проявился в стремлении видеть экономические взаимоотношения между государством и обществом построенными на началах разумности и большего прагматизма. Например, председатель Скопинского уездного комитета партии А. Чубаров в письме направленном в марте 1918 г. руководству РКП (б), указывал: «Побольше внимания к интересам с.х., побольше уважения к широкому крестьянским массам, поменьше всяких отрядов. Создание условий, способствующих развитию производительности труда на земле, правильная налоговая система, признание принципа товарообмена «товар за хлеб, товар за труд» – вот что должно сейчас же стать программой политики советской власти в деревне» [10, с. 161]. В условиях военного коммунизма среди населения продолжали сохраняться элементы рыночного сознания, органически включавшего ценности свободы и социальной справедливости в их неразрывной связи.

Явления и процессы, связанные с Гражданской войной, изменились в соответствии с жестокой исторической реальностью. Понятие справедливости и свободы претерпело смысловую трансформацию в сознании граждан на протяжении нескольких послереволюционных лет. Произошло определенное искажение социальной гармонии, проявившееся в новом статусно-иерархическом неравенстве новой большевистской элиты.

Литература

1. Орлов И.Б. «Человек исторический» в системе гуманитарного знания. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 191 с.
2. Кром М.М. Историческая антропология. – СПб.; М.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; Квадрига, 2010. – 214 с.
3. Ретина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М.: Кругъ, 2011. – 560 с.
4. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. – М.: Аквилон, 2014. – 576 с.

5. *Ретина Л.П.* «Новая историческая наука» и социальная история. – М.: URSS, 2009. – 320 с.
6. *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭН, 1997. – 376 с.
7. *Лившин А.Я., Орлов И.Б.* Власть и общество: диалог в письмах. – М.: РОССПЭН, 2002. – 208 с.
8. *Квашонкин А.В., Лившин А.Я.* Послереволюционная Россия (проблемы социально-политической истории 1917–1927 гг.). – М.: Издательство «Университетский гуманитарный лицей», 2000. – 337 с.
9. *Пылькин В.А.* Крестьянство центра России в Гражданской войне. Общественно-политические настроения, социальные процессы, протест. – Рязань: Издательство «ПРЕССА», 2005. – 330 с.
10. *Павлюченков С.А.* Крестьянский Брест или предыстория большевистского НЭПа. – М.: Русское книгоиздательское товарищество, 1996. – 299 с.

УДК 342.843 (571.1) «1918/1919»

Д.Л. Шереметьева

Новосибирск, Институт истории СО РАН

ПРИЧИНЫ АБСЕНТЕИЗМА
НА ГОРОДСКИХ ВЫБОРАХ В СИБИРИ
ЛЕТОМ 1918 – ОСЕНЬЮ 1919 Г.
В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННОКОВ

Рассмотрены результаты выборов в городские думы, проходивших на подконтрольной антибольшевистским правительствам территории в июле – ноябре 1918 г. и апреле – ноябре 1919 г. На основе оценок современников сформулирован вывод, что под абсентеизмом избирателей скрывалось преимущественно конформное поведение горожан и политическая пассивность, вызванная усталостью населения от пертурбаций революционной эпохи, разочарованием в результатах деятельности самоуправлений, неразвитой электоральной культурой и плохой организацией выборов в отдельных городах.

Ключевые слова: гражданская война; политическая повседневность; Сибирь.

D.L. Sheremetyeva

Novosibirsk, Institute of history SB RAS

REASONS FOR ABSENTEEISM
DURING CITY ELECTIONS IN SIBERIA
IN THE SUMMER 1918 – AUTUMN 1919\
IN CONTEMPORARIES' ASSESSMENTS

The article deals with the results of the elections to the city council, which took place on the territory that controlled by the antibolshevik governments in july – november 1918 and april – november 1919. Based on assessments of contemporaries, the author concludes that a catastrophic electoral absenteeism concealed predominantly conformal behavior of citizens and political passivity caused by fatigue of the population of the perturbations of the revolutionary epoch, a disappointment from unfulfilled slogans and party programs, specific electoral culture and bum organization of elections in the cities.

Keywords: Civil war; political daily; Siberia.

Выборы в органы городского самоуправления в Сибири летом 1918 – осенью 1919 гг. шли практически непрерывно и являлись частью политической повседневности. Декларативные установки антибольшевистских режимов на демократические ценности и правопорядок способствовали воспроизводству института всеобщих, равных, тайных, прямых выборов вопреки условиям Гражданской войны и выстраиванию административной вертикали власти. Результаты выборов служили индикатором политических режимов контрреволюции, свидетельствовали о состоянии политико-правового сознания и культуры населения. Однако тема выборов освещена в историографии фрагментарно.

В городах Сибири, подконтрольной антибольшевистским правительствам, имели место два электоральных цикла. Первый тянулся с июля по ноябрь 1918 г., второй – с апреля по ноябрь 1919 г.

Летом – осенью 1918 г. по инициативе отдельных муниципалитетов были проведены досрочные выборы на основании правил революционного 1917 г. с поправкой о недопущении к участию в выборах армии, арестованных и милиции. В восьми городах – Боготоле, Щегловке, Тайге, Бийске, Барнауле, Омске, Тобольске и Мариинске в выборах участвовало 13 % избирателей, а разброс составил от 10 % явившихся к урнам в Омске до 20 % – в Мариинске.

Очередные выборы в 1919 г. проходили по измененным правилам. Активный возрастной избирательный ценз был повышен с 20 до 21 года, пассивный – до 25 лет, вводился ценз оседлости в один год. Избиратели могли голосовать не только «за списки», но и за «любых лиц из всех предложенных списков». Избранным считался получивший не менее одной десятой голосов по избирательному округу. В мае – августе 1919 г., по официальным данным Управления по делам местного хозяйства МВД российского правительства А.В. Колчака, в 36 городах к урнам явилось 21,7 % имевших право голоса [1]. В декабре 1919 г. обозреватель красноярского журнала «Новое земское дело» оценивал явку по городам в 17 %. В историографии относительно выборов 1919 г. фигурируют не подкрепленные статистикой цифры, не превышающие 10 % [2, с. 85; 3, с. 139]. При этом процент голосовавших по отдельным городам варьировал от 52,7 % в Баргузине до 4 % в Колывани и Минусинске.

Цифры, таким образом, не дают однозначной картины. Явка в большинстве городов была низкой. Это распространенное в мировой практике демократических выборов явление современникам, видевшим невероятный всплеск участия населения в выборах в 1917 г., казалось невероятным и удручающим.

Согласно гипотезе исследователя А.В. Добровольского, основными причинами низкой явки на городских выборах в 1919 г. были «протест населения против политики правящего режима, жестокая расправа Колчака с политической оппозицией, разгром профессионального движения и полная потеря доверия народных масс Сибири к социалистическим партиям» [4, с. 252]. Однако нет достаточных оснований, чтобы рассматривать результаты муниципальных выборов как свидетельство массового протеста горожан против российского правительства А.В. Колчака. Население городов, напротив, преимущественно поддерживало антибольшевистские режимы [5, с. 117]. Муниципальные выборы не были связаны с формированием государственной политики. Более того, городское самоуправление претендовало на самостоятельную роль в общественно-политической жизни, при этом все сильнее погрязая в текущих местных хозяйственных и финансовых проблемах.

В чем современники событий видели причины абсентеизма? Обсуждение этого вопроса велось на страницах периодической печати на протяжении всего периода Гражданской войны. Оценки давались преимущественно импульсивно, содержали мало аналитики и были политически мотивированными. Политические взгляды авторов статей и позиции издателей были различны, но в негативной оценке абсентеизма и основных его причин прослеживается согласие.

В публицистике на первый план был выведен такой фактор поведения избирателей, как ослабленное психологическое состояние населения – политический индифферентизм, пассивность, апатия [6; 7, 18 июня; 8].

В основе политической пассивности, по мнению современников, лежали приписываемые русскому национальному характеру лень, беззаботность, бездеятельность и безразличие к общественным делам. Известный публицист профессор И.И. Аносов, бичуя эти качества, заявлял, что по меньшей мере, четверть отсутствовавших на выборах не смогли бы назвать причину неявки, избиратели простодушно «забывали», «просыпали» или «уезжали за город на пикник» [9; 7, 18 июня].

Публицисты дополняли картину, описывая такие коллективные чувства, как «усталость населения от сумятицы», разочарование народа, помнившего «неудовлетворительную политику старых дум» и «дум революционного времени» [10; 11, 17 октября; 7, 12 июля], а также страх перед будущим [12].

В качестве второстепенных причин абсентеизма современники отмечали такие объективные факторы, как неразвитая электоральная культура избирателей [8], плохая организация выборов в отдельных городах [9] и недостаточная активность кандидатов в мобилизации электората [13; 11, 28 мая].

По мнению современников, политический абсентеизм скрывал главным образом конформное и безучастное поведение. Обыватель молчал, являя собой «инертную массу, очень удобную для всяких политических пертурбаций». «Монархически настроенные пожилые люди [...] предпочитали выжидать», «чиновники, преподаватели, судейские, торгующие, промышленники, казаки и немало крестьянства» являлись сторонниками правительства, но политически активных среди них было мало, «интеллигенция сидела на двух стульях, прикрываясь беспартийностью» [8], «рабочие массы [...] безучастно относятся к выборам» [10].

Свидетельства об осознанном бойкоте выборов единичны. Протестные настроения современники наблюдали среди рабочих и интеллигенции Красноярска, где административным путем была ограничена предвыборная агитация «Блока демократических и профессиональных организаций» [7; 14].

Массовый политический абсентеизм горожан в условиях Гражданской войны в Сибири имел широкий комплекс причин. Избиратели представляли собой разношерстную в социальном и политическом отношениях публику, а ситуация в различных городах складывалась неодинаково. Известные оценки современников свидетельствуют в пользу гипотезы о молчаливом согласии горожан с положением дел и бегстве от политики в сферу личных интересов. Вопрос требует дальнейшего изучения.

Литература

1. Правительственный вестник (Омск). – 1919. – 17 сент.
2. *Дмитренко Н.М.* Сибирский город Томск в XIX – первой четверти XX века: управление, экономика, население. – Томск, 2000.

3. *Рышков В.М.* Органы местного самоуправления в антибольшевистском лагере на востоке России (середина 1918 – конец 1922 г.) // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и гражданской войны. Сборник науч. статей / науч. ред. В.И. Шишкин. – Новосибирск, 2012. – С. 125–158.
4. Добровольский А.В. К вопросу о выборах в городские самоуправления Сибири в 1919 г. и провал тактики блока демократических сил // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI–XX вв.: материалы III регион. науч. конференции. – Новосибирск, 1998. – С. 249–252.
5. *Мышанский А.А.* Отношение населения Сибири к «белому» режиму в период колчаковщины. // Гражданская война на востоке России. Проблемы истории. Сборник науч. ст. / Ред. В.И. Шишкин. – Новосибирск, 2001. – С. 109–136.
6. Ишимский край. – 1918. – 3 окт.
7. Вестник Томской губернии. – 1919.
8. Енисейский вестник. – 1919. – 31 июля.
9. Сибирская жизнь (Томск). – 1918. – 21 авг.
10. Дело Сибири (Омск). – 1918. – 18 сеня.
11. Свободный край (Иркутск). – 1918.
12. Заря (Омск). – 1919. – 1 июня.
13. Сибирь (Иркутск). – 1918. – 2 окт.
14. Новое земское дело. – 1919. – 3 дек.

ОМСК – СТОЛИЦА БЕЛОЙ СИБИРИ: ПАМЯТЬ, ОБРАЗЫ, ПАМЯТНИКИ

УДК 94(571.13) + 19

В.Г. Рыженко

Омск, государственный университет им. Ф.М. Достоевского

ОБРАЗЫ «БЕЛОЙ СТОЛИЦЫ». МИФЫ И РЕАЛИИ

Предлагается рассмотреть теоретические и источниковедческие возможности исследования образов Омска как временной столицы России в годы гражданской войны с учетом новых направлений в исторической науке и появления нового пласта источников личного происхождения.

Ключевые слова: историческая память, образы города, воспоминания очевидцев, Белая столица.

V.G. Rizhenko

Omsk, Dostoevsky state university

IMAGES “WHITE METROPOLIS”. MYTHS AND REALITIES

A review of sources and theoretical research opportunities images of Omsk as a temporary capital of Russia during the Civil War, taking into account new trends in historical science and the emergence of new memoir sources.

Key words: historical memory, images of the city, witnesses' memories, the White Guard metropolis.

Обращение к проблемам исторической памяти и мемориализации событий трагических полос в истории России, к которым, несомненно, относится период гражданской войны, соответствует ведущим тенденциям в современной исторической науке. В российском сообществе историков к настоящему времени уже появляются специальные публикации, включающие сюжеты историографического и источниковедческого характера. В качестве

наиболее существенного примера укажу на недавнюю статью О.Б. Леонтьевой [3, с. 59–96]. Другим исследовательским направлением, с которым связана заявленная мною тема, является изучение образов города, одновременно вписывающееся в проблемные поля исторической урбанистики, гуманитарной географии и имагологии. В этом случае важно не только накопление и осмысление эмпирического материала по теме, но и предварительная теоретико-методологическая проработка исследовательской модели. Подчеркну, что следует согласиться с позицией Д.А. Алисова относительно необходимости рассмотреть теоретические аспекты проблем мемориализации событий и составления пантеона героев гражданской войны. К ключевым вопросам будут относиться интерпретации понятий «историческая память», «места памяти», «фигуры памяти», «образ как интеллектуальный конструкт».

Применительно к избранной теме необходимо учитывать динамику формирования и трансформаций представлений об Омске («образов Омска»). Каковы были образы Омска до того, как он стал «Белой столицей»? Возникает еще один вопрос: как различать образы Омска – «Белой столицы» и Омска – «временной столицы белой России»?

В имеющейся сибирской историографии, в ее историко-урбанистической ветви столичные черты Омска зафиксированы достаточно четко, достаточно сослаться на исследования Д.А. Алисова, в которых показана смена образов административных центров Западной Сибири к 1914 г., в том числе, даны признаки Омска как «новой» столицы Западной Сибири и Степного края в противовес Тобольску – «старой» столице [1, с. 268–296]. Хорошо известны образы Омска как «сибирской Москвы» и «сибирского Лейпцига», зафиксированные современниками во втором десятилетии XX века.

Непосредственно конструированию образа Омска уже как «Белой столицы» посвящена двухтомная книга под выразительным названием «Третья столица. Омск 1918–1919» [4]. В этом труде доминирует образ Омска как «приюта благородных муз». Такой акцент сделали члены авторского коллектива. Однако реальность была гораздо сложнее и неизбежно возникали другие образы «Белой столицы». Для историков, изучающих образы городов, ценным источником являются воспоминания очевидцев, постоянных и временных обитателей города. Областная научная библиотека им. А.С. Пушкина подготовила сборник «Время

и город» [2], который содержит большой пласт информации об Омске периода гражданской войны и позволяет составить калейдоскоп его образов. Такой калейдоскоп становится полезным инструментом для осуществления исследований, связанных с проблемами формирования локальной и региональной идентичности, с историей повседневной жизни в экстремальных условиях.

В некоторых текстах из новой книги, относящихся к разным годам, но преимущественно начиная с 80-х гг. XIX века, авторы используют сравнение Омска с Петербургом. Красота архитектуры и размеры построек сравнимы с Невским проспектом Петербурга – К. Г-в, [4, с. 61]; многие называют Омск уголком Петербурга – Н. Телешов, [4, с. 71]. Итальянцу Барцини показалось, что он находится в центре Европы – [4, с. 97]; в воспоминаниях Вс. Иванова о колчаковском Омске есть стихотворные строки «...Во всем подобие столицы, / В 12 пушка бухнет ровно – / И Любинский – что Невский словно – / Везде автомобили, лица.» [4, с. 127]

К последнему образу можно добавить, что в его конструировании в этот короткий период истории Омска как «белой» столицы поучаствовали прямо или опосредованно многие временные обитатели города. Вспомним, что численность населения Омска резко выросла из-за притока беженцев, наличия войск, включая союзников. По словам из письма Вс. Иванова (1919 г.), «город сыт жителями, можно сказать, не только по горло, но и выше <...>. Квартирная нужда такая, что и трудно представить» [4, с. 127]. Тогда же другой очевидец описывает площадь против огромного здания железнодорожного управления – всю сплошь изрезанную рельсовыми путями и заставленную вагонами первого и второго классов, в которых месяцами жили люди. Беженцы из Петрограда объединились здесь в Общество взаимопомощи Санкт-Петербуржцев. В свое время мне удалось обнаружить в Государственном архиве Российской Федерации отдельный фонд этого общества из 8-ми дел (ГАРФ. Ф. Р-4673. Союз общества взаимопомощи петербуржцев. Омск. Оп.1. 8 дел). Частично информацию из этого фонда я использовала в 2002 и в 2006 гг.

Здесь же хочу подчеркнуть, что члены общества стремились придать месту своего временного обитания привычный им столичный образ жизни, хотя это одновременно было и попыткой получить реальную поддержку крайне нуждающимся членам общества. Тем не менее, дважды в декабре 1918 г. и в феврале

1919 г. они, «по примеру столицы» устраивали «блестящий грандиозный бал с концертным отделением, с участие лучших столичных артистов и музыкальных сил, пребывающих в настоящее время в г. Омске». Приглашения рассылались всем союзным миссиям. Было направлено приглашение и Верховному Правителю А.В. Колчаку. В материалах фонда хранятся программы балов, состав организаторов и участников, включая местных художников, оказавшихся причастными к оформлению концертных программ на столичном уровне.

Возвращаясь к характеристике потенциально значимой для исследователей информации из существенно обновленного содержания книги «Время и город», нельзя не сказать, что приводимые фрагменты впечатлений современников об Омске фиксируют парадоксальное сочетание уже упоминавшегося выше сходства с Петербургом, с признаками столичности городского облика и с одновременным сохранении репутации Омска как «пыльного, грязного, азиатского города» [4, с. 108]. Или, как описал странное впечатление от Омска в своих дневниках И.И. Серебренников [4, с. 120] как провинциального города, «старающегося вылезти «в बारे»: здесь наряду с убогими лачугами в центре города высились уже громадные каменные дома. Из маленького захудалого города «выпучивался», так сказать, большой торговый город». Общий калейдоскоп складывается и множества разных образов – это образ Омска как земли обетованной для пестрой толпы беглецов с первозданной изобильностью базара и образ города, где царили «мексиканские» нравы, где были переполнены кафе, театры, танцевальные залы и преобладал приезжий элемент. Эти образы относятся примерно к одному и тому же времени (весна–лето 1919 г.) и видны в воспоминаниях и письмах того же Вс. Иванова, в воспоминаниях В.М. Чернова. Наслоения всех упомянутых образов составляют сложную общую конструкцию, главным признаком которой можно считать зафиксированное одним из обитателей города ощущение «ненастоящности» всего происходящего в «шумной столице черного адмирала».

Подводя некоторые итоги наших рассуждений, следует отметить, что несмотря на кратковременность реального отрезка истории гражданской войны, относящегося к внутренней жизни Омска в экстремальных условиях (или, как назвал свое исследование о том же периоде, но применительно к Уралу, И.В. Нарский – «Жизнь в катастрофе»), изучение множества образов Омска как

«Белой столицы» с их наслоениями и трансформациями находится лишь в начале становления исследовательских моделей. Тем более, что отдельной частью исследований становятся проблемы соотношения памяти и забвения и использование соответствующих наборов коммеморативных практик как инструментов реализации политики памяти.

Литература

1. *Алисов Д.А.* Административные центры Западной Сибири: городская среда и социально-культурное развитие (1870–1914 гг.). – Омск: Изд-во ОмГУ, 2006.
2. *Время и город. Омск XVIII – середины XX вв. в описаниях современников.* – 2-е изд., уточн. и допол. – Омск, 2016.
3. *Леонтьева О.Б.* «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // Диалог со временем. – М.: ИВИ, 2015. – № 50. – С. 59–96.
4. *Третья столица. Книга в 2-х тт.* / отв. ред. И.Г. Девятьярова. – Омск: Омскбланкиздат, 2011.

УДК 94 (571.13)

С.С. Наумов

*Омск, государственный университет
им. Ф. М. Достоевского*

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
В ПАМЯТНИКАХ И ПАМЯТНЫХ ЗНАКАХ.
МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ КОЛЛЕКТИВНЫХ ПРЕДСТАВ-
ЛЕНИЙ О ПРОШЛОМ В ПРОСТРАНСТВЕ ОМСКА

В статье рассматриваются основные этапы мемориализации истории гражданской войны в городском пространстве Омска. Анализируются характерные черты этих этапов, роль и функциональное значение памятников и памятных знаков в деле трансляции коллективной исторической памяти. Подчеркивается значимость инициатив профессиональных историков в процессе формирования коллективных представления о прошлом.

Ключевые слова: историческая память; места памяти; городское пространство; гражданская война; памятники; памятные знаки.

S.S. Naumov

Omsk, Dostoevsky state university

CIVIL WAR IN MONUMENTS AND MEMORIALS.
MEMORIALIZATION OF COLLECTIVE IDEAS
OF THE PAST IN THE SPACE OF OMSK CITY

The article considers the main stages of memorialization of history of the civil war in the space of Omsk city. The characteristic features of these stages, the role and functional values of monuments and memorials for collective historical memory are analysed. The author stresses the importance of initiatives of professional historians for collective ideas of the past forming.

Key words: historical memory; memory places; city space; civil war; monuments; memorials.

О мемориализации истории гражданской войны в Сибири, в частности в Омской области, написан ряд обобщающих статей, среди которых стоит выделить работы П.П. Вибе [1; 2] и Т.М. Назарцевой [3].

Обращаясь к варианту изучения истории города, городского пространства, с позиций современной парадигмы исторической памяти, следует сфокусировать внимание на концепции французского историка П. Нора о «местах памяти». «Место памяти – это единство духовного и материального порядка, которое со временем

и по воле людей стало символическим элементом наследия национальной памяти общности» [4, с. 25–27]. Основная функция мест памяти – возбуждать специфические воспоминания о прошлом. Согласно классификации П. Нора «места памяти» бывают: топографические (архивы, библиотеки, музеи), монументальные (кладбища и архитектурные сооружения), символические (коммеморативные церемонии, юбилеи, паломничества), функциональные (мемуары, дневники, учебники) [5, с. 16–17].

Одним из вариантов осмысления прошлого может быть изучение монументальных мест памяти как объектов историко-культурного наследия. Говоря об изучении мест памяти гражданской войны в Омске, следует учитывать ряд обстоятельств:

1. Отражение событий гражданской войны в Омске (как собственно почти по всей стране) носит односторонний характер. Поэтому когда мы говорим о степени «объективности» этого процесса, то изначально понимаем его как некую условность;

2. Актуализация мест памяти гражданской войны в Омске прошла минимум три длительных этапа, на протяжении которых роль и функциональное значение «мест» иногда радикально менялись;

3. В историческом пространстве города присутствует большое количество зафиксированных в общественном сознании мест памяти, которые при этом внешне не имеют намёка на какое-либо символическое обозначение.

Необходимо кратко охарактеризовать этапы мемориализации коллективных представлений о гражданской войне в Омске.

Первый этап (1919 г. – середина 1940-х гг.) можно соотнести с процессом, начавшимся сразу же после победы большевиков и который мы можем назвать «конструированием новой (советской) идентичности».

В 1921 г. в центре Омска (напротив Драмтеатра) был заложен «Памятник Парижской коммуне» (его создание было приурочено к 50-летию «первого пролетарского государства») [6]. В июле 1923 г. он был открыт, но уже на другом месте – в сквере напротив Дома Республики (бывшего генерал-губернаторского дворца), где 30 ноября 1919 г. были торжественно похоронены жертвы колчаковцев, казнённые в ночь на 12 ноября 1919 г., за неделю до взятия города «красными» [7]. В ноябре 1922 г. заложен, а 7 ноября 1925 г. был открыт памятник жертвам Куломзинского восстания 22 декабря 1918 г. [8] Также в 1920-е гг. появились: памятный

знак в Старозагородной роще (где 12 ноября 1919 г. происходили казни) [9, с. 167], знак на территории Пехотного училища (бывшего Кадетского корпуса, где в годы гражданской войны располагалась контрразведка «белых»), «рабочий памятник» в Ленинск-Омске [10] и др.

Почти все эти памятники совмещали в себе функции одновременно некрополя-мемориала и места проведения торжественных митингов и собраний. Основная их задача – создание «пантеона героев / «мучеников», соответствующего запросу новой эпохи. Данная миссия мест памяти чётко вписывалась в процесс формирования новой идентичности.

В 1930-е гг. основными методами фиксации исторической памяти стали установки мемориальных досок на различных зданиях, связанных с событиями революции и гражданской войны в Сибири (мемориальная доска в доме № 1 по ул. Степной, где размещалась в 1918 г. подпольная типография большевиков и др.) [11].

Второй этап (середина 1940-х гг. – 1991 г.). Его мы можем назвать этапом «актуализации в контексте исторической необходимости». Этот длительный этап иллюстрируется тенденциями ослабление информационных и ценностных импульсов, которые должны были транслироваться обществу. Места памяти становились привычным элементом городского ландшафта, и периодически возникала необходимость их актуализации, в условиях вызовов современности. Ориентированы эти действия были в первую очередь на молодое поколение. Сюда же можно отнести и процесс выявления «белых пятен» истории. Отметим и то, что актуализация мест памяти в меняющемся городском пространстве, как

правило, происходила в рамках различных коммемораций, чаще всего юбилеев, связанных с событиями гражданской войны. Так, в Омске в 1959 г. на ул. Красный Путь, напротив Сибзавода, был установлен памятник воинам 3-й и 5-й Армий, освободивших Омск от войск А. В. Колчака [12]. В 1967 г. (к 50-летию Октября) была произведена масштабная реконструкция сквера им. Масленникова, ставшего теперь сквером «Памяти Борцов Революции» (были открыты вечный огонь, памятник венграм-интернационалистам, что придало этому месту памяти ряд новых символических значений) [13]. Следующий крупный проект по мемориализации памяти о гражданской войне снова был связан с юбилеем – 70-летием Октября. В сквере Борцов Революции были установлены новые памятные знаки (бюсты руководителей омского большевистского подполья в годы гражданской войны) [14], начался масштабный проект реконструкции сквера-мемориала в Старозагородной роще [15], разрабатывался так и не воплощённый в жизнь проект монумента воинам 5-й Армии в сквере им. Дзержинского [16]. В условиях кризиса идентичности и социальной памяти второй половины 1980-х гг., это можно расценивать как, характерные для ранней перестройки, стремления «возврата к истокам», обращения к «ленинскому наследию», попытки опереться на «революционную романтику», свойственную началу 1920-х гг.

Третий этап, начался в 1991 г. и продолжается в той или иной мере до сегодняшнего дня. Для этого этапа характерно:

– стремление к объективному отражению истории гражданской войны и попытка уйти от политических и идеологических дебатов в область конкретно-исторических исследований. Социальной целью этого процесса фактически является «примирение сторон» в условиях кризиса современной идентичности;

– выявление и актуализация всех символически не обозначенных мест памяти.

В качестве примеров, иллюстрирующих данные устремления, мы можем выделить ряд акций по формированию в городском пространстве новых мест памяти (установка мемориальной доски А. В. Колчаку в 2004 г. [17] и инициативы по установке памятника адмиралу [18], создание новых топографических мест памяти, инициативы по увековечению памяти о деятелях «белого движения» [19]), актуализация существующих «мест памяти»: реконструкция сквера Борцов Революции

(2006 г.), площади Восстания (2011 г.), памятника в Старозагородной роше и др.

Процессы, связанные с трансляцией и трансформацией коллективной исторической памяти порождают необходимость формирования новых историко-культурных доминант, подчёркивающих своеобразие городского пространства. Сегодня, когда мы фактически стоим на пороге нового этапа осмысления истории гражданской войны (в следующем году исполняется 100 лет с момента Февральской, а затем и Октябрьской революций) и можно говорить о том, что инерция «мягкой» (личной, субъективной) памяти замедляется, вновь возникает потребность в изучении коллективных представлений о прошлом. Задачи историков в этой ситуации видятся нам в углублённом изучении и освещении событий тех лет, рассмотрении новых инициатив по формированию визуальных и вербальных конструкторов памяти.

Литература

1. Вибе П.П. Мемориальный сквер «Памяти Борцов Революции» // Памятники истории и культуры города Омска : сб. ст. / сост. и науч. ред. П. П. Вибе. – Омск, 1992. – С. 18–28.
2. Вибе П.П. Об объективном отражении истории в памятниках гражданской войны в Сибири // Проблемы сохранения и изучения историко-культурного наследия в памятниках Омского Прииртышья / сост. и науч. ред. П. П. Вибе. – Омск: ОГИК музеев, 2005. – С. 5–12.
3. Назарцева Т.М. К вопросу о монументальных памятниках и городской скульптуре Омска // Проблемы сохранения и изучения историко-культурного наследия в памятниках Омского Прииртышья / сост. и науч. ред. П. П. Вибе. – Омск: ОГИК музеев, 2005. – С. 57–66.
4. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – СПб., 1999. – С. 17–50.
5. См. по Рудинская И.И. Историко-культурные достопримечательности как «места памяти» в России второй половины XIX – начала XX вв.: региональный масштаб // Социально-гуманитарные проблемы современности: человек, общество, и культура : монография. Кн. 4. – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2011. – С. 16–42.
6. Советская Сибирь. – 1921. – 20 марта.
7. Рабочий Путь. – 1923. – 18 июля.

8. В Куломзино // Рабочий Путь. – 1922. – 17 ноября.
9. Антология омского краеведения / М-во культуры Ом. обл.; Ом. гос. ист.-краев. Музей; Ом. отд. СКР; гл. ред. П.П. Вибе. – Омск, 2013. – Т. 1. Палашенков А.Ф. Избранные труды / А.Ф. Палашенков; авт.-сост.: П.П. Вибе, Е.М. Бежан, О.В. Блинова. – Омск: Омскбланкиздат, 724 с.: ил.
10. Рабочий памятник // Рабочий путь. – 1926. – 6 июня.
11. Молодой большевик. – 1939. – 14 нояб.
12. В честь освободителей // Омская правда. – 1959. – 17 нояб.
13. Яценко А. Завещая борьбу // Омская правда. – 1967. – 7 нояб.
14. Луговская В. В нашей памяти навечно // Вечерний Омск. – 1987. – 22 авг.
15. Чижик Д. По долгу памяти // Вечерний Омск. – 1987. – 21 авг.
16. Куницын В. МонуMENT Пятой армии // Вечерний Омск. – 1987. – 24 янв.
17. Вибе П.П. Об объективном отражении истории в памятниках гражданской войны в Сибири... – С. 7–8.
18. Васильева С. Большинство омичей – за памятник Колчаку // Омская правда. – 2012. – 12 сент.
19. Ильченко А. В Омске начали увековечивать белогвардейцев // Коммерческие вести. – 2016. – 6 июля.

УДК 94 (571.1/.5)

А.Н. Еремеева
*Краснодар, Южный филиал Российского
научно-исследовательского института культурного
и природного наследия им. Д.С. Лихачева*

«...НО НЕОЖИДАННО СТАЛ ОН СТОЛИЦЕЙ».
КУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
В ЦЕНТРАХ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ*

Рассматриваются социально-культурные трансформации Екатеринодаре, Ростове-на-Дону и Омске, ставших в годы Гражданской войны центрами Белого движения. Автор обращает особое внимание на атрибуты столичного облика городов, изменения в культурной жизни. В качестве источника используются художественные тексты, созданные современниками событий, документы личного происхождения.

Ключевые слова: Гражданская война; миграция населения; центры белого движения; Екатеринодар; Ростов-на-Дону; Омск; культурная жизнь.

A.N. Eremeeva
*Krasnodar, Southern Branch Likhachev Russian
Research Institute of Cultural and Natural Heritage*

“...IT BECAME THE CAPITAL SUDDENLY”.
A CULTURAL TRANSFORMATION IN THE CENTERS
OF THE WHITE MOVEMENT

The paper examines the social and cultural transformations in Rostov-on-Don and Omsk, which became the centers of the White movement in the years of the Civil war. The author pays special attention to the attributes of the capital cities, changes in the cultural life. Literary texts by contemporaries of the events and sources of private origin are used.

* Подготовлено при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 16-41-93514.

Key words: Civil war; migration; centers of the White movement; Ekaterinodar; Rostov-on-Don; Omsk; cultural life.

В преддверии векового юбилея революции и Гражданской войны в потоке исследований, касающихся данных событий, наряду с традиционно доминирующими военными и политическими сюжетами, все активнее осваиваются социокультурные. В рамках данной статьи рассматриваются культурные трансформации в городах, ставших в 1918–1919 гг. центрами Белого движения, на примере Екатеринодара, Ростова-на-Дону и Омска. Ситуация в других городах, имевших подобный статус, также принимается во внимание.

Источниковая база исследования обладает определенной спецификой. Особое значение имеют художественные тексты, современные событиям, воссоздавшие атмосферу новых культурных центров. Особенно это удалось С.Я. Маршаку, в 1918–1920 гг. печатавшемуся под псевдонимом «Д-р Фрикен» в екатеринодарской газете «Утро Юга». Его стихотворные фельетоны отразили палитру культурных трансформаций под воздействием социальных и политических изменений. Классический пример – фельетон «Сказочный город», опубликованный 11 декабря 1919 г. «Город когда-то был тихой станицей, но неожиданно стал он столицей» [1, с. 3]. Поэт методично и ярко иллюстрировал данное перевоплощение.

Помимо художественных произведений высокой степенью информативности обладают региональная периодика 1917–1920 гг., мемуары, дневники, частная переписка, делопроизводственные документы различных ведомств, учреждений культуры, науки, образования.

Как известно, важным этапом в изменении социокультурного ландшафта многих провинциальных городов стала Первая мировая война. В результате массовой эвакуации из зоны боевых действий перемещалось население, а также учреждения образования и культуры. Появились новые центры высшей школы. Например, в Ростов-на-Дону переехал Варшавский университет, Высшие женские курсы, несколько месяцев в этом же городе располагалась эвакуированная Киевская консерватория. Депутат Государственной думы профессор М.М. Новиков в мемуарах утверждал, что главной заботой четвертой Думы было насаждение высшего образования на окраинах, что «одних из первых проектов <...> был

Омский сельскохозяйственный институт учреждение, котором сибирское земледелие испытывало поистине кричащую нужду» [2, с. 197–198]. Органы городского самоуправления, интеллигенция, заинтересованные представители бизнеса в разных регионах Российской империи инициировали развитие образовательной инфраструктуры.

Интенсивная деятельность в регионах в области исследования природных богатств, налаживания производства стратегической продукции, расширения рекреационного пространства, как ответ на вызовы военного времени, стимулировала создание интеллектуальных центров.

После Февральской революции продолжилось развитие образовательного и научного пространства в регионах. В Омске закладывались основы высшего образования учреждением при поддержке местного самоуправления частного коммерческого (будущего политехнического) института и подготовкой к созданию государственного сельскохозяйственного вуза [3, с. 291–292]. Варшавский университет решением Временного правительства переименовывали в Донской; Ростов-на-Дону определили как место его постоянного пребывания. В Екатеринодаре возникло первое многопрофильное научное учреждение – Совет обследования и изучения Кубанского края, которое современники воспринимали как местную академию наук.

Молниеносно развивающиеся события в 1917 г. привели к рассредоточению в южных городах курортников, студентов столичных вузов – уроженцев Юга, не решившихся возвращаться в Петроград и Москву. Известный музыкальный педагог М.Ф. Гнесин писал 15 ноября 1917 г. из Ростова-на-Дону: «Количество населения у нас теперь, как в каком-нибудь столичном городе <...> У меня очень хорошие уроки» [4, л. 45].

Массовый отток населения из столиц последовал в середине 1918 г. Это подтверждают и мемуаристы, и объявления в провинциальной и столичной прессе. Наиболее популярным направлением было южное. Киев, Харьков, Одесса, Ростов-на-Дону, Екатеринодар, Новороссийск, Тифлис, населенные пункты Крымского полуострова были переполнены столичными беженцами. Значительная часть беженцев избрала восточное направление – Пермь, Омск, Томск. Взаимодействие столичной и местной интеллигенции в центрах сосредоточения беженцев воплощалось в образовательных, научных, художественно-творческих проектах.

Своеобразием отличалась ситуация в центрах Белого движения. Ставка А.И. Деникина базировалась последовательно в Екатеринодаре и Ростове-на-Дону, А.В. Колчака – в Омске. Данные города современники называли новыми столицами.

«Тихий провинциальный Екатеринодар превратился в столицу. <....> Крупная буржуазия, дипломаты, чиновники, адвокаты, политики, шикарно одетые женщины наводняли улицы, днем и ночью», – читаем в мемуарах З.Н. Жемчужной [5, с. 235]. Ей вторили писательница Н.А. Тэффи, поэты М.А. Волошин, С.Я. Маршак, английский журналист и политик Г. Вильямс. «Кипел Ростов... Попавши в случай, он дней напрасно не терял. И вместе с жизнью кипучей стиль петербургский перенял», – писал в сатирической поэме «Онегин наших дней» В.И. Клопотовский (Лери) [6, с. 57].

Превращение Омска в «бурливый муравейник», где «проживала вся интеллигенция, дворянство, профессора, торговый класс, духовенство из Казани, Самары, Симбирска, из Перми, Уфы, а потом Екатеринбург <...>, представители воинских частей и дипломаты чуть ли не половины Европы», описано в воспоминаниях журналиста Л.В. Арнольдова [7, с. 202, 203]. Профессор Н.В. Устрялов записал в дневнике: «Сам по себе Омск занятен, особенно по населению. Сплошь типично столичные физиономии, столичное оживление» [8, с. 289]. «Своим бизнес-размахом Омск напоминает Петроград, но дух его ближе к московскому», – сообщал родственникам в США в конце 1918 г. представитель молодёжной христианской организации (УМСА) [9, р. 260].

Кроме количественно возросшего населения, в том числе за счет петроградцев и москвичей, жителей городов, занятых красными, изменения социального состава атрибутами столичности были многочисленные бюрократические структуры – правительственный аппарат, представительства союзников, местные органы власти и управления, а также множество периодических изданий, новых коммерческих структур, в т.ч. работавших на обеспечение армии. «Громче гудков и трамвайного звона в городе слышится стук ремингтона. Перья скрипят и бумага шуршит, стая курьеров куда-то спешит», – писал С.Я. Маршак [1, с. 3].

Привычным явлением стали гастроли прославленных коллективов и исполнителей [10]. «Кто там на сцене? Спроси театралов – Ходотов, Книппер, Смирнов и Качалов» – комментировал Маршак нашествие звезд первой величины, в частности

группы артистов Московского Художественного театра [1, с. 3]. На отдельных представлениях, а также концертах в честь союзников присутствовали лидеры Белого движения, что придавало зрелищам особую торжественность.

Многие события культурной жизни задумывались и реализовывались как пропагандистские акции. Их инициаторами были военно-политические, осведомительные структуры, а также ориентированные на помощь фронту благотворительные общества. В содержании мероприятий воплощался не только пафос борьбы с большевиками, но и имевшее место, как на юге, так и на востоке бывшей Российской империи противостояние центростремительных и центробежных сил, раскалывавшее антибольшевистский лагерь.

Литература

1. *Д-р Фрикен*. Сказочный город // Утро Юга (Екатеринодар). – 1919. – 11 декабря.
2. *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике. – Нью-Йорк, 1952. – 404 с.
3. *Посадсков А.Л.* Высшее образование в Белой столице. Из истории вузов г. Омска в годы Гражданской войны (1918–1919) // История науки и образования в Сибири. Сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Красноярск, 15–16 ноября 2005 г.). – Красноярск, 2006. – С. 290–297.
4. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2954. Оп. 1. Д. 235.
5. *Жемчужная З.Н.* Пути изгнания: Урал, Кубань, Москва, Харбин, Тяньцзинь: воспоминания. – Нью-Йорк, 1987. – 293 с.
6. *Лери*. Онегин наших дней. Сатирическая поэма. – Берлин, б/г. – 157 с.
7. *Арнольд Л.В.* Жизнь и революция. Воспоминания. – Шанхай, 1935. – 278 с.
8. *Устрялов Н.В.* Белый Омск. Дневник колчаковца // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. – СПб., 1991. – № 2. – С. 283–338.
9. Witness to Revolution. Letter from Russia 1916–1919 by Edward T. Heald / Ed. by James B. Gidney. – Kent, Ohio: The Kent State university press, 1972. – 367 p.
10. *Еремеева А.Н.* «Пир во время чумы». Индустрия развлечений в несоветской России (1917–1920) // Клио. – 2011. – № 7 (58). – С. 79–84.

УДК 94 (47)

С.Г. СИЗОВ

*Омск, Сибирская государственная
автомобильно-дорожная академия*

ДОСУГ ЖИТЕЛЕЙ ОМСКА –
БЕЛОЙ СТОЛИЦЫ РОССИИ
(июнь 1918 – ноябрь 1919)

Исследуется досуг жителей Омска в период правления Временного всероссийского правительства и правления адмирала А.В. Колчака. Рассмотрено развитие в этот период театра, кино, цирка. В условиях тяжелейших потрясений войны различные формы досуга играли большую роль в психологической реабилитации населения.

Ключевые слова: повседневность; Белое движение; Белый Омск; Колчак; Сибирь; контрреволюция; культура; театр; кино; цирк.

S.G. Sizov

Omsk, Siberian state automobile and highway academy

LEISURE OF RESIDENTS OF OMSK –
THE WHITE CAPITAL OF RUSSIA
(june, 1918 – november, 1919)

Leisure of residents of Omsk in the period of board of the Provisional All-Russian government and government of the admiral A.V. Kolchak is investigated. Development during this period of theater, cinema, circus is considered. In the conditions of the heaviest shocks of war various forms of leisure played a large role in psychological rehabilitation of the population.

Key words: daily occurrence; White movement; «white» Omsk; Kolchak, Siberia; counterrevolution; culture; theater; cinema; circus.

Повседневная жизнь «белого» Омска ещё во многом для нас неизвестна. Отдельные публикации не дают целостной картины [1]. Между тем изучение истории нашего города этого времени

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. (исследовательский проект № 16-11-55004).

имеет большое значение. Остановимся на некоторых формах проведения досуга – театре, кино и цирке.

Театр в культурной жизни «белого» Омска занимал видное место. Театральные постановки были средством культурной коммуникации, формой отражения важнейших явлений общественной жизни Омска, Сибири, страны в целом [2]. Политические события в стране наложили определённый отпечаток на деятельность омских артистов. Если в Советской России устанавливается контроль власти над театрами и предпринимаются попытки создания нового революционного искусства, то в колчаковском Омске продолжается прежняя культурная традиция.

Театральные коллективы «белого» Омска можно разделить на профессиональные и любительские. Профессиональные коллективы (труппы) приезжали в Омск на гастроли, сменяя друг друга. Главными сценами для театральных представлений были городской театр, коммерческий клуб. Городской театр принимал самые известные труппы. Его частыми гостями был верховный правитель России адмирал А.В. Колчак, дипломаты, аккредитованные в Омске, высшие военные чины, чиновничество [3]. Что касается коммерческого клуба, то здесь ставились спектакли, устраивались вечера, давались концерты.

Театр «Гигант» совмещал в себе функции театра (здесь была оперетточно-комедийная труппа), и кинотеатра (шли русские и иностранные картины). Здесь же было и кафе. В подобном варианте работал и более скромный театр «Одеон», который позднее стал именоваться «электротеатр». Здесь после сеанса кинофильма выступали артисты оперетты [4].

С середины мая до сентября к списку популярных мест досуга добавлялись летние театры и сады [5] «Аквариум» [6] (на правом берегу Оби при её впадении в Иртыш), «Аркадия» (в районе Сибзавода) [7]. Здесь, конечно, проводились гуляния и танцы. С лета 1918 г. начал работу Интимный театр миниатюр под руководством Е.А. Плотниковой и И.М. Арнольдова [8] (в здании «Кристалл Палас»). Финансовая составляющая играла главную роль, поэтому очень часто постановки были рассчитаны на вкусы весьма невзыскательной публики. Любительские спектакли устраивали на сценах различных общественных организаций, в зданиях библиотек и просветительных учреждений, в гарнизонном собрании.

Главную роль в организации спектаклей в Омске играли антрепренёры. Наиболее известными среди них в этот период

были П.П. Медведев, Г.К. Невский, Д.Ф. Васильчиков. Работали также труппа В.Л. Глинской, труппа Б.П. Вартминского и А.Я. Ланова. Главными жанрами были драмы, комедии, скетчи, миниатюры. Иногда ставились классические пьесы и исторические постановки. Довольно широко ставились оперетты. Характерной чертой театральной жизни Омска являлось сохраняющаяся традиция любительских театральных постановок. Порой театральные постановки носили благотворительный характер.

В начале XX в. в России начинается триумфальный рост популярности кино. Невероятные возможности нового вида искусства быстро оценили и зрители, и предприниматели. Первоначально доминировали зарубежные фильмы, затем стали появляться и отечественные картины. Ко времени революции Омск уже имел многолетнее знакомство с кинематографом. Первый сеанс состоялся 12 января 1897 г. в манеже Омской крепости. В конце января 1907 г. здесь состоялось открытие стационарного электротeatра «Одеон» [9]. Следом появились: «Омский кинематограф-театр», электро-театр «Иллюзион», Ново-американский электротeatр. «Двадцатый век», «Прогресс». К 1910 г. Омск имел 6 кинотеатров, а седьмой был открыт в Атаманском хуторе [10].

В повседневной жизни «белого» Омска кино играло заметную роль. Крупнейшими кинотеатрами города были «Гигант» и «Одеон», которые помимо просмотров кинофильмов устраивали театральные постановки и танцы. Среди жанров преобладали боевики, драмы, фильмы с историческим сюжетом. Помимо дореволюционных кинолент в Омск привозили фильмы, снятые в Крыму после революции. Крупные газеты белой столицы «Омский вестник» и «Сибирская жизнь» периодически публиковали рекламу кинофильмов. Кино в годы Гражданской войны выполняло не только развлекательную роль, но служило определённым психологическим компенсатором, напоминало о прежней дореволюционной жизни [11].

Цирковое искусство в начале XX в. имело исключительную популярность. Омск в этом смысле не исключение. В 1898 г. купец из Екатеринбурга П.К. Сичкарёв у Любиной рощи в Санниковском переулке (ныне ул. Партизанская) построил цирк-театр – круглое деревянное здание с ареной, амфитеатром и галереей [12]. В 1909 г. специально для выступлений знаменитого сибирского цирка Стрепетова на Казачьей площади Омска возвели временное здание нового цирка [13].

Антрепренёры собирали труппу и организовывали гастроли. Омский цирк в 1918–1919 г. назывался очень торжественно – «Цирк Спорт Паллас». Он не имел постоянной труппы, а принимал гастролирующих артистов. Но были артисты, выступавшие здесь практически постоянно.

Одним из главных номеров в цирке была борьба. Кумиром многих омичей был Иван Яго (другие варианты написания имени – Яан Яаго, Ян Яго). В программе «грандиозного спорт-представления» было заявлено два номера: его демонстрация силы в состязании «с двумя рабочими лошадьми» и борьба с Оскаром Креем. Призовые составляли 350 руб. Две части получал победитель, а одну – проигравший [14]. 25 февраля 1919 г. в омском цирке состоялось большое событие – «торжественное открытие Всемирного чемпионата французской и русско-швейцарской борьбы». В газетах особо подчёркивалось, что чемпионат перенесён из Петрограда в Омск [15]. Приз должен был составить немалую сумму – 15 тыс. руб.

Большим успехом пользовались фокусы, комические представления, акробатические номера, выступления жонглёров, комики и клоуны. Так, был проведён бенефис «короля смеха» комиков и жонглёров Карро [16].

Одним из номеров в омском цирке 1919 г. были танцы. Выступления профессиональных танцоров пользовались большим успехом. Среди танцевальных номеров популярность имело также бразильское танго. Своеобразной данью моде стало выступление в омском цирке и французских апашей [17]. Для маленьких зрителей давали дневные представления – праздники и карнавалы [18].

Таким образом, досуг жителей «белой» столицы России сохранял многие дореволюционные традиции. Наиболее популярными формами проведения досуга были кино, театр, цирк, бега. В условиях тяжелейших потрясений они играли большую роль в психологической реабилитации населения. Безусловно, революция и Гражданская война ухудшили положение деятелей культуры, некоторые из которых были вынуждены отказаться от гастролей или покинуть Россию. С другой стороны, многие артисты бежали из Советской России на территории, неподконтрольные большевикам. Антрепренёры в условиях Гражданской войны продолжали устраивать гастроли театральных и цирковых артистов, привозить новые кинофильмы, в том числе снятые в Крыму, куда ещё не дошли большевики.

Литература

1. Сизов С.Г. Историография повседневности «Белой столицы России»: Омск (июнь 1918 – ноябрь 1919 г.) // Архитектура, строительство, транспорт. Материалы Международной научно-практической конференции (к 85-летию ФГБОУ ВПО «СибАДИ»). – Омск: СибАДИ, 2015 [сайт]. URL: <http://bek.sibadi.org/fulltext/ESD75.pdf> (дата обращения 14.04.2016).
2. Вьюхина М.В. Театральная жизнь Сибири в период революции и гражданской войны (1917–1919 гг.) // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сборник научных статей. Вып. 3 / науч. ред. В.И. Шишкин. – Новосибирск: Параллель, 2012. – С. 80–101.
3. Ракова А. Омск – столица Белой России. – Омск, 2010.
4. Омский вестник. – 1918. – 4 авг.
5. Парки, скверы и сады Омска [Электронный ресурс] Наш Омск-55.ру – Омский городской портал [сайт]. URL: <http://nashomsk55.ru/ulitsu/346-parki> (дата обращения 14.04.2016).
6. Сибирская речь (Омск). – 1919. – 10 мая.
7. Сибирская речь (Омск). – 1918. – 26 июля.
8. Сибирская речь (Омск). – 1919. – 3 янв.
9. История омского кинематографа [Электронный ресурс] // БУК «Киноvideocентр» [сайт]. URL: <http://kinovideocentreomsk.ru/index.php/2-stati/9-istoriya-omskogo-kinematografa?showall=1&limitstart=> (дата обращения 14.04.2016).
10. Омский вестник. – 1910. – 6 янв.
11. Наша Газета (Омск). – 1919. – 24 авг.
12. Эволюция омского цирка [Электронный ресурс] // «Вечерний Омский Сайт» [сайт]. URL: <http://omskvech.ru/page120676.html> (дата обращения 14.04.2016).
13. Омский вестник. 1909. – 4 авг.
14. Сибирская речь (Омск). – 1919. – 21 янв.
15. Сибирская речь (Омск). – 1919. – 25 февраля.
16. Сибирская речь (Омск). – 1919. – 19 февраля.
17. Сибирская речь (Омск). – 1919. – 21 февраля.
18. Сибирская речь (Омск). – 1919. – 6 июля.

УДК 378.663 (09)(571.13)

В.В. Слабодцкий
Омский государственный аграрный университет

ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКИЙ СОСТАВ ОМСКОГО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ИНСТИТУТА В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются сюжеты, связанные с формированием состава профессоров и преподавателей Омского сельскохозяйственного института в условиях гражданской войны, когда был открыт сам институт. Анализируются источники пополнения профессорами и преподавателями, специфика решения кадровой проблемы.

Ключевые слова: гражданская война; учебное заведение; сельскохозяйственный институт; профессорско-преподавательский состав; факультет, кафедра.

V.V. Slabodtsky
Omsk state agricultural university

THE FACULTY OF THE OMSK AGRICULTURAL INSTITUTE DURING THE CIVIL WAR

The article deals with subjects related to the formation of the board of professors and teachers of the Omsk agricultural Institute in the conditions of the civil war, when the institution was opened. The recruitment of professors and teachers, the specificity of the staff problem decision analyzed at the same time.

Key words: Civil war; educational institution; agricultural institute; teaching staff; faculty; department.

Одним из удивительных явлений периода Гражданской войны было учреждение высших учебных заведений в виде институтов или университетов, казалось бы, в самый неподходящий момент. Скажем, в Сибири осенью 1918 г. открывается Иркутский университет. На несколько месяцев раньше в Омске открывается первый в Сибири сельскохозяйственный институт. Причем последний учреждается как частное учебное заведение,

которое было признано государственным только постановлением от 10 августа 1918 г. Временного сибирского правительства. Открытие вуза в Омске прошло довольно скромно. [1, с. 9].

С первых шагов существования нового учебного заведения весьма актуальной для него была проблема комплектования профессорско-преподавательского состава. По объективным причинам в Омске не сложилась ни научных школ, ни соответствующих кадров для института. Поэтому ставка была сделана на привлечение профессуры из других городов России. Понимая, что развернуть в многофакультетный институт не удастся сразу, учредители и организаторы решили открыть одно агрономическое отделение. И было решено, что для чтения лекций и ведения практических занятий в первую очередь потребуются преподаватели физики, химии, ботаники, зоологии, анатомии домашних животных и геодезии [2]. Организационная комиссия по созданию сельскохозяйственного института еще в октябре 1917 г. решило обратиться к ведущим ученым России с просьбой порекомендовать соответствующие кандидатуры. Профессор-организатор института В.С. Титов провел переговоры с профессорами; некоторые откликнулись и согласились приехать в Омск. Это зоологи В.Ч. Дорогостайский, Б.А. Сварчевский, химик Д.В. Алексеев, ботаник Г.Г. Петров, работавший в лаборатории академика Д.Н. Прянишникова. На должность профессора геодезии пригласили Н.Д. Павлова, генерал-майора, начальника Западно-сибирского военно-топографического отдела. Собственно, это были первые профессора, начавшие читать лекции в Омском сельскохозяйственном институте в феврале 1918 г. За плечами всех образование (кроме Павлова, который был выпускником Академии Генерального штаба, что указывает на принадлежность его к военной элите России). Приглашенные профессора прошли стажировку в лучших университетах Европы.

Чуть позже (в апреле – июле 1918 г.) ряды профессоров и преподавателей института пополняют профессор Н.Н. Андреев и ассистент Г.С. Ландсберг (оба физика). Они сделают со временем блестящую научную карьеру, станут академиками АН СССР, признанными авторитетами в своей сфере научной деятельности, в том числе университетское в других странах.

Закономерен вопрос что побудило их поехать в город, где не было университета, где академические научные традиции отсутствовали? Ответ лежит на поверхности неприятие советской

власти. Однако дело было не только в этом. Скажем, профессора приехали в Омск, когда здесь еще у власти были все те же Советы. Пожалуй, наиболее достоверным объяснением, на наш взгляд, является желание профессиональной самореализации этих ученых, тем более что многие получили должности профессоров, а в Центральной России были доцентами); с другой стороны, влияние оказывало социально-экономическое положение на подконтрольных большевиками территориях, которое все более ухудшалось. Сибирь же в начале 1918 г. представлялась относительно стабильным и благополучным регионом. В этом отношении показателен обмен телеграммами в январе 1918 г. между профессором-организатором В.С. Титовым В.Д. Алексеевым, работавшим в Пермском университете. В ответ на телеграмму Титова, что необходимо приехать срочно, так как занятия уже начинаются, Алексеев отвечает, что рассчитывал приступить к занятиям осенью (1918 г. – В. С.), а в университете перегружен занятиями и не может прибыть в Омск срочно. Однако буквально через несколько дней сам Алексеев шлет телеграмму: «Университет прекратил жалование срочно телеграфируйте приеду если нужно Омск. Алексеев» [3]. Данный пример наглядно иллюстрирует, как реальная угроза потери средств для существования побуждала многих профессоров к переезду.

Важным источником пополнения профессорско-преподавательского состава сельскохозяйственного института стала массовая эвакуация профессоров и преподавателей из казанских вузов в сентябре 1918 г. Приезд в Омск преподавателей и целого 4-го курса студентов из Казанского ветеринарного института во главе с профессором Л.С. Сапожниковым позволил открыть уже осенью 1918 г. ветеринарный факультет, а весной 1919 г. осуществить первый выпуск ветеринарных врачей. Молодые начинающие преподаватели А.И. Акаевский, В.Д. Васильевский, М.П. Калмыков, А.Д. Бальзаментов в Омске со временем стали маститыми профессорами, создателями научных школ.

С 1 октября 1918 г. старшим ассистентом на кафедре геологии и минералогии Омского сельскохозяйственного института утверждается П.Л. Драверт, также эвакуированный из Казани перед занятием города войсками Красной армии [4]. Институту, можно сказать, повезло, что в его стенах оказался этот многогранно одаренный ученый, активно и продуктивно занимавшийся научной деятельностью, ставший кумиром омских студентов.

Тогда же был утвержден в должности адъюнкт-профессора на кафедре зоотехнии С.С. Еленевский, ставший впоследствии крупным научным авторитетом в области животноводства, одним из создателей отечественной научной школы организации кормления сельскохозяйственных животных

Весной 1918 г. было решено открыть в Омском сельскохозяйственном институте факультет кооперации и биотехнической экономики, что и было осуществлено осенью. Сибирские кооперативные объединения к тому времени уже представляли серьезную экономическую силу и имели определенный политический вес. Они нуждались в подготовленных специалистах. Инициатива с их стороны была поддержана. В.С. Титов начинает переговоры с профессором Томского университета Н.Я. Новомбергским на предмет его согласия стать деканом-организатором нового факультета. Авторитет Н.Я. Новомбергского среди сибирских кооператоров имелся, поскольку он был избран членом Сибирской областной думы от 2-го Всесибирского кооперативного съезда [5].

Переговоры шли непросто, Новомбергский отказывался, ссылаясь на занятость подготовкой созыва Сибирской областной думы, в которой он играл последнюю роль, а также на невозможность покинуть кафедру в Томском университете. Компромисс был найден. И опять центральным вопросом был подбор профессоров и преподавателей. Новомбергский особенно рекомендовал Титову на должность профессора по кафедре права М.П. Головачева, занимавшего на тот момент пост Товарища Министра иностранных дел Временного сибирского правительства, считая его одним из самых способных правоведов в Сибири несмотря на его молодость. Головачев дал согласие и даже поблагодарил за приглашение. Предполагалось, что лекции по статистике будет читать и управляющий Министерством земледелия и колонизации во Временном сибирском правительстве (а позднее министр земледелия в правительстве адмирала Колчака) Н.И. Петров. Однако из-за большой занятости по основному месту службы к лекциям он так и не приступил.

Не без рекомендаций Новомбергского на кооперативном факультете стал работать в должности профессора П.П. Маслов, видный экономист-аграрник, к тому времени подавший в отставку с должности окружного комиссара Челябинского округа [7]. Он читал курсы «История народнохозяйственного быта» и «Теория земельной ренты». Известно, что в штате Омского сельско-

хозяйственного института был видный экономист, статистик и политический деятель Н.П. Огановский. До ноября 1918 г. он был товарищем министра земледелия и колонизации во Временном сибирском правительстве. С приходом к власти адмирала А.В. Колчака Огановский уходит в отставку [8].

Кооперация и сама помогала с кадрами преподавателей для кооперативного факультета. Один из видных деятелей Закупсбыта, В.Д. Маракулин, был избран доцентом для чтения лекций по курсу «История и теория кооперации». Другой деятель сибирской кооперации, Л.К. Шульгин, читал курсы. «Общее счетоводство» и «Коммерческая арифметика».

Ситуация с профессорско-преподавательским составом в Омском сельскохозяйственном институте в рассматриваемый период была напряженной. Дело не только в том, что не хватало преподавателей соответствующей квалификации. Существовавшие «белые» правительства в Сибири нуждались в постоянной кадровой подпитке квалифицированными специалистами. Например, адъюнкт-профессор химии А.М. Осендовский был одновременно чиновником особых поручений при Министерстве финансов российского правительства. Профессор Н.Я. Новомбергский, будучи профессором Томского университета и согласившись выполнять миссию декана-организатора факультета кооперации и биотехнической экономики в Омском сельхозинституте, в сентябре 1918 г. был назначен товарищем министра туземных дел, а через несколько месяцев – товарищем министра внутренних дел в правительстве адмирала А.В. Колчака. Поэтому профессора, доценты Омского сельскохозяйственного, политехнического институтов были вынуждены разрываться между государственной и научно-преподавательской службой. Если Н.Я. Новомбергскому и Н.Д. Павлову удавалось совмещать преподавание и государственную службу, то другим приходилось чем-то жертвовать.

При почти насильственном объединении сельскохозяйственного и политехнического институтов в июле 1919 г. кадровая проблема была частично решена, но преимущественно в отношении преподавания общеобразовательных дисциплин (физика, химия, математика) и отчасти правовых дисциплин. Так, уже в рамках вновь созданного Сибирского института сельского хозяйства и промышленности профессор Н.П. Песков, работавший в политехническом институте, стал заведующим

кафедрой неорганической химии. К.Г. Дишлер, преподававший там же правовые дисциплины, перешел работать в объединенный вуз на должность доцента.

Одним из источников пополнения преподавательских кадров сельскохозяйственного института стало Омское среднее сельскохозяйственное училище. Например, в августе 1918 г. преподаватель училища С.Д. Лавров назначается старшим ассистентом по кафедре зоологии [9]. В отдельных случаях (ведение занятий по иностранным языкам) привлекались преподаватели омских гимназий.

Подведем итоги

1. Формирование профессорско-преподавательского состава Омского сельскохозяйственного института осуществлялось по нескольким каналам. Прежде всего это традиционный для высшей школы способ – приглашение того или кандидата для занятия вакантной должности. Этот канал был возможен примерно до весны 1918 г., когда сообщение между Сибирью и Центральной Россией было более или менее регулярным, не ограничивалось фронтами, была возможность потенциальным соискателям профессорских и преподавательских вакансий прибыть к месту службы.
2. С образованием на территории Сибири антибольшевистских правительств, началом активных боевых действий основной источник пополнения преподавательскими кадрами для института был связан с потоком беженцев (например, «казанский исход» профессуры), в котором действительно было немало университетских профессоров, преподавателей, готовых приложить свои знания и умения в молодом сибирском вузе.
3. Третий канал пополнения – местный (немногочисленные сибирские вузы, технические и сельскохозяйственные училища, гимназии).

Как показали дальнейшие события, все три канала по окончании гражданской войны стали недостаточными для решения кадрового вопроса. Довольно значительная часть профессуры с отступающими колчаковскими войсками ушла дальше на восток, а затем эмигрировала. Поэтому неслучайно 9 июня 1920 г. Сибревком принимает знаменитое постановление о милитаризации вузов, которое и профессоров, и студентов в порядке учебно-тру-

довой повинности обязывало работать и учиться в соответствующих вузах. Но это мало помогало. Уже на следующий год (1921) начался отток профессуры в центральную Россию несмотря на все существовавшие запреты. Исход профессуры из Сибирского института сельского хозяйства и промышленности был весьма существенным и болезненным. Но этот сюжет выходит за рамки настоящего сообщения.

Литература

1. *Слабодцкий В.В.* Первый аграрный вуз в Сибири. От зарождения идеи – до воплощения в жизнь // Агротайм. – 2015. – № 7. – С. 9.
2. Исторический архив Омской области (далее – ИсАОО). Ф. 492. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.
3. Архив общего отдела ФГБОУ ВО ОмГАУ им. П.А. Столыпина. Личное дело проф. Алексева Дмитрия Викторовича. Л.5.
4. Правительственный вестник. – 1919. – 29 января.
5. Сибирский вестник. – 1918. 25 августа
6. ИсАОО. Ф.492. Оп.5. Д.5. Л.2. Рукопись.
7. Правительственный вестник. – 1918. – 4 декабря.
8. Правительственный вестник. – 1918. – 12 декабря.
9. *Червоненко В.Н.* Ученые Омского сельскохозяйственного института (1918–1993). Профессора. Доценты-руководители вуза, деканы, заведующие кафедрами. Руководители отделов. – Омск, 1994. – С.63.

УДК 908

Ю.Р. Горелова

*Омск, Сибирский филиал Российского научно-исследовательского
института культурного и природного наследия
им. Д.С. Лихачева, Сибирская государственная
автомобильно-дорожная академия*

ОБРАЗ ОМСКА ВРЕМЕН ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В статье описывается облик Омска времени пребывания в городе Директории и правительства А.В. Колчака. Автор опирается на опубликованные воспоминания современников того времени.

Ключевые слова: облик города; облик жителей; образ жизни.

Y.R. Gorelova

*Omsk, Siberian branch of the Russian scientific research
Institute cultural and natural heritage. D.S. Likhachev,
Siberian state automobile and highway Academy*

IMAGE OMSK THE CIVIL WAR

The article describes the appearance of the Omsk time stay in the Directory and the government AV Kolchak. By actively relies on the published memoirs of contemporaries of that time.

Key words: the appearance of the city; the appearance of people; lifestyle.

Первые послереволюционные десятилетия характеризуют сложной социально-экономической ситуацией и бурными изменениями во всех сферах духовной жизни общества. Естественно, что изменился и облик городов. Многие здания изменили свое функциональное назначение, многие были перестроены, а некоторые (в основном это касается храмов) уничтожены, остро стояли проблемы городского благоустройства.

Одной из интереснейших, ярких, хотя и противоречивых страниц в жизни города, заметно отразившейся на трансформации его образа, стал период, когда Омск на короткое время стал столицей России.

В период двоевластия (1917–1919 гг.) новые здания не возводились, достраивались сооружения, начатые до революции. Если не считать проведения водопровода не было сделано заметных шагов в плане развития коммунального хозяйства и улучшения санитарного состояния города. Исследователи обращают внимание на то, что после приезда в Омск Директории «Омск как то сразу потерял свой тихий провинциальный вид и зажил яркой и шумной жизнью столичного города» [4, с. 51]. Отмечается, что Директории в Омске было неуютно. «Дух Омска – дух монархизма и государственности – не оставлял никаких надежд для эссерствующей профессуры... или прожженных политиканов» [2, с. 48], поэтому вскоре Директорию заменило правительство Колчака, которое наложило отпечаток на образ города.

К. Канаки отмечает, что приметы столичной жизни были видны во всем: «Необычное оживление пешего, конного и автомобильного движения на улицах, нахлынувшая в Омск со всех сторон пестрая толпа беженцев, войска русские и иностранные, проходящие на фронт и гарнизонные, все в разнообразных мундирах и шинелях старой русской, английской, чешской, сербской, японской, польской и американских армий – все это бросалось в глаза. На этом живописном фоне резким контрастом выделялись мундиры пленных немцев, венгров, турок, конвоируемых на работы» [2, с. 48].

Камский, побывавший в Омске в 1919 г., в путевых записках отмечает, что город в целом выглядел непрезентабельно. Исключение составлял Любинский проспект, «который был битком набит экипажами и людьми», но стоило свернуть с него, «сразу же начинались кривые, затопленные черной грязью переулки, подслеповатые домики, размытые каналы, заборы, харчевни, лавочки – серенькая диковатая глушь сибирских городов. На улицах валялись лошадиные черепа, дохлые крысы и тряпки... Несколько скрашивали общее впечатление лишь реющие над некоторыми крышами флаги союзных и дружественных держав» [3, с. 3].

В этот период Омск становится прибежищем для многих организаций и учреждений: «...Несколько десятков больших и хороших домов города не могли удовлетворить спрос... Учреждения с чрезвычайно громкими названиями, найдя дом получше, громоздились в него по несколько штук» [3, с. 3]. В самом центре города в так называемом «Доме Свободы» помещался Совмин, ставка Колчака занимала огромное здание Управления омской железной дорогой.

Исследователи отмечают чудовищное перенаселение города. Если в 1917 г. население Омска составляло 113 680 человек, то в 1919 г. выросло на 600 000; омские обыватели растворились в огромных толпах приезжих. «Волею судеб Омску, до этого времени относительно небольшому, суждено было в этот смутный период приобрести, можно сказать, всемирную известность и значение в качестве одного из наибольших центральных и деятельных пунктов проявления хода гражданской войны» [2, с. 47].

Инфраструктура города, не рассчитанная на такое количество приезжих, не справлялась, отчего «город приобрел характер временного поселка, лагеря...» [3, с. 3]. «Две-три булочные, будучи приспособлены лишь к обычным потребностям города, моментально распродавали товар и весь день стояли закрыты, бани не могли вместить всех желающих мыться, прачки не успевали стирать белье, рестораны разваливались от впиравшей публики...» [3, с. 3].

В период правления Колчака, как, пожалуй, ни в какой другой, уличная публика Омска резко различалась по социальному статусу и, соответственно, месту обитания. «Толпа Любинского проспекта состояла главным образом из союзников, чиновников, военных, дам. Тут можно было увидеть великолепные туалеты, отлично сшитые френчи, фуражки всех ведомств, безукоризненные панамы, портфели, ослепительное белье... На других улицах были другие люди – рабочие в заплатанных грязных рубашках, суровые и замкнутые, там уныло бродили оборванные солдаты, скромно пробегал туповатый и хитренький, занятый своими коровами и огородами сибирский обыватель, сновали беженцы, мещане, мелкие чиновники, вдовы, торговцы и разный пришлый темный люд, набившийся в Омск со всех уголков России» [3, с. 3].

В 1919 г. город наводнило значительное количество сомнительной публики. «На Любинском проспекте с утра до вечера фланирующая толпа всякого рода аферистов, искателей мест и заработков, продавцов старого платья и папирос, табака, семечек, юркие продавцы газет со всего света, хвосты похмельных очередей, чающих открытия лавок... здесь же обтрепанные просители подаяния, вздрагивающие от резких звуков клаксонов с шумом и свистом несущихся нарядных автомобилей...» [2, с. 48].

К.П. Горшенин, вспоминая об Омске времени правления Колчака, отмечал: «в основном это был тот же деревянный город – с дощатыми тротуарами или без всяких тротуаров. К этому време-

ни сильно изменился состав населения. Появилось много военных, в том числе иностранных, всюду развернулась деятельность черного рынка и спекулянтов...» [1, с. 59].

Несомненно, негативным последствием внезапно обретенной столичности для Омска стало увеличение разного рода низкопробных увеселительных заведений, рассчитанных на посетителей разного класса. Низшие слои развлекались в многочисленных харчевнях и притонах, где «под хриплый вой граммофонов среди табачного дыма, визга женщин и звона бутылок этот люд веселился. Широко неся из открытых окон в темноту улиц разгульный гомон и рев, причудливо переплетаясь в воздухе с нежными, изысканными мелодиями, которые долетали из садов и дорогих ресторанов, где развлекалась фешенебельная публика Любинского проспекта...» [3, с. 3]. Обилие развлекательных заведений в столь короткие сроки наводнивших город, создавало впечатление, что они являлись сосредоточием всей его жизни. Однако не стоит упрощать ситуацию и говорить о том, что Омск в 1919 г. представлял из себя не более чем совокупность развлекательных и увеселительных заведений, рассчитанных на разные типы публики.

В этот же период в Омске продолжали действовать и более высококультурные и высокоинтеллектуальные культурные учреждения, в частности Городской драматический театр, Омское филармоническое общество, несколько прекрасных военных оркестров и др. [4, с. 51]. К началу 1919 г. в Омске скопилось значительное количество творческой интеллигенции, «сумевший вырваться из красной совдепии». Приезжие артисты, литераторы, художники внесли новую струю в культурную жизнь Омска. В этот период Омск посетили петербургские поэты Сергей Ауслендер и Георгий Маслов, по пути в Нью-Йорк Омск посещал «отец русского футуризма» Давид Бурлюк. Особый колорит омской литературной жизни тех лет придавали «пятницы» Антона Сорокина. В 1919 г. в Омске действовали кинотеатры «Гигант», «Сфинкс», «Кристалл Палас», «Одеон», электротheater «Прогресс», цирк.

Стоит подчеркнуть, что в это нестабильное время естественным для образа Омска оставалось обилие военных. Добрая половина мужского населения города были военные, но далеко не все они под разными предлогами дезертировали с фронта... Штабы и всевозможные управления тыла колчаковской армии были, что называется битком набиты» [3, с. 3].

Еще одним штрихом к портрету Омска 1919 г. должно стать упоминание о том, что размещалось множество госпиталей из-за чего он приобретал сходство с прифронтовым городом. Стоит добавить обострившуюся до предела жилищную проблему, эпидемии тифа, множество осиротелых детей и толпы беженцев.

Можно согласиться с мнением К. Канаки о том, что «внешне Омск выглядел бойким буржуазно-монархическим центром, постоянно празднующим свою победу. Однако «подвиги» карательных отрядов, разосланных по деревням и глухие слухи об усиливающемся нажиме красных все более охлаждали бравадные настроения омской публики» [2, с. 48].

В октябре 1919 г. был сдан Петропавловск, из Омска сначала уехали зажиточные слои, затем эвакуировались учреждения. Ситуация обострилась к весне 1919 г. Облик города меняется. Исследователи отмечают, что типичными становятся длинные очереди молчаливых, закутанных платками женщин, серые лица обывателей, терпящих нужду в самом необходимом, спекуляции и т. п. [1, с. 58]. «Практически исчезли празднично шатающиеся господа, дамы полусвета, трудно было узнать прежних барынь в женщинах, скромно одетых, в глубоко повязанных платках, самолично несущих в своих нежных ручках корзины с провизией» [2, с. 49].

После прихода в город красных «... начались субботники и дни чистоты, ремонта, погрузки дров, копания садовых ям, таскания кирпичей на сломанные постройки и проч.» [2, с. 49].

К концу второго десятилетия XX в. Омск состоял из собственно города, делившегося на две части (правобережную и левобережную), Атаманского хутора в районе вокзала и быстро растущего Ново-Омска на левом берегу Иртыша возле станции Куломзино. В различных частях города было много одноименных улиц, что создавало определенную путаницу. Эти трудности унаследовал и послереволюционный Омск.

В Омске к 1920 г. насчитывалось 141,8 тысяч человек постоянного населения (против 113 тыс. чел. в 1917 г.). При этом советская власть должна была обеспечить помещениями не только жителей, но государственные и партийные организации. Сложность ситуации усугублялась тем, что многие здания в этот период были заняты госпиталями чрезвычайной комиссии по борьбе с тифом (в Омске в 1920 г. было зарегистрировано 20 тысяч тифознобольных).

До начала 1920-х гг. Омск преимущественно рос в основном за счет индивидуальных застройщиков. В 1926–1927 гг.

было разрешено строительство суррогатных домов с насыпными стенами, что еще подстегнуло индивидуальных застройщиков (в силу дешевизны данных строительных материалов).

В 1920-е гг. в городе было создано множество учебных заведений, среди которых сельскохозяйственный техникум, промышленно-экономический техникум, механико-строительный, художественно-промышленный, педагогический техникум, Высшая военная школа Сибири и др. Приказом Сибнаробраза медицинский факультет Сибветинститута преобразован в Омский медицинский институт. Из технического железнодорожного училища (1903 г.) образован омский железнодорожный техникум. В октябре возобновлена деятельность кинотеатра (бывшего «Кристал Палас»), названного «Художественным» (ул. Партизанская, 4) В 1922 г. аэродром перенесен из района улицы Ипподромной в Куломзино, на левый берег Иртыша, где находится до сих пор. В июне 1923 г. началось автобусное движение между вокзалом и театром. В июле 1924 г. состоялось торжественное открытие первого городского стадиона – «Динамо». В апреле 1924 г. ЦЭС, усиленная ещё одним турбогенератором, стала работать круглосуточно, не только на освещение, но и на электрификацию производства – махорочной, суконной фабрик, 1-го мехзавода и завода «Красный Пахарь», мельницы «Хлебобоб» и водонасосной станции.

Таким образом, Омск, пережив трудные годы Гражданской войны, постепенно начинает становиться на рельсы мирного созидания и развития. Город ожидает впереди много трудностей и побед, но в эти тревожные годы город живет яркими надеждами новой жизни.

Литература

1. Горшенин К.П. Слово о старом Омске // Известия Омского отдела Географического общества Союза ССР. – 1966. – Вып.8(15). – С. 58–59.
2. Канаки К. Омск смутного времени // Омское наследие. – 2008. – №4. – С. 47–49.
3. Камский. Сибирское действо. – Пг., 1922. Цит. по: Вечерний Омск. – 1999. – 16 февраля. – С. 3.
4. Ракова А. «...И проснулись в столице» // Омское наследие. – 2008. – №4. – С. 50–51.

УДК 930+32.019.52

Д.И. Петин, М.М. Стельмак
*Омск, Исторический архив Омской области,
государственный технический университет*

СИБИРЬ, СОЮЗНИКИ И КОЛЧАК.
ВОСПРИЯТИЕ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО
ПЕРИОДА 1917–1922 ГГ.
СОВРЕМЕННЫМ ОБЩЕСТВОМ
(В рамках работы Центра изучения истории
Гражданской войны)

Работа посвящена восприятию нашими современниками событий и персоналий периода Гражданской войны в России (1917–1922 гг.). Основой для написания работы стал личный опыт авторов, полученный при публичных выступлениях, а также в рамках проведения экскурсий в Центре изучения истории Гражданской войны исторического архива Омской области. Авторами делается попытка обозначить ключевые аспекты возникновения исторических мифологем о Гражданской войне в России и путях их преодоления в массовом сознании.

Ключевые слова: Гражданская война; Сибирь; Омск; Колчак; мифы; общество.

D.I. Petin, M.M. Stelmak
*Omsk, Historical archive of the Omsk region,
State Technical University*

SIBERIA, THE ALLIES AND KOLCHAK.
THE PERCEPTION OF THE MILITARY REVOLUTIONARY
PERIOD FROM 1917 TO 1922. MODERN SOCIETY
(In the framework of the Center for the study
of the history of the Civil war)

This paper is described to the study of the perception of our contemporaries events and personalities of the period of the Russian Civil war (1917–1922). As a basis for writing the work of the authors personal experience obtained during public appearances was used, and as part of guided tours at the Center study history of the Civil war, the historical

archives of the Omsk region. The authors attempt to identify the key aspects of the emergence of historical myths about the Civil War in Russia and ways to overcome them in the mass consciousness.

Key words: Civil war; Siberia; Omsk; Kolchak; myths; society.

Наши образы владеют нами,
и мы страдаем от своих собственных образов.
Г. Маркузе

Организация и проведение экскурсий, публичных лекций, школьных уроков, кинолекториев, научных конференций и других мероприятий является одной из ключевых составляющих деятельности Центра изучения истории Гражданской войны – выставочной и интеллектуальной площадки исторического архива Омской области. За период своей работы Центр стал одним из брендовых мест Омского региона. С 2012 г. на массовых мероприятиях, организованных здесь, побывали 17 500 человек – не только омичи, но и гости нашего региона. В результате своей профессиональной деятельности, авторам удалось познакомиться с различными мировоззренческими картинками лиц, в разной степени заинтересованных темой Гражданской войны в России. Во время такого общения, дискуссий и разговоров выяснилось, что у многих преобладает искажённое представление об исторических явлениях, фактах и персоналиях. Причём ошибочные знания присутствуют не только о глобальных событиях, но и локальных.

Например, только об особняке К. А. Батюшкина (где в 1918–1919 гг. была личная резиденция верховного правителя А. В. Колчака, а ныне находится Центр изучения истории Гражданской войны) существует как минимум 10 мифов, искажающих не только историю здания, но и, через него – историю Омска [1], несмотря на то что история не только особняка, но и его владельцев, а также происходивших в нём событий уже неоднократно попадали в поле зрения современных исследователей [2, 3, 4], а также было широко представлено в прессе в рамках интервью сотрудников Центра.

Работа в Центре показывает, что граждане нашего общества зачастую имеют далеко неполные знания о причинах, ходе боевых действий, последствиях Гражданской войны. В частности, в начальных воззрениях посетителей Центра дореволюционная Россия предстаёт как идеальное общество, без накопившихся проблем и классовых противоречий. Единственным его недостатком

они называют гуманную систему наказаний. Вина за 1917 год и его последствия возлагается на иностранные державы (в числе которых и союзники, и противники России в годы Первой мировой войны), инородцев Российской империи, различные тайные общества (к примеру, масонов) и даже некое мистическое начало (действия Антихриста). Причиной таких оценок можно назвать прежде всего историческую неграмотность населения, вызванную обилием псевдоисторической информации в публицистике и прессе.

Что касается истории Омска в период Гражданской войны, то его столичный статус весьма хорошо известен посетителям. Но несмотря на то что посетители знают, что в Омске располагался центр антибольшевистской государственности, мало кто называет причины, по которым именно наш город выполнял данную роль. Временный столичный статус города не увязан, в представлении общества, с тем, что до 1917 г. в Омске располагались центр Акмолинской области и Степного генерал-губернаторства. Нашим современникам практически неизвестно, что либерально-буржуазные круги летом 1918 г. избрали Омск в качестве столицы, в том числе благодаря сложившемуся здесь чиновничьему аппарату и традициям управления.

По мнению посетителей, на протяжении всего периода Гражданской войны Омск являлся столицей антибольшевистской России с правительством А. В. Колчака, лично (!) участвовавшего в занятии города 7 июня 1918 г. По сути четыре правительства – Западно-сибирский комиссариат, Временное сибирское правительство, Временное всероссийское правительство (Директория), Российское правительство А. В. Колчака, объединяются обывательским сознанием в одно, а наполненная противоречиями политическая жизнь «белой» Сибири не берётся во внимание.

Об А. В. Колчаке сегодня имеются весьма разнообразные мнения, при этом отчётливо отмечается тенденция ухода в крайности. Об адмирале в обществе преобладает идеализированное и упрощённое представление, являющееся полной противоположностью его негативному образу, тщательно слагавшемуся в советские годы. Колчак сегодня – это исследователь Арктики, действовавший едва ли не в одиночку или даже лично (!) возглавлявший полярные экспедиции. Общеизвестно, что в своей первой экспедиции А. В. Колчак – второй офицер шхуны «Заря», выполнявший весьма ответственную работу (гидрологические,

гидрохимические, топографические и магнитные исследования). При этом из поля зрения наших современников пропадает фигура известного путешественника и исследователя, организатора данной экспедиции барона Э.В. Толля и других участников того арктического похода.

Также адмирал Колчак зачастую предстаёт как выдающийся флотоводец наравне с Ф.Ф. Ушаковым, П.С. Нахимовым, С.О. Макаровым. Но из исторической памяти полностью исключён адмирал А.А. Эбергард, командующий Черноморским флотом до А.В. Колчака, проявившей себя как более успешный стратег [5]. Следуя законам данного образа, А.В. Колчака и в годы Гражданской войны воспринимают как некоего «белого рыцаря», страдавшего от недостатка грамотных людей в окружении. Здесь снова проявляется знакомая для российской истории (и даже историографии!) формула «добрый царь и плохие бояре. Парадокс, но немало лиц с историческим образованием считают столичный статус Омска заслугой А.В. Колчака, несмотря на то что город получил его задолго до приезда адмирала – 23 июля 1918 г. [6]. Военно-политическое поражение Российского правительства А. В. Колчака наши современники часто связывают исключительно с недобросовестностью людей на местах.

При этом небольшая часть населения всё же придерживается иной одиозной крайности, и характеризует А.В. Колчака сугубо отрицательно, лично санкционировавшего террор на подконтрольной ему территории.

Большую роль в поражении Белого движения, по изначальному мнению посетителей Центра, сыграли иностранные союзники. Однако здесь мы также можем видеть ряд крайностей. Историография 1930-х гг. значительно преувеличивала помощь интервенции антибольшевистским силам, говоря о «походе 14 государств». Это мнение в обществе присутствует и сегодня. Естественно, в иностранной интервенции участвовало несколько стран, хотя ведущая роль была за Великобританией, Северо-Американскими Соединёнными Штатами, Францией, Японией.

Ныне существует мнение, что никакой иностранной помощи антибольшевистскому движению не было. Количество иностранных военных было незначительным. Находясь на территории России, они либо мешали белому движению, либо выступали совместно с большевиками. Однако если говорить о реальном количестве иностранных военных, то только в Сибири и на Дальнем Востоке

(без учёта других регионов) на начало 1919 г. находилось британцев – 1000, канадцев – 4000, французов – 700, американцев – 7500, японцев – 50000, чехословаков – 50000, поляков – 12000, итальянцев – 2000, румын – 4000, сербов – 4000 [7]. Нельзя забывать о реальной союзнической помощи антибольшевистскому движению оружием, боеприпасами, медикаментами, обмундированием, кредитами. Это, однако, не мешает обывателям считать, что «А.В. Колчак за миг до полной победы антибольшевистского движения был намеренно предан союзниками».

Озвученные мифологемы подтверждают важность работы Центра изучения истории Гражданской войны. Книга отзывов полностью отображается на официальном сайте Исторического архива Омской области. Экспозиции, экскурсии и познавательные мероприятия омских архивистов вызывают у посетителей интерес, благодарность за историческое просвещение и развенчивание мифов о российском прошлом.

Важно отметить, что наличие в сознании различных клише, необоснованных заблуждений, порой переходящих в реакционные крайности, являются не виной, а бедой отдельных граждан. Сегодня человек, далёкий от исторической науки, восполняет свои знания через Интернет, СМИ, массовую культуру, реже – через работы современных публицистов, не воспринимая эти источники критически. Большую роль играет и современное искусство, которое часто является некачественным. Один из наиболее ярких примеров – фильм «Адмирал», рассчитанный на облегчённое восприятие с акцентом на мелодраму. В итоге, К.Ю. Хабенский, по нашему мнению, показал не А.В. Колчака, а некий собирательный идеал белого офицера. Пожалуй, главным достоинством «Адмирала» стало привлечение внимания общества к исторической проблеме Гражданской войны. Но публике сложно отличить художественный образ от исторической реальности. Немаловажное влияние на наше общество оказало и то, что «в конце 1980-х гг. произошла не деидеологизация, а идеологический переворот в исторической науке, поддержанный либеральными интеллектуалами при помощи части партийной номенклатуры» [8].

Особую важность имеют специальные музеи, научные и выставочные центры посвящённые спорным и неоднозначным моментам отечественной истории. Посетители Центра изучения истории Гражданской войны всегда могут ознакомиться с периодом 1917–1922 гг., получить консультации историков-

архивистов, занимающихся данной тематикой. Это поможет грамотно, без лишних эмоций и споров разобраться в истории и усвоить её уроки.

Литература

1. *Емельянова О.* Золото империи и тайные ходы. 10 мифов о доме Колчака в Омске // Аргументы и факты в Омске. – 2016. – 3 февраля.
2. *Лосунов А.М.* Омский адрес верховного правителя. – Омск : Амфора, 2011. – 211 с.
3. *Шишкин В.И.* Взрыв в усадьбе верховного правителя 25 августа 1919 г. // Гражданская война в Сибири: Материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции (Омск, 2013) / под ред. Д.И. Петина, Т.А. Терехиной. – Омск, 2013. – С. 161–173.
4. *Петин Д.И., Коновалова Н.А.* Капитан Батюшкин: дополняя исторический портрет // Гражданская война на востоке России. Объективный взгляд сквозь документальное наследие. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Омск, 12–13 ноября 2014 г. / под ред. Д.И. Петина. – Омск: Амфора, 2015. – С. 118–125.
5. *Козлов Д. Ю., Подсобляев Е. Ф., Грибовский В. Ю.* «Должен признать... что к делу развития морской силы Колчак имел громадное влияние». К вопросу об эффективности управления силами флота вице-адмиралом А.В. Колчаком // Военно-исторический журнал. – 2006. – № 2. – С. 33–34.
6. *Вибс П.П.* Омское Прииртышье в период Гражданской войны (хроника событий) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – 1994. – № 3. – С. 228.
7. *Нестеренко П.Л.* Сибирская периодическая печать о взаимоотношениях правительства адмирала А.В. Колчака с союзниками: источниковедческий аспект. Дисс. ... канд. ист. наук. – Томск, 2000. – С. 25.
8. *Соловьёв С.М.* «Деидеологизация» и новые мифы. О некоторых особенностях историографической ситуации конца 1980-х годов // Свободная мысль. – 2013. – № 4. – С. 18.

УДК 72.04

Л.В. Чуйко

Омск, государственный институт сервиса

ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЕ НОВАЦИИ
В БЫТОВОЙ КУЛЬТУРЕ ОМСКА.
СОВЕТСКИЕ МОТИВЫ В ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ
ДОМОВОЙ РЕЗЬБЕ. 1920–1950-е ГОДЫ

В статье рассматриваются мотивы домовой резьбы западносибирских городов, содержащие элементы идеологической символики советского государства. Это прежде всего эмблемы, включенные в герб Советской республики (серп и молот, пятиконечная звезда), а также символы мирной домашней жизни – изображения птиц и животных.

Ключевые слова: домовая резьба; идеология; советская символика; традиция; дух эпохи.

L.V. Chuyko

Omsk, State Institute of Service

SOVIET MOTIVES
IN THE WEST SIBERIAN HOUSE CARVING.
1920–1950th YEARS

In article the motives of a house carving of the West siberian cities containing elements of ideological symbolic of the Soviet state. First of all the emblems included in the coat of arms of the Soviet republic (a sickle and a hammer, a five-pointed star) and also symbols of peaceful house life – the image of birds and animals are considered.

Key words: house carving; ideology; Soviet symbolics; tradition; spirit of an era.

Послереволюционный период в России был отмечен ярким проявлением новаторских тенденций во всех видах искусства. Свержение самодержавия требовало активной перестройки сознания народных масс и внедрения в окружающую человека среду идеологических элементов, соответствующих времени. Простейшим, но весьма действенным явлением могло служить насыщение

советской символикой городского пространства. Одним из ранних мероприятий советской власти в этой области стал утвержденный в 1918 г. по инициативе В.И. Ленина план монументальной пропаганды. Он имел целью замену памятников царского режима изображениями отечественных и зарубежных деятелей революционного движения, истории, культуры, символическими композициями, олицетворяющими свершения победившего пролетариата во имя Советской республики [1, с. 49–53].

В столичных городах и административных центрах России это намерение осуществлялось успешно, тем более что «во второй половине 1920-х годов в условиях жестких экономических ограничений общественному мнению импонировал декларативный практицизм конструктивистов» [2, с. 132]. Конструктивизм предоставлял как архитекторам, так и скульпторам широкое поле для экспериментов.

Но в провинциальных городах, тем более в далекой Сибири, где преобладали одноэтажные деревянные дома, а устройство просторных улиц, площадей и бульваров, в пространстве которых памятники выглядели бы органично, было делом неблизкого будущего, новшества внедрялись менее активно и в меньшем количестве. Например, в Омске в течение 1920-х гг. было установлено только два монумента такого рода – памятник Борцам революции (скульптор Н.Н. Виноградов) и памятник погибшим в восстании против Колчака 22 декабря 1918 г. [3, с. 60].

В провинциальной городской среде, тем более в массовой жилой застройке преобладали черты дореволюционного художественного наследия. Деревянному зодчеству нечего было почерпнуть из нового архитектурного стиля с его рациональностью и равнодушием к традиционному архитектурному декору. В такой ситуации естественно обращение к объемно-пластической композиции, привычным конструктивно-декоративным элементам и мотивам орнамента, источниками которых служили, как правило, архитектурные декорации барокко, классицизма, модерна и русского стиля. Эти признаки были характерны для оформления жилых построек Омска 1920-х гг., когда город активно застраивался деревянными частными домами (улицы Линии, Рабочие, Ремесленные, Северные), а после 1924 г. развернулось государственное и кооперативное строительство, ориентированное на экономически выгодный тип двухэтажного деревянного дома.

Рис. 1

Рис. 2

Первые кооперативные сооружения такого типа появились в центре Омска в 1925 г. на улицах Профессиональной (ныне Броз Тито) и Веры Засулич – два одинаковых двухэтажных дома на четыре семьи, рубленные из массивных бревен, с двумя входами – слева и справа – на парадном фасаде. Расположение входов подчеркивали дугообразные фронтоны обозначением даты постройки. В газете «Рабочий путь» за 25 апреля 1925 г. в описании этих «громadных, высоких, светлых» домов было упомянуто и декоративное оформление – знаки новой государственной символики [4, с. 60].

Необходимо отметить удачное дизайнерское решение, совместившее привычное обрамление окна с эмблемой Советского государства (серп и молот, обрамленные венком), размещенной в тимпане полуциркульной арки (рис. 1). Пятиконечные звезды расположились наподобие традиционной ленты накладного пропильного орнамента под карнизом фасада. Эффектное оформление придавало необходимый идеологический оттенок облику дома.

По такому же принципу выполнено декоративное решение наличников двухэтажного жилого дома (ул. 3 Линия, 191, рис. 2). Наличник в виде плоской рамы характерного изящного контура был распространен в 1900–1910-е гг., когда стиль модерн оказывал большое влияние как на профессиональное, так и народное декоративное искусство.

Характерна для модерна и гармоничная композиция из кругов и вертикальных линий в верхней части обрамления окна, в которую естественно вписывается изображение пятиконечной звезды. В таком окружении звезда – древний мистический символ, получивший новую жизнь в советской эмблематике, воспринимается скорее как обычный элемент орнамента, а не идеологический акцент (рис. 2).

Рис. 3

В скромном, сдержанном декоративном оформлении жилых домов № 11 и 13 по ул. Маяковского введение советской символики изначально не предполагалось. Однако попытка приобщения к новой реальности была сделана. В результате появился несколько неуклюжий гибрид: стилистика модерна в архитектурно-декоративном решении одного из двух домов была нарушена примитивными изображениями серпа и молота, без особых раздумий наложенными на плоскость фронтонов (рис. 3).

Разнообразие применяемых народными мастерами декоративных решений позволяло вводить изображение пятиконечной звезды в традиционные резные композиции, украшающие наличники жилых домов (рис. 4).

Рис. 4

Немало таких примеров насчитывалось в оформлении застройки Омска 1920–1930-х гг.; и позднее, в середине и второй половине XX в., этот мотив не вышел из употребления, будучи связан в народной памяти с военной атрибутикой и событиями Великой Отечественной войны.

Развитие домовой резьбы в Омске, Таре и других городах Западной Сибири шло по пути упрощения традиционных форм, мотивов и технических приемов.

Активное формирование в Советском государстве атеистического мировоззрения, ставшее одним из основных аспектов воспитания и образования, затронуло не только христианское вероисповедание. Развернулась энергичная борьба с пережитками старого быта, среди которых значительное место занимали различные суеверия, т. е. отголоски древних верований и обрядов. Это не могло пройти бесследно; духовная связь людей нового поколения с глубокими национальными традициями ослабевала, резной декор деревянной архитектуры в обыденном восприятии становился только старинным способом украшения жилья.

Поскольку старинное зачастую было равнозначно «отжившему», люди передовых взглядов и вовсе считали его ненужной и даже вредной данью патриархальному обычаю, неуместному в мире технического прогресса и индустриализации. Содержание эпохи в полной мере определяло концепцию личности человека нового общества, ориентированного на строительство индустриального будущего¹. Терялась коллективная память, составляющая основу народных художественных промыслов, создавались новые образцы жилья, которые не соотносились с древними традициями декоративного оформления. Однако добиться полного исчезновения этой памяти было невозможно. Потребность в красоте, в позитивном эмоциональном переживании явлений окружающего мира прочно держалась на бытовом уровне. Использование советской государственной

¹ Так, например, в книге С. А. Козловой «Итоги научного строительства в г. Омске за первые десять лет советской власти» (Омск, 1930) на стр. 16 читаем: «Сибирские города не благоустроены, даже общественные здания не имеют художественного оформления, сочетания целесообразности и художественной эмоциональности. Жилые дома архаичны по материалу (дерево) и по орнаменту, богаты по своему разнообразию, но вычурному по стилю, чуждому нашей эпохе. В городах европейской части РСФСР такие образцы деревянных построек давно исчезли».

символики в домовой резьбе было недолгим (за исключением пятиконечной звезды).

«Рядовой строитель нового мира, простой советский человек – центральный персонаж советского искусства – выводится из героического измерения. Он перестает быть субъектом ритуального сюжета, в ходе которого осуществляется символический рост его сознательности, позволяющий приобщиться к высшим ценностям, приближающим его к миру вождей. Неофициальная советская мифология складывалась параллельно официальной, была ее своеобразным зеркальным отражением» [5, с. 168].

В 1940–1950-е гг. естественное желание человека, живущего мирной жизнью и погруженного в неофициальную советскую мифологию, подчеркнуть благополучие своего личного, уютного и устойчивого микромира стимулировало распространение в резном декоре частного жилища изображений птиц и животных – домашних или вольных.

В это время в обиходе западносибирской домовой резьбы появляются незамысловатые симпатичные изображения голубков, курочек, петушков, уток [6, с. 105–106]. Образ птицы утратил мифологическую глубину символа, обнаруживая тяготение к бытовому началу, и приобрел узнаваемые, понятные черты (рис. 5, а–в). Фигурки вольных птиц (в нашем примере кулик и чайка на рис. 5 г, д) также включались в резные декоративные композиции и так же умело сочетались с другими мотивами – растительными, геометрическими, стилевыми. При этом иногда могло быть проявлено и некоторое сюжетное начало, например, полет чайки над волнами (рис. 5, д).

На карнизах и очельях наличников хозяева охотно размещали изображения любимых с детства представителей лесного животного мира – зайчиков, белочек; они встречаются в резном декоре городских и сельских жилых домов и во второй половине XX в.

Резной декор деревянной архитектуры, являясь частью национального художественного процесса, в полной мере отразил его историческое развитие. Народная городская культура, следуя за изменениями в сфере профессионального искусства, сумела воспринять и воплотить дух эпохи в произведениях, представляющих успешный перевод официального искусства на язык народного творчества.

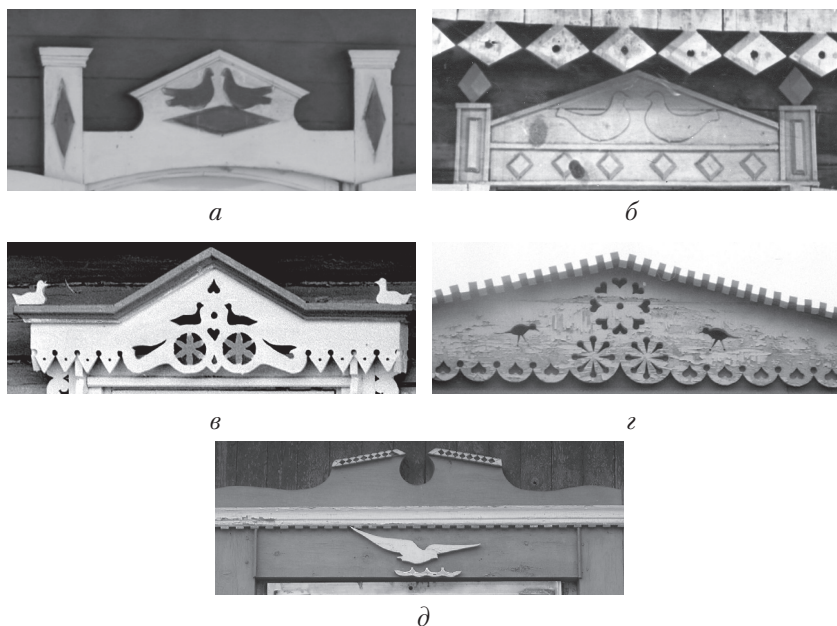

Рис. 5

Литература

1. Толстой В.П. У истоков советского монументального искусства. – М., 1983.
2. Иконников А.В. Архитектура и история. – М., 1993.
3. Кочедамов В.И. Омск. Как рос и строился город. – Омск, 1960.
4. Там же. – С. 60
5. Саморукова И.В. Куриная символика в литературе поздне- и постсоветского периодов // Зверь как знак: интерпретация культурных кодов / сост. и общ. ред. В.Ю. Михайлина, Е.С. Решетниковой. – Саратов; СПб.: Лиска, 2011.
6. Чуйко Л.В. Резной декор деревянной архитектуры. Омск и Тара. Конец XIX–вторая половина XX в. – М., 2005.

УДК 009; 908

Н.А. Томилов

*Омск, филиал Института археологии и этнографии СО РАН, г
осударственный университет имени Ф.М. Достоевского*

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ ОМИЧЕЙ

Приведена классификация социальных функций культурного наследия. Подчеркнуто, что большую значимость в преодолении социально-экономического и отчасти мировоззренческого кризиса в России и для создания базы для стабильного развития российского общества приобретают мировоззренческая, коммуникативная, политическая, воспитательная, эстетическая и созидательные функции историко-культурного наследия. Охарактеризованы инициативы общественных деятелей Омского филиала Российского фонда культуры по установлению памятников и мемориальных досок, возвращению Омску ряда исторических топонимов и др.

Ключевые слова: социальные функции; историко-культурное наследие; памятник; мемориальная доска; исторический топоним.

N.A. Tomilov

*Omsk, Branch of the Institute of Archaeology
and Ethnography, Dostoevsky State University*

HISTORICAL-CULTURAL HERITAGE AND HISTORICAL MEMORY. THE PUBLIC INITIATIVE OF OMSK

The classification of the social functions of the cultural heritage, which is concentrated in museums. It was stressed that greater importance in overcoming the socio-economic and partly ideological crisis in Russia and to create a basis for stable development of the Russian society become ideological, communicative, political, educational, aesthetic and creative features of historical and cultural heritage. We characterize the initiative of public figures of the Omsk branch of the Russian Culture Foundation for the establishment of monuments and plaques, the return of a number of historical place names Omsk and others.

Key words: social functions; historical and cultural heritage; a monument; a plaque; a historical place name.

Историко-культурное наследие человечества, сосредоточенное в памятниках и предметах музейного значения, в современном мире играет значительную роль в жизни человечества, сохраняя историческую память о событиях, культуре и социуме прошедших эпох. Фактически это часть настоящего и будущего бытия. Ниже о некоторых социальных функциях этого наследия.

Функция интеграции – обеспечивает связи между современной социокультурной действительностью и социокультурными явлениями прошлых эпох.

Функция идентификации – вызывает осознание людьми сходства и различия современных социокультурных систем с прошлым.

Познавательная (научно-исследовательская) функция – дает возможность моделирования исторических процессов.

Образовательная функция – передает людям знания об историко-культурном прошлом через информативную значимость памятников и предметов музейного значения.

Мировоззренческая функция – формирует установки людей на единство человечества, общность его исторических судеб и его многообразие в социокультурной среде.

Коммуникативная функция – способствует пониманию и общению людей в рамках хронологической глубины истории человечества.

Дифференцирующая функция – разделяет человечество на социокультурные ареалы.

Экономическая функция – увеличивает ценности человечества, в том числе в финансовом исчислении.

Политическая функция – позволяет использовать историческое и социокультурное наследие для доказательства объективных политических процессов и явлений в этнической истории.

Воспитательная функция – вызывает уважение к прошлому человечества и его народов, развивает патриотические установки и чувства.

Эстетическая – формирует вкусы в сфере красоты и ценностные оценки художественной деятельности людей.

Созидательная функция – увеличивает объем участия историко-культурных ресурсов музеев в развитии общества, в том числе

через проведение научных исследований прикладного характера и увеличение объема самих историко-культурных ресурсов.

В современном периоде жизни человечества основная задача ученых и работников культуры состоит в усилении действия комплекса социальных функций историко-культурного наследия каждой страны.

В Российской Федерации в условиях преодоления социально-экономического и отчасти мировоззренческого и интеллектуального кризиса и создания базы для стабильного развития российского общества большую значимость в современных ситуациях социальной и культурной жизни страны приобретают мировоззренческая, коммуникативная, политическая, воспитательная, эстетическая и созидательная функции историко-культурного наследия. Основные виды действия этих функций – это музейная работа, научно-пропагандистская деятельность ученых, работа археологических, историко-краеведческих и этнографических научных кружков в системе высшего и среднего образования, развитие исторического краеведения и др. Научную базу для повышения эффективности действия вышеназванных функций составляет успешное развитие археологических, историко-краеведческих и этнографических исследований, а также усиление в научной и социальной сферах жизни России научно-документационной, познавательной функций культурного наследия в областях интеграции, идентификации социокультурных систем прошлого и настоящего.

От результативности развития и действия общественных функций историко-культурного наследия зависит и понимание ценности и необходимости сохранения и пополнения самого этого историко-культурного наследия.

И теперь об общественных инициативах в деле сохранения и приумножения историко-культурного наследия на примере деятельности Омского филиала Российского фонда культуры (до 1992 г. – Омского областного отделения Советского фонда культуры). С самого начала функционирования этой общественной организации (создана в 1987 г.) в ней действовали и действуют сегодня совет «Культурное наследие и современность» (многие годы председателем был М.М. Хахаев, сегодня эту роль выполняет И.Л. Коновалов), «Память» (председателя этого совета Ф.К. Надя сменил затем И.Е. Бродский), «Краеведение» (председателем сначала был В.И. Матющенко, а позднее П.П. Вибе).

По инициативе этих советов проводилась и проводится довольно заметная работа по усилению роли историко-культурного наследия в стабильном развитии российского общества. Вот некоторые из осуществленных активом Омского филиала Российского фонда культуры проектов. В разные годы по инициативе фонда были установлены мемориальные доски Н.М. Ядринцеву, В.Я. Шебалину, Ю.В. Тварковскому, М.Е. Бударину, проведен конкурс среди скульпторов и архитекторов на лучший проект памятника Ф.М. Достоевскому в Омске, осуществлен сбор средств на создание мемориала воинам – сибирякам, погибшим под городом Белый, на восстановление Тарских ворот в Омске и др. Фонд культуры принимает активное участие в организации и проведении научно-практических мероприятий на историческую тематику – например, Всероссийской конференции «Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне», Международного конгресса «История и культура городов» и др.

Вопросы сохранения и приумножения историко-культурного наследия регулярно обсуждаются на общих собраниях фонда, на заседаниях президиума фонда. Сегодня фонд помогает решить вопрос об установлении мемориальной доски сибирскому писателю И.Ф. Петрову, изучавшему историю памятников в сибирском регионе.

Что касается отражения памяти о Гражданской войне в России (1917–1922 гг.) в монументальных формах, то в свое время Омский филиал Российского фонда культуры высказался против сооружения памятника А.В. Колчаку в Омске, согласившись позднее с возможным установлением памятника ему, отражающего плодотворный период деятельности адмирала А.В. Колчака как мореплавателя, флотоводца и ученого, т.е. до периода участия его в Гражданской войне. Сегодня фонд ставит перед городскими властями вопрос о реставрации памятника венгерскому интернационалисту Карою Лигети и возвращении его на место первоначальной установки в сквере Молодежном на берегу реки Оми (ныне это Воскресенский сквер), как и было задумано создателями этой высокохудожественной скульптурной композиции скульптором Ф. Бугаенко и архитектором В. Десятовым.

В разные периоды своего почти 30-летнего существования Омский филиал Российского фонда культуры выдвигал немало инициатив, в том числе в виде предложений органам местной власти по вопросам сохранения и приумножения историко-куль-

турного наследия Омского Прииртышья. Среди них – установление памятников М.В. Певцову, С.П. Королеву, А.Н. Туполеву, выдающимся режиссерам, актерам, художникам, писателям, чьи судьбы были связаны с Омском; восстановление штабного дома в Омской крепости; возвращение Омску ряда исторических топонимов и др. Часть проектов удалось реализовать. Но некоторые предложения Омского филиала Российского фонда культуры все же ни тогда, ни позднее не вошли в такого рода программы. Тем не менее в Омске имеются реальные условия для расширения работ по сохранению и приумножению историко-культурного наследия этого города и в целом Омского Прииртышья. Залогом этого является совместная работа администрации города, ученого сообщества и общественности. Этот тройственный союз должен сделать еще немало в деле усиления роли исторической памяти в стабильном развитии российского общества.

Сведения об авторах

Акелькина Елена Алексеевна – директор Омского регионального научно-исследовательского центра изучения творчества Ф.М. Достоевского, профессор, доктор филологических наук (E-mail: fmdostocentr@yandex.ru).

Аубакирова Асем Жунисхановна – магистрант Восточно-Казахстанского государственного университета им.С.Аманжолова (Усть-Каменогорск) (E-mail: aubakirova.a.j@bk.ru).

Алисов Дмитрий Андреевич – начальник отдела Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (Омск), доктор исторических наук, член-корр. Академии гуманитарных наук РФ (E-mail: alisovd@rambler.ru).

Бадиков Роман Андреевич – аспирант Южно-Уральского государственного университета (Национальный исследовательский университет) (Челябинск) (E-mail: badikov.roman@gmail.com).

Балабушевич Виктор Юрьевич – доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища, профессор Академии военных наук РФ (Москва), подполковник в отставке, кандидат философских наук (E-mail: vbalab@yandex.ru).

Бахарева Ольга Яковлевна – доцент кафедры иностранных языков Оренбургского государственного педагогического университета, член Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев, кандидат исторических наук (E-mail: vladimir_bvn@mail.ru).

Беляева Надежда Жоржевна – заведующая отделом неофициального искусства Национальной галереи Республики Коми (Сыктывкар) (E-mail: genddel@yandex.ru).

Беспалова Т.В. –

Бондарь Виталий Вячеславович – начальник отдела экспертно-консультативной деятельности и проблем культурного и природного наследия Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (Краснодар), кандидат исторических наук (E-mail: bonvita@yandex.ru).

Бычков Сергей Павлович – доцент кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, кандидат исторических наук (E-mail: spbychkov@rambler.ru).

Вагнер Кристина Владимировна – студентка Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (E-mail: cristina.vagner2015@yandex.ru).

- Васильев Максим Викторович* – старший преподаватель кафедры отечественной истории Псковского государственного университета, кандидат исторических наук (E-mail: maksim_vasilev2009@mail.ru).
- Волков Евгений Владимирович* – профессор кафедры истории России Южно-Уральского государственного университета (Национальный исследовательский университет) (Челябинск), доктор исторических наук (E-mail: evgeny-volkov@mail.ru).
- Волошина Валентина Юрьевна* – профессор кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, доктор исторических наук (E-mail: valvoloshina@rambler.ru).
- Гайкин Виктор Алексеевич* – старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток), кандидат исторических наук (E-mail: Unara49@mail.ru).
- Гефнер Ольга Викторовна* – старший научный сотрудник Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (Омск), доцент кафедры философии, истории, экономической теории и права Омского государственного аграрного университета им. П.А. Столыпина, кандидат исторических наук (E-mail: gefner@rambler.ru).
- Голодяев Константин Артемович* – сотрудник Музея города Новосибирска (E-mail: golod62@mail.ru).
- Горелова Юлия Робертовна* – ученый секретарь Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (Омск), кандидат исторических наук (E-mail: GorelovaJ@mail.ru).
- Дворецкая Анна Павловна* – доцент кафедры истории России Гуманитарного института Сибирского федерального университета (Красноярск), кандидат исторических наук (E-mail: advoreckaya@mail.ru).
- Девятъярова Ирина Григорьевна* – главный научный сотрудник Омского областного музея изобразительных искусств им. М.А. Врубеля, кандидат исторических наук (E-mail: sanfira9@mail.ru).
- Демьянов Кирилл Владимирович* – студент Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (E-mail: acdemyanovc@gmail.com).
- Елтышева Лариса Юрьевна* – заведующая отделом истории МБУК «Кунгурский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник» (E-mail: Larisa-1408@yandex.ru).
- Еремеева Анна Натановна* – главный научный сотрудник Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (Краснодар), доктор исторических наук, профессор (E-mail: erana@mail.ru).

-
- Жидченко Александр Владимирович* – преподаватель Останкинского института телевидения и радиовещания (Москва), кандидат исторических наук (E-mail: zhidchenko220689@yandex.ru).
- Закунов Юрий Александрович* –
- Золотова Татьяна Николаевна* – заместитель директора Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (Омск), кандидат исторических наук (E-mail: tnz2002@rambler.ru).
- Ищенко Оксана Владимировна* – профессор кафедры государственного и муниципального управления Сургутского государственного университета, доцент, доктор исторических наук (E-mail: iovfu@yandex.ru).
- Каяумова Мадина Расуловна* – аспирант Петрозаводского государственного университета, главный специалист отдела научно-справочного аппарата Национального архива Республики Карелия (Петрозаводск), магистр истории (E-mail: madina.kayumova@gmail.com).
- Клюева Ирина Васильевна* – профессор кафедры культурологии и этнокультуры Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева (Саранск), кандидат философских наук (E-mail: klyueva_irina@mail.ru).
- Кобзов Владимир Серафимович* – профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин филиала Военного учебно-научного центра ВВС «Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е.Жуковского и Ю.А. Гагарина» (Челябинск), доктор исторических наук (E-mail: vld-kobzov@yandex.ru).
- Кокоулин Владислав Геннадьевич* – преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища, профессор Академии военных наук РФ (Москва), доктор исторических наук (E-mail: kwladislaw@yandex.ru).
- Конкин Андрей Алексеевич* – аспирант Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, учитель истории и обществознания ЧОУ «Гимназия им. Александра Невского» (Санкт-Петербург) (E-mail: aspid8889@rambler.ru).
- Красильникова Екатерина Ивановна* – доцент Новосибирского государственного технического университета, Новосибирского государственного аграрного университета, кандидат исторических наук (E-mail: katrina97@yandex.ru).
- Кузнецова Наталья Юрьевна* – аспирант Петрозаводского государственного университета (E-mail: foliage.07@mail.ru).
- Кургузов Владимир Лукич* – профессор кафедры истории, культурологии и архивного дела Восточно-Сибирского государственного университета управления и технологий (Улан-Удэ), доктор культурологии (E-mail: kurguzov@rambler.ru).

- Левинтов Александр Евгеньевич* – старший научный сотрудник Московского городского педагогического университета, кандидат географических наук (E-mail: levintov44@gmail.com).
- Ляпина Алина Викторовна* – доцент кафедры русской и зарубежной литературы Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, кандидат педагогических наук (E-mail: a.v.liapina@mail.ru).
- Малясова Галина Владимировна* – заведующая сектором научно-просветительской работы Музея Московского архитектурного института (государственной академии) (E-mail: maliasova@mail.ru).
- Милиценко Олег Анатольевич* – заведующий Народным музеем истории Омского государственного аграрного университета им. П.А. Столыпина (E-mail: oleg_milichenko@mail.ru).
- Михайлов Дмитрий Алексеевич* – доцент Сибирского института управления, филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, кандидат исторических наук (E-mail: damihan@yandex.ru).
- Назыров Павел Флорович* – доцент кафедры истории России и зарубежных стран Челябинского государственного университета, кандидат исторических наук (E-mail: pfnazyrov@mail.ru).
- Наумов Евгений Олегович* – аспирант Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева (Саранск) (E-mail: naumoveo@mail.ru).
- Наумов Сергей Сергеевич* – аспирант Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (E-mail: naumov_s_s@mail.ru).
- Озерова Ольга Алексеевна* – доцент кафедры всеобщей истории, социологии и политологии Омского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук (E-mail: ozerovaolga@bk.ru).
- Петин Дмитрий Игоревич* – главный архивист Исторического архива Омской области, доцент кафедры отечественной истории Омского государственного технического университета, кандидат исторических наук (E-mail: dimario86@rambler.ru).
- Подолько Валентина Владимировна* – студентка Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (E-mail: valentina1497@mail.ru).
- Поршнева Ольга Сергеевна* – профессор кафедры истории России Уральского Федерального университета (Екатеринбург), доктор исторических наук (E-mail: porshneva@yandex.ru).
- Прищеп Александр Иванович* – профессор кафедры истории России Сургутского государственного университета ХМАО-Югры, доктор исторических наук (E-mail: airprishera@ya.ru).
- Разиньков Михаил Егорович* – доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Воронежского государственного лесотехнического университета им. Г.Ф. Морозова, кандидат исторических наук (E-mail: razinkov_mihail@mail.ru).

-
- Рыженко Валентина Георгиевна* – профессор кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, доктор исторических наук (E-mail: valentina948@mail.ru).
- Саврушева Маргарита Ивановна* – заведующая сектором музейной и выставочной работы отдела «Центр книжных памятников» Омской государственной областной научной библиотеки им. А.С. Пушкина, кандидат философских наук (E-mail: savrusheva@mail.ru).
- Садовников Сергей Дмитриевич* – главный специалист ОАО Уралтранснефтепродукт» АК «Транснефть», пенсионер (E-mail: sadovnikov_s@inbox.ru).
- Саляева Виктория Андреевна* – студентка Сибирского института управления, филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (E-mail: vikulya96s@mail.ru).
- Сизов Сергей Григорьевич* – профессор кафедры общей экономики и права Сибирской государственной автомобильно-дорожной академии (Омск), доктор исторических наук (E-mail: sizov-omsk@yandex.ru).
- Слабодцкий Владимир Васильевич* – директор ресурсного историко-музейного научно-образовательного центра Омского государственного аграрного университета им. П.А. Столыпина, кандидат исторических наук (E-mail: ssv27@yandex.ru).
- Соколов Александр Станиславович* – заведующий кафедрой Истории и филологии Рязанского государственного радиотехнического университета, доктор исторических наук, доцент (E-mail: falcon140770@yandex.ru).
- Стельмак Максим Максимович* – главный архивист Исторического архива Омской области (E-mail: stelmakmm@mail.ru).
- Тихонов Сергей Семенович* – старший научный сотрудник Омского филиала института археологии и этнографии СО РАН, кандидат исторических наук, доцент (E-mail: st-57@mail.ru).
- Томилов Николай Аркадьевич* – заведующий кафедрой этнологии, антропологии, археологии и музеологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, директор Омского филиала института археологии и этнографии СО РАН, доктор исторических наук, профессор (E-mail: n.a.tomilov@gmail.com).
- Фельдман Михаил Аркадьевич* – профессор Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Екатеринбург), доктор исторических наук (E-mail: feldman-mih@yandex.ru).
- Харчук Андрей Андреевич* – студент Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (E-mail: haa1995@mail.ru).

- Хилько Николай Федорович* – старший научный сотрудник Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (Омск), доктор педагогических наук (E-mail: fedorovich59@mail.ru).
- Чуйко Лариса Владимировна* – доцент кафедры дизайна, рисунка и живописи Омского государственного института сервиса, кандидат искусствоведения (E-mail: chuiko_lar@mail.ru).
- Шекшеев Александр Петрович* – член правления Хакасской республиканской организации общества «Мемориал» (Абакан), кандидат исторических наук (E-mail: Turan47@yandex.ru).
- Шепелева Валентина Борисовна* – профессор кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, доктор исторических наук (E-mail: soiiomgu@mail.ru).
- Шереметьева Дарья Леонидовна* – младший научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН (Новосибирск), кандидат исторических наук (E-mail: dalas83@yandex.ru).
- Шлювский Михаил Викторович* – заведующий кафедрой истории России Новосибирского национального исследовательского государственного университета, заведующий сектором истории второй половины XVI – начала XX вв. Института истории Сибирского отделения РАН (Новосибирск), доктор исторических наук, профессор (E-mail: istorik.povosib@gmail.com).
- Шшикин Владимир Иванович* – заведующий сектором Института истории Сибирского отделения РАН (Новосибирск), доктор исторических наук, профессор (E-mail: Patric@academ.org).
- Шулдяков Владимир Александрович* – доцент кафедры №1 Технического обеспечения (и тактики) Омского автобронетанкового инженерного института – филиала Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева МО РФ, кандидат исторических наук (E-mail: shuldyakov2007@yandex.ru).
- Щербин Николай Макарович* – учитель истории частного общеобразовательного учреждения «Юнион» (Новосибирск), кандидат исторических наук (E-mail: SchchNM@yandex.ru).

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ
(1917–1922)
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ
И ПРОБЛЕМЫ МЕМОРИАЛИЗАЦИИ
«КРАСНОГО» И «БЕЛОГО» ДВИЖЕНИЯ

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
e-mail: heritage@mtu-net.ru, cdn-nasledie@mail.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Костромской дом печати»
156000, Костромская обл., г. Кострома, ул. Мясницкая, д. 43А